

~~КТАЛ~~ 3 КГ 90
874

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДЪЯСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

И 2/99

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XX.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

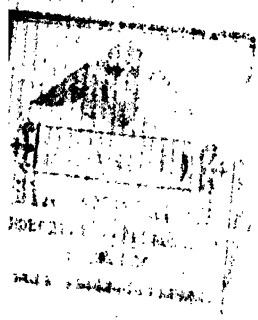
Книга V (100).

НОЯВРЬ-ДЕКАБРЬ.—1909 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнерова и К^о.
Пименовская ул., соб. гомъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Русская идея. (Переводъ съ французскаго Г. А. Рачинскаго.) Вл. С. Соловьева	323
Соціальный организмъ. В. М. Хвостова	357
Соціальное міровоззрѣніе Джона Рескина. С. Н. Булгакова	395
<hr/>	
Ученіе Шопенгауэра о правѣ и государствѣ. С. О. Грузенберга	705
Теорія способностей въ современной психологіи. А. Лазурскаго	722
Вильгельмъ Шуппэ и идея универсальной имманентности. Г. Ланца	757
Критика и библіографія.	
I. Библіографическій листокъ.	800
Московское Психологическое Общество.	
(Отчеты о засѣданіяхъ).	
Полемика.	
Къ вопросу о съѣздѣ по педагогической психологіи и комментаріяхъ Г. И. Челпанова. А. П. Нечаева	805
«Нужны ли психологическія лабораторіи для самостоятельныхъ изслѣдованій при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ?» (Отвѣтъ А. П. Нечаеву.) Г. И. Челпанова	811
Матеріалы для журнальной статистики	815
Указатель статей, рецензій и замѣтокъ, напечатанныхъ въ журналѣ «Вопросы Философіи и Психологіи» за двадцатилѣтіе 1889—1909 г.	
Объявленія.	

Русская идея ¹⁾).

Переводъ съ французскаго. Г. А. Рачинскаго.

Цѣль этихъ страницъ не въ томъ, чтобы сообщить какія-либо подробности о современномъ положеніи Россіи, исходя изъ того предположенія, что она является страной неизвѣстной Западу, страной, о которой на Западѣ имѣють ложныя представленія.

Не говоря уже о многочисленныхъ переводахъ, которые сроднили Европу съ образцовыми произведеніями нашей литературы, мы видимъ теперь, въ особенности во Франціи, выдающихся писателей, поставившихъ себѣ цѣлью ознакомленіе европейской публики съ Россіей и выполняющихъ это дѣло много лучше, чѣмъ это быть можетъ удалось бы русскому. Приведу только два французскихъ имени: Анатоль Леруа-Болье далъ въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи „Имперія царей“ весьма правдивое, весьма полное и прекрасно составленное изложеніе нашего политическаго, общественнаго и религіознаго положенія, а виконтъ де-Вогюэ въ цѣломъ рядѣ блестящихъ работъ, по-

¹⁾ Настоящая статья представляетъ переводъ доклада, прочитаннаго Владиміромъ Сергѣевичемъ Соловьевымъ въ 1888 году въ Парижѣ на французскомъ языкѣ кружку лицъ, интересовавшихся затронутыми въ немъ вопросами. Въ томъ же году „Русская идея“ была отпечатана отдѣльной брошюрой и выпущена въ свѣтъ парижскимъ книгоиздательствомъ „Librairie académique Didier—Perrin et Co“. По содержанію своему статья стоитъ въ тѣсной связи съ вышедшей въ концѣ того же 1888 года книгой Соловьева „La Russie et l'Église universelle“, представляющей краткое изложеніе ненаписанныхъ авторомъ второй и третьей частей „Исторіи и будущности теократіи“. Статья появляется въ первый разъ на русскомъ языкѣ.

Переводчикъ.

священныхъ русской литературѣ, отнесся къ своему предмету не только, какъ знатокъ его, но и какъ энтузіастъ.

Благодаря этимъ писателямъ и еще многимъ другимъ, просвѣщенная часть европейской публики должна быть достаточно ознакомлена съ Россіей во всемъ, что касается многообразныхъ сторонъ ея реального существованія. Но это знакомство съ русскими дѣлами оставляетъ всегда открытымъ вопросъ другого порядка, весьма затемненный могущественными предразсудками, вопросъ, который и въ самой Россіи въ большинствѣ случаевъ получалъ лишь нелѣпныя разрѣшенія. Безполезный въ глазахъ нѣкоторыхъ, слишкомъ смѣлый по мнѣнію другихъ, этотъ вопросъ, въ дѣйствительности является самымъ важнымъ изъ всѣхъ для русскаго, да и внѣ Россіи онъ не можетъ показаться лишеннымъ интереса для всякаго серьезно мыслящаго человѣка. Я имѣю въ виду вопросъ о *смыслѣ существованія Россіи* во всемирной исторіи.

Когда видишь, какъ эта огромная имперія съ бѣльшимъ или меньшимъ блескомъ въ теченіи двухъ вѣковъ выступала на міровой сценѣ, когда видишь, какъ она по многимъ второстепеннымъ вопросамъ приняла европейскую цивилизацію, упорно отбрасывая ее по другимъ болѣе важнымъ, сохраняя такимъ образомъ оригинальность, которая, хотя и является чисто отрицательной, но не лишена тѣмъ не менѣе своеобразнаго величія,—когда видишь этотъ великій историческій *фактъ*, то спрашиваешь себя: какова же та *мысль*, которую онъ скрываетъ за собою или открываетъ намъ; каковъ *идеальный* принципъ, одушевляющій это огромное тѣло. какое новое *слово* этотъ новый народъ скажетъ человѣчеству; что желаетъ онъ *сдѣлать* въ исторіи міра? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ мы не обратимся къ обществу нѣнію сегодняшняго дня, что поставило бы насъ въ опасность быть разочарованными событіями послѣдующаго дня. Мы поищемъ отвѣта въ вѣчныхъ истинахъ религіи. Ибо *идея націи есть не то, что она сама думаетъ о себѣ во времени, но то, что Богъ думаетъ о ней въ вѣчности.*

I.

Разъ мы признаемъ существенное и реальное единство человѣческаго рода,—а признать его приходится, ибо это есть религіозная истина, оправданная рациональной философией и подтвержденная точной наукой,—разъ мы признаемъ это субстанціональное единство, мы должны разсматривать человѣчество въ его цѣломъ, какъ великое собирательное существо или социальный организмъ, живые члены котораго представляютъ различныя націи. Съ этой точки зрѣнія очевидно, что ни одинъ народъ не можетъ жить въ себѣ, чрезъ себя и для себя, но жизнь каждаго народа представляетъ лишь определенное участіе въ общей жизни человѣчества. (Органическая функція, которая возложена на ту или другую націю въ этой вселенской жизни,—вотъ ея истинная національная идея, предвѣчно установленная въ планѣ Бога.)

Но если человѣчество и дѣйствительно представляетъ нѣкоторый большой организмъ, то не слѣдуетъ забывать однако, что мы не имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣла съ организмомъ чисто физическимъ, и слѣдуетъ помнить, что члены и элементы, изъ коихъ онъ состоитъ—націи и индивидуи—суть существа моральныя. А коренное условіе моральнаго существа лежитъ въ томъ, что особая функція, которую оно призвано выполнять во вселенской жизни, идея, которою опредѣляется его существованіе въ мысли Бога, никогда не выступаетъ въ качествѣ матеріальной необходимости, но только въ формѣ моральнаго обязательства. Мысль Бога, являющаяся безусловнымъ рокомъ для вещей, для существа моральнаго только долгъ. Но хотя и очевидно, что долгъ можетъ быть выполненъ или не выполненъ, можетъ быть выполненъ хорошо или дурно, можетъ быть принятъ или отвергнутъ, невозможно съ другой стороны допустить, чтобы эта свобода могла измѣнить провиденціальныи планъ или лишитъ моральный законъ его дѣйственности. Моральное воздѣйствіе Бога не можетъ быть

менѣе могущественнымъ, чѣмъ его физическое воздѣйствіе. Поэтому слѣдуетъ признать, что въ мірѣ моральномъ есть также роковая необходимость, но роковая необходимость косвенная и обусловленная. Призваніе или та особая идея, которую мысль Бога полагаетъ для каждого моральнаго существа—индивида или націи—и которая открывается сознанію этого существа, какъ его верховный долгъ, — эта идея дѣйствуетъ во всѣхъ случаяхъ какъ реальная мощь, она опредѣляетъ во всѣхъ случаяхъ бытіе моральнаго существа, но дѣлаетъ она это двумя противоположными способами: она проявляется, какъ законъ жизни, когда долгъ выполненъ, и какъ законъ смерти, когда это не имѣло мѣста. Моральное существо никогда не можетъ освободиться отъ власти божественной идеи, являющейся смысломъ его бытія, но отъ него самого зависитъ носить ее въ сердцѣ своемъ и въ судьбахъ своихъ, какъ благословеніе или какъ проклятіе.

Только что сказанное мною есть общее мѣсто или должно было бы быть таковымъ для всякаго—я не скажу христіанина—но хотя бы монотеиста. И дѣйствительно противъ этихъ мыслей не находятъ никакихъ возраженій, когда онѣ предлагаются въ общихъ формахъ; протестъ обычно бываетъ направленъ противъ примѣненія ихъ къ національному вопросу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ общее мѣсто внезапно превращается въ мистическую мечту, и аксіома становится субъективной фантазіей. „Кому была когда-либо открыта мысль Бога о какой-либо націи, кто можетъ говорить народу о его долгѣ? Проявлять свою мощь, преслѣдовать свой національный интересъ, вотъ все, что надлежитъ дѣлать народу, и долгъ патріота сводится къ тому, чтобы поддерживать свою страну и служить ей въ этой національной политикѣ, не навязывая ей своихъ субъективныхъ идей. А для того, чтобы узнать истинные интересы націи и ея дѣйствительную историческую миссію, есть только одно вѣрное средство, это—спросить у самого народа, что онъ объ этомъ думаетъ, призвать на совѣтъ общественное

мнѣніе?" Однако, есть нѣчто странное въ этомъ, повидимому, столь здоровомъ сужденіи.

Это эмпирическое средство узнать истину рѣшительно непримѣнимо тамъ, гдѣ мнѣніе націи дробится, что имѣеть мѣсто почти всегда. Какое изъ общественныхъ мнѣній Франціи есть истинное: мнѣніе католиковъ или мнѣніе франъ-масоновъ? И разъ я русскій, какому изъ національныхъ мнѣній долженъ я пожертвовать моими субъективными идеями: мнѣнію официальной и офиціозной Россіи, *Rossii настоящаго*, или тому мнѣнію, которое исповѣдуютъ нѣсколько милліоновъ нашихъ старовѣровъ, этихъ истинныхъ представителей традиціонной Россіи, *Rossii прошлаго*, для которыхъ наша церковь и наше государство въ ихъ настоящемъ видѣ суть царство Антихриста; а то, можетъ быть, не обратиться ли намъ еще и къ нигилистамъ: вѣдь они, быть можетъ, являютъ собой будущее Россіи.

II.

Мнѣ не зачѣмъ настаивать на этихъ трудностяхъ, разъ исторія даетъ въ подтвержденіе моего положенія доказательство прямое и общеизвѣстное. Если въ философіи исторіи вообще есть твердо установленныя истины, то таковой слѣдуетъ считать то положеніе, что конечное призваніе еврейскаго народа, истинный смыслъ его существованія существенно связаны съ мессіанской идеей, т.-е. съ идеей христіанской. Однако, не похоже на то, чтобы общественное мнѣніе и національное чувство евреевъ было особенно благорасположено къ христіанству. Я не хочу обращаться съ избитыми упреками къ этому единственному въ своемъ родѣ и таинственному народу, который въ концѣ-концовъ вѣдь есть народъ пророковъ и апостоловъ, народъ Иисуса Христа и Пресвятой Дѣвы. Этотъ народъ еще живъ и по словамъ Новаго Завѣта его ожидаетъ полное возрожденіе и обновленіе: „Весь Израиль спасется“ (Рим., XI, 26). И я считаю нужнымъ сказать, хотя и не могу доказать

здѣсь правоты своего утвержденія ¹⁾:— „ожесточеніе“ евреевъ не есть единственная причина ихъ враждебнаго положенія по отношенію къ христіанству. Въ Россіи въ особенностях, гдѣ никогда не дѣлали попытки приложить къ евреямъ начала христіанства, осмѣлимся ли мы потребовать отъ нихъ, чтобы они были болѣе христіанами, чѣмъ мы сами? Я хотѣлъ только напомнить тотъ замѣчательный историческій фактъ, что народъ, предназначенный даровать міру христіанство, выполнилъ эту миссію лишь противъ воли своей, что въ громадномъ большинствѣ своемъ и въ теченіи восемнадцати вѣковъ онъ упорно отметаеъ божественную идею, которую онъ носилъ въ лонѣ своемъ и которая была истиннымъ смысломъ его существованія. Посему не можетъ уже считаться дозволеннымъ теперь говорить, что общественное мнѣніе націи всегда право, и что народъ никогда не можетъ заблуждаться въ своемъ истинномъ призваніи или отвергать его.

Но быть можетъ этотъ приведенный мною историческій фактъ самъ представляетъ лишь религіозный предразсудокъ, и роковая связь, предполагаемая между судьбами израильскаго народа и христіанствомъ—лишь субъективная фантазія? Я могу привести, однако, чрезвычайно простое доказательство, ярко освѣщающее реальный и объективный характеръ приведеннаго нами факта.

Если взять нашу христіанскую Библию, собраніе книгъ, начинающееся книгой Бытія и кончающееся Апокалипсисомъ, и разобрать ее помимо какихъ бы то ни было религіозныхъ убѣжденій, какъ простой историческій и литературный памятникъ, то мы принуждены будемъ признать, что передъ нами произведеніе законченное и гармоничное: созданіе неба и земли и паденіе человѣчества въ лицѣ перваго Адама—въ началѣ, возстановленіе человѣчества въ лицѣ втораго Адама или Христа—въ центрѣ, и въ концѣ—

¹⁾ Я пытался сдѣлать это въ двухъ этюдахъ по еврейскому вопросу, изъ которыхъ одинъ былъ подвергнутъ разбору въ „Revue française“, сентябрь и октябрь 1886.

апокалиптической апофеозъ, созданіе неба новаго и земли новой „въ нихъ же правда живетъ“, откровеніе преображеннаго и прославленнаго міра, Новаго Іерусалима, нисходящаго съ небесъ, скинии, гдѣ Богъ съ людьми обитаетъ (Апок. XXI). Конецъ произведенія связанъ здѣсь съ началомъ, созданіе міра физическаго и исторія челоуѣчества объяснены и оправданы откровеніемъ міра духовнаго, представляющаго совершенное единеніе челоуѣчества съ Богомъ. Дѣло завершено, кругъ замкнулся, и даже съ чисто эстетической точки зрѣнія ощущается удовлетвореніе. Посмотримъ теперь, какъ заканчивается Библия евреевъ. Послѣдняя книга этой Библии есть „Дибрѣ—га—ямимъ“, книга Паралипоменонъ, и вотъ заключеніе послѣдней главы этой книги: „Такъ говоритъ Киръ, царь Персидскій: „Всѣ царства земли далъ мнѣ Ягве, Богъ небесный; и Онъ повелѣлъ мнѣ построить ему домъ въ Іерусалимѣ, что въ Іудеѣ. Кто есть изъ васъ—изъ всего народа Его? Да будетъ Ягве, Богъ его, съ нимъ и пусть онъ туда идетъ!“ Между этимъ заключеніемъ и заключеніемъ христіанской Библии, между словами Христа во славѣ Его: „Я Альфа и Омега, начало и конецъ; я даю жаждущему отъ источника воды живой даромъ; побѣдившій унаслѣдуетъ все, и Я буду его Богомъ и онъ будетъ Мнѣ сыномъ“, между этими словами и словами царя персидскаго, между этимъ домомъ, который надлежитъ воздвигнуть во Іерусалимѣ іудейскомъ, и жилищемъ Бога и съ нимъ людей въ новомъ Іерусалимѣ, сходящемъ съ небесъ, контрастъ воистину поразительный. Съ точки зрѣнія евреевъ, отвергающихъ великую универсальную развязку своей національной исторіи, открытую въ Новомъ завѣтѣ, пришлось бы признать, что сотвореніе неба и земли, призваніе, возложенное на патріарховъ, миссія Моисея, чудеса Исхода, откровеніе на Синаѣ, подвиги и гимны Давида, мудрость Саломона, вдохновеніе пророковъ—что всѣ эти чудеса и вся эта святая слава привели въ концѣ-концовъ лишь къ манифесту языческаго царя, повелѣвающаго горсткѣ евреевъ выстроить второй Іеруса-

лимскій храмъ, тотъ храмъ, бѣдность котораго по сравненію съ великолѣпнѣмъ перваго вызвала слезы у старцевъ Іудей, и который впослѣдствіи былъ расширенъ и украшенъ Идумейцемъ Иродомъ лишь для того, чтобы быть окончательно разрушеннымъ солдатами Тита. Итакъ, не субъективный предразсудокъ христіанина, а памятникъ національной мысли самихъ евреевъ ясно доказываетъ, что внѣ христіанства историческое дѣло Израиля потерпѣло крушеніе, и что слѣдовательно народъ можетъ при случаѣ не понять своего призванія.

III.

Я не отклонился отъ своего предмета, говоря о Библии евреевъ. Ибо въ этой прерванной Библии въ этомъ контрастѣ величественнаго начала и жалкаго конца есть нѣчто, напоминающее мнѣ судьбы Россіи, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія исключительно націоналистической, господствующей у насъ въ данное время и соединяющей въ молчаливомъ согласіи Каиафъ и Иродовъ нашей бюрократіи съ зилотами воинствующаго панславизма.

Дѣйствительно, когда я думаю о пророческихъ лучахъ великаго будущаго, озарявшихъ первые шаги нашей исторіи, когда я вспоминаю о благородномъ и мудромъ актѣ національнаго самоотреченія, создавшемъ болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ русское государство въ дни, когда наши предки, видя недостаточность туземныхъ элементовъ для организаціи общественнаго порядка, по своей доброй волѣ и по зрѣломъ размысленіи призвали къ власти скандинавскихъ князей, сказавъ имъ достопамятныя слова: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, приходите княжить и владѣть нами“. А послѣ столь оригинальнаго установленія матеріальнаго порядка не менѣ замѣчательное водвореніе христіанства и великолѣпный образъ Св. Владиміра, усерднаго и фанатическаго поклонника идоловъ, который, почувствовавъ неудовлетворительность язычества и испытывая внутреннюю потребность въ истинной рели-

гій, долго размышлялъ и совѣщался, прежде чѣмъ принять эту послѣднюю, но, ставъ христіаниномъ, пожелалъ быть имъ на самомъ дѣлѣ и не только отдался дѣламъ милосердія, ухаживая за больными и бѣдными, но проявилъ большее проникновеніе евангельскимъ духомъ, чѣмъ крестившіе его греческіе епископы; ибо этимъ епископамъ удалось только путемъ утонченныхъ аргументовъ убѣдить этого, нѣкогда столь кровожаднаго, князя въ необходимости примѣнять смертную казнь къ разбойникамъ и убійцамъ: „Боюсь грѣха“, говорилъ онъ своимъ духовнымъ отцамъ. И затѣмъ, когда за этимъ „краснымъ солнышкомъ,“—такъ народная поэзія прозвала нашего перваго христіанскаго князя,—когда за этимъ краснымъ солнышкомъ, озарявшимъ начало нашей исторіи, послѣдовали вѣка мрака и смуты, когда послѣ долгаго ряда бѣдствій, оттѣсненный въ холодные лѣса сѣверовостока, притупленный рабствомъ и необходимостью тяжелаго труда на неблагодарной почвѣ, отрѣзанный отъ цивилизованнаго міра, едва доступный даже для пословъ главы христіанства ¹⁾, русскій народъ опустился до грубаго варварства, подчеркнутаго глупой и невѣжественной національной гордостью, когда, забывъ истинное христіанство Св. Владиміра, московское благочестіе стало упорствовать въ нелѣпыхъ спорахъ объ обрядовыхъ мелочахъ, и когда тысячи людей посылались на костры за излишнюю привязанность къ типографскимъ ошибкамъ въ старыхъ церковныхъ книгахъ,—внезапно въ этомъ хаосѣ варварства и бѣдствій подымается колоссальный и единственный въ своемъ родѣ образъ Петра Великаго. Отбросивъ слѣпой націонализмъ Москвы, проникнутый просвѣщеннымъ патриотизмомъ, видящимъ истинныя потребности своего народа, онъ не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы внести, хотя бы насильственно, въ Россію ту цивилизацію, которую она презирала, но которая была ей необходима; онъ не только призываетъ эту чу-

¹⁾ Смотри интересный этюдъ отца Пирлинга, Римъ и Москва, 1547—1579.

жду ю цивилизацію, какъ могучій покровитель, но самъ идетъ къ ней, какъ смиренный служитель и прилежный ученикъ; и несмотря на крупныя недочеты въ его характерѣ, какъ частнаго лица, онъ до конца являетъ достойный удивленія примѣръ преданности долгу и гражданской доблести. И вотъ, вспоминая все это, говоришь себѣ: сколь велико и прекрасно должно быть въ своемъ конечномъ осуществленіи національное дѣло, имѣвшее такихъ предшественниковъ, и какъ высоко должна, если она не хочетъ упасть, ставить свою цѣль страна, имѣвшая во времена своего варварства своими представителями Св. Владиміра и Петра Великаго. Но истинное величіе Россіи—мертвая буква для нашихъ лже-патріотовъ, желающихъ навязать русскому народу историческую миссію на свой образецъ и въ предѣлахъ своего пониманія. Нашимъ національнымъ дѣломъ, если ихъ послушать, является нѣчто, чего проще на свѣтѣ не бываетъ, и зависитъ оно отъ одной единственной силы—силы оружія. Добить издыхающую оттоманскую имперію, а затѣмъ разрушить монархію Габсбурговъ, помѣстивъ на мѣстѣ этихъ двухъ державъ кучу маленькихъ независимыхъ національныхъ королевствъ, которыя только и ждутъ этого торжественнаго часа своего окончательнаго освобожденія, чтобы броситься другъ на друга. Дѣйствительно, стоило Россіи страдать и бороться тысячу лѣтъ, становиться христіанской со Св. Владиміромъ и европейской съ Петромъ Великимъ, постоянно занимая при этомъ своеобразное мѣсто между Востокомъ и Западомъ, и все это для того чтобы въ послѣднемъ счетѣ стать орудіемъ „великой идеи“ сербской и „великой идеи“ болгарской!

Но, скажутъ намъ, не въ этомъ дѣло: истинная цѣль нашей національной политики это—Константинополь. Повидимому, грековъ уже перестали принимать въ расчетъ, а вѣдь у нихъ есть тоже своя „великая идея“ панэллинизма. Но самое важное было бы знать, съ чѣмъ, во имя чего можемъ мы вступить въ Константинополь? Что можемъ мы

принести туда, кромѣ языческой идеи абсолютнаго государства, принциповъ цезарепализма, заимствованныхъ нами у грековъ и уже погубившихъ Византію? Въ исторіи міра есть событія таинственныя, но нѣтъ безсмысленныхъ. Нѣтъ! Не этой Россіи, какой мы ее видимъ теперь, Россіи, измѣнившей лучшимъ своимъ воспоминаніямъ, урокамъ Владимира и Петра Великаго, Россіи, одержимой слѣпымъ націонализмомъ и необузданнымъ обскурантизмомъ, не ей овладѣть когда-либо вторымъ Римомъ и положить конецъ роковому восточному вопросу. Если благодаря нашимъ ошибкамъ этотъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ къ вящей нашей славѣ, онъ будетъ разрѣшенъ къ вящему нашему униженію. Если Россія будетъ упорствовать на пути гнетущаго обскурантизма, на который она вновь вступила теперь, мѣсто на Востокѣ займетъ другая національная сила, въ значительной степени менѣе одаренная, но за то и значительно болѣе устойчивая въ своихъ ограниченныхъ духовныхъ силахъ. Болгары, вчера еще столь любезные намъ и покровительствуемые нами, сегодня презрѣнные бунтовщики въ нашихъ глазахъ, завтра станутъ нашими торжествующими соперниками и господами древней Византіи.

IV.

Не слѣдуетъ впрочемъ преувеличивать эти пессимистическія опасенія. Россія еще не отказалась отъ смысла своего существованія, она не отреклась отъ вѣры и любви первой своей юности. Въ ея волѣ еще отказаться отъ этой политики эгоизма и національнаго отупѣнія, которая неизбѣжно приведетъ къ крушенію нашу историческую миссію. Фальсифицированный продуктъ, называемый общественнымъ мнѣніемъ, фабрикуемый и продаваемый по дешевой цѣнѣ оппортунистической прессой, еще не задушилъ у насъ національной совѣсти, которая сумѣетъ найти болѣе достовѣрное выраженіе для истинной русской идеи. За этимъ не надо далеко ходить: она здѣсь, близко—эта истинная

русская идея, засвидѣтельствованная религиознымъ характеромъ народа, прообразованная и указанная важнѣйшими событіями и величайшими личностями нашей исторіи. И если этого недостаточно, то есть еще болѣе великое и вѣрное свидѣтельство—откровенное Слово Божіе. Я не хочу сказать, чтобы въ этомъ Словѣ можно было найти что-либо о Россіи: напротивъ, молчаніе его указываетъ намъ истинный путь. Если единственный народъ, о которомъ специально пеклось божественное провиденіе, былъ народъ израильскій, если смыслъ существованія этого единственного въ своемъ родѣ народа лежалъ не въ немъ самомъ, но въ приуготованномъ имъ христіанскомъ откровеніи, и если, наконецъ, въ Новомъ Завѣтѣ уже нѣтъ рѣчи о какой-либо отдѣльной національности и даже опредѣленно указывается, что никакой національный антагонизмъ не долженъ болѣе имѣть мѣста, то не слѣдуетъ ли вывести изъ всего этого, что въ первоначальной мысли Бога націи не существуютъ внѣ ихъ органическаго и живого единства,—внѣ человѣчества? И если это такъ для Бога, то это должно быть такъ и для самихъ націй, поскольку онѣ желаютъ осуществить свою истинную идею, которая есть не что иное, какъ образъ ихъ бытія въ вѣчной мысли Бога.

Смыслъ существованія націй не лежитъ въ нихъ самихъ но въ человѣчествѣ. Но гдѣ же оно, это человѣчество? Не является ли оно лишь абстрактнымъ существомъ, лишеннымъ всякаго реального бытія? Съ такимъ же правомъ можно было бы сказать, что рука и нога реально существуютъ, а человѣкъ въ его цѣломъ есть лишь абстрактное существо. Впрочемъ, зоологамъ извѣстны животныя (принадлежащія по большей части къ низшему классу асцидоза: медузы, полипы и т. д.), представляющія въ сущности лишь весьма дифференцированные и живущіе обособленной жизнью органы, такъ что животное въ его цѣломъ существуетъ лишь въ идеѣ. Таковъ былъ и образъ существованія человѣческаго рода до христіанства, когда въ дѣйствительности существовали лишь *dissecta membra* вселенскаго

человѣка,—племена и націи, раздѣленные или частично связанные внѣшней силой, когда истинное существенное единство человѣчества было лишь обѣтованіемъ, пророческой идеей. Но эта идея *стала плотью*, когда абсолютный центръ всѣхъ существъ открылся во Христѣ. Съ тѣхъ поръ великое человѣческое единство, вселенское тѣло Богочеловѣка, реально существуетъ на землѣ. Оно несовершенно, но оно существуетъ; оно несовершенно, но оно движется къ совершенству, оно растетъ и расширяется во внѣ и развивается внутренне. Человѣчество уже не абстрактное существо, его субстанціальная форма реализуется въ христіанскомъ мірѣ, въ вселенской Церкви.

Участвовать въ жизни вселенской Церкви, въ развитіи великой христіанской цивилизаціи, участвовать въ этомъ по мѣрѣ силъ и особыхъ дарованій своихъ, вотъ въ чемъ, слѣдовательно, единственная истинная цѣль, единственная истинная миссія всякаго народа. Это—очевидная и элементарная истина, что идея отдѣльнаго органа не можетъ обособлять его и ставить въ положеніе противоборства къ остальнымъ органамъ, но что она есть основаніе его единства и солидарности со всѣми частями живого тѣла. И съ христіанской точки зрѣнія нельзя оспаривать приложимости этой совершенно элементарной истины ко всему человѣчеству, которое есть живое тѣло Христа. Вотъ почему самъ Христосъ, признавъ въ послѣднемъ словѣ своемъ къ апостоламъ существованіе и призваніе *всѣхъ націй* (Матѣ. XXVIII, 19), не обратился самъ и не послалъ учениковъ своихъ ни къ какой націи въ частности: вѣдь для Него онѣ существовали лишь въ своемъ моральномъ и органическомъ союзѣ, какъ живые члены одного духовнаго и реальнаго тѣла. Такимъ образомъ христіанская истина утверждаетъ неизмѣнное существованіе *націй* и правъ *національности*, осуждая въ то же время *націонализмъ*, представляющій для народа то же, что эгоизмъ для индивида: дурной принципъ, стремящійся изолировать отдѣльное существо превращеніемъ различія въ раздѣленіе, а раздѣленія въ антагонизмъ.

V.

Русскій народъ—народъ христіанскій, и, слѣдовательно, чтобы познать истинную русскую идею, нельзя ставить себя вопроса, что сдѣлаетъ Россія чрезъ себя и для себя, но что она *должна сдѣлать* во имя христіанскаго начала, признаваемого ею и во благо всего христіанскаго міра, частью котораго она предполагается. Она должна, чтобы дѣйствительно выполнить свою миссію, всѣмъ сердцемъ и душой войти въ общую жизнь христіанскаго міра и положить всѣ свои національныя силы на осуществленіе, въ согласіи съ другими народами, того совершеннаго и все-ленскаго единства человѣческаго рода, непреложное основаніе котораго дано намъ въ Церкви Христовой. Но духъ національнаго эгоизма не такъ то легко отдаетъ себя на жертву. У насъ онъ нашелъ средство утвердиться, не отрекаясь открыто отъ религіознаго характера, присущаго русской національности. Не только признается, что русскій народъ—народъ христіанскій, но напыщенно заявляется, что онъ—христіанскій народъ по преимуществу, и что Церковь есть истинная основа нашей національной жизни; но все это лишь для того, чтобы утверждать, что *Церковь имѣется исключительно у насъ*, и что мы имѣемъ монополію вѣры и христіанской жизни. Такимъ образомъ Церковь, которая въ дѣйствительности есть нерушимая скала все-ленскаго единства и солидарности, становится для Россіи палладіумомъ узкаго національнаго партикуляризма, а зачастую даже пассивнымъ орудіемъ эгоистической и ненавистнической политики.

Наша религія, поскольку она проявляется въ вѣрѣ народной и въ богослуженіи, вполне православна. Русская Церковь, поскольку она сохраняетъ истину вѣры, непрерывность преемственности отъ апостоловъ и дѣйственность таинствъ, участвуетъ по существу въ единствѣ вселенской Церкви, основанной Христомъ. И если къ несчастью это единство существуетъ у насъ только въ скрытомъ со-

стояніи и не достигаетъ живой дѣйствительности, то въ этомъ виноваты вѣковыя цѣпи, сковывающія тѣло нашей Церкви съ нечистымъ трупомъ, удушающимъ ее своимъ разложеніемъ.

Официальное учрежденіе, представителями котораго являются наше церковное управленіе и наша богословская школа, поддерживающее во что бы то ни стало свой партикуляристическій и односторонній характеръ, безспорно не являетъ собою живую часть истинной вселенской Церкви, основанной Христомъ. Для того, чтобы выразить, что представляетъ собою въ дѣйствительности это учрежденіе, мы уступимъ слово автору, свидѣтельство котораго имѣетъ въ данномъ случаѣ исключительную цѣнность. Одинъ изъ самыхъ выдающихся вождей „русской партіи“, горячій патріотъ и ревностный православный, въ своемъ качествѣ славянофила открытый врагъ Запада вообще и римской церкви въ частности, питающій отвращеніе къ папству и чувство омерзѣнія къ иезуитамъ, И. С. Аксаковъ, не можетъ быть заподозренъ въ предвзятомъ нерасположеніи къ нашей національной церкви, какъ таковой. Съ другой стороны, хотя Аксаковъ и раздѣлялъ предразсудки и заблужденія своей партіи, онъ стоялъ выше обыденныхъ панславистовъ не только по своему таланту, но и по своей добросовѣстности, по искренности своей мысли и прямогѣ своихъ словъ. Долгое время преслѣдуемый администраціей, приговоренный къ молчанію на двѣнадцать лѣтъ, онъ лишь въ послѣдніе годы своей жизни получилъ, въ качествѣ личной хотя и всегда проблематической привилегіи, относительную свободу говорить въ печати то, что думаетъ.

VI.

Итакъ, выслушаемъ этого честнаго и весьма авторитетнаго свидѣтеля. Онъ опирался въ своемъ сужденіи на длинный рядъ неоспоримыхъ фактовъ, которые намъ здѣсь приходится выпустить; намъ довольно будетъ и того, что это говорить онъ:

„Наша церковь, со стороны своего управления, представляется теперь у насъ какою-то колоссальною канцеляріей, прилагающей,—съ неизбѣжною, увы, канцелярскою официальною ложью,—порядки нѣмецкаго канцеляризма къ пасенію стада Христова... ¹⁾ Но съ организаціею самаго управления, т.-е. съ организаціею пастырства душъ, на началѣ государственнаго формализма, по образу и подобію государства, съ причисленіемъ служителей церкви къ сонму слугъ государственныхъ, не превращается ли и сама церковь въ одно изъ отправленій государственной власти, не становится ли она одной изъ функцій государственнаго организма—говоря отвлеченнымъ языкомъ, или говоря проще—не поступаетъ ли она и сама на службу къ государству?... Повидимому, церкви дано лишь правильное благоустройство,—введенъ, наконецъ, необходимый порядокъ... Повидимому такъ, но случилась только одна бездѣлица: убыла душа; *подмѣненъ идеалъ*, т.-е. на мѣстѣ идеала церкви очутился идеалъ государственный и правда внутренняя замѣщена правдой формальною, внѣшнею... Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ государственнымъ элементомъ и *государственное міросозерцаніе*, какъ тонкій воздухъ, почти нечувствительно прокралось въ умъ и душу едва ли не всей, за немногими исключеніями, нашей церковной среды и стѣснило разумѣніе до такой степени, что живой смыслъ настоящаго призванія церкви становится уже ей теперь малодоступенъ... ²⁾ Встрѣчаются просвѣщенные духовныя лица, истинно горяющія о недостаточно благоустроенномъ состояніи церкви, требующія отъ правительства изданія свода законовъ церковныхъ... между тѣмъ, болѣе тысячи статей находимъ мы въ сводѣ законовъ, опредѣляющихъ покровительство государства церкви и отношеніе полиціи къ вѣрѣ и вѣрующимъ“...

„На стражѣ русскаго православія стоитъ государственная власть, съ обнаженнымъ, подъятымъ мечомъ,— „храни-

¹⁾ Сочиненія И. С. Аксакова. Т. IV, стр. 124.

²⁾ Тамъ же, стр. 125, 126.

тельница догматовъ господствующей вѣры и блюстительница всякаго въ святой церкви благочинія, — готовая покарать малѣйшее отступленіе отъ того церковнаго, ею оберегаемаго „правовѣрія“, которое установлено не только изволеніемъ Святого Духа, вселенскими и помѣстными соборами, святыми отцами и всею жизнью церкви, — но, для большей крѣпости и съ значительными добавленіями, также и Сводомъ Законовъ Россійской имперіи. Приведенныя нами выше подлинныя выраженія заимствованы изъ этого Свода... 1) Тамъ, гдѣ нѣтъ живого внутренняго единства и цѣлости, тамъ внѣшность единства и цѣлости церкви можетъ держаться только насиліемъ и обманомъ“... 2).

По поводу жестокаго преслѣдованія, возбужденнаго церковными и гражданскими властями противъ мѣстной протестантской секты (штундистовъ) на югѣ Россіи, Аксаковъ выражаетъ живое чувство справедливаго негодованія:

„Отучать острогомъ отъ алканія духовной пищи, не предлагая взаменъ ничего, отвѣчать острогомъ на искреннюю потребность вѣры, на запросы недремлющей религіозной мысли, острогомъ доказывать правоту православія, — это значить посягать на самое существенное основаніе святой вѣры — основаніе искренности и свободы, подкапываться подъ самое вѣроученіе православной церкви и давать въ руки своему противнику, протестантизму, побѣдоносное оружіе“ 3).

И однако оказывается, что уголовные законы съ ихъ „острогомъ“, столь возмутившимъ нашего патріота, безусловно необходимы для поддержанія „господствующей церкви“. Наиболѣе искренніе и разумные защитники этой церкви (какъ напримѣръ историкъ Погодинъ, цитируемый въ числѣ многихъ другихъ нашимъ авторомъ) откровенно признаются, что, разъ религіозная свобода будетъ допущена въ Россіи, половина православныхъ крестьянъ отпа-

1) Тамъ же, стр. 84.

2) Тамъ же, стр. 100.

3) Тамъ же, стр. 72.

детъ въ *расколъ* (схизма старовѣровъ, весьма многочисленныхъ, несмотря на всѣ преслѣдованія), а половина высшаго общества перейдетъ въ католичество.

„Что свидѣтельствуется этими словами? спрашиваетъ Аксаковъ: то, что цѣлая половина членовъ православной церкви, половина русскихъ крестьянъ, половина женщинъ русскаго образованнаго общества только по наружности принадлежатъ православной церкви и удерживаются въ ней только страхомъ государственнаго наказанія... Такъ это положеніе нашей церкви? Таково, стало-быть, ея современное состояніе? Недостойное состояніе, не только прескорбное, но и страшное! Какой преизбытокъ кощунства въ оградѣ святыни, лицемѣрія вмѣсто правды, страха вмѣсто любви, растлѣнія при внѣшнемъ порядкѣ, безсовѣстности при насильственномъ огражденіи совѣсти,—какое отрицаніе въ самой церкви всѣхъ жизненныхъ основъ церкви, всѣхъ причинъ ея бытія,—ложь и безвѣріе тамъ, гдѣ все живетъ, есть и движется истиною, и вѣрою, безъ нихъ же въ церкви „ничтоже бысть“!.. Однакожь не въ томъ главная опасность, что закралось зло въ среду вѣрующихъ, а въ томъ, что оно получило въ ней *право гражданства*, что такое положеніе церкви истекаетъ изъ положенія, созданнаго ей государственнымъ закономъ, и такая аномалія есть прямое порожденіе нормы, излюбленной для нея и государствомъ, и самимъ нашимъ обществомъ“...¹⁾

„Вообще, у насъ въ Россіи, въ дѣлѣ церкви, какъ и во всемъ, ревнивѣе всего охраняется благовидность, десогит,—и этимъ большею частью и удовлетворяется наша любовь къ церкви, наша лѣнивая любовь, наша лѣнивая вѣра! Мы охотно жмуримъ глаза, и въ своей дѣтской боязни „скандала“ стараемся завѣсить для своихъ собственныхъ взоровъ и для взора міра многое, многое зло, которое, подъ покровомъ внѣшняго „благолѣпія“, „благоприличія“, „благообразія“ какъ ракъ, какъ ржавчина, точитъ и подѣдаетъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 91.

самый основной нервъ нашего духовно-общественнаго организма“ 1).

„Нигдѣ такъ не боятся правды, какъ въ области нашего церковнаго управления, нигдѣ младшіе такъ не *трусѣтъ* старшихъ, какъ въ духовной іерархіи, нигдѣ такъ не въ ходу „ложь во спасеніе“, какъ тамъ, гдѣ ложь должна бы быть въ омерзѣніи. Нигдѣ, подъ предлогомъ змѣиной мудрости, не допускается столько сдѣлокъ и компромиссовъ, унижающихъ достоинство церкви, ослабляющихъ уваженіе къ ея авторитету. Все это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ недостатка вѣры въ силу истины“... 2).

„Въ томъ-то и страшная бѣда наша, что все обнаруживаемое теперь въ печати, и еще несравненно худшее,—все это мы знали и знаемъ, и со всѣмъ этимъ ужились и уживаемся, примирились и примиряемся. Но на такомъ постыдномъ мирѣ и постыдныхъ сдѣлкахъ не удержится миръ церкви, и они равняются въ дѣлѣ истины, если не предательству, то пораженію“ 3).

„Если судить по словамъ ея защитниковъ, наша церковь уже не „малое, но вѣрное стадо“, а стадо великое, но невѣрное, котораго „пастыремъ добрымъ“ — полиція, насильно, дубьемъ загоняющая овецъ въ стадо!.. Соответствуетъ ли такой образъ церкви образу церкви Христовой? Если же не соответствуетъ, то она уже не есть Христова,—а если не Христова, то что же она? Ужъ не государственное ли только учрежденіе, полезное для видовъ государственныхъ,—какъ и смотрѣлъ на нее Наполеонъ, признававшій, что религія—вещь для дисциплины нравовъ весьма пригодная?.. Но церковь есть такая область, гдѣ никакое искаженіе нравственной основы допущено быть не можетъ, и тѣмъ болѣе въ принципѣ, гдѣ никакое отступленіе отъ жизненнаго начала не остается и не можетъ остаться безнаказаннымъ,—гдѣ, если солгано, то солгано уже „не

1) Тамъ же, стр. 42.

2) Тамъ же, стр. 35.

3) Тамъ же, стр. 43.

человѣкамъ, а Духу“. Если церковь не вѣрна завѣту Христову, то она есть самое бесплодное, самое аномальное явление на землѣ, заранѣе осужденное словомъ Христовымъ“ ¹⁾.

„Если церковь въ дѣлѣ вѣры прибѣгаетъ къ орудіямъ недуховнымъ, къ грубому вещественному насилію, то это значить, что она отрекается отъ своей собственной духовной стихіи, сама себя отрицаетъ, перестаетъ быть „церковью“,—становится государственнымъ учрежденіемъ, т.-е. государствомъ, „царствомъ отъ міра сего“,—сама обрекаетъ себя *на судьбу мірскихъ царствъ*“... ²⁾ Она отрекается симъ отъ самой себя, отъ собственной причины бытія, осуждаетъ сама себя на мертвенность и бесплодіе“... ³⁾.

„Въ Россіи не свободна *только* русская совѣсть... Оттого и коснѣетъ религіозная мысль, оттого и водворяется мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, и мертвенность духа заступаетъ жизнь духа, и мечъ духовный—слово—ржавѣетъ, упраздненный мечомъ государственнымъ, и у ограды церковной стоятъ не грозные ангелы Божіи, охраняющіе ея входы и выходы, а жандармы и квартальные надзиратели, какъ орудія государственной власти,—эти стражи нашего русскаго душеспасенія, охранители догматовъ русской православной церкви, блюстители и руководители русской совѣсти“... ⁴⁾.

И вотъ, наконецъ, послѣдній выводъ изъ этого строгаго разсмотрѣнія дѣла:

„Духъ истины, духъ любви, духъ жизни, духъ свободы... въ его спасительномъ вѣяніи нуждается русская церковь“ ⁵⁾!

VII.

Установленіе, покинутое Духомъ истины, не можетъ быть истинной Церковью Бога. Чтобы признать это, намъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 91, 92.

²⁾ Тамъ же, стр. 111.

³⁾ Тамъ же, стр. 93.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 83, 84.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 127.

нѣтъ надобности отрекаться отъ религіи отцовъ нашихъ, отказываться отъ благочестія православнаго народа, отъ его священныхъ преданій, отъ всѣхъ чтимыхъ имъ святынь. Напротивъ того, совершенно очевидно, что единственное, чѣмъ мы должны пожертвовать истины ради, это—лже-церковнымъ учрежденіемъ, столь хорошо охарактеризованнымъ нашимъ православнымъ писателемъ,—учрежденіемъ, основаннымъ на раболѣпствѣ и матеріальномъ интересѣ и дѣйствующимъ путемъ обмана и насилія.

Система правительственнаго матеріализма, опиравшаяся исключительно на грубую силу оружія и не ставившая ни во что моральное могущество мысли и свободнаго слова,—эта материалистическая система привела уже насъ однажды къ севастопольскому разгрому. Совѣсть русскаго народа нашла правдивое выраженіе въ лицѣ его монарха и громко заговорила. Россія принесла покаяніе и воспрянула въ актъ справедливости—въ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Этотъ актъ, составившій славу великаго царствованія, представляетъ изъ себя однако только начало. Дѣло соціального освобожденія не можетъ ограничиваться однимъ матеріальнымъ порядкомъ. Тѣло Россіи свободно, но національный духъ все еще ждетъ своего 19-го февраля. А вѣдь однимъ тѣломъ своимъ и чисто матеріальной работой Россія не можетъ выполнить своей исторической миссіи и выявить свою истинную національную идею. А какъ ей выявиться этой бѣдной русской идеѣ, когда она заточена въ тѣсную тюрьму, лишена воздуха и свѣта, когда сторожатъ ее злые и ревнивые евнухи? Не возвращаясь вспять къ царствованію Николая I и не подражая великимъ ошибкамъ этого великаго государя, можемъ мы исправить существенные недостатки въ незавершенномъ дѣлѣ Александра II. Не надо искушать Провидѣніе, слишкомъ скоро забывая преподанные намъ имъ историческіе уроки. Позволительно надѣяться, что религіозное чувство, добрая воля и здравый смыслъ, отличающіе нынѣ царствующаго императора, оградятъ его отъ превратно мыслящихъ

совѣтниковъ, желающихъ навязать ему губительную политику, осужденную и приговоренную подъ Севастополемъ. Религіозное и умственное освобожденіе Россіи есть въ настоящую минуту для нашего правительства дѣло такой же настоятельной необходимости, какимъ тридцать лѣтъ тому назадъ являлось освобожденіе крѣпостныхъ для правительства Александра II. Крѣпостная зависимость также была въ свое время чѣмъ-то полезнымъ и необходимымъ. Равнымъ образомъ и официальная опека, наложенная на національный духъ Россіи, могла быть благодѣтельной, когда этотъ духъ былъ еще въ дѣтскомъ состояніи; въ настоящее время она можетъ только придушить его. Безполезно все снова и снова повторять, что нашъ національный организмъ полонъ здоровья и силы, словно надо быть непременно слабымъ и больнымъ, чтобы можно было тебя задушить. Каковы бы ни были внутренне присущія русскому народу качества, они не могутъ проявляться нормальнымъ образомъ, пока его совѣсть и его мысль остаются парализованными правящимъ насиліемъ и обскурантизмомъ. Прежде всего необходимо дать свободный доступъ чистому воздуху и свѣту, снять искусственныя преграды, удерживающія религіозный духъ нашей націи въ обособленіи и бездѣятельности, надо открыть ему прямой путь къ полной и живой истинѣ.

Но истины боятся, потому что она каеволична, т. е. вселенская. Во что бы то ни стало хотятъ имѣть свою особую религію, русскую вѣру, императорскую Церковь. Она не является цѣнной сама по себѣ, за нее держатся какъ за атрибутъ и санкцію исключительнаго націонализма. Но не желающіе пожертвовать своимъ национальнымъ эгоизмомъ вселенской истинѣ не могутъ и не должны называться христіанами.

У насъ идутъ приготовленія къ торжественному празднованію девятисотлѣтія христіанства въ Россіи. Но повидимому мы поспѣшили съ этимъ праздникомъ. Если послушать нѣкоторыхъ патріотовъ, то придешь къ мысли, что

крещение св. Владиміра, столь дѣйственное для самого князя, для его націи было лишь крещение водой и что намъ слѣдовало бы принять вторичное крещение духомъ истины и огнемъ любви. И дѣйствительно это второе крещение безусловно необходимо, если не для всей Руси, то по крайней мѣрѣ для той части нашего общества, которая въ настоящее время говоритъ и дѣйствуетъ. Чтобы стать христіанской, она должна отречься отъ новаго идолослуженія, менѣе грубаго, но не менѣе нелѣпаго и значительно болѣе вредоноснаго, чѣмъ идолослуженіе нашихъ языческихъ предковъ, отвергнутое св. Владиміромъ. Я говорю о новомъ идолослуженіи, объ эпидемическомъ безуміи націонализма, толкающемъ народы на поклоненіе своему собственному образу, вмѣсто высшаго и вселенскаго Божества.

VIII.

Чтобы удержать и проявить христіанскій характеръ Россіи, намъ нужно окончательно отречься отъ ложнаго божества нашего вѣка и принести въ жертву истинному Богу нашъ національный эгоизмъ. Провидѣніе поставило насъ въ особыя условія, которыя должны сдѣлать эту жертву болѣе совершенной и болѣе дѣйственной. Существуетъ элементарный моральный законъ, одинаково обязательный какъ для индивидовъ, такъ и для націй и выраженный въ словахъ Евангелія, повелѣвающихъ намъ, прежде чѣмъ принести жертву къ алтарю, примириться съ братомъ, имѣющимъ что-либо противъ насъ. У русскаго народа есть братъ, имѣющій тяжелыя обвиненія противъ него, и намъ нужно помириться съ этимъ народомъ — братомъ и врагомъ — для начала принесенія въ жертву нашего національнаго эгоизма на алтарь вселенской Церкви.

Это не вопросъ чувства, хотя и чувство должно было бы имѣть свое мѣсто во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Но между сантиментальной политикой и политикой эгоизма и насилія есть нѣчто среднее: политика нравственной обязательности или справедливости. Я не хочу разсматривать

здѣсь притязаній поляковъ на возстановленіе ихъ стараго королевства, ни тѣхъ возраженій, которыя русскіе съ полнымъ правомъ могутъ имъ противопоставить. Дѣло не въ осуществленіи проблематическихъ плановъ, а въ очевидной и неоспоримой несправедливости, отъ которой намъ слѣдуетъ отказаться во всякомъ случаѣ. Я говорю о гнусной системѣ руссификаціи, которая имѣетъ дѣло уже не съ политической автономіей, но нападаетъ на національное существованіе, на самую душу польскаго народа. Обрушить Польшу, значить убить націю, имѣющую весьма развитое самосознаніе, имѣвшую славную исторію и опередившую насъ въ своей интеллектуальной культурѣ, націю, которая и теперь еще не уступаетъ намъ въ научной и литературной дѣятельности. И хотя при этихъ условіяхъ окончательная цѣль нашихъ руссификаторовъ по счастью недостижима, однако все, что предпринимается для ея осуществленія не становится отъ этого менѣе преступнымъ и зловреднымъ. Эта тираническая руссификація, тѣсно связанная съ еще болѣе тираническимъ разрушеніемъ греко-уніатской церкви, представляетъ воистину національный грѣхъ, тяжелымъ бременемъ лежащій на совѣсти Россіи и парализующій ея моральныя силы.

Бывали случаи, что великія націи въ теченіе долгаго времени одерживали побѣды въ неправомъ дѣлѣ. Но Провидѣніе, въ особой заботливости о спасеніи нашей національной души, спѣшитъ, повидимому, показать намъ съ полной очевидностью, что сила, даже побѣдоносная, ни на что не пригодна, когда ею не руководитъ чистая совѣсть. Нашъ историческій грѣхъ отнялъ у послѣдней нашей войны ея практическіе результаты, а вмѣстѣ съ ними ея моральную цѣнность; онъ преслѣдовалъ на Балканахъ нашихъ побѣдоносныхъ орловъ и остановилъ ихъ передъ стѣнами Константинополя; отнявъ у насъ увѣренность и порывъ народа, вѣрнаго своей миссіи, этотъ грѣхъ навязалъ намъ вмѣсто триумфа, купленнаго столькими героическими усиліями, униженіе Берлинскаго конгресса, и въ заключеніе прогналъ

насъ изъ Сербіи и Болгаріи, которымъ мы хотѣли оказать покровительство, продолжая угнетать Польшу.

Эта система гнета, примѣняемая не къ одной только Польшѣ, какъ ни плоха сама по себѣ, становится еще значительно хуже отъ того вопіющаго противорѣчія, въ которомъ она стоитъ къ великодушнымъ освободительнымъ идеямъ и безкорыстному покровительству, на которыя русская политика всегда заявляла свое преимущественное право. Эта политика по необходимости пропитана лживостью и лицемеріемъ, отнимающими у нея всякій престижъ и дѣлающими невозможнымъ какой-либо прочный успѣхъ. Нельзя безнаказанно написать на своемъ знамени свободу славянскихъ и другихъ народовъ, отнимая въ то же время національную свободу у поляковъ, религіозную свободу у униатовъ и русскихъ раскольниковъ, гражданскія права у евреевъ.

Не въ такомъ состояніи, съ устами загражденными, съ завязанными глазами и съ душой, раздираемой противорѣчіями и угрызениями совѣсти, надлежитъ идти Россіи на свое историческое дѣло. Намъ уже были даны два тяжелыхъ урока, два строгихъ предостереженія: въ Севастополѣ, во-первыхъ, и затѣмъ при еще болѣе знаменательныхъ обстоятельствахъ—въ Берлинѣ. Не слѣдуетъ ждать третьяго предостереженія, которое можетъ быть и послѣднимъ. Раскаяться въ своихъ историческихъ грѣхахъ и удовлетворить требованіямъ справедливости, отречься отъ національнаго эгоизма, отказавшись отъ политики руссификаціи и признавъ безъ оговорокъ религіозную свободу,—вотъ единственное средство для Россіи пріуготовить себя къ откровенію и осуществленію своей дѣйствительной національной идеи, которая—этого не слѣдуетъ забывать—не есть отвлеченная идея или слѣпой рокъ, но прежде всего нравственный долгъ. Русская идея, мы знаемъ это, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ нѣкоторымъ опредѣленнымъ аспектомъ идеи христіанской, и миссія нашего народа можетъ стать для насъ ясна, лишь когда мы проникнемъ въ истинный смыслъ христіанства.

IX.

Вотъ уже около тридцати или сорока лѣтъ какъ болѣе или менѣе почтенные писатели проповѣдуютъ намъ какъ во Франціи, такъ и въ Россіи ¹⁾ нѣкоторое идеальное христіанство и идеальную церковь, духовное царство свободнаго братства и совершенной любви. Таковъ конечно идеаль, т.-е. будущее церкви. Доктрина этихъ авторовъ есть пророчество. Но чтобы не быть *лжепророчествомъ*, она должна была бы указать намъ прямой путь и дѣйствительныя средства къ осуществленію этого абсолютнаго идеала. Идеаль, если онъ только не пустая мечта, не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ осуществимымъ совершенствомъ того, что уже дано. Развѣ отказомъ отъ прошлаго вселенской Церкви и разрушеніемъ ея формы, какъ она намъ дана въ настоящемъ, можемъ мы придти къ идеальному царству братства и совершенной любви? Это было бы лишь довольно неумѣстнымъ приложеніемъ закона отцеубійства, правящаго нашей смертной жизнью. Въ этой жизни, опредѣляемой состояніемъ извращенности природы, новое поколѣніе достигаетъ пользованія дѣйствительностью, лишь неблагородно вытѣсняя своихъ предковъ, но потому-то это преступное существованіе и длится лишь одно мгновеніе; и если Кроносъ, искалчивъ и вытѣснивъ стараго Ураноса, самъ былъ въ свою очередь устранивъ Зевсомъ, котораго ему не удалось проглотить, то и этотъ новый богъ вступилъ на оскверненный престоль лишь для того, чтобы со временемъ потерпѣть подобную же участь. Таковъ законъ фальсифицированной и извращенной жизни, жизни, которой не надлежало бы быть, ибо она скорѣе смерть, чѣмъ жизнь; и въ силу этого человѣчество, истомленное нескончае-

¹⁾ Я имѣю въ виду, по отношенію къ Франціи, то, что Анатолий Леруа-Болье такъ удачно назвалъ „темной и безсильной школой Бордасъ-Дюмулена и Гюз“ (см. *Либеральные католики*, стр. 182). Въ Россіи идеи Бордасъ-Дюмулена были восприняты Хомяковымъ, который положилъ свой выдающийся талантъ на популяризацию этихъ идей, придавъ имъ ложную видимость греко-россійскаго православія.

мостью бѣдствія, въ смертельной тоскѣ ждало, какъ истиннаго спасителя, *Сына Бога, который не былъ бы соперникомъ своего Отца*. И теперь, когда этотъ истинный Сынъ, не замѣщающій, но являющій въ себѣ и прославляющій Отца, пришелъ и далъ возрожденному человѣчеству, вселенской Церкви, законъ безсмертной жизни, пытаются подъ новой маской ввести въ саму эту Церковь, въ этотъ организмъ истинной жизни, упраздненный законъ смерти!

На самомъ дѣлѣ во вселенской Церкви прошлое и будущее, традиція и идеаль не только не исключаютъ другъ друга, но равно существенны и необходимы для созданія истиннаго настоящаго человѣчества, его благосостоянія въ данное время. Благочестіе, справедливость и милосердіе, чуждыя всякой зависти и всякому соперничеству, должны образовать устойчивую и нерасторжимую связь между тремя основными дѣйствующими силами социальнаго и историческаго человѣчества, между представителями его прошлаго единства, его настоящей множественности и его будущей цѣлостности.

Принципъ прошлаго, или *отчества* осуществлень въ Церкви *священствомъ*, духовными отцами, старцами или старѣшинами по преимуществу (*prêtre* отъ пресвитерь—*senior*), представителями на землѣ небеснаго Отца, Вѣтхаго деньми. И для всеобщей или католической Церкви должно существовать общее или интернаціональное священство, централизованное и объединенное въ лицѣ общаго Отца всѣхъ народовъ, верховнаго первосвященника. Очевидно въ самомъ дѣлѣ, что національное священство не можетъ, какъ таковое, быть представителемъ общаго отчества, должествующаго равно обнимать всѣ націи. Что же касается до соединенія различныхъ національныхъ клировъ въ одно вселенское тѣло, то оно можетъ быть осуществлено лишь при посредствѣ реального и постояннаго интернаціональнаго центра, могущаго по праву и на дѣлѣ противодѣйствовать всѣмъ партикуляристическимъ тенденціямъ.

Реальное единство семьи не можетъ существовать пра-

вильнымъ и устойчивымъ образомъ безъ общаго отца или кого-либо, замѣщающаго его. Чтобы создать изъ индивидовъ и народовъ семью, реальное братство, необходимо осуществить здѣсь на землѣ отческій принципъ религіи въ церковной монархіи, которая дѣйствительно могла бы объединить вокругъ себя всѣ національные и индивидуальныя элементы и служить имъ постоянно живымъ образомъ и свободнымъ орудіемъ небснаго отчества.

Вселенское или интернаціональное священство съ Верховнымъ Первосвященникомъ, какъ единственнымъ центромъ, отображаетъ, одухотворяя его, первый возрастъ человѣчества, когда всѣ народы въ дѣйствительности были соединены общностью происхожденія и тождественностью религіозныхъ идей и правилъ жизни. Въ этомъ истинное *прошлое* человѣческаго рода, прошлое, не лежащее гнетомъ на настоящее, но служащее ему устойчивой основой, и не исключющее будущаго, но по существу единое съ нимъ; что же касается *настоящаго* человѣчества, то оно является намъ опредѣленнымъ многообразіемъ націй, стремящихся сплотиться въ законченныя тѣла или государства, имѣющія каждое отдѣльный независимый центръ, свѣтскую власть или мірское правительство, представляющее и направляющее объединенную дѣятельность національныхъ силъ. Интересы человѣчества въ цѣломъ не существуютъ для государства и свѣтскаго правительства, обязанности котораго ограничены той частью человѣческаго рода, во главѣ которой оно стоитъ. Вселенская Церковь, пребывая чрезъ посредство священническаго чина, объединеннаго въ лицѣ Верховнаго Первосвященника, хранительницей религіи всеобщаго отчества, великаго и вѣчнаго прошлаго нашего рода, не исключаетъ однако наличнаго многообразія націй и государствъ. Церковь не можетъ только ни въ какомъ случаѣ санкціонировать,—и въ этомъ она является вѣрнымъ орудіемъ истины и воли Божіей,—раздоровъ и борьбы между націями, какъ окончательнаго состоянія человѣческаго общества. Истинная Церковь всегда осудитъ доктрину,

утверждающую, что нѣтъ ничего выше національныхъ интересовъ, это новое язычество, творящее себѣ изъ націи верховное божество, этотъ ложный патріотизмъ, стремящійся стать на мѣсто религіи. Церковь признаетъ права націй, нападавая въ то же время на національный эгоизмъ; она уважаетъ власть государства, но противоборствуетъ его абсолютизму.

Національныя различія должны пребыть до конца вѣковъ; народы должны оставаться на дѣлѣ обособленными членами вселенскаго организма. Но и самъ этотъ организмъ долженъ также существовать на дѣлѣ; великое человѣческое единство не должно существовать лишь въ видѣ скрытой силы или абстрактнаго существа, но должно воплотиться въ видимомъ социальномъ тѣлѣ, явная и непрестанная центростремительная сила котораго могла бы противодействовать множеству центробѣжныхъ силъ, раздирающихъ человѣчество.

Чтобы достигнуть идеала совершеннаго единства, нужно опираться на единство *не совершенное, но реальное*. Прежде чѣмъ объединиться въ свободѣ, нужно объединиться въ послушаніи. Чтобы возвыситься до вселенскаго *братства*, націи, государства и властители должны подчиниться сначала вселенскому *сыновству*, признавъ моральный авторитетъ общаго отца. Забвеніе тѣхъ чувствъ, которыя народы должны питать къ религіозному прошлому человѣчества, было бы весьма плохимъ предзнаменованіемъ для будущаго этого послѣдняго. Когда съешь нечестіе, пожинаешь отнюдь не братство.

Истинная будущность человѣчества, надъ которой намъ надлежитъ потрудиться, есть *вселенское братство, исходящее изъ вселенскаго отчества чрезъ непрестанное моральное и социальное сыновство*. Это будущее, которое для осуществленія полнаго идеала должно согласить интересы настоящей жизни съ правами прошлаго, было во всѣ времена представляемо въ церкви Бога *истинными пророками*. Общеніе Бога съ людьми или вселенская Церковь (въ широкомъ

смыслъ этого слова), имѣя въ священствѣ орудіе своего основного религіознаго единства и въ мірской власти орудіе своей наличной національной множественности, должна вы-явить также свою абсолютную *цѣлостность*, свое свободное и совершенное единство при посредствѣ пророковъ, свободно воздвигаемыхъ Духомъ Божиимъ для просвѣщенія народовъ и ихъ властителей и непрестанно указывающихъ имъ на *совершенный* идеаль челоуѣческаго общества.

Х.

Г Такимъ образомъ всѣ три члена соціальнаго бытія *одно-временно* представлены въ истинной жизни вселенской Церкви, направляемой совокупностью всѣхъ трехъ главныхъ дѣйствующихъ силъ: духовнаго авторитета вселенскаго первосвященника (непогрѣшимаго главы священства), представляющаго истинное непреходящее прошлое челоуѣчества; свѣтской власти національнаго государя (законнаго главы государства), сосредоточивающаго въ себѣ и олицетворяющаго собою интересы, права и обязанности настоящаго; наконецъ, свободнаго служенія пророка (вдохновеннаго главы челоуѣческаго общества въ его цѣломъ), открывающаго начало осуществленія идеальнаго будущаго челоуѣчества. Согласіе и гармоническое дѣйствіе этихъ трехъ главныхъ факторовъ является первымъ условіемъ истиннаго прогресса. Верховный Первосвященникъ есть представитель истиннаго, вѣчнаго отчества, а не ложнаго отчества языческаго Кроноса (Времени), пожирающаго своихъ дѣтей. Онъ, напротивъ, находитъ свою жизнь лишь въ ихъ жизни. Вѣрный стражъ преданія, утверждающій его неизмѣнное единство, вселенскій первосвященникъ не имѣетъ надобности отвергать ни законныхъ интересовъ настоящаго, ни благородныхъ порывовъ къ идеалу совершенному; для добраго огражденія прошлаго ему не нужно связывать настоящаго и закрывать дверь передъ будущимъ. Съ своей стороны глава національнаго государства, если онъ достоинъ вру-

ченной ему власти, долженъ мыслить и дѣйствовать какъ истинный сынъ вселенской Церкви (представленной Верховнымъ Первосвященникомъ), и тогда онъ есть истинный образъ и орудіе Сына и вѣчнаго Царя, того, кто творитъ не свою волю, но волю Отца и желаетъ быть прославленнымъ лишь для того, чтобы въ Себѣ прославить Отца. Наконецъ, свободный инициаторъ прогрессивнаго соціального движенія, пророкъ, если только онъ вѣренъ своему великому призванію, если онъ согласуетъ свое личное вдохновеніе съ вселенскимъ преданіемъ и свою свободу—истинную свободу чадъ божіихъ—съ сыновнимъ благоговѣніемъ къ священному авторитету и со справедливымъ уваженіемъ къ законнымъ властямъ и правамъ, становится истиннымъ орудіемъ Святого Духа, глаголавшаго устами пророковъ и одушевляющаго вселенское тѣло Христа, побуждая его стремиться къ безусловному совершенству. Чѣмъ совершеннѣе единеніе этихъ трехъ одновременныхъ представителей прошлаго, настоящаго и будущаго человѣчества, тѣмъ рѣшительнѣе побѣда вселенской Церкви надъ роковымъ закономъ времени и смерти, тѣмъ тѣснѣе связь, соединяющая наше земное существованіе съ вѣчной жизнью божественной Троицы.

Какъ въ Троицѣ каждая изъ трехъ ипостасей есть совершенный Богъ, и тѣмъ не менѣе, *въ силу ихъ единосущности*, существуетъ только одинъ Богъ, ибо ни одно изъ этихъ трехъ лицъ не имѣетъ отдѣльнаго бытія и никогда не находится внѣ субстанціональнаго и нераздѣльнаго единства съ двумя другими, точно такъ же каждый изъ трехъ главныхъ чиновъ теократическаго общества владѣетъ дѣйствительной верховной властью, при чемъ однако это не предполагаетъ трехъ различныхъ абсолютныхъ властей во вселенской церкви или въ какой-либо ея части, ибо три представителя богочеловѣческой верховной власти должны быть *безусловно солидарны* между собой, являясь лишь тремя главными органами единаго общественнаго тѣла, выполняющими три основныя функціи единой коллективной жизни.

Въ божественной Тройцѣ третье лицо предполагаетъ два первыхъ въ ихъ единствѣ. Такъ оно должно быть и въ социальной тройцѣ челоуѣчества. Свободная и совершенная организація общества, представляющая призваніе истинныхъ пророковъ, предполагаетъ союзъ и солидарность между властью духовной и властью свѣтской, Церковью и государствомъ, христіанствомъ и національностью. Между тѣмъ этого союза и этой солидарности нѣтъ больше. Они разрушены возстаніемъ Сына противъ Отца, ложнымъ абсолютизмомъ національнаго государства, пожелавшаго стать всѣмъ, оставаясь однимъ, и поглотившаго авторитетъ Церкви, удушившаго социальную свободу. Ложная царская власть породила ложныхъ пророковъ, и антисоциальный абсолютизмъ государства естественно вызвалъ антисоциальный индивидуализмъ прогрессивной цивилизаціи. Великое социальное единство, нарушенное націями и государствами, не можетъ сохраниться надолго для индивидовъ. Разъ челоуѣческое общество не существуетъ болѣе для каждаго челоуѣка какъ нѣкоторое органическое цѣлое, солидарной частью котораго онъ себя чувствуетъ, общественныя связи становятся для индивида внѣшними и произвольными границами, противъ которыхъ онъ возмущается и которыя онъ въ концѣ-концовъ отбрасываетъ. И вотъ онѣ достигъ свободы, но той свободы, которую смерть даетъ органическимъ элементамъ разлагающагося тѣла. Этотъ мрачный образъ, которымъ славянофилы такъ злоупотребляли въ своей борьбѣ съ Западомъ и которому радовалась ихъ національная гордость, долженъ былъ бы внушать намъ совершенно обратныя чувства. Не на Западѣ, а въ Византіи первородный грѣхъ націоналистическаго партикуляризма и абсолютическаго цезарепапизма впервые внесъ смерть въ социальное тѣло Христа. А отвѣтственная преемница Византіи есть русская имперія. И теперь Россія есть единственная христіанская страна, гдѣ національное государство безъ оговорокъ утверждаетъ свой исключительный абсолютизмъ, дѣлая изъ церкви атрибутъ національности и по-

слушное орудіе мірской власти, гдѣ это устраненіе божественнаго авторитета не уравнивается даже (насколько это возможно) свободою человѣческаго духа.

Второй членъ соціальной тройцы,—государство или свѣтская власть,—въ силу своего посредствующаго положенія между двумя другими, является главнѣйшимъ орудіемъ поддержанія или разрушенія цѣлостности вселенскаго тѣла. Признавая начало единства и солидарности, представляемое Церковью, и сводя во имя этой солидарности къ справедливой мѣрѣ все то неравенство, которое проистекаетъ изъ свободной дѣятельности частныхъ силъ, государство является могучимъ орудіемъ истинной соціальной организаціи. Напротивъ того, замыкаясь въ отъединенномъ и эгоистическомъ абсолютизмѣ, государство теряетъ свою истинную нерушимую основу и непогрѣшимую санкцію своей соціальной дѣятельности и оставляетъ вселенское общество безъ защиты противъ „тайны нечестія.“

Въ силу историческихъ условій, въ которыя она поставлена, Россія являетъ наиболѣе полное развитіе, наиболѣе чистое и наиболѣе могущественное выраженіе абсолютнаго національнаго государства, отвергающаго единство Церкви и исключаящаго религіозную свободу. Если бы мы были языческимъ народомъ, мы конечно могли бы окончателѣно кристаллизироваться въ сказанномъ состояніи. Но народъ русскій—народъ въ глубинѣ души своей христіанскій, и непомѣрное развитіе, которое получилъ въ немъ антихристіанскій принципъ абсолютнаго государства, есть лишь обратная сторона принципа истиннаго, начала христіанскаго государства, царской власти Христа. Это есть *второе* начало соціальной Тройцы, и дабы проявить его въ правдѣ и истинѣ, Россія должна прежде всего поставить это начало на то мѣсто, которое ему принадлежитъ, признать и утвердить его не какъ единственный принципъ нашего *обособленнаго* національнаго существованія, но какъ второй изъ трехъ главныхъ дѣятелей вселенской соціальной жизни, въ неразрывной связи съ которой мы должны пре-

бывать. Христіанская Россія, подражая самому Христу, должна подчинить власть государства (царственную власть Сына) авторитету вселенской церкви (священству Отца) и отвести подобающее мѣсто общественной свободѣ (дѣйствию Духа). Русская имперія, отъединенная въ своемъ абсолютизмѣ, есть лишь угроза борьбы и безконечныхъ войнъ. Русская имперія, пожелавшая служить вселенской Церкви и дѣлу общественной организаціи, взять ихъ подъ свой покровъ, внесетъ въ семейство народовъ миръ и благословеніе.

„Не добро быть человѣку одному.“ То же можно сказать и о всякой націи. Девятьсотъ лѣтъ тому назадъ мы были крещены Св. Владиміромъ во имя животворящей Троицы, а не во имя бесплоднаго единства. Русская идея не можетъ заключаться въ отреченіи отъ нашего крещенія. Русская идея, историческій домъ Россіи требуетъ отъ насъ признанія нашей неразрывной связи съ вселенскимъ семействомъ Христа и обращенія всѣхъ нашихъ національных дарованій, всей мощи нашей имперіи на окончательное осуществленіе соціальной тройцы, гдѣ *каждое* изъ трехъ главныхъ органическихъ единствъ, церковь, государство и общество, безусловно свободно и державно, не въ отъединеніи отъ двухъ другихъ, поглощая или истребляя ихъ, но въ утвержденіи безусловной внутренней связи съ ними. Возстановить на землѣ этотъ вѣрный образъ божественной Троицы—вотъ въ чемъ русская идея. И въ томъ, что эта идея не имѣетъ въ себѣ ничего исключительнаго и партикуляристическаго, что она представляетъ лишь новый аспектъ самой христіанской идеи, что для осуществленія этого національнаго призванія намъ не нужно дѣйствовать *противъ* другихъ націй, но *съ* ними и *для* нихъ—въ этомъ лежитъ великое доказательство, что эта идея есть идея истинная. Ибо истина есть лишь форма Добра, а Добру не вѣдома зависть.

Вл. Соловьевъ.

Парижъ, 23 мая 1888.

Соціальный организмъ.

I.

Въ наукахъ о соціальныхъ отношеніяхъ людей кореннымъ является вопросъ о природѣ общества, какъ предмета ихъ изученія. Общество сдѣлалось объектомъ самостоятельнаго научнаго изслѣдованія давно, но до сихъ поръ существуютъ крупныя разногласія по самымъ основнымъ вопросамъ, которые связаны съ его изученіемъ. Вслѣдствіе этого не отличаются ясностью и опредѣленностью и взгляды ученыхъ на то, какими методами слѣдуетъ пользоваться при изученіи общества, и даже на то, какъ слѣдуетъ называть ту науку, которая занимается этимъ изученіемъ. Въ то время, какъ одни говорятъ о социологіи, другіе предпочитаютъ называть эту науку соціальной психологіей, третьи отождествляютъ обѣ эти научныя дисциплины, а четвертые скептически относятся къ возможности какой бы то ни было науки объ этомъ предметѣ.

Въ частности *три вопроса* объ обществѣ, на мой взглядъ, оказываются самыми основными въ этомъ спорѣ, и на нихъ даются самыя различныя отвѣты. Первый изъ этихъ вопросовъ можно было бы назвать вопросомъ о *реальности* общества. Составляетъ ли человеческое общество нечто реальное, самостоятельно существующее, или же оно есть не что иное, какъ наше измышленіе, *научная фикція*, которая примѣняется лишь для удобства изложенія, какъ средство покороче выразить наши мысли? На этотъ основной вопросъ нѣкоторые изслѣдователи даютъ самый категориче-

скій отрицательный отвѣтъ. Такъ, профессор Н. И. Карѣевъ въ своемъ „Введеніи въ изученіе социологіи“, стр. 103 (изд. 1897 г.) заявляетъ: „Личность есть единственное реальное существо, съ которымъ имѣеть дѣло социологія“. Ему вторитъ проф. Л. И. Петражицкій, который въ своей „Теоріи права“ (т. I, стр. 191) не менѣе категорически учитъ: „Государственная и вообще общественная власть есть не воля и не сила, вообще не нѣчто реальное, а эмоціональная проекція, эмоціональная фантазма“ (см. также стр. 37, 84, 101—102, 164—165 и т. д.). Въ противовѣсъ этому можно выдвинуть не менѣе рѣшительныя заявленія противоположнаго содержанія. Такъ, извѣстный социологъ Пауль Бартъ въ своемъ трудѣ „Философія исторіи, какъ социологія“ (стр. 237) выставляетъ такой тезисъ: „Мы не должны забывать, что отдѣльный человѣкъ (какъ это открылъ Контъ и, независимо отъ него, Вундтъ) есть только абстракція, что только общество дѣйствительно живетъ, и что единичныя личности, насколько дѣло касается усвоенія ихъ идей и отношенія къ ихъ дѣятельности среди современниковъ, сильно зависятъ отъ этихъ послѣднихъ“.

Если вопросъ о реальности общества получить разрѣшеніе въ положительномъ смыслѣ, то возникаетъ новый вопросъ, настолько тѣсно съ нимъ связанный, что его можно считать даже просто другою редакціей перваго. Этотъ вопросъ состоитъ въ томъ, можно ли разсматривать общество, какъ особаго рода *единство*, какъ единое существо, или же оно представляетъ собою простую сумму, простой агрегатъ существующихъ какъ самостоятельныя единства человѣческихъ индивидовъ? Если и этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ въ пользу общества, какъ особаго единства, то нельзя не поставить третьяго вопроса: къ какому именно роду единствъ принадлежитъ общество? Въ частности важно опредѣлить, можно ли общество называть *органическимъ* единствомъ, и если можно, то въ какомъ именно смыслѣ?

Однако, прежде чѣмъ приступать къ рѣшенію всѣхъ этихъ вопросовъ, необходимо ихъ *правильно* поставить. Для этой

цѣли надлежитъ точно установить смыслъ тѣхъ понятій, о примѣненіи которыхъ къ обществу идетъ въ данномъ случаѣ споръ. Такими понятіями оказываются: 1) понятіе реальности, 2) понятіе единства и 3) понятіе организма. Рассмотрѣніе этихъ вопросовъ и опредѣленіе этихъ понятій заведетъ насъ далеко за предѣлы вопроса о природѣ общества, но оно является безусловно необходимымъ. Изъ изученія соціологической и особенно юридической литературы я вынесъ совершенно опредѣленное заключеніе, что масса споровъ въ данной области вызывается именно тѣмъ, что авторы изслѣдованій объ обществѣ высказываются въ томъ или иномъ смыслѣ, не взявъ на себя предварительнаго труда объяснить своимъ читателямъ, а, можетъ быть, уяснить съ надлежащей точностью и самимъ себѣ смыслъ названныхъ общихъ понятій.

Я понимаю, конечно, что всѣ три понятія, выше указанная, принадлежатъ къ числу основныхъ гносеологическихъ и логическихъ категорій. Знаю я также и то, что въ философіи далеко не установилось единообразныхъ опредѣленій этихъ понятій, и что серьезныя разногласія между различными философскими системами возникаютъ именно на почвѣ этихъ опредѣленій. Но я не ставлю себѣ задачи въ этомъ сравнительно краткомъ очеркѣ вдаваться въ критику основныхъ философскихъ проблемъ. Я удовольствуюсь тѣмъ, что изложу тѣ опредѣленія необходимыхъ для насъ понятій, которыя представляются мнѣ лично наиболее правильными, и затѣмъ попытаюсь съ точки зрѣнія этихъ опредѣленій отвѣтить на поставленные вопросы о природѣ общества. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что и данныя мною опредѣленія и примѣненіе ихъ къ обществу вызовутъ возраженія и разногласія. При спорности и сложности вопроса иначе и быть не можетъ, а на обладаніе абсолютной истиной я не заявляю претензій. Но мнѣ хочется своимъ очеркомъ содѣйствовать, по крайней мѣрѣ, опредѣленности и ясности въ постановкѣ вопросовъ, являющихся коренными въ наукахъ о человѣческомъ обществѣ.

II.

Итакъ, подвергнемъ разсмотрѣнію общіе и основныя вопросы о томъ, 1) что такое реальность, 2) что такое единство и 3) что такое единство органическое или организмъ.

1. *Реальность.* Какъ я сказалъ, это понятіе принадлежитъ къ числу самыхъ основныхъ, но и самыхъ спорныхъ философскихъ категорій. Въ дальнѣйшемъ я постараюсь его охарактеризовать въ томъ видѣ, въ какомъ оно, на мой взглядъ, полагается въ основу всякой эмпирической науки. Я не хочу этимъ сказать, что всѣ представители эмпирическаго знанія такъ опредѣляютъ реальность, какъ я ее опредѣлю дальше. Напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ высказываютъ несогласныя съ нашими воззрѣнія. Но я хочу только указать, что я не буду подымать космологическихъ или онтологическихъ проблемъ. Я буду говорить о реальности въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понятіе необходимо для ученаго, довольствующагося изученіемъ данныхъ опыта и не выходящаго за его предѣлы. Только въ предѣлахъ эмпирическаго знанія мы будемъ въ настоящемъ очеркѣ изслѣдовать вопросъ о природѣ человѣческаго общества.

Какъ мнѣ кажется, единственной антитезой понятію реальности въ эмпирической наукѣ является понятіе *фантастическаго*, измышленнаго и только воображаемаго. Все фантастическое представляетъ собою произвольное созданіе нашего мышленія, которое комбинируетъ изъ данныхъ опыта синтезы, въ опытѣ не встрѣчающіяся. Въ противоположность этому, реальное есть то, что основано на опытѣ, вполне соотвѣтствуетъ его даннымъ. Это не значитъ, конечно, что въ построеніи картины реального не участвуетъ мышленіе. Мышленіе является неизбѣжнымъ элементомъ нашего знанія и неразрывно связано съ опытомъ. Въ самомъ опытѣ непременно участвуетъ мышленіе, такъ какъ безъ его помощи мы не можемъ совершить ни одного шага въ направленіи къ расчлененію слитнаго матеріала опыта

на отдѣльные элементы. Вотъ почему безплодными представляются мнѣ размышленія, вродѣ тѣхъ, которымъ предается извѣстный юристъ Еллинекъ на стр. 114 своего „Общаго ученія о государствѣ“. Придя къ заключенію, что государственное единство есть логически неизбежный синтезъ нашей мысли, Еллинекъ дальше съ нѣкоторой грустью продолжаетъ: „обладаетъ ли этотъ синтезъ трансцендентнымъ значеніемъ по отношенію къ міру нашего внутренняго опыта, соотвѣтствуетъ ли ему что-либо въ объективной природѣ, существуютъ ли въ какой-либо формѣ и независимо отъ нашего мышленія тѣ единства, которыя мы съ логической необходимостью создаемъ, примѣняя категорію цѣли, мы не знаемъ и не можемъ знать при тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ научная мысль“. Вполнѣ соглашаясь по существу съ этими словами почтеннаго государствовѣда, я замѣчу только, что напрасно Еллинекъ думаетъ, что все высказанное имъ относится только къ такому сложному явленію, какъ государство. Мы не можемъ съ полною увѣренностью и не выходя за предѣлы науки сказать ни объ одномъ рѣшительно явленіи, что именно соотвѣтствуетъ ему въ трансцендентномъ для нашего сознанія мірѣ, независимо отъ нашего мышленія. Вѣдь всѣ наши знанія обусловлены мышленіемъ. Поэтому синтезъ, необходимый для нашего мышленія, если онъ въ то же время соотвѣтствуетъ даннымъ опыта, и есть единственная доступная намъ реальность. Отличіе реальнаго отъ фантастическаго состоитъ лишь въ томъ, что синтезъ фантастическій не встрѣчается въ опытѣ, тогда какъ тѣ синтезы нашей мысли, которые мы считаемъ реальностями, соотвѣтствуютъ даннымъ опыта, сопоставленнымъ между собою и подвергнутымъ такимъ образомъ критической провѣркѣ.

Надлежитъ различать двѣ категоріи реальнаго. Съ одной стороны мы имѣемъ *реальность внѣшняго, физическаго міра*. Эту реальность составляютъ объекты, которые мы стараемся мыслить, какъ существующіе независимо отъ нашего сознанія и воспріятія и занимающіе извѣстное мѣсто въ пространствѣ.

Конечно, міръ физическихъ объектовъ, воспринимаемыхъ нашими чувствами, намъ приходится сооружать изъ элементовъ опыта, окрашенныхъ субъективно, такъ какъ мы познаемъ эти объекты лишь при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ. Но мы принимаемъ всѣ доступныя намъ мѣры, чтобы элиминировать изъ этой картины субъективные элементы и придать ей возможно болѣе объективный, независящій отъ особенностей человѣческаго воспріятія, характеръ. Идеаломъ естествознанія, вѣроятно, никогда вполне не достижимымъ, является построение такой картины физического міра, въ которой ничего субъективнаго не осталось бы, которая соотвѣтствовала бы трансцендентной реальности, наличность коей составляетъ предметъ нашего твердаго убѣжденія.

Съ другой стороны, мы имѣемъ *міръ внутренняго опыта, міръ духовной, психической реальности*. При построении картины этого міра намъ уже не приходится элиминировать никакихъ элементовъ. Этотъ міръ не воспринимается нами при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, но онъ нами непосредственно переживается. Его составляютъ наши мысли, чувства, акты воли. Пространственныхъ элементовъ въ этомъ мірѣ нѣтъ; духовная жизнь протекаетъ во времени, и категория пространства примѣняется мышленіемъ лишь къ міру физическихъ объектовъ. Міръ духовный не поддается поэтому и точному измѣренію: духовныя явленія не могутъ быть точно выражены въ величинахъ экстенсивныхъ и поддаются лишь приблизительному измѣренію со стороны своей интенсивности. Это—реальность такого рода, что ее нельзя воспринять при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, т. е. видѣть, осязать, ибо и сами внѣшнія чувства входятъ въ ея составъ.

2. *Единство*. Весь нашъ опытъ самъ по себѣ представляетъ слитное цѣлое. Даже разграниченіе опыта внѣшняго и внутренняго требуетъ усилій мысли и до сихъ поръ не можетъ считаться вполне законченнымъ, а, вѣроятно же всего, и никогда не будетъ закончено, такъ какъ намъ не удастся

полная элиминація субъективныхъ элементовъ изъ картины внѣшняго міра. Для этой цѣли мы неустанно сопоставляемъ между собою свои собственные воспріятія и воспріятія другихъ людей, но выйти вообще изъ предѣловъ данныхъ субъективнаго воспріятія и мышленія мы не можемъ. Тѣмъ болѣе приходится отмѣтить наличность той же слитности въ предѣлахъ опыта внѣшняго и внутренняго, взятыхъ въ отдѣльности. И тотъ, и другой опытъ состоитъ изъ слитной рѣзки переживаній, въ которой нѣтъ даннаго непосредственно раздѣленія на элементы и рѣзкаго отграниченія элементовъ другъ отъ друга. Такое раздѣленіе вносится въ опытъ *актами нашего мышленія*, приступающаго къ его обработкѣ. Мысль наша по природѣ своей относительнона и уясняетъ себѣ все лишь при помощи сопоставленія, сравненія и отвлеченія. Для этихъ операций необходимо расчлененіе слитнаго опыта на отдѣльные элементы, которые затѣмъ мыслью приводятся въ соотношеніе между собою, какъ отдѣльныя единства. Безъ созданія такихъ единствъ мышленіе обойтись не можетъ.

Конечно, при этой расчленяющей дѣятельности мысль пользуется данными опыта; она конструируетъ въ качествѣ единствъ то, что и въ опытѣ является болѣе или менѣе тѣсно связаннымъ между собою. „Предметомъ“ для насъ является всегда извѣстное соотношеніе элементовъ опыта, болѣе или менѣе устойчивое. Но тѣмъ не менѣе рѣшающій голосъ въ этихъ вопросахъ принадлежитъ мышленію. Въ опытѣ определенныхъ граней между предметами не существуетъ. Поэтому признаніе группы элементовъ единствомъ зависитъ въ конечномъ счетѣ отъ той точки зрѣнія, которой руководится въ каждомъ данномъ случаѣ наша мысль. Въ этомъ смыслѣ и можно говорить вслѣдъ за Вундтомъ (Logik, I, 440), что „вопросъ, данъ ли предметъ или нѣтъ, въ концѣ-концовъ постоянно повидимому рѣшается приговоромъ (Machtspruch) мысли, который находитъ для такого дѣйствія во внѣшнихъ условіяхъ воспріятія достаточные мотивы, но никогда не находитъ принудительныхъ основа-

ній". Въ самомъ дѣлѣ, можемъ ли мы, напримѣръ, считать единствомъ ту землю, на которой живемъ? Достаточныхъ мотивовъ для такого выдѣленія земли въ самостоятельный объектъ имѣется немало, но противъ такой конструкціи можно возразить, что земля, взятая отдѣльно отъ планетной системы и солнца, является не реальнымъ предметомъ, а простой абстракціей. Но и планетная система, взятая внѣ связи со всѣмъ міромъ оказывается такой же абстракціей. Такимъ образомъ, даже эти основныя для насъ единства оказываются въ значительной степени условными: на самомъ дѣлѣ они неразрывно связаны со всѣмъ міромъ опыта и самостоятельно не существуютъ. И самый родъ единства, къ которому мы причисляемъ извѣстный матеріаль опыта, можетъ оказаться различнымъ въ зависимости отъ той точки зрѣнія, на которой мы стоимъ въ каждый данный моментъ. Такъ, куча песку для техника оказывается единствомъ развѣ только съ точки зрѣнія вещества, напримѣръ, какъ строительный матеріаль, подлежащій смѣшенію съ известью; для дѣтей же, которыя на морскомъ берегу сооружаютъ изъ нея крѣпость, она является единствомъ и съ точки зрѣнія формы.

3. *Орианизмъ*. Изъ изложеннаго ясно уже, что мы можемъ различать нѣсколько видовъ единствъ, смотря по тому принципу, который кладется мышленіемъ въ основаніе единства. Зигвартъ въ своей Логикѣ (Logik 3-te Aufl. II, § 78) предлагаетъ слѣдующую схему. Мы можемъ объединять элементы опыта съ точки зрѣнія *вещества*, т.-е. однородности ихъ *качествъ*, и съ точки зрѣнія *индивидуальной структуры*, т.-е. порядка соотношенія элементовъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы можемъ обращать вниманіе просто на *геометрическую форму тѣла* или же на тотъ *принципъ*, который лежитъ въ основѣ соотношенія частей и которымъ это соотношеніе обусловливается и объясняется. Такимъ принципомъ можетъ быть въ свою очередь либо причина, либо цѣль. Поэтому приходится различать индивидуальныя единства *причиннаго* и *цѣлеваго* характера (каузальныя и телеологическія

единства). Построя первая, мы выводимъ структуру, какъ результатъ дѣйствія извѣстныхъ намъ заранѣ причинъ. При построении вторыхъ мы производимъ объединеніе элементовъ въ единство, принимая во вниманіе видимый для насъ и интересующій насъ единый результатъ совмѣстнаго дѣйствія частей и уже, отправляясь отъ результата, судимъ о тѣхъ причинахъ, которыя его вызываютъ. Такимъ образомъ, телеологическое разсмотрѣніе не противорѣчитъ принципу причинности и не исключаетъ его. Но мы къ нему прибѣгаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда самый синтезъ создается нами во вниманіе къ тому *конечному результату*, который получается отъ совмѣстнаго дѣйствования элементовъ и по отношенію къ которому вызвавшія его причины стоятъ въ качествѣ средствъ, при помощи которыхъ достигается результатъ, насъ интересующій, т.-е. цѣль единства. Болѣе всего данныхъ мы имѣемъ для построения такихъ единствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда самыя части, входя въ составъ сложнаго соединенія, мѣняютъ свой характеръ или свою форму, въ зависимости отъ общей цѣли этого соединенія. Это мы имѣемъ, напримѣръ, въ сложной машинѣ, части которой пригнаны другъ къ другу. Принимая во вниманіе, что элементы сложнаго единства, взятые подъ другимъ угломъ зрѣнія, часто разсматриваются, какъ самостоятельные предметы, мы начинаемъ говорить о *коллективныхъ единствахъ*, т.-е. такихъ, которыя во вниманіе къ своему единому результату нами объединяются, но состоятъ изъ самостоятельныхъ единицъ. Понятіе „индивида“ мы примѣняемъ къ телеологическому единству въ томъ случаѣ, когда извѣстная структура, т.-е. извѣстный опредѣленный порядокъ соотношенія элементовъ, оказывается необходимымъ для достиженія цѣли единства, когда онъ, другими словами, съ неизбѣжною вытекаетъ изъ самаго характера общаго результата, достигаемаго единствомъ. Въ этомъ смыслѣ индивидомъ является каждый біологическій организмъ, животное или растеніе. Эта же квалифікація прилагается, впрочемъ, иногда и къ причиннымъ единствамъ, какъ, напр.,

къ кристаллу. Хотя здѣсь единство создается чисто каузальною точкою зрѣнія, но его порядокъ, въ данномъ случаѣ—форма кристалла, съ необходимостью вытекаетъ изъ причинъ, создающихъ единство. Кристаллъ поэтому образуетъ собою явленіе, переходное отъ живой природы къ неживой.

Продолжая дальше эти разсужденія, мы можемъ намѣтить слѣдующее различіе между телеологическими единствами, непосредственно важное для нашихъ цѣлей. Каждое такое единство объединяется, какъ сказано, своимъ конечнымъ результатомъ, своей цѣлью. Но эта цѣль можетъ быть для него поставлена *извнѣ*, какимъ-нибудь постороннимъ для него агентомъ, или же она можетъ заключаться *въ немъ самомъ*. Перваго рода комбинацію представляетъ собою каждая машина, сооружаемая человѣкомъ. Мы имѣемъ здѣсь сочетаніе частей, выполняющее опредѣленную работу. Но это сочетаніе сознательно сооружено человѣкомъ и служитъ достиженію цѣли, поставленной строителемъ. Такого рода телеологическія единства, объединенныя цѣлью, извнѣ поставленной и сооруженныя внѣшнимъ, независимымъ отъ нихъ строителемъ, мы называемъ *механическими*. Имъ противопоставляются единства *органическія* или *организмы*, которыя тѣмъ отличаются, что они сами себя организуютъ, не имѣя никакого внѣшняго, отдѣльнаго и независимаго отъ нихъ строителя, что они носятъ свою цѣль въ самихъ себѣ ¹⁾.

¹⁾ Я употребляю здѣсь слово „механизмъ“ въ смыслѣ *телеологическаго* единства, составляющаго противоположность „организму“, и для большей ясности, въ качествѣ примѣра механизма, беру *машину, построенную человекомъ*. Именно въ этомъ значеніи слово механизмъ важно въ примѣненіи къ человѣческому обществу и, въ частности, къ государству и даетъ возможность провести опредѣленную и наглядную грань между механическими и органическими теоріями общества, какъ это выяснится ниже. Но, конечно, слово механизмъ можетъ быть употребляемо и въ иныхъ, болѣе широкихъ значеніяхъ. Механизмомъ можно называть всякое сочетаніе элементовъ неорганическаго міра, которое неспособно къ внутреннему развитію, не ведетъ своей собственной жизни и цѣликомъ исчерпывается *каузальнымъ* физико-химическимъ объясненіемъ. Однако, и въ этомъ смыслѣ понятіе механизма,

Между механизмомъ и организмомъ есть большое сходство, но и существенная разница. Какъ организмъ, такъ и механизмъ суть телеологическія единства. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ сочетаніе элементовъ, расположенныхъ въ томъ порядкѣ, который необходимъ для получения опредѣленнаго результата. Машина, благодаря соотношенію своихъ частей, даетъ опредѣленное и желательное для ея строителя направленіе запасу энергіи, которая получается ею извнѣ. Точно такъ же и организмъ при помощи опредѣленнаго расположенія элементовъ, опредѣленной структуры, даетъ извѣстное направленіе получаемому извнѣ (при посредствѣ питанія и дыханія) запасу энергіи. Но въ то время, какъ механизмъ строится извнѣ, организмъ самъ себя сооружаетъ и обладаетъ способностью расти и даже размножаться, которой не надѣленъ механизмъ. Цѣль біологическаго организма лежитъ въ немъ самомъ. Она состоитъ въ поддержаніи *жизни*, въ активномъ приспособленіи къ средѣ и даже въ воздѣйствіи на эту среду въ интересахъ біологическаго организма. Однимъ словомъ явленіе жизни кладетъ рѣзкую грань между механизмомъ и біологическимъ организмомъ. И это различіе проявляется въ томъ, что самая связь частей съ цѣлымъ въ біологическомъ организмѣ гораздо крѣпче, нежели въ механизмѣ, зависимость частей отъ цѣлаго больше. Каждый органъ біологическаго организма, будучи отдѣленъ отъ цѣлаго, по общему правилу, разрушается, чего нельзя сказать о частяхъ машины.

Такимъ образомъ, исходя изъ анализа той противоположности, которая существуетъ между механизмомъ и біологическимъ организмомъ, мы приходимъ къ выводу, что разницу составляетъ присущая организму способность къ самостоятельной жизни, выражающейся въ развитіи и размноженіи. Органическое единство носить свою цѣль въ себѣ и

хотя уже не съ такой наглядностью, какъ въ текстѣ, противопоставалось бы понятію организма, который ведетъ свою жизнь, не могущую быть исчерпанной однимъ только сочетаніемъ физико-химическихъ процессовъ. См. къ изложенному также *R. Schmidt*, Allgemeine Staatslehre, I, SS. 156 fgg. (1901).

выступаетъ въ міръ реальностей, какъ *активный факторъ*, самостоятельно реагирующій на окружающую среду. Въ дальнѣйшемъ намъ надлежитъ выяснитъ, однимъ ли міромъ животныхъ и растений, единствъ біологическаго порядка, должно ограничиваться примѣненіе понятія организма, опредѣляемаго въ указанномъ смыслѣ?

III.

Послѣ установленія необходимыхъ для насъ общихъ понятій и опредѣленій, мы можемъ перейти къ вопросу о *человѣческомъ обществѣ* и разсмотримъ: 1) Является ли общество людей особой реальностью? 2) Слѣдуетъ ли разсматривать его, какъ особое единство? 3) Можно ли квалифицировать общество, какъ организмъ? Мы начнемъ нашъ анализъ съ вопроса о томъ, можно ли разсматривать челоѣческое общество, какъ единство.

1) *Единство челоѣческаго общества*. Мы имѣемъ въ опытѣ много основаній для того, чтобы разсматривать общество людей, какъ единство. Дѣло въ томъ, что не соотвѣтствовало бы фактамъ, если бы мы смотрѣли на общество просто, какъ на сумму отдѣльныхъ людей. *Свойства* общества не опредѣляются всецѣло свойствами тѣхъ людей, изъ которыхъ оно составляется; общество достигаетъ своею дѣятельностью и такихъ *результатовъ*, которые недоступны отдѣльнымъ людямъ. Остановимся на томъ и другомъ явленіи.

Профессоръ Петражицкій утверждаетъ, что „всякое психическое явленіе происходитъ въ психикѣ одного индивида и только тамъ, и его природа не измѣняется отъ того, происходитъ ли что-либо иное гдѣ-либо, между индивидами, надъ ними, въ психикѣ другихъ индивидовъ, или нѣтъ, существуютъ ли другіе индивиды или нѣтъ“ („Теорія права“, I, стр. 102). Я уже имѣлъ случай отмѣтить (см. мои „Этюды по современной этикѣ“, стр. 196), что такое представленіе безусловно неправильно. Общеніе далеко не является такой безразличной вещью для индивида. Мало того: можно ска-

зять, что человѣческій индивидъ, какъ существо разумное и говорящее, мыслимъ только въ обществѣ и выросъ на почвѣ соціальной жизни. Въ общества люди не могли бы говорить, а, не обладая даромъ членораздѣльной рѣчи, они не могли бы и мыслить абстрактно. Все это ясно само собою. А затѣмъ рядъ общеизвѣстныхъ фактовъ показываетъ намъ, въ какой степени люди мѣняются, когда они находятся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ общенія. Криминалисты первые обратили вниманіе на такъ называемую *психологію толпы*. Наблюденія показали, что человѣкъ, находящійся и дѣйствующій въ толпѣ, совершаетъ часто поступки, на которые онъ не пошелъ бы, если бы не было вліянія толпы. Толпа обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что эмоціи, преобладающія у большинства ея членовъ, усиливаются въ значительной степени, благодаря взаимному внушенію, оказываемому другъ на друга ея членами. Эти эмоціи обращаются въ стихійныя теченія, силъ которыхъ только съ большимъ трудомъ могутъ сопротивляться отдѣльные индивиды. Многіе неспособны къ такому сопротивленію и подъ вліяніемъ толпы совершаютъ самыя жестокія преступленія или оказываютъ чудеса героизма, на которыя сами потомъ изумляются. Притомъ, какъ отмѣчаетъ Сигеле въ своемъ изслѣдованіи о „преступной толпѣ“ (стр. 42—43), толпа обыкновенно предрасположена скорѣе къ злу, чѣмъ къ добру. Это происходитъ оттого, что люди сходятся между собою болѣе въ отрицательныхъ свойствахъ, чѣмъ въ положительныхъ; поэтому, въ то время, какъ положительныя свойства, различныя у разныхъ людей, въ толпѣ другъ друга не только не усиливаютъ, но напротивъ, взаимно уничтожаются, отрицательныя свойства имѣютъ тенденцію слагаться и усиливаться. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ толпѣ развивается еще особое сознаніе своего могущества и безотвѣтственности отдѣльныхъ членовъ, которое также вліяетъ на ихъ поведеніе. Всего этого достаточно для иллюстраціи того положенія, что общество не есть простой агрегатъ членовъ. Входящіе въ него люди мѣняются уже въ

силу пребыванія въ обществѣ, и общество отличается особыми чертами психики, которыя присущи ему именно въ силу того, что оно есть общество. Мы можемъ съ полнымъ основаніемъ утверждать, что общество есть единство, обладающее своими особенными свойствами.

Точно такъ же нетрудно показать, что общество своей дѣятельностью производитъ результаты, недоступные отдѣльному человѣку. Уже Прудонъ предложилъ вопросъ: „Двѣсти гренадеровъ въ нѣсколько часовъ воздвигли Луксорскій обелискъ; думаетъ ли кто-нибудь, что одинъ человѣкъ могъ бы сдѣлать то же самое въ двѣсти дней?“ (цитировано у Zenker, die Gesellschaft, II, 44). Экономическія выгоды сотрудничества слишкомъ извѣстны, чтобы на нихъ слѣдовало останавливаться. — Среди *продуктовъ общественной дѣятельности* особенно важны: языкъ, нравы, религія, наука, искусство. Конечно, въ созданіи всѣхъ этихъ продуктовъ принимаетъ участіе индивидуальное творчество. Но они получаютъ общественное значеніе, превращаются въ социальныя силы лишь тогда, когда становятся достояніемъ массы людей. При этомъ въ процессъ усвоенія обществомъ идеи и изобрѣтенія отдѣльныхъ людей мѣняются въ своемъ характерѣ. Имъ не только приходится выдерживать поединки съ конкурентными идеями, которыя такъ хорошо описалъ Гардь въ своей „Соціальной логикѣ“, но приходится приспособиться ко всей соціальной традиціи. Этотъ процессъ приспособленія новой идеи къ традиціи, охарактеризованный недавно Балдуиномъ¹⁾, состоитъ или въ томъ, что идея заставляетъ традицію перестроиться, или же, гораздо чаще, въ томъ, что идея сама видоизмѣняется такъ, чтобы ее можно было безъ труда включить во всю массу соціальной традиціи. Такимъ образомъ, чаще всего идея, становясь достояніемъ общества, утрачиваетъ значительную долю той оригинальности, которой она отличалась, будучи впервые

¹⁾ Baldwin, Social and ethical interpretations in mental development (1906), стр. 459 слл. См. также Vierkandt, die Stetigkeit im Kulturwandel (1908 г.).

высказана ея индивидуальнымъ изобрѣтателемъ. Это явленіе и приводитъ къ тому, что мысли, кристаллизовавшіяся въ наукѣ, въ нравахъ, въ религіи, въ искусствѣ, представляютъ изъ себя въ конечномъ счетѣ общественные продукты, результатъ сотрудничества массы людей, а не продукты индивидуальнаго творчества, которое выступаетъ въ этомъ процессѣ, какъ важный, но не единственный агентъ. Ясно, что мы имѣемъ полное право говорить объ особыхъ продуктахъ общественнаго творчества.

Принимая все это во вниманіе, мы можемъ утверждать, что на основаніи данныхъ опыта общество является единствомъ, а не простой суммой отдѣльныхъ людей, такъ какъ оно обладаетъ своими собственными свойствами, проявляющимися въ законахъ коллективной психологіи, и создаетъ свои собственные продукты творчества. И при томъ, общество есть *единство коллективное*, такъ какъ оно состоитъ изъ такихъ элементовъ, которые мы съ полнымъ основаніемъ рассматриваемъ также, какъ единства.

Но въ этомъ отношеніи нѣтъ большой разницы между человѣческимъ обществомъ и *сложнымъ биологическимъ организмомъ*. Дѣло въ томъ, что и сложный биологическій организмъ является также коллективнымъ единствомъ. Онъ представляетъ собою общество клѣтокъ, часть которыхъ связана въ сплоченныя болѣе тѣсно ткани, а часть пребываетъ въ подвижномъ состояніи (кровяные шарики). Каждая такая клѣтка, даже если она не образуетъ самостоятельнаго одноклѣточного животнаго, есть все же живой организмъ, приспособившійся къ тому, чтобы функционировать въ качествѣ составной части, органа болѣе сложнаго организма. Въ многоклѣточномъ организмѣ клѣтки соединены по принципу раздѣленія труда: отдѣльныя клѣтки и ткани специализируются на выполненіи опредѣленныхъ функций сложнаго цѣлага. Поэтому ботаникъ Рейнке (Reinke, Einleitung in die theoretische Biologie, 1901, S. 219) уподобляетъ такое растеніе, какъ дубъ, государству биологическихъ единицъ.

Можно провести цѣлый рядъ частныхъ аналогій между

обществомъ и сложнымъ животнымъ или растительнымъ организмомъ. И тамъ, и здѣсь примѣняется одинъ и тотъ же принципъ *раздѣленія труда*. Въ дифференцированномъ человѣческомъ обществѣ этотъ принципъ сказывается не менѣе наглядно, чѣмъ въ обществѣ біологическихъ клѣтокъ. На этомъ принципѣ покоится вся экономическая и политическая организація современнаго государства. Далѣе, существованіе сложнаго цѣлаго и тамъ и здѣсь не зависитъ отъ происходящей постоянно *смѣны отдѣльныхъ элементовъ*. Въ біологическомъ организмѣ происходитъ постоянно обмѣнъ веществъ, который не мѣшаетъ признанію единства этого организма и далѣе поводъ сравнивать такой организмъ съ фонтаномъ, гдѣ также форма сохраняется при постоянной смѣнѣ матеріи. Но такой же обмѣнъ веществъ происходитъ и въ человѣческихъ обществахъ: поколѣнія и индивиды мѣняются, а народъ, какъ цѣлое, остается тѣмъ же самымъ. Этотъ пунктъ выдвинуть былъ уже римскимъ юристомъ конца республики Алфеномъ въ его извѣстномъ разсужденіи о природѣ судебной коллегіи, помѣщенномъ въ Дигестахъ Юстиніана (D. 5, 1, L. 76) ¹⁾. Далѣе, аналогія замѣчается и въ томъ отношеніи, что біологическій организмъ способенъ къ *росту* и увеличенію своего объема; но *ростъ* составляетъ нормальное явленіе и въ эволюціи человѣческаго общества. Остановка прироста населенія разсматривается, какъ явленіе ненормальное, причины котораго нуждаются всегда въ особомъ выясненіи. Наконецъ, можно говорить даже и о способности человѣческаго общества къ *размноженію* при посредствѣ способа, аналогичнаго размноженію біологическихъ организмовъ путемъ дѣленія: такой случай мы имѣемъ при отдѣленіи отъ государства колоніи, которая, обращаясь въ самостоятельное общество, воспроизводитъ у себя общественный и политическій строй метрополи. Всѣ эти аналогіи мнѣ представляются вполнѣ правомѣрными.

¹⁾ См. мою „Исторію римскаго права“ (изд. 4-е, 1908 г.), § 62, III.

На основаніи всего изложеннаго я считаю себя въ правѣ утверждать, что мы имѣемъ совершенно достаточныя эмпирическія данныя, чтобы признать человѣческое общество единствомъ.

2) *Органическая природа общественнаго единства.* Нетрудно показать, что это коллективное единство должно быть отнесено къ категоріи органическихъ, если понимать организмъ въ смыслѣ, который былъ выше установленъ. Мы видѣли, что различіе между организмомъ и механизмомъ сводится къ тому, что организмъ самъ себя строитъ, способенъ къ жизни и развитію, тогда какъ механизмъ сооружается независимымъ отъ него внѣшнимъ строителемъ и самостоятельной жизнью не надѣленъ. Слѣдовательно, для подведенія общества людей подъ категорію органическихъ единствъ слѣдуетъ выяснитъ, живетъ ли общество самостоятельную жизнью, подлежащей своей особой законмѣрности? Такъ на самомъ дѣлѣ и ставился вопросъ въ тянущемся изстари спорѣ о природѣ общества. Построенныя по этому поводу теоріи можно раздѣлить на двѣ основныя группы.

Такъ называемыя *теоріи общественнаго договора*, при всѣхъ свойственныхъ имъ вариантахъ, проводили по существу *механическое* воззрѣніе на природу человѣческаго общества.

Съ точки зрѣнія этихъ теорій общество представляется чѣмъ-то вродѣ машины, которая сознательно сооружается людьми для достиженія опредѣленныхъ цѣлей. Общество не есть естественное образованіе, а *искусственное* сооруженіе. Какъ правильно отмѣтилъ Эспинасъ („Соціальная жизнь животныхъ“, изд. 2-е, стр. 15), это ясно уже изъ того, что мыслители этой школы предпосылаютъ общественному договору состояніе, которое они называютъ *естественнымъ*; тѣмъ самымъ они даютъ понять, что люди, соединяясь, чтобы жить подъ общими законами, выходятъ изъ этого состоянія и вступаютъ въ состояніе искусственное. Гоббсъ прямо говорить: „Согласіе или единодушіе, устанавливающееся само собой между животными, естественно, тогда какъ между людьми оно обусловлено соглашеніемъ и потому искус-

ственно“ (цитировано у Эспинаса). Нечего распространяться о томъ, что подобныя теории неправильны, если ихъ понимать исторически или генетически: государство и общество по общему правилу не возникаютъ въ результатъ такого сознательнаго соглашенія людей. Но онѣ неправильны и въ томъ случаѣ, если имъ не придавать такого генетическаго значенія, а смотрѣть на нихъ просто, какъ на разсужденія о внутренней природѣ общества. Въ жизни общества, конечно, имѣетъ значеніе разумная воля отдѣльныхъ индивидовъ и разумное ихъ соглашеніе, которое одно только и можетъ быть названо договоромъ. Но такая воля выступаетъ здѣсь лишь какъ одинъ изъ факторовъ, далеко не имѣющій рѣшающаго значенія. Далеко не все опредѣляется сознательно поставляемыми цѣлями людей. Мы видѣли уже, что мысль индивида, чтобы стать общественнымъ достояніемъ, соціальной силой, должна приспособиться къ общественной традиціи и что она при этомъ измѣняетъ свой характеръ. Далѣе, при томъ постоянномъ творествѣ, которымъ характеризуется всякій психическій процессъ, совершается ли онъ въ одномъ индивидѣ или же получается изъ взаимодействія индивидовъ, вступающихъ въ общественныя отношенія между собою ¹⁾, результаты реализуемыхъ идей никогда не отвѣчаютъ вполне ожиданіямъ тѣхъ людей, которыми эти идеи реализуются. Каждой идеѣ приходится осуществляться въ обстановкѣ, уже измѣненной самимъ процессомъ проведенія ея въ жизнь, и потому не соответствующей той обстановкѣ, при которой идея зародилась. Уже поэтому практическіе результаты идеи не могутъ вполне отвѣчать ожиданіямъ, которыя съ нею первоначально связывались. А затѣмъ, идеи никогда и не бываютъ безошибочны; намъ не удалось вполне овладѣть ни одной стороною окружающаго насъ міра; поэтому реализація идеи неизбѣжно обнаруживаетъ тѣ ошибки, которыя въ ней имѣ-

¹⁾ См. объ этомъ мою статью „Къ вопросу о свободѣ воли“ въ „Вспр. Фил. и Псих.“ 1909 г., кн. 96.

лись. Все это приводит къ тому, что послѣдствія нашихъ сознательныхъ и расчитанныхъ дѣйствій всегда болѣе или менѣе расходятся съ нашими ожиданіями, что наши цѣли никогда вполнѣ не достигаются, и намъ приходится ставить себѣ новыя, неожиданныя цѣли. Все это составляетъ содержаніе того основного закона общественной эволюціи, который Вундтъ назвалъ закономъ *гетерогоніи цѣлей*. Спенсеръ говоритъ объ аналогичномъ принципѣ, придавая ему болѣе широкое значеніе и именуя его закономъ возрастанія количества слѣдствій (см. Wundt, System der Philosophie, I, 326 fgg. Logik, III, 281. Ср. Спенсеръ, „Основныя начала“, ч. II, гл. XX). Законъ гетерогоніи цѣлей поясняетъ намъ, почему не все въ исторической жизни опредѣляется сознательно поставляемыми цѣлями людей. Очень многое въ общественныхъ процессахъ отъ воли индивидовъ не зависитъ и совершается въ порядкѣ особой закономерности, присущей именно общественной жизни. Поэтому даже въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда такія общественныя образованія, какъ государства, сооружаются, повидимому, по сознательному рѣшенію людей — такіе примѣры предлагаетъ намъ новѣйшая исторія, — въ конечномъ счетѣ судьба такого образованія все же зависитъ отъ многихъ причинъ, сознательному учету не поддающихся. Будетъ ли такое образованіе способно къ прочной жизни и развитію, зависитъ отъ того, насколько окажутся способными къ прочному объединенію тѣ элементы, изъ которыхъ оно составилось, и насколько этому благоприятствуютъ тѣ внѣшнія условія, въ которыхъ придется существовать новой общественной организаціи.

Исходя изъ этихъ соображеній, мы должны отдать рѣшительно предпочтеніе той группѣ общественныхъ теорій, которыя могутъ быть названы *органическими* и которыя ведутъ свое начало еще отъ Аристотеля (см. вступительный очеркъ въ названной книгѣ Эспинаса). Съ точки зрѣнія этихъ теорій общество оказывается естественнымъ образованіемъ, продуктомъ закономерной эволюціи міра. Оно

развивается по особымъ законамъ, ему присущимъ. Оно имѣетъ свою собственную жизнь, опредѣляемую имманентными для общества условіями, а не какимъ-либо внѣшнимъ строительствомъ. Въ этомъ смыслѣ общество, несомнѣнно, принадлежитъ къ разряду единствъ органическихъ, а не механическихъ.

3) *Общество людей, какъ вполне реальная величина.* Послѣ всего сказаннаго едва ли есть необходимость въ особенно детальномъ разсужденіи для выясненія вопроса о томъ, составляетъ ли человѣческое общество реальность и въ какомъ именно смыслѣ. Конечно, общество есть вполне реальная величина. Но только — это реальность не внѣшняго, физическаго міра, а *міра духовнаго*. Общество есть совершенно реальный процессъ междупсихическаго взаимодействия составляющихъ его индивидовъ, процессъ, который мы конструируемъ, какъ особое единство и притомъ органическое, такъ какъ въ немъ проявляется особаго рода закономерность, не укладывающаяся въ рамки индивидуальной психологии и выражающаяся въ понятіи *общественной жизни и развитія*. Будучи единствомъ психическаго міра, общество, конечно, неосязуемо, невидимо, неслышимо ¹⁾. Но всѣ эти свойства оно раздѣляетъ съ другими явлениями ду-

¹⁾ Само собою разумѣется, что духовная дѣятельность общества, какъ и отдѣльнаго человѣка, получаетъ внѣшнее физическое выраженіе въ тѣхъ вещахъ, которыя соотвѣтствуютъ произведеніямъ духа: въ книгахъ, статуяхъ, картинахъ, постройкахъ и т. п. Съ другой стороны, тѣ условія внѣшняго міра, въ которыхъ протекаетъ духовная дѣятельность общества, вліяютъ на характеръ этой дѣятельности. Если, тѣмъ не менѣе, я называю общество духовнымъ организмомъ, настаиваю на томъ, что общество невидимо, неслышимо и т. д., то этимъ я хочу сказать, что самая связь, соединяющая общество, создающая изъ отдѣльныхъ людей социальное единство, есть, конечно, связь психическая, а не физическая. Физическія вещи и физическая обстановка, выше упомянутыя, имѣютъ для изслѣдователя общества интересъ лишь постольку, поскольку онѣ находятъ себѣ отраженіе въ духовныхъ процессахъ, происходящихъ въ обществѣ. Подчеркивать все это необходимо, такъ какъ для людей, начинающихъ размышлять объ обществѣ, обыкновенно, именно отсутствіе видимой, механической или физической связи между людьми, составляющими общество, оказывается главнымъ препятствіемъ къ принятію воззрѣнія на общество, какъ на реальное единство.

ховнаго міра; вѣдь и наши мысли, чувства, акты воли также непротяженны и не подлежатъ воспріятію съ помощью внѣшнихъ чувствъ, и все это не мѣшаетъ имъ быть несомнѣнными реальностями. Реально общество и реальны такіе его продукты, какъ языкъ, нравы, право, религія, наука и т. п. Было бы странно и противно всѣмъ даннымъ опыта отрицать реальность этихъ явленій; никакихъ гносеологическихъ основаній для такого отрицанія усмотрѣть невозможно.

Вполнѣ точно квалифицируется человѣческое общество, если мы его назовемъ не просто организмомъ, а *соціальнымъ организмомъ*. Тогда этотъ предикатъ—соціальный—покажетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло не съ біологической единицей, но съ единствомъ другого рода, съ единствомъ, основанымъ на *духовной, психической связи*. Предлагаемая терминологія сводится къ тому, чтобы понятіе организма считать *родовымъ*, разумѣя подъ нимъ всякое телеологическое единство, способное къ жизни и развитію. Въ предѣлахъ этого рода надлежитъ различать два *видовыхъ* понятія: *организмъ біологическій*, т.-е. растеніе или животное, въ которомъ мы сталкиваемся съ пространственной физической связью элементовъ, и организмъ *соціальный*, который объединяется исключительно связью духовной, психической.

Этимъ разнымъ характеромъ связи, объединяющей элементы того или другого вида организмовъ, объясняются и тѣ отдѣльныя различія, которыя должны быть констатированы между обоими видами и которыя непремѣнно должны быть принимаемы во вниманіе, чтобы органическая теорія общества избѣжала опасности чрезмѣрнаго злоупотребленія біологическими аналогіями. Этой опасности не избѣжали многіе изслѣдователи, которые отыскивали въ общественномъ организмѣ полное подобіе организма біологическаго; они не стѣснялись говорить о кровеносной и пищеварительной системахъ общества, о нервныхъ путяхъ и центрахъ общественнаго организма (см., напр., Спенсеръ, „Соціальный организмъ“, въ „Опытахъ“, ч. I) и доходили даже

до того, что пытались измѣрять вышину челоуѣческихъ обществъ (см. Вормсъ, „Общественный организмъ“, 61). Такія чрезмѣрныя увлеченія біологіей въ значительной степени повредили органическимъ теоріямъ общества, такъ какъ съ упоминаніемъ о нихъ стали связывать представленіе именно о такого рода натянутыхъ и неподходящихъ къ дѣлу картинахъ общественныхъ явленій. При правильномъ пониманіи истинной природы соціального организма всѣ исходящія изъ такихъ ошибокъ возраженія противъ органическихъ теорій отпадаютъ.

Будучи сплоченъ духовной, психической связью, общественный организмъ оказывается, въ общемъ, гораздо *подвижнѣе біологическаго*. Въ біологическомъ единствѣ структура является обыкновенно весьма мало подвижной и очень устойчивой. Поэтому мы впередъ можемъ указать всѣ тѣ органы, которые необходимы для животнаго или растенія опредѣленнаго типа. Напротивъ, структура челоуѣческихъ обществъ менѣе устойчива и допускаетъ самыя разнообразныя варіаціи и измѣненія. Она гораздо подвижнѣе и структуры обществъ животныхъ, потому что въ основѣ ея лежитъ, главнымъ образомъ, общественная традиція, передающаяся путемъ воспитанія старшихъ поколѣній младшими, тогда какъ въ основѣ обществъ животныхъ лежитъ почти исключительно инстинктъ, создаваемый физиологической наследственностью. Наконецъ, и положеніе отдѣльныхъ элементовъ въ обществѣ гораздо свободнѣе, нежели положеніе клѣтокъ въ біологическомъ единствѣ. Въ послѣднемъ клѣтки прочно прикрѣплены къ своимъ спеціальнымъ функціямъ и лишь въ узкихъ размѣрахъ осуществимо принятіе на себя одной клѣткой или органомъ той работы, которая составляетъ миссію другого органа или клѣтки. Напротивъ, въ челоуѣческихъ обществахъ часто въ этомъ отношеніи открывается большая свобода отдѣльнымъ элементамъ. Конечно, при кастовомъ режимѣ и здѣсь индивиды весьма прочно прикрѣплены къ опредѣленнымъ профессіямъ. Но въ демократическихъ обществахъ, какъ, напр., Соединенные

штаты Сѣв. Америки, возможны даже такія явленія, какъ замѣщеніе должности президента лицомъ, которое свою жизнь начало въ качествѣ простаго рабочаго. Всѣ эти различія не возбуждаютъ нашего удивленія, если мы примемъ во вниманіе принципіально иной характеръ связи, объединяющей элементы человѣческаго общества, сравнительно со связью элементовъ біологическаго организма.

Нѣтъ никакой нужды вводить для общества людей особое понятіе *надъ-организма*, предлагаемое нѣкоторыми соціологами. Особенности общественнаго организма достаточно отгѣняются именно этимъ предикатомъ „общественный или соціальный“, который указываетъ на психическую природу даннаго единства.

IV.

Процессъ общественнаго развитія состоитъ во взаимодействіи психикъ тѣхъ людей, которые составляютъ общество. Въ результатъ этого взаимодействия получается запасъ идей и чувствъ, которые не представляютъ чьего-либо индивидуальнаго достоянія, но могутъ быть разсматриваемы, какъ достояніе всего общества. Эти идеи и чувства и составляютъ содержаніе права, нравовъ, общепризнанной религіи, науки и т. д. Въ общей совокупности они образуютъ то, что можно бы было назвать *общественнымъ сознаніемъ*. Въ выработкѣ этого сознанія принимаютъ участіе не только живущіе въ данный моментъ люди. Въ этомъ процессѣ участвуютъ и сошедшія со сцены поколѣнія. Идеи умершихъ уже людей часто воспринимаются обществомъ и становятся соціальными силами. Такъ общественное сознаніе и обращается въ нѣкую объективную силу, которая воздѣйствуетъ властно на индивидовъ. Продукты общественнаго сознанія, будучи въ каждый данный моментъ взяты внѣ генетическаго разсмотрѣнія, могутъ быть изучаемы чисто *систематически*, съ точки зрѣнія уясненія ихъ содержанія. Такъ возникаютъ такія систематическія науки, какъ грамматика языка, догматическая юриспруденція, догматическое богословіе и т. д.

Если же предметомъ научнаго изслѣдованія становятся самыя процессы возникновенія этихъ продуктовъ, то мы получаемъ науки *историческія*, разсматривающія эти процессы во всей ихъ конкретности, или же такія дисциплины, какъ сравнительная исторія права, сравнительная исторія религій, теоретическая и историческая наука политической экономіи: эти послѣднія дисциплины занимаются изученіемъ *типическихъ* общественныхъ процессовъ, имѣющихъ мѣсто при удовлетвореніи отдѣльныхъ интересовъ: юридическихъ, религіозныхъ, хозяйственныхъ. Наконецъ, наука, изучающая вообще процессы, изъ которыхъ слагается общественная жизнь и развитіе, независимо отъ того, какіе спеціальныя интересы преслѣдуются людьми, вступающими въ общеніе, называется *соціологіей* или общей наукой о человѣческомъ обществѣ. Всѣ эти науки принадлежатъ къ числу *наукъ о духѣ*, и я не вижу разницы между соціологіей и такъ называемой соціальной или коллективной психологіей ¹⁾.

Общественное сознаніе, конечно, не представляетъ изъ себя какой-либо особой субстанціи. Являясь продуктомъ взаимодействія отдѣльныхъ психикъ, оно и живетъ въ этихъ психикахъ. Но это не мѣшаетъ ему быть предметомъ самостоятельнаго научнаго изслѣдованія, такъ какъ процессъ взаимодействія людей очень сложенъ, подлежитъ особой закономерности и долженъ быть изучаемъ съ помощью особыхъ научныхъ методовъ. Вотъ почему коллективная или соціальная психологія, вопреки мнѣнію Зиммеля, не можетъ быть разсматриваема, какъ отдѣлъ индивидуальной психологіи, но составляетъ совершенно особую науку объ обществѣ.

Каждый членъ общества находится подъ воздѣйствіемъ

¹⁾ См. мою статью „Предметъ и методъ соціологіи“ въ „Вопр. Фил. и Псих.“ 1909 г. кн. 99. Въ этомъ же приблизительно смыслѣ высказывается и М. М. Ковалевскій въ только что вышедшемъ I томѣ своей „Соціологіи“ (1910). Онъ полагаетъ, что коллективная психологія принадлежитъ всецѣло къ области соціологіи, и ея вопросы должны быть включены въ сферу соціологіи (стр. 16 и 27).

общественнаго сознанія. Разобравшись въ самомъ себѣ, каждый изъ насъ долженъ признать, что львиная доля его внутренняго содержанія, его міровоззрѣнія почерпнута имъ изъ окружающей общественной среды. Эта среда вліяетъ на индивида съ самаго его рожденія посредствомъ плано-мѣрнаго воспитанія и обученія и путемъ непланомѣрнаго постояннаго воздѣйствія на него; индивидъ постоянно дышитъ той общественной атмосферой, которая создавалась вокругъ него. Огромное большинство людей на всю жизнь остается при томъ традиціонномъ міровоззрѣніи, которое у нихъ сложилось этимъ путемъ. И лишь весьма немногимъ, особенно сильнымъ натурамъ, суждено на почвѣ усвоенія традиціоннаго общественнаго міровоззрѣнія создавать собственные новые синтезы, выступать съ новыми оригинальными идеями. Мы уже отмѣтили, что эти идеи, чтобы стать соціальнымъ достояніемъ, должны выдержать борьбу съ традиціей, въ которой онѣ или сами къ ней приспособляются или же приспособляютъ ее въ себѣ. Послѣднее бываетъ въ рѣдкихъ случаяхъ великихъ открытій, производящихъ переворотъ въ міровоззрѣніи людей.

При такихъ условіяхъ проблемой оказывается уже не общественная реальность, но самый индивидъ въ смыслѣ самостоятельной личности. Мы видимъ, что личность есть почти всецѣло созданіе окружающаго общества. Возникаетъ поэтому вопросъ, почему же не всѣ члены общества одинаковы между собою во всѣхъ подробностяхъ своего міровоззрѣнія, разъ они всѣ черпаютъ его изъ одного и того же резервуара общественнаго сознанія? Этотъ вопросъ разрѣшается тѣмъ, во-первыхъ, что люди не одинаковы въ біологическомъ отношеніи; они являются на свѣтъ съ разными природными способностями и уже поэтому не одинаково воспринимаютъ содержаніе общественнаго сознанія: есть между ними и заурядныя личности, и гени, и идіоты. Съ другой стороны, въ болѣе или менѣе сложномъ обществѣ отдѣльные люди занимаютъ неодинаковое общественное положеніе. Поэтому они поставлены не въ одни и тѣ же

условія относительно самаго воспріятія содержанія общественнаго сознанія. Одни воспринимаютъ его въ большемъ объемѣ, другіе—въ меньшемъ, на однихъ исходящіе изъ общественной среды лучи падаютъ подъ однимъ угломъ, на другихъ—подъ другимъ. Каждый индивидъ представляетъ собою своеобразно помѣщенный фокусъ, въ которомъ преломляются эти лучи. Поэтому и результаты получаются различные. Во всякомъ случаѣ даже сознаніе собственной личности, какъ особаго и самостоятельнаго цѣлаго, дорожащаго своими особенностями, составляетъ результатъ общественной эволюціи. Такое сознаніе можетъ появиться лишь у членовъ сложнаго и дифференцированнаго соціального организма, которые при столкновеніяхъ другъ съ другомъ начинаютъ чувствовать свои особенности. Почти отсутствуетъ это сознаніе личности у представителей мало культурныхъ и мало дифференцированныхъ обществъ или классовъ общества ¹⁾.

Руководствуясь этими фактами, мы начинаемъ понимать сомнѣнія тѣхъ соціологовъ, которые даже ставятъ вопросъ, не есть ли личность простая абстракція? Конечно, человекъ, рассматриваемый изолированно отъ создающей его общественной среды, есть абстракція. Такихъ людей не бываетъ.

Отправляясь отъ аналогичныхъ соображеній, нашъ соотечественникъ Е. В. де-Роберти (см. его книгу „Новая постановка основныхъ вопросовъ соціологіи“, 1909) приходитъ къ весьма оригинальному построенію. Считая психологію наукой о культурно развитой человѣческой личности, о моральной или нравственной личности, онъ указываетъ, что такая личность есть произведеніе двухъ факторовъ: біологическаго и соціального. Личность въ указанномъ смыслѣ возможна только на почвѣ общественности и представляетъ собою конечный продуктъ общественнаго развитія. Обще-

¹⁾ См. объ этомъ *Durkheim*, „La division du travail social“. Буле, „Эгалитаризмъ“ (1904). Зиммель, „Соціальная дифференціація“.

ственность есть надъ-органическое явленіе; у однихъ живыхъ существъ ея характеръ остается чисто инстинктивнымъ, и она не поддается дальнѣйшему развитію, у другихъ, именно у людей, характеръ общественности является все болѣе и болѣе сознательнымъ и потому способнымъ къ измѣненію и развитію. Развитіе состоитъ въ томъ, что на почвѣ чисто біологическаго общенія — психофизическаго взаимодѣйствія — развивается постепенно то сложное и производное взаимодѣйствіе, которое де-Роберти называетъ психологическимъ. Такимъ образомъ, надъ-органическое явленіе общественности слѣдуетъ за явленіемъ жизненнымъ, но предшествуетъ явленію психологическому.

Отсюда дѣлается выводъ, что социологія не должна быть основана на психологическомъ фундаментѣ. Напротивъ, психологія сама коренится въ социологіи. Она представляетъ науку производную, которая опирается на біологію и социологію. Она является въ то же время наукой конкретной, въ отличіе отъ абстрактной социологіи. „Психологическое явленіе необходимо предполагаетъ предварительное существованіе одной или нѣсколькихъ коллективныхъ психикъ, уже наложившихъ свою печать на церебральныя силы отдѣльныхъ біологическихъ особей“ (стр. 94).

Это построеніе во всей его полнотѣ не представляется мнѣ пріемлемымъ, такъ какъ авторъ, на мой взглядъ, слишкомъ узко понимаетъ задачи психологіи, сводя ея роль къ изученію только культурно развитой, нравственной личности (стр. 71). Поэтому онъ утверждаетъ, на примѣръ, что „психологическія въ тѣсномъ смыслѣ слова переживанія совершенно неизвѣстны и недоступны міру животныхъ, даже самыхъ высшихъ, самыхъ близкихъ къ человѣку по своей психофизической, нервно-мозговой организаціи, но чуждыхъ той прочной коллективной постановки наблюдений и опыта, которою вырабатывается отвлеченная идеологія, логически стройное знаніе и сопутствующая ему цѣлесообразная дѣятельность“ (стр. 51). Все это стоитъ въ тѣсной зависимости отъ общефилософскихъ воззрѣній автора, на разборѣ

которыхъ мы не можемъ останавливаться въ настоящемъ очеркѣ. Г. де-Роберти считаетъ, повидимому, самое раздѣленіе наукъ на науки о природѣ и духѣ подлежащимъ устраненію; по крайней мѣрѣ, онъ говоритъ о „безсодержательномъ дуализмѣ матеріи и духа, утратившемъ нынѣ свой первоначальный смыслъ и служащемъ лишь средствомъ для различенія сравнительно болѣе простыхъ естественныхъ агрегатовъ отъ другихъ, сравнительно болѣе сложныхъ“ (стр. 219). Но, если оставить въ сторонѣ эту своеобразную терминологию, то останется весьма яркое выраженіе той правильной мысли, что психологія культурнаго чело­вѣка, нравственной личности, есть въ значительной степени произведеніе общественнаго процесса, что личность, въ смыслѣ сознающей себя индивидуальности, составляетъ продуктъ двухъ факторовъ: біологическихъ данныхъ и воздѣйствія общественной среды. „Коллективная группа,—говоритъ г. де-Роберти въ другомъ своемъ трудѣ (Frédéric Nietzsche, 2 ed. 1903, p. 146),—есть производящая причина для индивида, для нравственной личности; всякое общество должно представляться намъ примитивной формой, низшей ступеню соціальной жизни, а индивидъ, напротивъ, долженъ насъ поражать, какъ форма послѣдующая, поздно появившаяся, высшая соціальная ступень“. „Личность или общественная особь есть существо коллективное по преимуществу. Она въ каждую эпоху представляетъ собою равнодѣйствующую длиннаго ряда группировокъ, современныхъ и историческихъ“, („Новая постановка“, стр. 266).

V.

Нѣкоторые ученые, какъ, напримѣръ, Гиддингсъ (Giddings, „The principles of sociology“, 1898, p. 420), Балдуинъ (Baldwin, „Social and ethical interpretations“, 1906, p. 459 sq.), называютъ общество *организацией*, желая этимъ отличить его отъ біологическаго организма. Я не думаю, чтобы слѣдовало принять это предложеніе. Терминъ организациа произ-

водитъ впечатлѣніе чего-то менѣ естественнаго, болѣе механическаго, чѣмъ живой организмъ. Но я думаю, что этимъ терминомъ въ социологіи можно воспользоваться въ иномъ приложеніи, слѣдуя тѣмъ соображеніямъ, которыя по этому поводу высказываетъ Вундтъ (Wundt, „Logik“, 3-te Aufl., III, SS. 638 fgg.).

Общественныя соединенія могутъ быть весьма разнообразны по характеру той психической связи, которая объединяетъ составляющихъ ихъ людей. Мы различаемъ союзы семейные и родовые, территоріальныя, политическія, культурныя, религіозныя, экономическія и т. п. Сообразно съ этимъ союзъ можетъ быть болѣе или менѣ прочнымъ, связь членовъ съ нимъ—болѣе или менѣ принудительной, продукты его дѣятельности могутъ имѣть болѣе или менѣ самостоятельный характеръ, не носящій отпечатка чѣй-либо индивидуальности, его свойства могутъ болѣе или менѣ удаляться отъ свойствъ входящихъ въ него личностей. Однимъ словомъ, наличность самостоятельной общественной жизни можетъ проявляться въ союзѣ съ большей или меньшей рельефностью, и можно прослѣдить самыя разнообразныя градаціи отъ социальнаго организма съ ярко выраженнымъ характеромъ общественнаго единства и до простаго агрегата отдѣльныхъ людей, въ которомъ общественныя черты проявляются весьма слабо. Чѣмъ менѣ въ союзѣ проявляется самостоятельная общественная жизнь, тѣмъ больше для него значенія имѣетъ сознательная индивидуальная дѣятельность составляющихъ его отдѣльныхъ людей, тѣмъ болѣе онъ начинаетъ напоминать искусственно сооружаемую людьми для достиженія своихъ цѣлей машину или же представляется простымъ случайнымъ соединеніемъ элементовъ, въ которомъ мало выраженъ характеръ единства. Вотъ почему сознательно образованные союзы, въ которыхъ сравнительно большую роль продолжаетъ играть личное творчество и сравнительно мало проявляются специфическія черты закономерности общественной жизни, съ значительнымъ основаніемъ могутъ быть названы социальны-

ми организаціями и тѣмъ разграничены отъ социальныхъ организмовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. отъ такихъ союзовъ, въ которыхъ специфическія черты социальнаго единства выражены болѣе ярко.

Предложеніе Вундта состоитъ въ томъ, чтобы считать социальными организмами лишь тѣ общественныя единства, которыя подобны челоѳческой личности въ разнообразіи поставляемыхъ ими себѣ цѣлей и въ измѣнчивости этихъ цѣлей. Такія единства претендуютъ на весьма широкую власть надъ отдѣльными личностями; никто не можетъ быть одновременно членомъ двухъ такихъ единствъ сразу, а иногда самая принадлежность лица къ такому единству получаетъ принудительный характеръ. Лучшимъ примѣромъ такого единства является современное *исударство* съ его принудительнымъ характеромъ и весьма разносторонней дѣятельностью. Другую группу—группу *социальныхъ организацій*—составляютъ союзы, преслѣдующіе совершенно опредѣленные цѣли. Отдѣльный индивидъ не такъ тѣсно связанъ съ подобными союзами, обыкновенно можетъ свободно вступать въ нихъ и оставлять ихъ и можетъ одновременно принадлежать къ нѣсколькимъ такимъ союзамъ. Сюда относятся, на примѣръ, ученныя и промышленныя общества, благотворительныя и просвѣтительныя организаціи и т. п.

Въ той же плоскости движется мысль Р. Вормса, когда онъ предлагаетъ (Worms, „Philosophie des sciences sociales“, 1903, I, p. 24 sqq.) считать за общество въ настоящемъ смыслѣ слова только самодовлѣющую общественную группу, т.-е. такую, которая въ случаѣ нужды могла бы довольствоваться своими собственными силами. Аналогичныя соображенія заставляютъ Зиммеля („Соціальная дифференціація“, стр. 23) указывать, что „границы собственно социальнаго существа можно видѣть тамъ, гдѣ взаимодействие личностей между собой проявляется не только въ ихъ субъективныхъ состояніяхъ или поступкахъ, но создаетъ объективное образованіе, которое обладаетъ извѣстной независимостью отъ отдѣльныхъ участвующихъ въ немъ личностей“.

Современная политическая жизнь насквозь проникнута сознаниемъ, что государство есть вполне реальная величина, социальный организмъ, выступающій съ собственной индивидуальностью, какъ могущественная волевая активность. Государство считается неизмѣннымъ, несмотря на смѣну поколѣній, смѣну лицъ, стоящихъ во главѣ правленія и даже самихъ формъ правленія. Поэтому государство, пережившее революцію, которая радикально измѣнила его форму правленія, тѣмъ не менѣе не освобождается отъ своихъ долговъ и отъ обязанностей, наложенныхъ на него международными договорами; даже всѣ существующіе въ немъ законы, кромѣ тѣхъ, которые отмѣнены происшедшимъ переворотомъ, остаются въ силѣ, такъ какъ государство не измѣнилось въ своей индивидуальности. Съ другой стороны, изъ этого же представленія о государствѣ, какъ о реальномъ единствѣ, вытекаетъ взглядъ на всѣхъ лицъ, которымъ поручены тѣ или другія публичныя функціи, какъ на органовъ государства, призванныхъ служить не своему личному интересу, а интересу общегосударственному. (См. Эсменъ, „Основные начала государственнаго права“, изд. Солдатенкова, 1878, I, стр. 2 слл.).

Въ другихъ общественныхъ соединеніяхъ, не столь могущественныхъ и самостоятельныхъ, какъ государство, и преслѣдующихъ спеціальныя цѣли, органическая природа общества проявляется не столь рѣзко и наглядно. Но тѣмъ не менѣе, всѣ эти социальныя организациі (по терминологіи Вундта) представляются намъ общественными реальностями. Было бы большою ошибкой смотрѣть на нихъ какъ на простые агрегаты лицъ или на искусственныя сооруженія, а всего менѣе—какъ на фикціи. Теорія социального организма даетъ намъ возможность правильно поставить и ученіе права о такъ называемыхъ *юридическихъ лицахъ*. Юридическое лицо представляется мнѣ явленіемъ совершенно аналогичнымъ лицу физическому. И то, и другое не составляетъ простого факта, но то и другое является фактомъ, получившимъ извѣстное признаніе со

стороны права и соответствующую юридическую квалификацію.

Индивидъ появляется на свѣтъ путемъ естественнаго рожденія. Но, чтобы получить значеніе физическаго лица, субъекта права и обязанностей, родившійся человекъ долженъ быть признанъ правомъ за правоспособное существо. Право можетъ отказать ему въ такомъ признаніи: совсѣмъ (античный рабъ) или же признать правоспособность съ ограниченіями и оговорками. Точно такъ же возникаетъ и лицо юридическое. Естественнымъ путемъ, по законамъ социальной жизни, возникаетъ общественное единство. Право можетъ его признать и надѣлать его правоспособностью; тогда оно становится юридическимъ лицомъ. Право можетъ его отвергнуть и признать даже подлежащимъ уничтоженію; тогда мы имѣемъ запрещенную преступную организацію, которая однако же представляетъ собою не меньшую социальную реальность, чѣмъ и признанный союзъ. Право можетъ, наконецъ, игнорировать такую организацію. Тогда она дѣйствуетъ фактически, не пользуясь защитой права.

Будучи несомнѣнной психически-социальной реальностью, юридическое лицо имѣетъ всѣ данныя, чтобы за нимъ признать и *дѣеспособность*. Для признанія дѣеспособнымъ существо должно обладать разумной волей. Но такой волей дѣйствительно обладаетъ юридическое лицо. Только воля эта относится къ области не индивидуальной психологіи, а коллективной или социальной. Она вырабатывается по законамъ социального процесса, путемъ взаимодействія волей тѣхъ лицъ, которые входятъ въ составъ юридическаго лица въ качествѣ его членовъ или органовъ. Юридическое лицо можетъ поэтому совершать правонарушенія въ лицѣ своихъ органовъ и нести за нихъ отвѣтственность. Конечно, къ нему непримѣнимы обычныя репрессіи уголовного права, рассчитанныя на волю индивидуально-психологическую. Но для него могутъ быть созданы репрессіи особаго рода, какъ способы давленія на волю коллективно-психологиче-

скую, на волю социальную. И вообще не только дѣеспособность, но и правоспособность юридического лица должна опредѣляться особыми нормами, считающимися съ отличительными свойствами социально-психического организма, съ естественными законами его жизни и дѣятельности.

Такимъ образомъ, ученіе о социальномъ организмѣ подводит прочный фундаментъ подъ ту теорію юридического лица, которая въ специальной юридической литературѣ связывается съ именами Безелера, Гирке и Регельсбергера ¹⁾ и которая въ моихъ глазахъ является единственно правильной конструкціей этого юридического явленія, имѣющаго первостепенное значеніе въ практической жизни. Въ особенности важно стать на точку зрѣнія ученія о социальномъ организмѣ, чтобы правильно разрѣшить столь важные на практикѣ вопросы объ отвѣтственности юридическихъ лицъ за дѣйствія ихъ агентовъ. По нашей теоріи, дѣйствія агентовъ въ предѣлахъ ихъ полномочій должны быть считаемы дѣйствіями самой социальной организаціи, составными частями которой эти агенты являются.

VI.

Мы установили, что продуктомъ эволюціи социальнаго организма является сознающая себя и свои особенности человѣческая личность. Такая личность не расплывается въ социальной группѣ. Будучи тѣсно съ нею связана и даже зная, что своимъ происхожденіемъ и преобладающей долей своего запаса идей и чувствъ она обязана обществу, она тѣмъ не менѣе разсматриваетъ и себя самое, какъ самостоятельную величину, требуетъ уваженія къ себѣ и сво-

¹⁾ *Beseler*, „*Volksrecht und Juristenrecht*“ (1843 г.) стр. 18, слл. *Gierke*, „*Deutsches Privatrecht*“, I. (1895 г.), стр. 456, слл. *Его же*, „*Das Wesen der menschl. Verbände*“ (1902 г.). *Regelsberger*, „*Pandekten*“, стр. 289, слл. Ср. мою „*Систему римскаго права*“ (изд. 4-е. 1908 г.), вып. I, § 28. См. также *Michaud*. „*La théorie de la personnalité morale*“. 1906.

имъ особенностямъ, отстаиваетъ свою индивидуальную свободу. Такую личность мы называемъ *нравственной личностью*.

Появленіе нравственной личности въ свою очередь отражается на дальнѣйшей эволюціи соціального организма. Мыслящій индивидъ непрестанно работаетъ надъ познаніемъ самого себя и всего окружающаго міра. Предметомъ анализа для его мысли является и само общество, его породившее, со всѣми законами своей жизни и развитія. Анализъ обнаруживаетъ и тотъ *антагонизмъ*, который появляется между личностью и обществомъ. Антагонизмъ этотъ неизбеженъ, потому что самостоятельная личность на первыхъ же порахъ не преминетъ разойтись во многихъ своихъ воззрѣніяхъ и интересахъ съ тѣми воззрѣніями, которыя сдѣлались частью общественнаго сознанія, и съ тѣми интересами, которые, согласно тому же сознанію, разсматриваются какъ интересы всего соціального организма. Сознаніе этого антагонизма часто заставляетъ личность вступить въ борьбу съ окружающимъ ее обществомъ, не исполнять его требованій и принимать мѣры для уклоненія отъ повиновенія общественной власти. Общество же, съ своей стороны, принимаетъ мѣры самозащиты отъ такихъ личностей, подвергаетъ ихъ наказаніямъ и принудительно на нихъ воздѣйствуетъ.

Но результаты анализа условій соціальной жизни, производимаго отдѣльными индивидами, также становятся общественнымъ достояніемъ. Путемъ такого анализа, въ которомъ работа однихъ индивидовъ восполняется работой другихъ и высказанныя идеи взаимно провѣряютъ другъ друга, создается *наука объ обществѣ и о поведеніи людей въ обществѣ*, которая сама составляетъ часть общественнаго сознанія. Научныя положенія не могутъ не вліять на содержаніе тѣхъ идеаловъ, которыми вдохновляются отдѣльные люди, а затѣмъ и цѣлыя массы людей. Содержаніе этихъ идеаловъ находятъ себѣ болѣе или менѣе полное и удачное проявленіе въ нормахъ *права*, т.-е. въ тѣхъ правилахъ, при посредствѣ которыхъ соціальный организмъ въ

лицѣ органовъ своей соціальной воли регулируетъ свою структуру и положеніе отдѣльныхъ своихъ членовъ.

Выучиваясь лучше понимать самого себя, соціальный организмъ выучивается и лучше владѣть собою. Онъ постепенно проникается сознаниемъ нежелательности того антагонизма, который возникаетъ между нимъ и сознающей свою индивидуальность, стремящейся къ свободѣ личностью. Въ результатѣ онъ сознательно начинаетъ принимать мѣры къ уменьшенію этого антагонизма. Мѣры эти состоятъ въ томъ, что онъ реформируетъ свою собственную структуру въ духѣ возможно большей личной свободы. Сверхъ того, онъ заботится и объ облегченіи для отдѣльной личности возможно большаго приспособленія къ требованіямъ соціальнаго цѣлаго. Для этого приходится вести борьбу съ антисоціальными свойствами личности. *Наказаніе* не является главнымъ средствомъ этой борьбы. Задача наказанія, по преимуществу, — карательная, и оно примѣняется къ уже происшедшимъ конфликтамъ личности и общества. Что же касается предупредительнаго средства противъ такихъ конфликтовъ, то таковымъ является, главнымъ образомъ, *воспитаніе и образованіе*, которое должно привести каждую личность къ ясному пониманію выгодъ общежитія и интересовъ соціальнаго организма. Въ томъ-же направленіи дѣйствуетъ и та положительная поддержка, которую общество оказываетъ личности для обезпеченія каждому индивиду условій существованія, соответствующихъ человѣческому достоинству.

Конечною цѣлью развитія соціальнаго организма въ этомъ направленіи является достиженіе такого состоянія общества, когда установится *полная гармонія между личностью и соціальнымъ цѣлымъ*, и когда сдѣлается осуществимымъ такой строй, который предоставлялъ бы полную свободу каждой личности, не подвергая при этомъ риску цѣлость и прочность соціальнаго организма. Достигнувъ такого состоянія, общество будетъ представлять собою массу людей, въ высокой степени дифференцированныхъ, но однако тѣсно сплю-

ченныя взаимнымъ уваженіемъ и сознаниемъ своей общественной солидарности. Такіе индивиды будутъ съ полнымъ уваженіемъ и терпимостью относиться къ особенностямъ другъ друга; антисоціальныя наклонности они не будутъ обнаруживать, такъ какъ всё будутъ проникнуты сознаниемъ своей связи съ общественнымъ единствомъ и одинаковымъ пониманіемъ общихъ имъ всѣмъ соціальныхъ нуждъ и интересовъ, интересовъ того цѣлаго, членами котораго всё они являются. Если общее благо будетъ требовать отъ нихъ извѣстныхъ жертвъ, то такія жертвы будутъ приноситься вполне добровольно, безъ всякаго принужденія. Совершенно сознательная „солидарность“ сдѣлаетъ излишней принудительную общественную власть и всякія принудительныя организаціи. Индивиды будутъ объединяться въ свободные общественные союзы, побуждаемые къ этому общностью интересовъ: такіе союзы будутъ образовывать между собою не менѣе свободныя федераціи. Можетъ быть, все *человѣчество* вступитъ въ тѣсную органическую связь между собою, связь, несомнѣнно отсутствующую въ наше время. Въ этой федераціи *человѣчества* не исчезнутъ индивидуальности исторически сложившихся народовъ, но эти индивидуальности на почвѣ общаго культурнаго сотрудничества будутъ относиться другъ къ другу съ полной терпимостью и уваженіемъ.

Конечно, такой строй *человѣчества* и отдѣльных народовъ не будетъ отвѣчать понятію *государства* въ современномъ смыслѣ слова, такъ какъ неизбѣжную характеристику современнаго государства составляетъ присущая ему принудительность. Государство эволюціонируетъ въ свободный союзъ, который окажется качественно отличнымъ отъ породившаго его въ своемъ развитіи государства.

Принимая во вниманіе эту способность соціальнаго организма вырабатывать своей эволюціей сознающую себя и отстаивающую свою свободу личность, а затѣмъ и самому эволюціонировать въ духѣ свободнаго строя, Фулье называетъ общество „*договорнымъ организмомъ*“ (*l'organisme con-*

tractuel) и признаетъ теорію общественнаго договора правильной въ томъ смыслѣ, что она отбѣняетъ именно эту сторону дѣла (см. Фуллѣ, „Современная наука объ обществѣ“, 1895 г.). Я считалъ бы такое названіе для общества опаснымъ, такъ какъ оно способно породить представленіе, будто бы развитіе общества, вошедшаго въ эту стадію сознательнаго стремленія къ свободному строю, становится искусственнымъ или механическимъ процессомъ. Такое представленіе было бы весьма ошибочнымъ. Процессъ развитія общества никогда не перестаетъ быть органическимъ. Общество, перешедшее въ фазисъ сознательнаго развитія, не превращается въ искусственно-сооружаемую людьми машину. Свободный строй общества является, какъ мы убѣдились, результатомъ вполнѣ закономѣрной и въ этомъ смыслѣ органической эволюціи самого общества. Если въ этомъ процессѣ участвуютъ *идеи* людей, то ничего страннаго тутъ нѣтъ: мы не переставали подчеркивать, что общество есть организмъ психической, а не біологической. Въ его развитіи дѣйствуетъ психическая причинность со своимъ основнымъ закономъ творческаго синтеза ¹⁾. Общество само вынашиваетъ въ своихъ нѣдрахъ сознательно мыслящую личность и такимъ образомъ проясняетъ и содержаніе общественнаго сознанія. Общество создаетъ своей закономѣрной эволюціей и личность, и ея стремленіе къ свободѣ, а для самого себя порождаетъ стремленіе къ освобожденію отъ принудительности въ своемъ строѣ. Однимъ словомъ, развитіе общества на почвѣ стремленія къ свободѣ личности и къ гармоническому примиренію личности и общества не перестаетъ быть тѣмъ закономѣрнымъ процессомъ, какимъ оно бываетъ всегда и вездѣ. Этотъ процессъ не перестаетъ быть процессомъ *органическимъ*, ибо въ немъ проявляется присущая обществу самостоятельная жизнь, выражающаяся въ способности организоваться и развиваться

¹⁾ См. мою статью „Къ вопросу о свободѣ воли“ въ „Вопр. Фил. и Псих.“ 1909 г., кн. 96.

безъ участія вѣшняго строителя, независимаго и отдѣльнаго отъ самаго общества. Принудительность вовсе не является необходимымъ условіемъ органическаго единства. Общество, въ которомъ отдѣльные члены свободно развиваются, и въ которомъ солидарность устанавливается безъ принужденія, не перестаетъ быть органическимъ единствомъ. Органическая связь его только укрѣпляется такой эволюціей въ направленіи къ свободному строю.

В. М. Хвостовъ.

Соціальное міровоззрѣніе Джона Рескина¹⁾.

Рескинъ родился въ 1819 г., а умеръ въ 1900 г., въ самомъ началѣ нашего вѣка. Одна изъ крупнѣйшихъ лондонскихъ газетъ, сообщая въ январѣ 1900 г. о его смерти, выразилась такъ: „онъ былъ изъ рода Исаи, мы въ немъ лишились послѣдняго изъ пророковъ“. И въ то время, какъ англійская пресса воздавала честь покойному, какъ истинному пророку, общественное мнѣніе, повидимому, единодушно подтверждало этотъ приговоръ печати. Почти тѣ же слова, въ которыхъ англичане оцѣнивали значеніе и характеръ Карлейля, произнесены были и для оцѣнки общей фізіономіи Рескина. Рескинъ, въ противоположность Карлейлю, вышедшему изъ народа, родился въ Лондонѣ въ богатой семьѣ „честнаго купца“, происходившаго родомъ изъ Шотландіи, но потомъ переселившагося на югъ Англіи. Однако, его біографія имѣетъ сходство съ біографіей Карлейля въ томъ отношеніи, что рѣшающую роль и въ его воспитаніи сыграла мать, и черезъ мать въ него вошелъ тотъ же самый духъ пуританизма, индепендентства и библиократіи, который вселился въ извѣстную часть англійскаго общества въ эпоху англійской революціи и англійской реформаціи. То религіозное пламя, которое зажглось еще въ войскахъ Кромвеля, было донесено черезъ Карлейля и Рескина благодаря ихъ матерямъ и до нашихъ

¹⁾ Настоящій очеркъ представляетъ собою главу изъ курса по исторіи соціальныхъ ученій въ XIX вѣкѣ и печатается здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ читанъ авторомъ съ каеэдръ.

дней. О томъ, какъ велико было значеніе пуританскаго элемента и въ частности влияніе Библии и библеизма въ воспитаніи Рескина, рассказываетъ онъ самъ въ своихъ воспоминаніяхъ (въ Praeterita).

„Лишь только я овладѣлъ искусствомъ бѣгло читать, какъ моя мать начала со мною чтеніе Библии, которое никогда не прерывалось до самаго поступленія моего въ Оксфордскій университетъ. Мы читали стихи по очереди, и она сначала наблюдала надъ интонаціей моего голоса и поправляла неправильности, пока не добивалась съ моей стороны правильнаго и твердаго пониманія тѣхъ стиховъ, которые я былъ въ состояніи постичь... Такимъ образомъ она начала съ перваго стиха книги Бытія и непрерывно продолжала всю Библию до послѣдняго стиха Апокалипсиса... чтобы на слѣдующій разъ снова начать съ книги Бытія. Если названіе было трудно, то оно служило лучшимъ упражненіемъ для произношенія; если глава была скучна, то она являлась урокомъ терпѣнія; если же она была для меня непонятна, то отъ этого выигрывало мое обученіе вѣрѣ.“ Этотъ довольно механическій способъ чтенія, тѣмъ не менѣе, сослужилъ свою службу. „Хотя,—говоритъ Рескинъ,—я и пріобрѣлъ позднѣе довольно значительныя свѣдѣнія по части математики, метеорологіи и по другимъ наукамъ имѣлъ много учителей, но смѣло признаю, что усвоеніе этихъ главъ,—а этимъ я обязанъ матери,—было самой драгоценной и въ итогѣ единственно существенной частью всего моего образованія“. Вѣрность его Библии удивительна. Когда онъ переживалъ тяжелый религіозный кризисъ на 39 г. жизни (эти религіозныя сомнѣнія продолжались у него почти 10 лѣтъ до 50 лѣтъ), то на основаніи его сочиненій почти нельзя было его уловить, потому что то же обильное цитированіе Библии на каждомъ шагу остается во всѣхъ сочиненіяхъ ¹⁾).

¹⁾ Одна изъ лучшихъ монографій, посвященныхъ Рескину, принадлежащая перу Брюнгенса, такъ и озаглавлена: „Рескинъ и Библия“ и изслѣдуетъ сочиненія Рескина и его отношеніе къ Библии и библеизму.

Рядомъ съ Библіей, по англійскому обычаю, Рескинъ съ 7 лѣтъ началъ обучаться латинскому языку, а 12-ти—языку греческому, такъ что шутя онъ изучилъ многое изъ классиковъ наизусть и вообще получилъ основательное классическое образованіе. Именно это соединеніе, съ одной стороны, библеизма, а съ другой—классицизма, мы наблюдаемъ у англичанъ иногда тамъ, гдѣ не ожидаемъ встрѣтить, (напр., Гладстонъ, одинъ изъ величайшихъ людей Англии, былъ изслѣдователемъ Гомера и вмѣстѣ съ тѣмъ знатокомъ библейскихъ книгъ). Эта типичная черта англійскаго воспитанія, черта высокой культуры, отличаетъ и Рескина. Съ 12 лѣтъ на него оказываетъ вліяніе уже англійская литература и англійское искусство, на ряду съ классической литературой, но особенно большое значеніе въ это время получаетъ его любовь къ природѣ. Извѣстно, что у Рескина эстетическая оцѣнка, чувство прекраснаго, во всѣхъ его сужденіяхъ играетъ центральную роль. Извѣстно также, что полжизни Рескинъ посвятилъ вопросамъ эстетики, и его съ одинаковымъ правомъ причисляютъ къ числу своихъ представителей теорія и исторія искусства, какъ и исторія соціальной мысли. Это чувство прекраснаго, по его собственнымъ словамъ, воспитывалось у него прежде всего чувствомъ природы и религіозно-проникновеннымъ отношеніемъ къ ней. Здѣсь опять-таки библеизмъ и эстетизмъ соединяются въ одно неразрывное цѣлое, и когда онъ описываетъ красоту природы, онъ нечувствительно переходитъ къ настроеніямъ библейскаго характера. Чтобы ощутить эти настроенія Рескина, приведу самый маленькій отрывокъ. Между прочимъ одна изъ излюбленныхъ мыслей его состоитъ въ томъ, что красота природы сильнѣе всего открывается не въ Альпахъ, не на Кавказѣ, не въ мѣстахъ, подавляющихъ величіемъ природы, а въ ея обыденной простой красотѣ, и тотъ, кто не умѣетъ цѣнить простаго цвѣтка, тотъ ничего не понимаетъ въ красотѣ природы. „Сорвите простую былинку,—говоритъ Рескинъ,—вглядитесь съ минуту попристальнѣе въ этотъ узкій саблевидный зеленый стебе-

лекъ, выточенный наподобіе желобка. Онъ не особенно крѣпокъ, довольно малъ, нѣсколько тонкихъ длинныхъ линий сливаются въ немъ въ одной точкѣ, далеко несовершенный, довольно неясный и незаконченный, отнюдь не представляющій образца тѣхъ художественныхъ произведеній, о которыхъ природа сильно заботится, и создана, повидимому, эта былинка только для того, чтобы ея блѣдный пустой стебелекъ, слабый и мягкій, переходящій незамѣтно въ печальные коричневыя прожилки корней, былъ сегодня затоптанъ ногами, а завтра брошенъ въ печь. Однако,—продолжаетъ онъ,—подумайте хорошенько и разсудите, какой изъ всѣхъ пышныхъ цвѣтовъ, благоухающихъ въ лѣтнемъ воздухѣ, какое изъ всѣхъ могучихъ, красивыхъ деревьевъ, чарующихъ зрѣніе и услаждающихъ вкусъ, будь то величественная пальма, или сосна, высокій ясень или крѣпкій дубъ, душистое лимонное дерево или обремененная плодами виноградная лоза,—какое изъ нихъ, повторяю, такъ сильно любимо людьми и такъ высоко чтимо Богомъ, какъ эта нѣжная, слабая, зеленая травка“. Любовь къ природѣ, путешествіе по Англии, по ея холмамъ и озерамъ, а впослѣдствіи путешествіе по Альпамъ, по континенту, сыграли огромную роль въ воспитаніи Рескина.

Къ этому влиянію присоединился и общій эстетическій характеръ его воспитанія. Рано умершій отецъ старался знакомить его съ произведениями искусства, и Рескинъ жилъ въ теплой атмосферѣ, не зная бѣдности, не зная жизненной тягости, въ атмосферѣ культурно-эстетическаго купечества. Такимъ образомъ прошло дѣтство, и наступила пора поступленія въ университетъ, въ Оксфордъ, гдѣ, согласно традиціямъ высокаго общества, къ которому старался примкнуть его отецъ, онъ поступилъ на богословскій факультетъ. Университетскіе годы ничего особеннаго не принесли Рескину. Политика и въ это время, и позднѣе не интересовала его. Онъ называлъ себя самъ „старымъ тори“ и инстинктивно не одобрялъ демократическихъ учреждений. Его отношеніе къ парламентской демократіи, пре-

зрѣніе какъ къ „баллотировочнымъ ящикамъ“, было сходно съ отношеніемъ Карлейля. Преобладаніе эстетическаго интереса является его отличительной чертой въ это время. Первый его трактатъ посвященъ вопросамъ эстетики и озаглавленъ „Поэзія архитектуры“. Вліяніе Тернера и Карлейля въ началѣ 20-хъ годовъ его жизни становится для него рѣшающимъ и глубокимъ. Особенно же ученіе Карлейля о герояхъ и героическомъ произвело на него очень сильное впечатлѣніе. Двадцати трехъ лѣтъ Рескинъ выпускаетъ книгу, которая посвящена вопросамъ искусства и вообще эстетики, подъ названіемъ: „Современные живописцы“. Въ этой книгѣ критеріемъ искусства является вѣрность дѣйствительности, правдѣ, природѣ. Вѣрность природѣ въ красотѣ, по его мнѣнію, является самымъ важнымъ условіемъ для эстетическаго воспріятія. Конечно, искусство не имѣетъ своей задачей натуралистическое воспроизведеніе дѣйствительности, напротивъ, оно воспроизводитъ дѣйствительность совершенную, идеи предметовъ. Рескинъ настаиваетъ, что „у каждой травки, у cadaго цвѣтка и дерева есть своя идеальная форма, та форма, къ которой стремится приблизиться всякій отдѣльный представитель вида, свободный отъ случайныхъ вліяній или болѣзней“.) Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „Каждая травинка или цвѣтокъ въ полѣ имѣетъ свою особую, характерную и совершенную красоту. У всякаго изъ нихъ есть своя сфера распространенія, свое выраженіе и своя функція. Высшее искусство это то, которое умѣетъ схватывать эти специфическія черты, которое развиваетъ и освѣщаетъ ихъ, находитъ имъ надлежащее мѣсто въ пейзажѣ и тѣмъ усиливаетъ впечатлѣніе, которое должна произвести картина“. Указывая искусству задачу воспроизведенія дѣйствительности въ ея идеаль, Рескинъ вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ ему еще и другую задачу, именно возбужденія нравственнаго чувства облагороженія. Настоящая красота, по его мнѣнію, воспитываетъ нравственное чувство, и настоящій художникъ отличается возвышенностью цѣли, къ которой направлена его дѣятель-

ность. Поэтому „истинная художественная критика никогда не может состоять въ простомъ приложеніи правилъ; она можетъ быть справедлива только въ томъ случаѣ, если основана на живой симпатіи къ безчисленнымъ инстинктамъ и мѣняющимся стремленіямъ человѣческой природы, если она облагорожена и охраняема неизмѣнной любовью ко всякому созданію Творца, предназначенному Имъ быть прекраснымъ и признанному Имъ добрымъ“. Слѣдовательно, эстетика у Рескина пролагаетъ прямой путь къ человѣческой жизни, идеаламъ, надеждамъ и социальнымъ упованіямъ. И путь этотъ, мы увидимъ, естественно и прямо приводитъ его черезъ эстетику къ социальнымъ вопросамъ. „Отличительный характеръ этихъ моихъ книгъ, какъ очерковъ по вопросамъ искусства,—говоритъ Рескинъ,—заключается въ томъ, что въ нихъ все въ концѣ-концовъ сводится къ человѣческимъ страстямъ или надеждамъ. Каждый принципъ въ живописи, установленный мною, прослѣживается до какого-нибудь факта матеріальной или духовной жизни. Въ моихъ сочиненіяхъ объ архитектурѣ я отдаю въ концѣ-концовъ предпочтеніе одной нколѣ передъ другой на основаніи ихъ сравнительнаго вліянія на жизнь рабочаго,—вопроса, о которомъ забывали всѣ другіе авторы, касавшіеся этого предмета, или котораго они не удостоивали своимъ вниманіемъ“.

Слѣдующимъ сочиненіемъ Рескина по эстетикѣ было: „Венеціанскіе камни“. Какъ показываетъ названіе, сочиненіе посвящено венеціанскимъ памятникамъ архитектуры, при чемъ оно стремится выяснитъ связь между характеромъ этого искусства, національнымъ характеромъ венеціанцевъ и нравственнымъ состояніемъ эпохи, именно ея невѣріемъ. Такимъ образомъ, эстетическая проблема исторіи искусства, ставится здѣсь, какъ нравственная проблема. Этой постановкой онъ дѣлаетъ слѣдующій шагъ въ своемъ приближеніи къ социальнымъ вопросамъ жизни. Связь эту онъ понималъ и сознавалъ, и въ одномъ изъ своихъ сочиненій самъ охарактеризовалъ. Слѣдующимъ образомъ

говорилъ онъ позднѣе о послѣдовательности своихъ произведеній: „Въ 20 лѣтъ, — пишетъ самъ о себѣ Рескинъ въ 1875 г., — я писалъ „Современные живописцы“, въ 30 — „Камни Венеціи“, въ 40 — „Послѣднему, что и первому“, въ 50 — „Вступительныя Оксфордскія лекціи“, и если я когда-нибудь кончу „Fors Clavigera“, то ею опредѣлится мое духовное состояніе въ 60 лѣтъ. Въ „Современныхъ живописцахъ“ я указалъ на общую связь безпредѣльной природы съ сердцемъ человѣка, указалъ, что скала, волна и былинка являются необходимыми элементами его духовной жизни. Теперь же, заклиная васъ украшать землю и охранять всю ея красоту, я только восполняю то, чему училъ прежде и что является логическимъ слѣдствіемъ моихъ прежнихъ работъ. Въ „Камняхъ Венеціи“ я сообщилъ законы строительнаго искусства и поучалъ тому, какъ красота каждаго творенія, каждаго зданія, воздвигнутаго людьми, зависитъ отъ счастья жизни рабочихъ. Въ „Послѣднему, что и первому“ разъяснены законы этой жизни и зависимости счастья этой жизни отъ Солнца правды. „Вступительныя Оксфордскія лекціи“ учатъ насъ тому, что жизнь нужно прожить достойнымъ образомъ, и что дивныя законы красоты и труда должны быть признаны какъ высшими, такъ и низшими классами англійскаго общества; а въ Fors Clavigera я, наконецъ, устанавливаю взаимныя отношенія этихъ двухъ классовъ и громко провозглашаю, что міръ и счастье, какъ для тѣхъ, кто наверху, такъ и для тѣхъ, кто внизу, какъ для богатыхъ, такъ и для бѣдныхъ возможны только при охраненіи своего человѣческаго достоинства подъ единственнымъ владычествомъ Бога, соблюдающаго всѣхъ здѣсь падающихъ людей и ангеловъ, въ вѣчныхъ узахъ, подъ мракомъ, до суда великаго дня и дарующимъ служащимъ Ему полную свободу, наслѣдіе всего, что любящій Творецъ можетъ даровать своимъ созданіямъ и вѣчный Отецъ своимъ дѣтямъ“.

Связь эстетики съ соціальнымъ вопросомъ устанавливается здѣсь самимъ авторомъ съ полной ясностью.

Проявленіе интереса къ социальнымъ вопросамъ выразилось раньше всего въ его нападкахъ на утилитаризмъ и механическое пониманіе прогресса, въ которомъ онъ представляетъ большое сродство съ Карлейлемъ ¹⁾. Вліяніе Карлейля на Рескина вообще не подлежитъ сомнѣнію, и оно имѣетъ не только літературное происхожденіе, но основывается на личномъ ихъ знакомствѣ, состоявшемся въ 1851 г.

Съ 1855 г., т.-е. приблизительно съ 36 г. жизни Рескина, начинается его знакомство съ политической экономіей. Самъ онъ съ весьма большимъ пренебреженіемъ говоритъ о политической экономіи, какъ наукѣ, и въ предисловіи къ лекціямъ по политической экономіи и искусству замѣчаетъ про себя, что онъ не читалъ политико-экономическихъ сочиненій, кромѣ Адама Смита. То, что онъ пытался читать послѣ, производило на него впечатлѣніе, можетъ быть, и нужныхъ социальныхъ работъ, но настолько бѣдныхъ и грубыхъ, что онъ относился къ нимъ пренебрежительно. Съ того же 1855 г., подъ вліяніемъ Мориса, извѣстнаго главы христіанскихъ социалистовъ, Рескинъ начинаетъ заниматься съ рабочими рисованіемъ и интересоваться вообще ихъ эстетическимъ образованіемъ. Въ 1857 г. онъ издаетъ сочиненіе, которое носитъ названіе: „Радость на вѣки и ея рыночная цѣна, или политическая экономія искусства“. Здѣсь онъ изслѣдовалъ вопросъ о сохраненіи артистическихъ способностей націи.

Въ 1859 г. вышла одна изъ важныхъ его книгъ по социальному вопросу подъ заглавіемъ: „Послѣднему, что и первому“ — „Unto this Last“ ²⁾. Что касается общаго характера его дѣятельности въ послѣдній періодъ жизни, то можно согласиться съ Джономъ Гобсономъ, (извѣстнымъ экономистомъ, написавшимъ весьма обстоятельную монографію о

¹⁾ О Карлейлѣ вообще см. очеркъ «Карлейль и Толстой» (*Новый Путь*, декабрь, 1904 года — *Вопросы Жизни*, январь, 1905 года). Изложеніе и критика социального утилитаризма (особенно у Р. Овена) и общаго міровоззрѣнія Карлейля даны въ предыдущихъ главахъ настоящаго курса (изданнаго литографированнымъ путемъ для слушателей автора).

²⁾ Это заглавіе взято изъ евангельской притчи о расчетѣ съ рабочими.

Рескинъ подъ заглавіемъ: „Рескинъ, какъ соціальный реформаторъ“). Гобсонъ говоритъ, что „Рескинъ посвятилъ на служеніе своей соціальной идеѣ всю остальную свою трудолюбивую жизнь. Въ исторіи литературы не найти болѣе героическаго примѣра человѣка, одиноко борящагося съ равнодушіемъ публики и нескрываемымъ презрѣніемъ большинства образованныхъ классовъ. Кабинетные экономисты, доктринально разсуждавшіе о принципахъ политической экономіи, не имѣя ни малѣйшихъ практическихъ свѣдѣній въ области производства и потребленія, открыто называли его невѣжественнымъ фанатикомъ. Друзья — литераторы и художники — оплакивали его, какъ человѣка, выступившаго въ безумный и бесполезный крестовый походъ. Большинство читателей, прощавшихъ ему его дерзкія мысли ради прекраснаго языка, которымъ онѣ были высказаны, считало его утопистомъ. Съ этимъ враждебнымъ потокомъ, съ этой непроницаемой преградой равнодушія или непониманія Рескинъ мужественно боролся въ теченіе 30-ти лѣтъ, пробуя всякое оружіе изъ литературнаго арсенала, чтобы найти достуць къ сердцу и разуму своего народа. Бросая взглядъ на списокъ изданныхъ имъ сочиненій, мы находимъ все то же удивительное разнообразіе сюжетовъ, съ какимъ встрѣчаемся въ раннюю эпоху его литературной дѣятельности; но каковы бы ни были ихъ заглавія и ихъ непосредственная тема — исторія живописи, теорія образованія скаль, техника рисованія, романы въ прозѣ и стихахъ, воспитаніе, религія, война, какова бы ни была аудиторія — оксфордскіе студенты, архитектурная школа, дѣловые люди, воспитанницы гимназій, рабочіе, ученики военныхъ школъ, общественно-критическое направленіе всегда преобладало въ нихъ надъ формальнымъ сюжетомъ, всегда одушевляло и часто поглощало его“.

Изъ сочиненій Рескина, носящихъ соціальный характеръ, кромѣ названнаго „Послѣднему, что и первому“, заслуживаютъ упоминанія слѣдующія: „Munera Pulveris“ (Дары праха), гдѣ онъ ставитъ индивиду извѣстныя условія нрав-

ственного развитія, какъ необходимыя для осуществленія общественныхъ реформъ. Затѣмъ, „Сезамъ и лиліи“, гдѣ тѣ же условія указываются для представителей просвѣщенныхъ классовъ. Затѣмъ, въ 1866 г. „Вѣнокъ изъ вѣтвей дикой оливы“, гдѣ ставится вопросъ, что такое трудъ. „Время и теченіе“ — это изложеніе простымъ языкомъ для рабочихъ-пробочниковъ воззрѣній Рескина и нѣкоторые практическіе выводы изъ нихъ. Наконецъ, самое важное сочиненіе по рабочему вопросу „Fors Clavigera“, что значитъ: „Судьба, заколачивающая гвозди“. Это мудреное названіе требуетъ нѣкотораго объясненія. Подъ общимъ заглавіемъ „Fors Clavigera“ изданы письма, выпускаемыя Рескинымъ въ теченіе ряда лѣтъ по разнымъ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ. Темы „Fors Clavigera“ чрезвычайно пестры. Онѣ касаются вопросовъ теоретическихъ и практическихъ, социальныхъ и эстетическихъ и т. д. ¹⁾.

Прежде чѣмъ переходить къ общей характеристикѣ воззрѣній Рескина, скажу нѣсколько словъ еще о его стилѣ. Уже приведенныя мною названія его сочиненій достаточно показываютъ, насколько необычны приемы его литературнаго

¹⁾ Названіе же имѣетъ такой смыслъ: слово Fors значитъ въ переводѣ на англійскій языкъ понятіе судьбы, т.-е. вѣшняго рока, опредѣляющаго положеніе человѣка, затѣмъ понятіе могущества личности, которая борется съ этимъ рокомъ и, наконецъ, понятіе — удѣла, окончательнаго результата, который получается вслѣдствіе борьбы рока и личности. Когда опредѣляется, такимъ образомъ, судьба личности, то судьба какъ бы вбиваетъ гвоздь, окончательно опредѣляя его положеніе. Тотъ же Гобсонъ замѣчаетъ, что „Fors Clavigera“ занимаетъ исключительное положеніе не только среди сочиненій Рескина, но и во всей новѣйшей литературѣ. Изобилующее блестящей и мелкой сатирой, трогательнымъ и проникающимъ въ душу паэосомъ, остроумными и филологическими и иными изслѣдованіями, глубокимъ анализомъ причинъ и слѣдствій жизненныхъ явленій, — это сочиненіе является въ своемъ цѣломъ самой полной, свободной и сильной критикой англійской жизни 19-го столѣтія. Какъ и всѣ великія произведенія, эту книгу слѣдуетъ разсматривать какъ нѣчто цѣлое, такъ какъ, несмотря на неправильность формъ и на небольшіе перерывы во времени, раздѣляющіе ея отдѣльныя части, она объединяется цѣлостностью той личности, наиболѣе вѣрнымъ выраженіемъ которой она является“. На русскій языкъ переведена только часть „Fors Clavigera“, которая составляетъ довольно толстый томъ въ изданіи „Посредника“.

изложенія. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ Карлейлемъ. Какъ къ языку Карлейля нужно привыкать, нужно съ нимъ примиряться, на него соглашаться, такъ и къ изложенію Рескина, его разбросанности, къ его литературной манерѣ перескакиванія отъ одного сюжета къ другому, къ его произвольному сочетанію разныхъ темъ и сюжетовъ тоже нужно привыкнуть и примириться. Я не могу сказать про себя лично, чтобы былъ большимъ поклонникомъ манеры изложенія какъ Карлейля, такъ и еще болѣе Рескина, поэтому не могу съ воодушевленіемъ и другимъ внушать это поклоненіе. Если оригинальность литературной манеры Рескина не подлежитъ сомнѣнію, зато это же своеобразіе составляетъ немалое препятствіе при знакомствѣ съ Рескинымъ.

Что касается общихъ основаній критики общественнаго устройства у Рескина, то, какъ я уже указывалъ, это Библия, Ветхій и Новый Завѣтъ. Самыя основныя предпосылки его выводятся изъ тѣхъ или иныхъ библейскихъ ученій или текстовъ. Я приведу одно мѣсто, гдѣ наиболѣе ясно выражены принципиальныя основы и задачи этой критики. „Гдѣ,—спрашиваетъ Рескинъ,—формула нашихъ обязанностей въ дѣлѣ милосердія? Раскройте Евангеліе отъ Маттея и прочтите слова Христа: „Алкая Я и вы дали Мнѣ ѣсть; былъ нагъ и вы одѣли Меня; былъ странникомъ и вы приняли Меня“. Накормить бѣднаго,—пишетъ Рескинъ,—не заслуживающаго, работающаго, добраго и благорасположеннаго, а просто голоднаго! Справедливо, безусловно справедливо, что человѣкъ, не желающій работать, не долженъ ѣсть. Помните это каждый разъ, когда садитесь за столъ. Да, господа и госпожи, прежде чѣмъ испросить Божіе благословеніе, задайте себѣ каждый разъ вопросъ: сколько вы сегодня проработали, чтобы заслужить свой обѣдъ? „Одѣть нагого?..“—6000 лѣтъ люди ткуть, и что изъ этого вышло? Каждая голая стѣна должна быть покрыта пурпуровой тканью и каждая слабая грудь защищена отъ холода разноцвѣтными одѣянiями. И что же мы сдѣлали вмѣсто того?.. Красота нашихъ

прелестныхъ дѣтей развѣ не предоставлена въ жертву позору бѣдствій и нищеты, въ то время какъ природа, лучше понимающая свою задачу, прикрываетъ выводокъ птицъ въ гнѣздѣ и волчатъ въ ихъ логовищѣ? А зимній снѣгъ развѣ не прикрываетъ неприкрытыхъ нами и не служитъ ли саваномъ для незарытыхъ нами? И каждый зимній вѣтеръ развѣ не возноситъ къ небу души жертвъ для свидѣтельства противъ васъ въ будущей жизни, согласно словамъ Христа: „Я былъ нагъ и вы не одѣли Меня!“ Пріютить бѣднаго?.. — бооо лѣтъ люди уже строятъ и что мы изъ этого сдѣлали? У муравьевъ и бабочекъ есть ячейки для ихъ дѣтенышей, а наши маленькія дѣти покоятся на гнилой соломѣ, въ домахъ, служащихъ имъ гробами; и каждую ночь съ угловъ нашихъ улицъ раздаются вопли безпріютныхъ: „былъ странникомъ и вы не пріютили Меня“. Но, — продолжаетъ Рескинъ, накормивъ народъ, одѣвъ его и давъ ему пріютъ, мы не исполнимъ еще нашего долга по отношенію къ нему: намъ нужно еще возвысить его до пониманія имъ искусствъ, наукъ и всѣхъ сферъ духовной дѣятельности такъ, чтобы онъ находилъ въ немъ наслажденіе. „Въ темницѣ былъ и вы посѣтили Меня“, — говоритъ Христось. Нищета и невѣжество, пороки, — вотъ темница для души, и кто изъ насъ думаетъ освободить изъ нихъ душу? Сострадательные люди ставятъ въ главную вину богатымъ то, что они отказываютъ бѣднымъ въ хлѣбѣ, и вопли работниковъ, у которыхъ удержана плата, доходятъ до слуха Господа Саваоа. Увы, не лишеніе пищи самое жестокое и не вопли о ней самые сильные — жизнь дороже пищи, богатые лишаютъ бѣдныхъ не только пищи, но и добродѣтели, мудрости и спасенія. Вы — овцы безъ пастыря и не пастбища недоступны вамъ, а присутствіе его. Пища! Можетъ быть, еще спорны ваши права на нее и вамъ слѣдуетъ добиваться другихъ правъ. Требуйте крохъ со стола, если хотите, но требуйте ихъ какъ дѣти, а не какъ псы. Требуйте своего права быть накормленными, много еще громче требуйте права быть святыми, совершенными и безупречно чистыми. Странныя слова

въ примѣненіи къ рабочимъ! Что? Святыми?.. Эти люди въ грубой одеждѣ, съ грубыми рѣчами на устахъ, осужденные на множество позорныхъ и невыразимо грязныхъ работъ? Совершенными?.. Эти существа съ потухшимъ взоромъ, искривленными членами и медленно работающимъ умомъ? Чистыми?.. Эти люди, полные чувственности и низкихъ страстей, съ гноящимся тѣломъ и грубой душой? Все это можетъ быть вѣрно, но при всемъ этомъ они самыя святыя, совершенныя и чистыя существа на землѣ въ данное время. Очень можетъ быть они и таковы, какими вы ихъ описываете, но и въ этомъ случаѣ они чище насъ, оставляющихъ ихъ въ такомъ положеніи“.

Приведенный отрывокъ вводитъ въ критику соціального строя у Рескина и даетъ понятъ, въ чемъ ея основы и каковъ ея характеръ. Основы эти, съ одной стороны, религіозныя, съ другой эстетическія. Рескинъ не отказался отъ своей любви къ красотѣ и не пересталъ считать красоту началомъ самодовлѣющимъ. Но онъ увидѣлъ, что это просвѣтленіе міра красотой встрѣчаетъ препятствіе въ соціальной дисгармоніи и потому, естественно, художникъ, стремящійся къ красотѣ, сталъ передъ соціальнымъ вопросомъ. „Намъ нужно любить не фрески, — говоритъ Рескинъ, — а Бога и Его твари. Нужны смиреніе, милосердіе, нужна самоотверженность, нужно воздержаніе... Пусть нація будетъ здорова, счастлива, чиста въ своихъ радостяхъ, мужественна въ своихъ дѣлахъ и величественна въ своихъ влеченіяхъ, привязанностяхъ, и тогда искусство въ ней и кругомъ нея забьетъ такъ же свободно, какъ пѣна стремительнаго потока. Людямъ нужны добродѣтели прежде всякихъ знаній и искусствъ; странѣ нужна соціальная организація, основанная на справедливости и честности, прежде любой школы искусствъ; прежде, чѣмъ воспѣвать людямъ красоту, нужно прислушаться къ страшному призыву человѣческихъ бѣдствій о помощи“, голосъ, который кажется Рескину „ревомъ кровавой рѣки“. Слова книги Бытія получаютъ тогда болѣе широкое и прекрасное значеніе. Садамъ

Божимъ являются не привилегированныя картины горъ, деревьевъ и цвѣтовъ, а юдоль бѣдствій, гдѣ произрастають нѣжные, живые цвѣты съ порванными листьями и поломанными стеблями, „которые скрываются тамъ—во мракъ сырыхъ улицъ“.

Такъ, обратившись къ социальному вопросу, Рескинъ не пересталъ быть эстетикомъ и художественнымъ критикомъ, но онъ расширилъ свое пониманіе задачъ искусства и въ этомъ расширенномъ видѣ оно вмѣстило въ себя и политическую экономію, и социальный вопросъ. Обратившись къ политической экономіи, Рескинъ натолкнулся здѣсь прежде всего на условность ея критеріевъ и ея материалистическихъ предпосылокъ, а прежде всего на то понятіе объ „экономическомъ человѣкѣ“, которое выработала классическая школа политической экономіи, опираясь, съ одной стороны, на Бентама и философію просвѣтительства, а съ другой, на манчестерство. Предпосылка „экономическаго человѣка“ состоитъ въ томъ, что человѣкъ въ экономической жизни руководится только экономическимъ расчетомъ, только себялюбіемъ и своекорыстіемъ. Исходя изъ этой предпосылки, классическая политическая экономія и вообще вся теоретическая политическая экономія строятъ свои теоріи. Рескинъ въ своихъ лекціяхъ „Послѣднему, что и первому“ отказался ее принять по той причинѣ, что она не соответствуетъ дѣйствительности, ибо люди въ такой же степени руководятся въ своей жизни, въ своихъ дѣйствіяхъ чувствомъ симпатіи, любви и привязанности, какъ и себялюбіемъ. Поэтому онъ заявляетъ: „Я отнюдь не отвергаю и не сомнѣваюсь въ правильности выводовъ этой науки, если принять ея посылки. Я просто не интересуюсь этими выводами, какъ не интересовался бы выводами науки о гимнастическихъ упражненіяхъ, если бы она исходила изъ предположенія, что люди лишены скелетовъ. При этомъ можно было бы доказать, что обучающихся крайне удобно скатывать въ шарики, сплющивать въ лепешку или вытягивать въ длинные канаты и что, разъ это будетъ продѣ-

лано, можно ввести въ расчетъ и скелетъ, сдѣлать соотвѣтствующія измѣненія въ полученныхъ результатахъ. Всѣ эти разсужденія могутъ быть чрезвычайно логичны, выводы вполне правильны, но только вся такая наука окажется ни къ чему неприложимой. Современная экономическая наука какъ разъ находится въ такомъ положеніи. Признавая, что человѣкъ не лишенъ скелета, она исходитъ изъ обратнаго положенія, что онъ состоитъ исключительно изъ костей и выводитъ соотвѣтствующую окостенѣвшую теорію прогресса изъ отрицанія въ человѣкѣ души. Показавъ, гдѣ предѣлъ того, что можетъ быть получено изъ костей и построивъ рядъ геометрическихъ фигуръ изъ череповъ и плечевыхъ костей, она успѣшно доказываетъ неудобство появленія души“.

Для правильной оцѣнки этого сужденія, а также и всѣхъ дальнѣйшихъ сужденій Рескина необходимо не забывать, что подъ политической экономіей Рескинъ все время имѣетъ въ виду или классическую политическую экономію или то, что называется манчестерской школой, т.-е. то направленіе экономической мысли, которое было въ Англии господствующимъ, даже почти исключительнымъ, и которое считаетъ существующій экономическій строй естественнымъ, неизмѣннымъ, нормальнымъ, основаннымъ на разумномъ расчетѣ, на разумномъ эгоизмѣ и, такимъ образомъ, самодовлѣющимъ. Противъ такой самоувѣренности и самодовольства, которое было тѣмъ больше, что питалось убѣжденіемъ своей научной обоснованности, Рескинъ и направляетъ свою разрушительную критику. Онъ подвергаетъ сомнѣнію и отрицанію самыя ея основныя положенія. Начавъ съ „экономическаго человѣка“, онъ переходитъ къ понятіямъ мѣнливой цѣнности о благѣ и богатствѣ. Манчестерская политическая экономія, какъ мы знаемъ, въ своихъ понятіяхъ о богатствѣ руководится также чисто внѣшними, условными признаками. Она въ этомъ отношеніи стоитъ почти на уровнѣ меркантилистической мысли, т.-е. изслѣдуетъ богатство совершенно абстрактно, внѣ общественно

соціального значенія этого богатства. Напротивъ, Рескинъ отказывается признать и допустить такую отвлеченность, отказывается признать самое понятие богатства. „По количеству накопленныхъ богатствъ, — говоритъ онъ, — нельзя судить о томъ, является ли оно добромъ или зломъ для націи, обладающей ими. Дѣйствительное ихъ значеніе зависитъ отъ ихъ нравственнаго свойства, подобно тому, какъ значеніе математической величины зависитъ отъ ея алгебраическаго знака. Извѣстное накопленное промышленное богатство можетъ служить, съ одной стороны, указателемъ существованія честной промышленности, прогрессивной энергіи и производительной изобрѣтательности, а съ другою—гибельной роскоши, безжалостной тираніи и разоряющаго мошенничества“. „Нѣкоторыя богатства тяжелы отъ пролитыхъ человѣческихъ слезъ, какъ плохо убранный урожай тяжелъ отъ несвоевременныхъ дождей, и иное золото блеститъ ярче, чѣмъ оно того заслуживаетъ“. „Одна сумма денегъ является порожденіемъ дѣятельности творческой, другая же—дѣятельностью, сгубившей въ 10 разъ больше, чѣмъ произвела. Благодаря имъ, множество рукъ оказались парализованными, какъ бы онѣмѣвшими отъ ядовитаго растенія, энергія массы мужественныхъ людей—надорванной, безчисленныя производительныя предпріятія—подавленными, громадное количество труда получило ложное направленіе и множество лживыхъ печатей благосостоянія наложено на бесплодныя пустыни и раскаленные плавильныя печи. Кажущееся благосостояніе въ дѣйствительности можетъ оказаться только позолоченнымъ указателемъ глубокаго разоренія, злодѣйской пригоршней денегъ, собранныхъ съ побережья, о которое обманнымъ образомъ разбить корабль, узломъ тряпокъ, содранныхъ мародерами съ погибшихъ честныхъ солдатъ, цѣною за землю горшечника, служащую могилою какъ мѣстныхъ гражданъ, такъ и странниковъ“. „Насколько я знаю,—продолжаетъ Рескинъ,—никогда еще въ исторіи не встрѣчалось примѣра чего-либо болѣе постыднаго для человѣческаго ума, чѣмъ современ-

ный взглядъ, по которому коммерческое правило покупать на самомъ дешевомъ и продавать на самомъ дорогомъ рынкѣ есть или можетъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, быть полезнымъ правиломъ народной экономіи. Покупать на самомъ дешевомъ рынкѣ?—да, но благодаря чему рынокъ этотъ сталъ дешевле? Уголь отъ вашихъ балокъ, можетъ быть, очень дешевъ послѣ пожара, и кирпичи дешевы на вашихъ улицахъ послѣ землетрясеній, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы пожары и землетрясенія были благодѣтельны для націи. Продавать на самыхъ дорогихъ рынкахъ? Да, безспорно, но въ силу чего явились эти ваши дорогіе рынки? Вы выгодно продали сегодня вашъ хлѣбъ, но кому? Умиращему ли бѣдняку, который отдастъ за него послѣдніе свои гроши и уже никогда не будетъ нуждаться въ хлѣбѣ; богачу ли, который завтра же принудитъ васъ продать ему и вашу ферму; или же, наконецъ, солдату, направляющемуся разгромить то побережье, въ которое вы вложили все свое состояніе?“ Истинное богатство, поэтому, связано съ тѣмъ значеніемъ, которое оно имѣетъ для человѣка. „Та страна наиболѣе богата,—разсуждаетъ Рескинъ,—которая питаетъ наибольшее количество благородныхъ и счастливыхъ людей; тотъ человѣкъ наиболѣе богатъ, который болѣе усовершенствовалъ всѣ стороны своей жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ самое широкое благотворное вліяніе какъ личное, такъ и матеріальное на жизнь другихъ людей“.

Политическую экономію, которая господствуетъ, Рескинъ называетъ меркантильной и противъ нея направляетъ свою критику. По его мнѣнію, меркантильная политическая экономія противоположна настоящей политической экономіи. Политическая экономія меркантильная имѣетъ въ виду мнѣніи или богатство, но въ дѣйствительности это богатство „есть сила, которая, подобно электричеству, дѣйствуетъ только при существованіи равенства или противоположностей. Сила рубля въ нашемъ карманѣ вполнѣ зависитъ отъ отсутствія его въ карманѣ нашего сосѣда. Если бы послѣдній не нуждался въ немъ, онъ былъ бы без-

полезенъ и для васъ; степень его власти вполне зависитъ отъ того, насколько вашъ сосѣдь нуждается или желаетъ обладать имъ, и искусство богатѣть, въ обычномъ смыслѣ меркантильныхъ экономистовъ, есть неизбежное также искусство удерживать ближняго въ состояніи бѣдности“. Политическая же экономія въ настоящемъ смыслѣ слова „учить просто производству, сохраненію и наиболѣе совершенному и цѣлесообразному распредѣленію предметовъ полезныхъ и пріятныхъ. Фермеръ, своевременно убирающій сѣно, кораблестроитель, правильно вбивающій болту въ здоровый лѣсъ, архитекторъ, воздвигающій зданіе изъ хорошихъ кирпичей и на хорошо разведенной известкѣ, хозяйка дома, заботящаяся объ обстановкѣ своей гостиной и о томъ, чтобы на кухнѣ ничего не пропадало даромъ, пѣвецъ, правильно пользующійся своимъ голосомъ, никогда не насилуетъ его, все это политико-экономы въ истинномъ и конечномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ они постоянно содѣйствуютъ богатству и благосостоянію того народа, къ которому принадлежатъ. Но меркантильная экономія, экономія торга или платы, означаетъ накопленіе въ рукахъ отдѣльной личности законнаго права или власти надъ трудомъ другихъ, и такое право неизбежно предполагаетъ бѣдность или задолженность, съ одной стороны, и соответствующую богатству власть—съ другой. Поэтому истинная политическая экономія есть та, которая учитъ народъ производить предметы, служащіе для жизни, и презирать и уничтожать все, что ведетъ къ гибели“.

Протестуя противъ условности и отвлеченности цѣнностей политической экономіи, Рескинъ становится внѣ ея. Онъ смотритъ на экономическую науку глазами простого, наивнаго наблюдателя. Здѣсь Рескинъ часто становится на ту точку зрѣнія, на которой стоитъ, напр., нашъ Толстой и другіе мыслители этого склада, когда начинаютъ критиковать или разбирать экономическія ученія, имѣющія условную цѣнность и условное значеніе, съ точки зрѣнія или безусловности или же простого здраваго смысла. Часто при

этомъ получаютъ недоразумѣнія совершенно неустраняемыя, потому что извѣстная условная терминологія, условность понятій совершенно неизбѣжна при всякомъ научномъ изслѣдованіи, спеціальному, обособляющему изученіи, и приходится мириться съ этой условностью, какъ неизбѣжнымъ зломъ, но въ то же время очень часто, если не всегда, такіе вопросы и сомнѣнія со стороны здраваго смысла бываютъ полезны въ томъ отношеніи, что перетряхиваютъ, заставляютъ пересмотрѣть такія понятія, которыя иначе вслѣдствіе привычности своей начинаютъ быть сами собою разумѣющимися. Поэтому и Рескинъ въ извѣстномъ смыслѣ правъ, въ особенности по отношенію къ манчестерской политической экономіи, а въ извѣстномъ смыслѣ совершенно неправъ, потому что, если даже признать справедливость нѣкоторыхъ его разсужденій, то они мало пригодны для научно-техническаго изученія тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ отношеній, съ которыми имѣетъ дѣло политическая экономія.

Другая особенность Рескина, такъ же какъ и Карлейля, Толстого и другихъ мыслителей этого склада, это стремленіе этизировать политическую экономію, сдѣлать ее наукой не только технической, изслѣдующей спеціальныя вопросы и технику средствъ, но и заставить ее принимать во вниманіе потребности этического сознанія. Это стремленіе къ этизированію политической экономіи и вообще соціальной науки, если оно не заходитъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ, если оно не приводитъ къ разрушенію самыхъ основъ науки, бываетъ только полезнымъ, потому что дѣйствительно политическая экономія по своимъ задачамъ и основаніямъ можетъ и должна быть наукой этической, какъ бы прикладной этикой.

Исходя изъ такого расширеннаго пониманія экономическихъ доктринъ, которое придаетъ имъ Рескинъ, мы не удивимся, если найдемъ у него, наконецъ, и такое опредѣленіе богатства: „Нѣтъ иного богатства, кромѣ жизни,— жизни, подразумѣвая всю силу любви, радости и прекло-

ненія. Люди ошибаются, если они, какъ дѣти, предполагаютъ, что бесполезныя вещи, вродѣ наростовъ на раковинѣ или кусочковъ краснаго и синяго камня, имѣютъ цѣнность, и, чтобы отыскать ихъ, затрачиваютъ значительное количество труда, которое слѣдовало бы употреблять на развитіе и украшеніе жизни; или, если они представляютъ себѣ, что условія собственнаго ихъ существованія, необходимыя для пользованія всякой вещью — какъ на примѣръ, миръ, довѣріе, любовь, должны быть размѣнены на золото, желѣзо и наросты на раковинахъ. Въ дѣйствительности слѣдовало бы учить, что истинныя жилы и вены богатства краснаго, а не золотого цвѣта, что онѣ находятся въ тѣлахъ, а не въ скалахъ, и что конечное назначеніе богатства заключается въ производствѣ возможно большаго количества человѣческихъ существъ съ могучей грудью, съ острымъ зрѣніемъ, съ радостнымъ сердцемъ, что самый доходный изъ всѣхъ видовъ національной промышленности — изготовленіе душъ хорошаго качества. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы считать приобрѣтеніе денегъ единственнѣйшимъ богатствомъ страны, настоящая политическая экономія, или, лучше сказать, человѣческая экономія, должна была бы учить народы стремиться и трудиться для прибрѣтенія вещей, приводящихъ къ жизни, и презирать и уничтожать вещи, ведущія къ разложенію. Законное основаніе богатства, такимъ образомъ понимаемаго, можетъ заключаться только въ трудѣ и въ потребности труда, въ томъ, что человѣкъ трудящійся долженъ получить полное вознагражденіе за свой трудъ и если онъ не хочетъ тратить его сегодня, то имѣетъ право сохранить его и истратить завтра. Такимъ образомъ ремесленникъ, работающій каждый день и каждый день понемногу откладывающій, становится наконецъ обладателемъ нѣкоторой накопленной суммы, на которую онъ имѣетъ неотъемлемое право. Въ сферѣ общественной жизни прежде всего необходимо выяснитъ въ національномъ сознаніи ту истину, что работникъ имѣетъ право хранить то, что онъ справедливо приобрѣлъ.

До этого пункта мы согласны съ экономистами и охотно допускаемъ неравенство состояній. Но только крупныя богатства создаются не этимъ путемъ. Никто не становится очень богатымъ, благодаря своему собственному труду и своей собственной бережливости. Тутъ всегда играютъ роль доходы съ чужого труда, а это уже несправедливое основаніе богатства: власть тѣхъ, кто обладаетъ деньгами и употребляетъ ихъ на пріобрѣтеніе денегъ, надъ тѣми, кто зарабатываетъ деньги“. Съ этой точки зрѣнія существуетъ большая разница, если выражается однѣми и тѣми же мѣновыми цѣнностями какая-нибудь порнографическая картина или какое-нибудь дрянное дешевое платье, или же хлѣбъ, или же, какъ наприм., сравниваетъ въ другомъ мѣстѣ Рескинъ, картины Тинторето или какая-нибудь скверная олеографія. Внутренняя цѣнность предмета осуществляется способностью воспріятія его, такъ же какъ картина существуетъ только для знатока, способнаго цѣнить ея красоту, какъ лошадь существуетъ только для ѣздока. Если нѣтъ способности пользоваться, цѣнить данный предметъ, то онъ не имѣетъ никакой цѣнности. Такимъ образомъ, извѣстныя лица, которыя не обладаютъ способностью воспріятія извѣстныхъ впечатлѣній, оказываются внутренно и навсегда неспособными къ богатству. „Вообще, — говоритъ Рескинъ, — никакая благородная вещь не можетъ быть богатствомъ ни для кого, кромѣ какъ для высоко развитой личности. По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ способность потребителя, увеличивается дѣйствительная цѣнность утилизируемаго предмета, во всей своей полнотѣ она можетъ существовать лишь при доведенномъ до совершенства искусствѣ пользованія и при полномъ природномъ соотвѣтствіи“. Для цѣнности благъ имѣетъ значеніе какъ ихъ количество, такъ и правильное ихъ распределеніе. Поэтому, — разсуждаетъ Рескинъ, — если меркантильный экономистъ заговорить съ нами о цѣнности, напр., въ тысячу фунтовъ стерлинговъ, вы должны спросить его, во-первыхъ, для удовлетворенія какихъ человѣче-

скихъ потребностей предназначается эта тысяча фунтовъ стерлинговъ, для кого существуютъ эти предметы и, наконецъ, въ какомъ количествѣ они существуютъ. Поэтому здѣсь могутъ быть три различныхъ случая: если данный видъ цѣнности или данный видъ труда для рабочихъ является безусловно вреднымъ, то какова бы ни была его мѣновая цѣнность, онъ есть трудъ неисчислимо дорогой и ничѣмъ некупаемый; то же самое очень дорогимъ является трудъ тяжелый и утомительный для рабочихъ, напротивъ, трудъ интересный и пріятный, хотя бы онъ выражался въ тѣхъ же самыхъ предметахъ, есть не трудъ, а игра, или художество, и онъ же является истиннымъ источникомъ созданія богатства, онъ, по опредѣленію Рескина, есть источникъ счастья и радости людей. Затѣмъ одинъ и тотъ же трудъ въ зависимости отъ состоянія способности къ труду трудящагося, можетъ имѣть тоже разное значеніе въ социальной экономіи; такъ трудъ, легкій для взрослыхъ, можетъ быть тяжелъ для дѣтей, въ такомъ случаѣ онъ будетъ дорогимъ, несмотря на всю дешевизну дѣтскаго труда. Наконецъ, цѣнность труда измѣняется въ зависимости отъ распредѣленія труда во времени. Въ связи съ изслѣдованіемъ отношеній между трудящимся и объектомъ его труда, слѣдовательно, въ связи съ вниманіемъ, которое Рескинъ оказываетъ не только производству благъ, но и потребленію, стоитъ та особенность разсужденій Рескина и вмѣстѣ съ тѣмъ его научная экономическая заслуга, что онъ является однимъ изъ раннихъ въ англійской литературѣ защитниковъ такъ называемой экономіи высокой заработной платы, другими словами, онъ высказываетъ и доказываетъ ту очень простую и вѣрную мысль, что рабочій, хорошо оплачиваемый, не переутомленный трудомъ, въ особенности имѣющій извѣстный интересъ къ труду, является и болѣе производительнымъ. Вслѣдствіе этого наиболѣе оплачиваемый трудъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и трудъ дешевый. Если мы вспомнимъ, какія ученія на этотъ счетъ существовали въ той политической экономіи,

какую имѣлъ передъ собою Рескинъ, если мы вспомнимъ теорію заработнаго фонда, вообще пессимистическую теорію заработной платы, не допускающую ея улучшенія, то увидимъ, что непредубѣжденный и свѣжій взглядъ чело-вѣка со стороны увидѣлъ здѣсь то, чего не видѣли глаза специалистовъ. Въ вопросѣ о заработной платѣ Рескинъ отстаиваетъ двѣ идеи, совершенно парадоксальныя, но въ то же время первостепенной соціальной важности. Отно-сительно уровня заработной платы онъ отстаиваетъ равен-ство заработной платы для всѣхъ рабочихъ данного вида труда. Лекціи подъ заглавіемъ „Послѣднему, что и перво-му“ имѣють въ виду, какъ показываетъ само заглавіе, эту идею. Рескинъ считаетъ, что „однимъ изъ курьезнѣйшихъ фактовъ чело-вѣческихъ заблужденій является отрицаніе со стороны политико-экономовъ возможности такой опредѣ-ленной платы въ то время, какъ во всѣхъ важнѣйшихъ и во многихъ неважныхъ областяхъ труда здѣсь на землѣ она уже имѣется въ дѣйствительности“. Онъ указываетъ, что „вѣдь мы не продаемъ съ аукціона должности перваго министра или епископа, не различаемъ при оплатѣ гене-раловъ, докторовъ или юристовъ, вообще представителей духовнаго труда. Почему же это различіе по отношенію къ представителямъ труда физическаго? Единственно пра-вильная система отношенія ко всякому роду работы со-стоитъ въ опредѣленной платѣ за нее, при чемъ хорошій рабочій будетъ всегда занятъ, а дурной нѣтъ. При лож-ной, противоестественной и гибельной системѣ дурной ра-бочій имѣетъ всегда возможность предлагать свой трудъ за половинную цѣну, и въ силу этого или замѣщать хоро-шихъ или принуждать послѣднихъ работать за половинную плату“. Конечно, „этотъ вопросъ объ установленіи равной заработной платы или общаго минимума заработной платы въ своемъ практическомъ проведеніи представляетъ огром-ную трудность. Въ то же время нельзя не поставить Рес-кину въ большую заслугу, что онъ такъ понялъ значеніе этого вопроса. Рескинъ останавливается еще и на томъ,

какимъ образомъ обезпечить эту равную заработную плату нормальнымъ спросомъ и предложениемъ, т.-е., короче говоря, устранить опасность безработицы. Забота Рескина состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы держать постоянно определенное количество рабочихъ независимо отъ случайностей спроса на предметы ихъ производства. Способъ, какъ этотъ вопросъ разрѣшается свободной конкуренціей, не удовлетворяетъ Рескина, и онъ предлагаетъ, чтобы плата рабочимъ, которая выплачивается имъ за рабочій періодъ, предусматривала возможность перерыва, когда они будутъ безъ труда, и чтобы за меньшій періодъ труда они получали бы такую плату, которая обезпечивала бы ихъ существованіе не только тогда, когда они работаютъ, но и тогда, когда не работаютъ. Можно удивляться тому наивному разрѣшенію этого труднаго и великаго вопроса, которое предложилъ Рескинъ. Но, конечно, постоянное колебаніе спроса на трудъ есть постоянная угроза, возникающая изъ отношеній капиталистическаго хозяйства, и Рескинъ совершенно справедливо на это указалъ (впрочемъ, вмѣстѣ съ большинствомъ социалистовъ).

Въ дальнѣйшей критикѣ организаціи труда Рескинъ останавливается на вопросѣ о его раздѣленіи. Современное раздѣленіе труда стремится къ удешевленію издержекъ производства посредствомъ повышенія производительности труда, но въ то же время оно механизуетъ трудъ, разлагаетъ его на отдѣльныя, несложныя и неинтересныя операціи, слѣдовательно, деградируетъ рабочихъ съ той стороны, которую больше всего цѣнитъ Рескинъ, объединяетъ ихъ жизнь. Потому естественно, что Рескинъ является непримиримымъ врагомъ современнаго раздѣленія труда. Трудъ, который долженъ быть воплощеніемъ красоты, идеи, творчества, искусствомъ, становится бессмысленнымъ, тяжелымъ, убивающимъ. Рескину рисуется идеаль, по которому каждое созданіе труда является какъ бы художественнымъ произведеніемъ; но художникъ любитъ свое произведеніе, онъ радуется ему, для него трудъ не каторга, а естествен-

ное выраженіе его духовной сущности, т.-е. творчество. И превратить хозяйственное производство, трудъ, направленный къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей, въ такое художественное творчество, напоить его красотой, таковы идеалы Рескина. Конечно, здѣсь онъ до такой степени расходится съ окружающею его дѣйствительностью, что не нужно даже указывать на это. Но не слѣдуетъ забывать, что и всякій идеаль расходится съ дѣйствительностью. Идеаль постольку и есть идеаль, поскольку онъ расходится и противорѣчитъ дѣйствительности и указываетъ ей идеальныя нормы того, чѣмъ она должна быть. Но въ то же время ни одинъ экономическій писатель 19 вѣка не выразилъ съ такой силой и болью тоску по цѣльной жизни, по гармоніи и поэзіи труда. Болѣе опозитизировать производительный трудъ и его осмыслить, сдѣлать привлекательнымъ, чѣмъ это сдѣлалъ Рескинъ, нельзя; но, конечно, тѣмъ чернѣе стала для него дѣйствительность. Эстетическая критика капитализма оказывалась еще болѣе непримиримой, нежели социальная, социальная критика мало касалась идеального содержанія труда, его психологіи, его моральной основы, она все-таки не идетъ такъ глубоко и такъ далеко, какъ идетъ эта критика, основанная на требованіи идеального преобразованія труда, отношеній человѣка къ природѣ, къ объектамъ труда. Замѣтимъ впрочемъ, что эта эстетическая критика отнюдь не противорѣчитъ критикѣ социальной. Между прочимъ одинъ изъ младшихъ современниковъ Рескина, Моррисъ, который былъ одновременно и эстетическимъ критикомъ, и социалистомъ, до извѣстной степени совмѣщаетъ и идеи Рескина, и идеалы социализма. Обращаясь къ социальной организаціи производства, или лучше сказать, къ ея дезорганизаціи, мы уже естественно ожидаемъ встрѣтить у Рескина непримиримое отношеніе къ принципу свободной конкуренціи. Преувеличенія Рескина въ этой критикѣ не мѣшаютъ общей принципиальной ея справедливости. Что касается этихъ преувеличеній, то главное изъ нихъ заключается въ томъ, что Рескинъ становится

въ совершенно непримиримыя отношенія къ обмѣну и прибыли, проистекающей изъ этого обмѣна, считая, что прибыль происходитъ изъ обмана: „Существуютъ два главныхъ заблужденія, — говоритъ Рескинъ, — провозглашеніе которыхъ дураками міра сего радуется сердца мошенниковъ: во-первыхъ, что путемъ постоянного обмѣна и взаимнаго обмана при мѣновыхъ сдѣлкахъ, два обмѣнивающихся лица, начавъ съ глинянаго горшка, чередующагося съ желѣзнымъ котелкомъ, могутъ нажить два состоянія; это—принципъ *торговли*. Во-вторыхъ, что мѣшокъ Іуды превратился въ мѣшокъ фокусника и что если мистеръ Г. положить туда свой котелокъ и также подождетъ немного, то онъ вынетъ оттуда два котелка, полные рыбы; это принципъ *процента и роста*“. „Явный грабежъ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Рескинъ,—какъ онъ ни грубъ, но если совершается смѣло и открыто, не развращаетъ душу человѣка. Но скрытый грабежъ, прячущійся самъ отъ себя, узаконенный, подлый и трусливый и вмѣстѣ съ тѣмъ пользующійся почетомъ, разрываетъ всѣ фибры тѣла и души. И грабители Европы, дѣйствительные виновники всѣхъ братоубійственныхъ войнъ, это капиталисты, т.-е. люди, живущіе на процентъ другихъ людей, вмѣсто того, чтобы получать опредѣленную плату за свой. Они все время держали рабочихъ въ бѣдности, невѣжествѣ и грѣховности, чтобы имѣть возможность, пользуясь этимъ невѣжествомъ, присваивать себѣ продукты ихъ труда. Но вотъ сознаніе этого своего положенія слегка пробуждается въ рабочихъ, и, рано или поздно, капиталистамъ придется встрѣтиться лицомъ къ лицу съ рабочими, какими они сами ихъ создали“. Изъ этихъ словъ можно подумать, что Рескинъ приближается къ социалистамъ и что его критика торговли и прибыли на капиталъ можетъ быть понята въ смыслѣ социалистическомъ. Однако, такое заключеніе меньше всего справедливо; Рескина такъ-же мало можно причислить къ социалистамъ, какъ и Карлейля, т.-е. въ сущности онъ въ такой же мѣрѣ сторонникъ социализма, какъ и его противникъ,

и, сближаясь съ социализмомъ въ критикѣ капитализма, онъ въ цѣломъ рядѣ весьма существенныхъ пунктовъ отъ него отличается.

Вопросъ социальной реформы для Рескина формулируется такъ: „Какимъ образомъ общество можетъ устроить жизнь своихъ членовъ такъ, чтобы имѣть наибольшее количество благородныхъ и счастливейшихъ существъ?“ Отвѣчая на этотъ вопросъ, Рескинъ устанавливаетъ нѣкоторыя условія, отъ которыхъ это зависитъ. Прежде всего такимъ условіемъ является здоровье, но здоровье есть нѣчто полученное или неполученное отъ рожденія и въ виду того, что тяжелая наследственность обременяетъ имѣющихъ несчастье ей подвергнуться различнымъ болѣзнями, то Рескинъ не останавливается передъ тѣмъ, передъ чѣмъ не останавливаются и древніе философы Платонъ и Аристотель, передъ необходимостью урегулированія брачныхъ союзовъ въ интересахъ будущаго поколѣнія. Ни одна форма распущенности не пагубна такъ, какъ распущенность въ формѣ брака, поэтому Рескинъ развиваетъ проектъ о бракѣ съ разрѣшенія государства и о запрещеніи антисоциальныхъ браковъ. Очень трудно коротко высказаться по существу относительно этихъ вопросовъ и въ частности такой ихъ постановки. Я всегда держался того убѣжденія, что вопросъ о народонаселеніи, а, слѣдовательно, и тотъ вопросъ, который здѣсь занимаетъ Рескина, именно объ оздоровленіи населенія и о наследственности, которую оно получаетъ, есть, можетъ быть, одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ общаго социальнаго вопроса, и съ тѣмъ большей энергіей приходится это подчеркивать, чѣмъ меньше вниманія ему удѣляютъ, чѣмъ больше хотятъ его затѣнить и смазать. Для оздоровленія общества Рескинъ ставитъ еще второе условіе—хорошее воспитаніе. Рескинъ былъ педагогомъ и воспитателемъ по призванію. Достаточно перечитать его различныя сочиненія, чтобы увидѣть, какъ много вниманія отводится здѣсь вопросу о воспитаніи. Въ сво-

ихъ социальныхъ схемахъ Рескинъ воспитанію придаетъ важную роль. Придавать такое значеніе воспитанію, мнѣ кажется, вообще означаетъ черту глубокаго пониманія природы человѣческихъ отношеній и углубленныхъ размышленій надъ социальнымъ вопросомъ. Недаромъ Платонъ, который развилъ планъ социальной реформы и построилъ первую систему социализма, воспитаніе поставилъ какъ первое условіе общественнаго преобразования, и, конечно, можно только согласиться съ Рескинымъ относительно значенія воспитанія. Особенно приходится это подчеркнуть потому, что при томъ механическомъ пониманіи экономическихъ и социальныхъ отношеній, которое ввѣдрилось съ легкой руки манчестерской политической экономіи, теперь интересуются гораздо больше внѣшними отношеніями, въ которыхъ развивалась человѣческая личность, и гораздо меньше интересуются самими личностями. И, конечно, при внимательномъ отношеніи къ вопросу о воспитаніи его трудность становится ясна сама собой. Рескинъ въ свою заботу о хорошемъ воспитаніи включаетъ, между прочимъ, обезпеченіе для дѣтей хорошихъ жилищъ и воспитаніе до зрѣлаго возраста, при чемъ, хотя онъ признаетъ семью и придаетъ огромное значеніе семейному воспитанію, но въ то же время допускаетъ нѣсколько социалистическое расширеніе власти правительства по надзору за воспитаніемъ, считая, что такое общественное дѣло, какъ воспитаніе, не можетъ быть поручено компетенціи отдѣльныхъ семей. Большое значеніе придаетъ онъ физическому усовершенствованію и физическому воспитанію. Это—черта не только эстетика, воспитаннаго на античныхъ статуяхъ, но и англичанина. Какъ извѣстно, англичане гораздо больше интересуются физическимъ развитіемъ, нежели континентальная молодежь и въ особенности наша русская. Рядомъ съ физическимъ усовершенствованіемъ должно воспитывать уваженіе и состраданіе къ людямъ.

Какъ разрѣшается у Рескина вопросъ объ организациі промышленности дѣятельности? Общее его возрѣ-

ніе здѣсь сводится къ тому, что въ основаніе общественной организаціи должны быть положены групповыя различія, проистекающія изъ различія подготовки и естественныхъ данныхъ. Общество, какъ онъ представляетъ его себѣ, въ отличіе отъ социалистовъ и вмѣстѣ съ Карлейлемъ, не построяется изъ равнаго, приблизительно одинаковаго матеріала. Нѣтъ, это многоэтажное зданіе, въ которомъ каждый этажъ занимаетъ свое соотвѣтствующее мѣсто, или, иначе сказать, это не атомическое, а органическое строеніе общества. Орудія труда, затѣмъ власть капитала, землевладѣніе, все это должно быть предоставлено въ нормально организованномъ обществѣ тѣмъ, кто умѣетъ ими пользоваться, при чемъ должно быть оказано особое вниманіе спеціальнымъ способностямъ и развитію этихъ способностей. Рескинъ говоритъ о непреодолимыхъ различіяхъ въ матеріалѣ, изъ котораго сотканы люди, и эти непреодолимыя различія являются для него аргументомъ противъ равенства, какъ въ области экономической, такъ и въ области политической. Равенство при этомъ понимается Рескинымъ въ смыслѣ грубаго равення подъ одно, грубой нивеллировки личностей, при которой не принимаются во вниманіе различіе ихъ естественныхъ дарованій, естественныхъ способностей. Равенству, понимаемому въ смыслѣ равення подъ одно, Рескинъ противопоставляетъ свою особую градацію по способностямъ, такъ сказать, человѣческую іерархію, основанную на естественномъ различіи способностей. Какъ видите, идея Платона, высказанная имъ въ „Республикѣ“ и положенная въ основу ея устройства: градація различныхъ способностей и предпочтеніе высшихъ дарованій низшимъ, находитъ свое отраженіе у Рескина, подобно тому, какъ раньше она отразилась и у Карлейля въ культѣ героевъ или духовной аристократіи, надѣленной не только правами, но и обязанностями. Вотъ то завершеніе общественной организаціи, тотъ куполь, который долженъ увѣнчать общественное зданіе, но есть и фундаментъ. Этимъ фундаментомъ Рескинъ считаетъ ра-

боту, наиболѣе тяжелую и унижительную. Онъ говоритъ, что напрасно отрицать, будто не существуетъ работъ тяжелыхъ и унижительныхъ или, какъ онъ опредѣляетъ ихъ, рабскихъ, въ смыслѣ низкаго качества этого труда. Эти рабскія работы могутъ быть въ нормально организованномъ обществѣ сведены до минимума и должны быть, конечно, сокращаемы отчасти болѣе разумнымъ распределеніемъ труда, при которомъ нѣкоторые виды рабскихъ работъ сдѣлаются нецѣлесообразны, отчасти вслѣдствіе измѣненій въ области потребленія. Напр., работа водолаза, добывающаго жемчугъ, можетъ сдѣлаться ненужной, потому что прекратится употребленіе жемчуга. Но во всякомъ случаѣ остается извѣстная часть общественно-необходимаго труда, которая по своей тяжести и безинтересности является рабской. Это тѣ мысли, которыя занимали Фурье, изобрѣтшаго для этихъ работъ особыя самоотверженныя когорты. Для низшихъ работъ должны быть приурочены лица съ низшими способностями. Тѣ, которыя не призваны по своимъ естественнымъ способностямъ къ какимъ-либо высшимъ работамъ, обязаны заниматься низшими. Если исключить этотъ фундаментъ рабскихъ работъ, то всѣ остальные отрасли ручного труда, производящія цѣнности въ рескинскомъ смыслѣ, т.-е. предметы, которые служатъ къ жизни и ея украшенію, расширенію и радости, эти отрасли должны быть облагорожены эстетически и потому тѣ работы, которыя въ настоящее время представляются грубыми и механическими, какъ, напр., работы изъ дерева, глины, камня и металла, должны стать изящными искусствами, а потому и художественно-промышленное образованіе, развитіе художественной промышленности является задачей общества.

Какъ же можетъ быть организованъ трудъ для этихъ работъ? По мнѣнію Рескина, который и здѣсь остается неофеодалистомъ, наилучшая форма организациіи труда суть промышленныя гильдіи или средневѣковые цехи. Онъ проектируетъ превращеніе профессиональныхъ союзовъ, трэдъ-

юніоновъ, въ промышленныя гильдіи, которыя приняли бы на себя роль капиталистовъ-предпринимателей и устанавливали бы качество и количество товаровъ. Въ основѣ организаціи этихъ гильдій должна лежать добровольная кооперація индивидуумовъ; на всѣ предметы должны ежегодно быть устанавливаемы цѣны и размѣръ заработной платы, а, слѣдовательно, и прибыли. Доступъ въ гильдіи долженъ быть свободный, при чемъ личности, не желающія принадлежать къ гильдіи, предоставляются свободной конкуренціи. Гильдіи контролируютъ не только производство, но и торговлю, причемъ слѣдятъ какъ за розничными, такъ и за оптовыми фирмами. Всѣ общественныя предпріятія, удовлетворяющія нужды общества, должны находиться въ завѣдываніи самого общества. Конкуренцію Рескинъ думаетъ побѣдить, слѣдовательно, не социалистическимъ преобразованиемъ общества, но возвращеніемъ къ тому порядку, когда ея вообще не было.

Въ основѣ социальной реформы должна лежать земельная реформа. Принимая во вниманіе отрицательное отношеніе Рескина къ городамъ, къ городской жизни, къ городской концентраціи, понятно, что земельная реформа должна играть особую роль въ системѣ Рескина. Но и здѣсь, при разработкѣ плана земельной реформы, мы наталкиваемся на тотъ же романтизмъ, съ которымъ Рескинъ, идеализируя феодальный строй, стремится къ его возстановленію въ новое время. Въ цѣляхъ обезпеченія землепользованія и охраны права аренды должно быть установлено соотвѣтствующее законодательство, но оно не должно устранять и существованія земельной аристократіи или крупныхъ земельныхъ собственниковъ, которые при этомъ получаютъ значеніе какъ бы государственныхъ чиновниковъ, государственныхъ пенсіонеровъ. „Правильное отношеніе государства къ аграрному вопросу, — говоритъ Рескинъ, — заключается, несомнѣнно, въ томъ, чтобы оно предоставило тѣмъ изъ своихъ гражданъ, которые того заслуживаютъ, земельные участки различной величины, соотвѣтственно съ ихъ

справедливыми желаніями и доказанными способностями; а затѣмъ, обезпечивъ, такимъ образомъ, каждаго землей, государство должно имѣть такой же бдительный надзоръ за его обращеніемъ съ землей, какой оно имѣетъ за его обращеніемъ съ женой и прислугой. Предоставляя каждому по возможности полную свободу, оно должно вмѣшиваться въ случаяхъ крупныхъ неурядищъ въ хозяйствѣ или злоупотребленія властью. Что же касается древнихъ знатныхъ родовъ, которые должны всегда быть и до извѣстной, хотя и слабѣйшей степени теперь еще дѣйствительно являются благороднѣйшими, монументальными, архитектурными сооружениями государства, живыми храмами священныхъ преданій и культа героевъ,— то имъ должно быть предоставлено въ постоянное пользованіе столько земли, сколько необходимо для того, чтобы они могли вести образъ жизни, приличный ихъ званію; *но ихъ доходы никоимъ образомъ не должны состояться изъ земельной ренты*; точно также не должны они принимать никакого (даже самаго отдаленнаго и посредственнаго) участія во взиманіи ренты. Это дѣло, не подобающее дворянамъ. Ихъ доходы, подобно доходу короля, должны опредѣляться и выплачиваться государствомъ". Чѣмъ, спрашивается, мотивируются эти странныя, романтическія, неоправданныя привилегіи для этихъ родовъ? Такъ какъ Рескинъ вообще не мыслить никакого права безъ соотвѣтственной обязанности, то для этой привилегированной части населенія онъ начертываетъ цѣлый кругъ обязанностей, наиболѣе ей свойственныхъ. Исходя изъ предположенія, конечно, довольно произвольнаго, что аристократическіе земельные роды, въ силу наслѣдственной культуры, представляютъ собою наиболѣе культурный, мыслящій и вообще духовно-утонченный элементъ страны, онъ ставитъ имъ наиболѣе высокія задачи въ обществѣ, именно, во-1-хъ, охранять законы и порядки, бороться съ преступностью, во-2-хъ, своей предусмотрительностью и своимъ трудолюбіемъ, какъ онъ выражается, исполнять какъ бы роль Провидѣнія для неразумныхъ, сла-

быхъ и лѣнливыхъ. На ихъ обязанности должно лежать созданіе такой системы производства и распредѣленія богатствъ, которая бы предохранила низшіе классы отъ гибели, болѣзней, голода и другихъ послѣдствій и безразсудства; они же должны находить для всѣхъ, согласно способностямъ каждаго, подходящій родъ дѣятельности. Для правильной оцѣнки этого проекта, впрочемъ, нужно принять во вниманіе тѣ своеобразныя историческія традиціи Англіи и ея атмосферу политической свободы. Наконецъ, третья задача, которую долженъ выполнять этотъ классъ, быть учеными и художниками, доставлять знанія и эстетическія наслажденія менѣе развитымъ массамъ. Конечно, Рескинъ ждетъ всего этого отъ идеальной аристократіи, но даже отъ современной ему, „несмотря на весь ея упадокъ“, онъ все-таки ждетъ нѣкоторыхъ услугъ въ этомъ направленіи, и нужно сказать, что въ исторіи Англіи связь наиболѣе выдающихся дѣятелей различныхъ отраслей знанія съ земельной аристократіей признавалась многократно, такъ что извѣстныя историческія основанія Рескинъ могъ находить въ защиту своей мысли.

Такимъ образомъ, планъ Рескина представляетъ изъ себя зданіе феодализма, но реставрированное и модернизированное, при чемъ онъ зародился у него подъ впечатлѣніемъ зрѣлища анархіи, неорганизованности общества, „въ настоящее время, когда каждый заботится о себѣ и нисколько не печется о своихъ братьяхъ“. Въ этомъ осужденіи существующаго строя Рескинъ сошелся бы съ социалистами, но онъ ищетъ такого порядка, который былъ бы свободенъ отъ необузданной конкуренціи не впереди, а позади, и подобно тому какъ Карлейль въ „Прошлое и Настоящее“ настоящему противопоставляетъ органическій, блтовой хозяйственный строй средневѣкового монастыря, такъ и Рескинъ, идеализируя феодальныя отношенія, стремится ихъ реставраціей побѣдить свободу конкуренціи. Подобно Платону въ „Республикѣ“, въ отличіе отъ новѣйшихъ системъ—демократической, социалистической, а тѣмъ

болѣе анархической, въ основу своего идеала Рескинъ положилъ идеи не равенства, но *ієрафхіи, авторитета, подчиненія, повиновенія, порядка*—эти выраженія не сходятъ съ устъ Рескина. „Не должны ли мы стремиться къ такому идеалу народной жизни, при которомъ возвышеніе по ступенямъ общественной лѣстницы будетъ не столько плѣнять, сколько страшить лучшихъ людей, и когда главнымъ стремленіемъ каждаго гражданина будетъ не выхоть изъ положенія, считаемаго непочетнымъ, а исполненіе долга, возложеннаго на него по праву рожденія?“ „Признаніе дисциплины и вмѣшательства,—говоритъ Рескинъ въ другомъ мѣстѣ,—лежитъ въ самомъ корнѣ человѣческаго прогресса и власти, и принципъ невмѣшательства или предоставленія человѣка собственнымъ силамъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности есть принципъ смѣрти; что гибель грозитъ ему, гибель безспорная и окончательная, если онъ предоставляетъ на произволь собственныхъ силъ свою страну, своихъ собратій, свою собственную душу, что вся жизнь человѣка, если это здоровая жизнь,—должна быть посвящена тому, чтобы постоянно пахать и очищать, порицать и помогать, управлять и карать и что только въ признаніи великаго принципа принужденія и вмѣшательства въ національную дѣятельность, онъ и можетъ надѣяться обрѣсти тайную защиту отъ національнаго безчестія. Я нахожу,—продолжаетъ онъ,—что народъ имѣетъ право требовать образованія отъ правительства, но лишь поскольку онъ признаетъ себя обязаннымъ повиноваться этому правительству. Я думаю, что онъ имѣетъ право требовать работы отъ своихъ правителей, но лишь поскольку онъ признаетъ за послѣдними право руководить и дисциплинировать его работу; и лишь поскольку массы предоставляютъ людямъ, признаннымъ ими за правителей, отцовскій авторитетъ, удерживающій ребячество національной фантазіи и направляющій своенравіе національной энергіи, постольку онъ и имѣютъ право требовать, чтобы ни одно изъ народныхъ бѣдствій не оставалось безъ помощи, ни

одно изъ злополучій — неисправленнымъ; чтобы при каждомъ горѣ, при каждой наготѣ, при каждой погибели видна была протянутая рука помощи и приподнятый ограждающій щитъ отца". Не надо забывать, трудна и неразрѣшима въ окончательной формѣ проблема отношеній между личностью и обществомъ и насколько антиномичны они по самому своему существу. И самая идея социализма, социалистической организациі производства и покоящихся на ней общественныхъ соотношеній, основывается на принужденіи, государственномъ авторитетѣ, при чемъ государственныя полномочія проведены здѣсь еще глубже и дальше, чѣмъ въ настоящее время. Если мы станемъ искать выхода изъ этого затрудненія, то намъ останется лишь стать на точку зрѣнія еще болѣе радикальную, послѣдовательнаго индивидуалистическаго анархизма, разрушающаго и государственность и самый социализмъ. Практически у социалистовъ достаточнымъ разрѣшеніемъ вопроса считается обыкновенно принципъ мажоритарный, по которому въ государствѣ, основанномъ на демократическихъ началахъ, руководящимъ является правительство, созданное подсчетомъ голосовъ, правами большинства. Можно сомнѣваться, дѣйствительно ли вносится твердый этический принципъ такимъ разрѣшеніемъ вопроса. Рескинъ и Карлейль въ своихъ парадоксальныхъ и смѣлыхъ попыткахъ разрѣшить этотъ вопросъ на почвѣ іерархической идеи, посредствомъ возстановленія феодальнаго средневѣковаго строя, ставятъ самую жгучую проблему объ отношеніяхъ между личностью и обществомъ, о правахъ государства и отдѣльныхъ гражданъ. Сущность этой проблемы заключается именно въ томъ, на какихъ началахъ можетъ быть организована власть, обладающая не только авторитетомъ силы, какимъ обладаетъ вообще всякая государственная власть, но и нравственнымъ авторитетомъ, слѣдовательно, власть, которая свои требованія превращаетъ въ нравственныя обязанности для подданныхъ. И если освободить идею Рескина отъ ея парадоксальной

неофеодалистической формулировки, то трудно принципиально возразить что-нибудь противъ мысли, что права и обязанности одинаково какъ у представителей государственной власти, такъ и у подданныхъ, подчиненныхъ этой власти, должны находиться въ нѣкоторой нравственной гармоніи; и лишь постольку, поскольку эта гармонія іерархизма поддерживается въ обществѣ, оно обезпечено отъ деспотизма носителей власти, хотя бы эта власть и была основана на мажоритарныхъ и демократическихъ началахъ.

У Рескина мы находимъ, далѣе, ту же идею организациі промышленности, которая высказана и у Карлейля, именно идею „капитановъ промышленности“, какъ бы героевъ (въ карлейлевскомъ смыслѣ) промышленной жизни, которые по своимъ личнымъ особенностямъ по преимуществу пригодны для этого дѣла и несутъ свои общественныя обязанности съ сознаниемъ отвѣтственности передъ обществомъ. „Правительство и кооперація во всѣхъ дѣлахъ — таковы законы жизни, анархія и конкуренція — законы смерти“. „Не свобода, а непрекословное повиновеніе извѣстному закону и назначеннымъ лицамъ; не равенство, а признаніе всего лучшаго и отверженіе всего худого“. Вотъ афоризмы, въ которыхъ вкратцѣ можно выразить основную мысль Рескина.

Какъ и Карлейль, Рескинъ отстаиваетъ духовную аристократію въ интересахъ народа, демократіи, въ интересахъ большинства общества. И у Рескина мы найдемъ цѣлый рядъ насмѣшекъ надъ парламентомъ, надъ партіями, надъ парламентской „говорильней“, какъ онъ выражается. Въ письмахъ Fors Clavigera онъ открыто самъ называетъ себя противникомъ либерализма, хотя, впрочемъ, прибавляетъ къ этому, что многія вещи онъ охотно уничтожилъ бы, подавивъ всякую революцію. Рескинъ предостерегаетъ рабочихъ отъ увлеченія пустозвонной „говорильней“ парламента, хотя все-таки выборы и всеобщее избирательное право считаетъ лучшимъ способомъ выбора правительства, но только высказывается при этомъ противъ равноправности голосованія, при которомъ не принимается во

вниманіе возрастъ, имущественное положеніе, опытъ и умъ. Такимъ образомъ, одинъ изъ „хвостовъ“ „четыре-хвостной“ формулы, именно *равное* избирательное право, Рескинъ, съ своей точки зрѣнія, призналъ подлежащимъ устраненію. Рескинъ полагаетъ, что для большинства людей „неограниченная и безпрекословная покорность высшей волѣ правительства или власти, выражающей собою духовныя силы націи, составляетъ, какъ онъ выражается,—врожденное естественное и вѣчное свойство большей части рода человѣческаго и, чѣмъ больше вы ихъ предоставите свободной волѣ, тѣмъ больше они превратятся въ рабовъ“. Истинное орудіе прогресса есть разумъ „капитановъ промышленности“, которые должны поддерживать порядокъ среди низшихъ и всегда подымать ихъ до того уровня, до котораго эти низшіе способны подняться. При этомъ истиннымъ стимуломъ общественнаго прогресса для Рескина, какъ и для Карлейля, является личная человѣческая воля и дисциплина личности. „Всякое дѣйствительное приближеніе рода человѣческаго къ истинному счастью,—говоритъ Рескинъ,—должно совершаться путемъ индивидуальныхъ, а не общественныхъ усилій. Нѣкоторыя общія мѣры могутъ помочь этому движенію. Нѣкоторые пересмотрѣнные законы могутъ служить ему руководствомъ, но и мѣра, и законъ, которые прежде всего должны быть установлены, касаются личной жизни каждаго“. Поэтому идея личной отвѣтственности и личного долга въ высшей степени дорога Рескину. На основаніи сказаннаго, легко опредѣлить его отношеніе къ социализму. Насколько социализмъ является міровоззрѣніемъ, отрицающимъ свободу конкуренціи, Рескинъ идетъ не только объ руку съ социалистами, но до извѣстной степени даже дальше ихъ, однако онъ отличается отъ социалистовъ практическими способами разрѣшенія этихъ вопросовъ. Принципы свободы, которые полагаются въ основу либерализма и манчестерства, онъ называетъ неисчерпаемымъ, безграничнымъ, непостижимымъ безуміемъ. „Пошлете ли вы вашего ребенка въ комнату,

гдѣ столъ уставленъ прекрасными винами и фруктами, нѣкоторые изъ которыхъ отравлены? Скажете ли вы ему: **выбирай** свободно, милое дитя! Тебѣ такъ полезно имѣть свободу выбора, это образуетъ твой характеръ, формируетъ твою индивидуальность. Если ты возьмешь отравленный кубокъ или попробуешь отравленную землянику, — ты умрешь до наступленія дня, но зато ты приобрѣтешь достоинство свободного ребенка! "... Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о свободѣ слѣдующее: „Мы кричимъ противъ деспотизма... Но способны ли мы къ свободѣ? Да, кисть Тинторето, Корреджіо, Рейнольдса и Веласкеза свободна какъ воздухъ и въ то же время вѣрна, но только унаслѣдованная пятивѣковая дисциплина позволяетъ имъ быть свободными и творить чудеса. Повинуйтесь, и вы будете свободны также, но и въ большомъ и маломъ истинная свобода заключается въ *справедливомъ повиновеніи*". Любопытно, что эти идеи высказываются Рескинымъ въ письмахъ къ рабочимъ, въ лекціяхъ къ рабочимъ и вообще въ тѣхъ сочиненіяхъ по рабочему вопросу, которыя за радикализмъ не находили себѣ мѣста въ нѣкоторыхъ англійскихъ журналахъ.

Что касается разныхъ практическихъ начинаній Рескина, то, какъ легко и аргюги догадаться, здѣсь мы имѣемъ рядъ великодушныхъ, часто увлекательныхъ чудачествъ; таковымъ прежде всего является отношеніе Рескина къ машинамъ. Пожалуй, можно обойтись безъ смѣшныхъ разсказовъ о его поѣздкѣ въ 1876 г. на сѣверъ Англій по-старинному на лошадяхъ, на долгихъ, о его желаніи, выраженномъ впрочемъ въ полушуточной формѣ, уничтоженія желѣзныхъ дорогъ въ Англій. Мы не станемъ подробно останавливаться на его стремленіи къ возрожденію изготавленія тканей ручнымъ способомъ и ручными приборами. Рескинъ питалъ ненависть къ паровой силѣ, къ тому, что составляетъ основной нервъ промышленнаго капитализма. Рескинъ считалъ и, исходя изъ своихъ основныхъ посылокъ, по-своему справедливо, что паровая сила, т.-е. машинное производство со-

всѣми связанными съ нимъ отраслями труда и прежде всего добываніе рудъ изъ-подъ земли, каменноугольная копи, металлургическая промышленность, все это отравляетъ современную жизнь и убиваетъ современнаго человѣка. Ужасныя условія работы въ копахъ, одуряющее дѣйствіе этой работы, смрадь дыма, который нависъ надъ городами Англии, обезображеніе пейзажа, чему Рескинъ придавалъ такое огромное, такое первостепенное значеніе, затѣмъ поглощеніе запаса національной энергіи посредствомъ этого служенія матеріальной силѣ пара и вообще опошленіе жизни, которое вносится машинной нивеллировкой, — вотъ что дѣлаетъ его врагомъ машины. Здѣсь не надо тратить много словъ для критики этой стороны воззрѣній Рескина, потому что относительная правота его очевидна, а наивность его практическихъ предложеній достаточно вскрывается реальной политической экономіей. Обличеніе и критику городской промышленности, обычную въ устахъ Толстого, слышимъ мы и изъ устъ Рескина; недаромъ Толстой такъ любитъ и рекомендуетъ Рескина. Эта критика основана, съ одной стороны, на высшихъ гуманныхъ мотивахъ, а съ другой — на недостаточномъ вниманіи къ суровой дѣйствительности. Въ этомъ сужденіи звучитъ извѣстный привкусъ соціального барства (какъ и у Толстого); дѣйствительная тягота человѣческой жизни и дѣйствительная трудность борьбы съ природой за жизнь здѣсь не дооцѣнивается, и интересы этой борьбы слишкомъ легко приносятся въ жертву интересамъ эстетическимъ; но какъ бы послѣдніе ни были цѣнны, все же въ сравненіи съ этой первой основной нуждой, нуждой въ хлѣбѣ насущномъ, они не имѣютъ рѣшающаго значенія. Если бы названные писатели одновременно съ критикой машинъ, съ критикой городской промышленности, городской концентрации населенія указали еще и путь къ облегченію этой тяготы, то нельзя было бы не сочувствовать имъ въ высочайшей стѣпени. Если бы они указали путь повышенія емкости территоріи относительно населенія, другими словами, способъ прокормленія растущаго числа ртовъ въ деревнѣ, то,

конечно, эта критика была бы принята человечествомъ, но пока такія указанія остаются социальнымъ донъ-кихотствомъ, которое тѣмъ страннѣе, чѣмъ меньше оно считается съ дѣйствительными трудностями положенія.

Дальнѣйшая критика машинъ у Рескина въ общемъ сливается съ социалистической критикой, не отрицающей темныхъ сторонъ машиннаго производства, но въ то же время вполне признающей общую его необходимость. Социалистическая критика въ этомъ отношеніи впадаетъ, можетъ быть, въ противоположную крайность. Въ своемъ механизированіи всей человѣческой жизни, отношеній человѣка къ природѣ и общественныхъ отношеній, она вообще отводитъ машинѣ слишкомъ много мѣста въ своихъ идеальныхъ проекціяхъ. Машина все-таки отдѣляетъ человѣка отъ жизни съ природой, что такъ дорого въ земледѣліи. Почти сливается съ социалистической у Рескина критика современной социальной праздности, которая основана на машинномъ производствѣ, обогащающемъ капиталистовъ. Рескинъ рисуетъ жизнь владѣльцевъ богатыхъ дачъ и домовъ, примыкающихъ къ лондонскому пригороду, такъ: „Изъ мужчинъ,—говоритъ онъ,—ихъ женъ и дѣтей, живущихъ въ этихъ домахъ, не наберется, вѣроятно, и одной нятой лицъ, знающихъ какую-нибудь обыкновенную мужскую или женскую работу, понимающихъ, что такое счастье, и умѣющихъ его достигать. Мужчины, конечно, умѣютъ писать и дѣлать выкладки; ежедневно отправляются они въ городъ, чтобы добывать необходимыя средства къ жизни; женщины и дѣти умѣютъ, можетъ быть, читать что-нибудь легкое, вульгарно танцовать и скверно играть на фортепiano, для показу; но ни одинъ членъ подобнаго семейства не умѣетъ въ общемъ ни стряпать, ни мести, ни вбить гвоздя въ стѣну, ни вбить сваю, ни выпрясть нитку. Еще менѣе способны они къ какой-нибудь тонкой работѣ. Они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія ни о живописи, ни о скульптурѣ, ни объ архитектурѣ; изъ наукъ они знаютъ столько, и то не вполне, сколько требуется для того, чтобы болѣе или менѣе объяснить духъ м-ра Пеппера (англий-

скій фокусникъ, показывающій духовъ при помощи системы зеркалъ), и для того, чтобы не вѣрить въ какого-нибудь другого духа кромѣ этого, особенно въ Святого Духа; они совершенно незнакомы съ классической литературой ни нашей, ни какой-нибудь другой страны; ихъ сады не доставляютъ имъ никакого удовольствія, потому что у нихъ нѣтъ ни расположенія, ни силъ, чтобы работать въ этихъ садахъ. Женщинамъ и дѣвушкамъ удовольствіе доставляютъ только визиты другъ къ другу, въ фальшивыхъ волосахъ, въ дешевыхъ нарядахъ изъ пестрыхъ матерій, изготовленныхъ машинами, въ ботинкахъ съ высокими каблуками, образцы которыхъ взяты ими у парижскихъ проституттокъ низшаго разряда; мужчины ни къ чему другому не способны, кромѣ плутовства въ дѣлахъ; они не знаютъ никакихъ другихъ удовольствій, кромѣ куренія да ѣды, и не имѣютъ ни малѣйшаго представленія и ни малѣйшей способности составить себѣ представленіе о томъ, что въ этомъ мірѣ было совершено великаго или что произошло хорошаго. Въ такихъ чисто-толстовскихъ словахъ рисуетъ Рескинъ жизнь современнаго празднаго общества и, дѣйствительно, съ точки зрѣнія развитія личности положеніе празднаго въ этомъ обществѣ еще менѣ завидно, нежели положеніе трудящагося и обремененнаго.

Что касается практическихъ начинаній Рескина, то они имѣютъ двоякій характеръ: съ одной стороны, филантропической, а съ другой — романтической-предпринимательской. Широкая филантропія, помощь нуждающимся поглотила огромныя средства Рескина и огромный его заработокъ. Рескинъ принадлежитъ къ числу людей, въ наибольшей степени осуществлявшихъ личную денежную благотворительность въ теченіе своей жизни. Изъ систематическихъ его начинаній слѣдуетъ упомянуть о книгоиздательствѣ ручнымъ способомъ безъ рекламы. Эти артистическіе приемы отразились потомъ на типографскомъ дѣлѣ. Рескинъ захотѣлъ издать свои сочиненія наилучшимъ образомъ, какъ это представлялось ему достойнымъ, и они печатались въ одной изъ деревень на произведенной ручнымъ способомъ бума-

гѣ, ручной типографіей, при чемъ они были очень дороги и распространялись въ большомъ количествѣ лишь благодаря исключительной популярности Рескина. Однако, этотъ опытъ не имѣлъ большого значенія. Другой болѣе интересный опытъ представляетъ попытка основать такъ называемую гильдію св. Георга. Подъ этимъ наименованіемъ Рескинъ и рескинціанцы мечтали объ образованіи чего-то въ родѣ толстовскихъ колоній въ стремленіи возвратиться на землю и соединить земледѣліе съ ручнымъ промысломъ. Проектъ этой гильдіи св. Георга былъ развитъ Рескинымъ въ письмахъ къ рабочимъ подъ названіемъ Fors Clavigera; была выработана особая декларация, въ которой выражались религіозно-этическіе принципы этой гильдіи, но эта гильдія почти не осуществилась въ дѣйствительности, и послѣ неудачной попытки, изъ которой ничего не вышло, самъ проектъ былъ сданъ въ исторію. Третьимъ начинаніемъ былъ музей, имени Рескина, въ Шеффилдѣ, основанный имъ самимъ, для художественной промышленности. Четвертое начинаніе, связанное съ его антипатіей къ городу, — устройство фабрики сукна съ домашнимъ трудомъ на островѣ Майнѣ, — это опять-таки мелочь, интересная лишь въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ Рескина. Наконецъ, какъ при его жизни, такъ и послѣ его смерти основывался рядъ обществъ его имени; особенно большое значеніе, и теперь это является общепризнаннымъ, имѣетъ вліяніе Рескина для развитія художественной промышленности и для развитія вкуса. (Въ этомъ отношеніи значеніе Рескина отмѣчено въ извѣстной книгѣ Зомбарта „О современномъ капитализмѣ“, въ главѣ о художественной промышленности).

Для русскаго общества наиболѣе цѣнны и плодотворны слѣдующія стороны міровоззрѣнія Рескина: общее религіозно-этическое пониманіе политическихъ и социальныхъ вопросовъ, идея іерархическаго устройства общества и правительства въ противоположность формально механическому равенству, и указанія на значеніе личности и ея духовнаго роста и самоусовершенствованія для всей общественной жизни.

С. Булгаковъ.

Ученіе Шопенгауэра о правѣ и государствѣ ¹⁾).

«Sentimus reperimurque nos aeternos esse».

Спиноза.

Вопросъ о политико-правовомъ міропониманіи Шопенгауэра до сихъ поръ все еще представляетъ крупный пробѣлъ въ исторіи философіи права: своеобразная попытка геціального апостола пессимизма примирить апологію небытія съ постулатами соціального строительства и понынѣ не нашла себѣ въ литературѣ сколько-нибудь яркаго освѣщенія, хотя прилежный библиографъ Шопенгауэра—Фердинандъ Лабанъ—приводитъ въ своемъ хронологическомъ обзорѣ литературы о немъ («Die Schopenhauer—Literatur» Versuch einer chronologischen Uebersicht derselben von Ferdinand Laban. Leipzig. 1886) около тысячи монографій, посвященныхъ самымъ разнообразнымъ вопросамъ его системы.

По досадному недоразумѣнію исторія философіи права и понынѣ все еще упорно отказывается признать за Шопенгауэромъ права гражданства въ этой молодой и не оперившейся наукѣ: по справедливому замѣчанію Оскара Дамма «политическія и правовыя представленія Шопенгауэра пережили такую же судьбу, какъ и его система: десятки лѣтъ сряду оставались они никому неизвѣстными и никѣмъ не изслѣдованными. Строгая наука о правѣ и понынѣ не придаетъ никакого значенія франкфуртскому мыслителю».

Такое обидное забвеніе соціальныхъ идеаловъ Шопенгауэра представляется тѣмъ болѣе непонятнымъ, что политико-право-

¹⁾ Докладъ, прочитанный въ Философскомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ Университетѣ.

вое credo «западнаго Будды» заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія—какъ въ высшей степени поучительная и едва ли даже не единственная въ своемъ родѣ абберация философскаго мышленія: съ точки зрѣнія паталогіи социальна-политическаго строительства смѣлая попытка Шопенгауэра—построить своеобразную конструкцію аскетическаго «государства-намордника», конструкцію, завѣдомо несостоятельную по самой логической структурѣ своей,—отмѣчаетъ одинъ изъ самыхъ поучительныхъ и яркихъ по своему драматизму эпизодовъ въ исторіи постановки социальна-политическихъ идеаловъ¹⁾.

Лишь за послѣднее десятилѣтіе въ нѣмецкой литературѣ замѣчаются робкія попытки освѣтить политическое міросозерцаніе Шопенгауэра какъ болѣе или менѣе самостоятельный эпизодъ въ исторіи философіи права. Первая попытка въ этомъ направленіи—монографія Карла Вейгта «*Политическія и социальныя воззрѣнія Шопенгауэра*» («Die politischen und socialen Anschauungen Schopenhauer's») von Karl Weigt. Erlangen. 1899)—показываетъ, однако, какъ рискованно освѣщать политико-правовое credo философа подъ угломъ заранѣе данной исторической перспективы: оперируя надъ матеріаломъ безо всякой системы и критическаго чутья, Вейгтъ полагаетъ, что анализъ преемственной связи между правовыми воззрѣніями и основными положеніями пессимизма Шопенгауэра вовсе не «вытекаетъ съ неумолимою необходимостью изъ задачи критика». Пессимистическіе постулаты Шопенгауэровой философіи представляются Вейгту не мрачнымъ куполомъ,

¹⁾ Бѣглый очеркъ воззрѣній Шопенгауэра на природу права и государства читатель найдетъ въ трудахъ Адольфа Тренделенбурга («*Naturrecht auf dem Grunde der Ethik*»), Иммануила Германа Фихте («*Die philosophischen Lehren von Recht, Staat und Sitte in Deutschland, Frankreich und England*»), Юлія Фрауэнштедта («*Schopenhauers Geschichtsphilosophie*»), Карла Отто Эрдмана («*Das monarchische Gefühl*»), Эдуарда Гартмана («*Das sittliche Bewusstsein*»), Рудольфа Лемана («*Schopenhauer*»), Адольфа Венкштерна («*Marx*»), а также въ трудахъ Куно Фишера, Иоганна Фолькельта и другихъ историковъ Шопенгауэра. Русскіе авторы (за исключеніемъ Вл. Штейна и отчасти проф. Н. М. Коркунова), по большей части, обходятъ этотъ вопросъ полнымъ молчаніемъ. Интересный докладъ проф. В. Н. Сперанскаго «Ученіе Шопенгауэра о правѣ и нравственности», прочитанный въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 27 ноября 1899 г., представляетъ, — если не ошибаюсь, — единственную въ нашей литературѣ монографію, посвященную этому вопросу. (См. въ «Вопросахъ философіи и психологіи» отчетъ о засѣданіяхъ Московскаго Психологическаго Общества» за ноябрь 1899 г.)

вѣнчающимъ величественное зданіе его системы, а скорѣе—чѣмъ-то навѣяннмъ той исторической обстановкой и культурно-общественной средой, въ которой жилъ и творилъ этотъ «мрачный геній». Уже самая ссылка автора на «французскую революцію и господство Наполеона», на «вліяніе потока времени», какъ на историческіе мотивы Шопенгауэрова пессимизма, свидѣтельствуесть о крайне поверхностномъ знакомствѣ Вейгта съ исторіей пессимизма вообще и историческимъ генезисомъ Шопенгауэровой системы—въ частности.

Не болѣе удачна и вторая попытка въ этомъ направленіи—монографія Оскара Дамма «Шопенгауэрова философія права и государства» («Schopenhauer's Rechts und Staats-Philosophie». Darstellung und Kritik derselben. Eine Monographie von Oskar Damm. Halle a S. Verlag von Kaemmerer. 1901). Даммъ ставить своей задачей «критическій обзоръ не социальныхъ и политическихъ воззрѣній Шопенгауэра, а его «философіи права» и въ то же время признаесть, однако, что правовыя представленія творца «Міра, какъ воли и представленія»,—въ противоположность Канту, Фихте, Шеллингу, Гегелю и Гербарту—«носятъ отрывочный и рудиментарный характеръ», такъ-какъ «Шопенгауэръ отнюдь не былъ государствовѣдомъ по призванію... и не создалъ законченной системы философіи права»; врядъ ли, однако, представляется возможнымъ говорить при такихъ условіяхъ о какой-либо «философіи права» въ смыслѣ стройной законченной концепціи правопониманія, тѣмъ болѣе, что «Шопенгауэръ»,—по словамъ самого же Дамма,—«избралъ предметомъ своихъ размышленій жизнь и страданіе вообще»—т.-е. безотносительно къ тѣмъ или инымъ социальнымъ-политическимъ идеаламъ, «интересуясь вопросами права и социальнаго строительства лишь постольку, поскольку они привходили, какъ составные элементы, въ его систему».

Попытка «дать, съ одной стороны, критическій обзоръ воззрѣній Шопенгауэра на право и государство и прослѣдить, съ другой стороны, связь между этими воззрѣніями и всей, вообще, его системой» приводитъ автора къ пессимистическому выводу, что «подвести подъ извѣстныя рубрики и логическія построенія разрозненныя и бѣглыя замѣчанія Шопенгауэра по вопросу о природѣ права и государства и примирить противорѣчіе между ними—дѣло весьма трудное».

Къ сожалѣнію Даммъ, какъ и Вейгтъ, не вскрылъ этого противорѣчія, породившаго, по его мнѣнію, столь обидное равнодушіе историковъ философіи права къ Шопенгауэру: всего менѣе, конечно, можетъ вскрыть и примирить это противорѣчіе (какъ наивно полагаетъ авторъ) указаніе на чисто внѣшнее сходство (признаваемое, впрочемъ, и самимъ Шопенгауэромъ) между нѣкоторыми чертами міропониманія Аристотеля, Гоббеса, Сенеки и другихъ мыслителей и представленіями «франкфуртскаго отшельника» о природѣ права и государства; а между тѣмъ въ раскрытіи внутренней преемственной связи между метафизическими построеніями и воззрѣніями Шопенгауэра на природу права и государства и кроется ключъ къ объясненію непримиримой внутренней антиноміи между нравственнымъ міропониманіемъ и политико-правовымъ credo Шопенгауэра, антиноміи, — въ которую — какъ мы увидимъ — логически неизбежно разрѣшается не только Шопенгауэровъ, но и *всякій* вообще пессимизмъ, какъ апологія небытія ¹⁾).

Отправляясь отъ этого положенія, попытаемся прослѣдить, ближайшимъ образомъ, преемственную связь между нравственными и политико-правовыми воззрѣніями Шопенгауэра и вскрыть внутреннее противорѣчіе между ними, поскольку оно покоится на указанной выше антиноміи.

Опредѣляя право, какъ «ослабленную юридическими законами мощь», Шопенгауэръ впадаетъ, въ сущности, въ *definitio per se*, такъ какъ вводитъ въ понятіе права признакъ *правовыхъ же* явленій (право есть *юридическій* законъ, ослабляющій мощь = право есть *правовое* явленіе, ослабляющее мощь = право есть *право* = *x* есть *x*.)

Указанный логическій порокъ (*definitio per idem*) Шопенгауэрова опредѣленія права объясняется, какъ мы увидимъ, молчаливымъ смѣшеніемъ понятій права и нравственности, смѣшеніемъ, — проходящимъ красною нитью черезъ всю его теорію права и

¹⁾ Анализъ *гносеологическаго происхожденія* указанной внутренней антиноміи между нравственнымъ міропониманіемъ и политико-правовыми воззрѣніями Шопенгауэра читатель найдетъ въ моемъ изслѣдованіи „*Нравственная философія Шопенгауэра*“. Критика основныхъ началъ философіи Шопенгауэра. Изданіе П. П. Сойкина. Спб., 1901, стр. 46—68. Раскрытію этой внутренней связи и критическому анализу *философскихъ предпосылокъ* ученія Шопенгауэра о правѣ и государствѣ и посвящена настоящая статья.

государства. Противопоставляя праву понятіе несправедливости, Шопенгауэръ конструируетъ это послѣднее понятіе какъ первоначальное и положительное, а первое, напротивъ, какъ производное и отрицательное: право возможно лишь какъ отрицаніе неправа (Unrecht)—гласить основной тезисъ ученія Шопенгауэра о правѣ и государствѣ.

Построя понятіе права какъ чисто моральное переживаніе, Шопенгауэръ вполне послѣдовательно приходитъ къ выводу, что самое различіе между *fas* и *nefas*, между областью права и неправа немислимо безъ нравственнаго критерія нашего поведенія.

Негативная природа права характеризуется, ближайшимъ образомъ, какъ отпоръ несправедливости и чисто пассивная сторона конфликта между индивидуальными волями. Всякое правонарушеніе, причиняя мнѣ боль, свидѣтельствуетъ toto genere о безмѣрной силѣ подтвержденія воли къ жизни (*Behauptung des Willens zum Leben*) правонарушителя, доходящей до полного отрицанія (*Verneinung*) моей воли. «Это чисто моральное значеніе,—говоритъ Шопенгауэръ въ «Мірѣ какъ волѣ и представленіи»,—есть единственное, какое только имѣетъ право и несправедливость для человѣка, какъ человѣка, а не какъ гражданина, и которое, слѣдовательно, оставалось бы и въ природномъ состояніи (общежитія): оно составляетъ содержаніе и основу всего того, что называется *естественнымъ правомъ*, хотя правильнѣе было бы называть его *моральнымъ правомъ*, такъ какъ власть его простирается лишь на дѣянія человѣка и возникающее изъ нихъ самосознаніе его индивидуальной воли, называемой совѣстью» (стр. 405) ¹⁾. При такомъ пониманіи права, какъ моральной стихіи, Шопенгауэръ—какъ и слѣдовало ожидать—смотритъ на науку о правѣ, какъ на нравственно-философскую дисциплину, предметъ которой—изученіе индивидуальной воли, какъ среды социальныхъ мотивовъ поведенія. Конфликтъ между индивидуальными волями, составляющій тему *belli omnium contra omnes*, регулируется преподанными разумомъ нормами поведенія: во избѣжаніе страданій, причиняемыхъ намъ вторженіемъ другихъ людей въ сферу нашей воли, человѣкъ добровольно отказался отъ причиненія страданій другимъ только для того,

¹⁾ Всѣ цитаты изъ „Мира какъ воли и представленія“ Шопенгауэра приведены по русскому изданію. (Переводъ А. Фета. Изданіе третье. М., 1892 г.)

чтобы цѣною такого отказа предотвратить свои собственныя страданія: «такое легко придуманное разумомъ и постепенно усовершенствованное методическимъ эгоизмомъ средство,—говоритъ Шопенгауэръ (ibid., стр. 408),—и есть государственный уговоръ или законъ».

Моментомъ возникновенія государственнаго общежитія Шопенгауэръ считаетъ договорное соглашеніе — тезисъ, безспорно навѣянный социальной философійей Руссо. Степень совершенства государственнаго уклада общежитія обусловливается тѣмъ, примѣшивается ли къ договорному началу анархія или деспотизмъ: республики тяготеютъ къ анархіи, монархіи—къ деспотизму; средний же типъ государственнаго бытія—конституціонная монархія—къ господству партій.

«Чтобы основать совершенное государство,—говоритъ Шопенгауэръ,—надо прежде всего создать такія существа, природа коихъ допускаетъ, чтобы они всюду жертвовали собственнымъ благомъ во имя общественнаго благополучія» (ibid., стр. 408). Ближе всѣхъ тяготеетъ къ такому идеалу наследственная монархія: «возможно уже достигъ нѣкотораго успѣха тѣмъ, что есть одна фамилія, благосостояніе коей совершенно неотдѣлимо отъ благосостоянія страны, такъ что она-то, по крайней мѣрѣ, въ главномъ, не можетъ не споспѣшествовать одному безъ другого» (ibid., стр. 408).

Если для морали важны исключительно лишь внутреннія душевныя побужденія, то для права, какъ для «морали наизнанку», представляетъ интересъ лишь объективная сторона поведенія челоуѣка; отсюда объясняется, почему—по словамъ Шопенгауэра—«государство никому не возбраняетъ постоянно носить въ помышленіи убійство и отравленіе другого, доколѣ оно увѣрено, что страхъ передъ топоромъ или колесомъ будетъ постоянно сдерживать проявленія такого умысла» (ibid., стр. 409).

Задача уголовного правосудія сводится всецѣло къ тому, чтобы противопоставить всякому возможному мотиву неправоты другой контръ-мотивъ, перевѣшивающій первый; въ этомъ смыслѣ уголовный кодексъ представляетъ собою не что иное, какъ возможно полный перечень противодѣйствующихъ мотивовъ ко всѣмъ предполагаемымъ преступнымъ дѣяніямъ.

Конструкція государства, какъ условія нравственной свободы, представляется Шопенгауэру сплошнымъ недоразумѣніемъ, осно-

ваннымъ на грубомъ смѣшеніи понятій нравственной и политической свободы: если право и ограждаетъ авторитетъ нравственныхъ нормъ, то дѣлаетъ это не по нравственнымъ побужденіямъ, а исключительно лишь изъ эгоистическаго расчета, на что указывалъ еще Аристотель въ извѣстной сентенци: «цѣль государства — благополучіе гражданъ» (τελος μεν ου̅ν πολεως το εὖ εἶναι τούτο δι' εστιν το εἶναι εὐδαιμονως καὶ καλως) и Гоббесъ въ своемъ «Левіаѳанѣ»: «первымъ закономъ да будетъ общественное благополучіе». («Salus publica prima lex esto») ¹⁾.

Такъ какъ въ основѣ всякаго правомѣрнаго союза и законодательства лежитъ чистое естественное или, какъ называетъ его Шопенгауэръ, — *моральное право*, то философія должна предоставить компетенціи науки о правѣ изслѣдованіе вопросовъ о происхожденіи и содержаніи понятія права, объ обязательной силѣ договоровъ, о цѣли и природѣ государства и, наконецъ, о такъ называемомъ «правѣ наказанія» (jus puniendi).

Любопытны воззрѣнія Шопенгауэра на природу и цѣль уголовного правосудія: почерпая свое обоснованіе въ положительномъ законодательствѣ, освященномъ моральнымъ авторитетомъ общественного договора, институтъ наказанія имѣетъ своей цѣлью исполненіе закона, какъ угрозы правонарушителю. Срав-

1) Въ вѣмецкой литературѣ взглядъ Шопенгауэра на природу преступленія и задачи уголовного правосудія раздѣляетъ Куно Фишеръ въ своей монографіи «*Ueber das Verhältniss zwischen Willen und Verstand im Menschen*»: «шопенгауэрова теорія уголовного права, усвоенная Куно Фишеромъ во всей полнотѣ» — писалъ я въ своемъ предисловіи къ переводу этой монографіи (Куно Фишеръ: «*Воля и разумъ*»). Пер. со 2-го нѣм. изд. С. О. Грузенберга съ приложеніемъ критико-біографическаго очерка С. О. Грузенберга: «Куно Фишеръ, черты изъ его жизни и преподават. дѣятельности». Спб. Изд. В. Ротенштерна, 1909 г., стр. 33—35) покоится на грубомъ смѣшеніи понятій (quaternio terminorum), подрывающемъ всякую научную цѣнность этой устарѣлой доктрины: Шопенгауэръ, а вслѣдъ за нимъ и Куно Фишеръ *молчаливо отираются отъ предпосылокъ эмпирическаго детерминизма, провозглашаютъ принципъ безызытнаго господства закона причинности надъ міромъ явленій*; отсюда объясняется, почему оба они *предпринимаютъ въ отрицательномъ смыслѣ* вопросъ о свободѣ воли, а, слѣдов., и о нравственной отвѣтственности преступника и неизбежно допускаютъ *грубое смѣшеніе понятій «винны» и «преступленія», «нравственной отвѣтственности» и «нравственной свободы», между тѣмъ какъ на противоположеніи и разграниченіи этихъ понятій* поκειται, по мнѣнію самого же Шопенгауэра, *принципальное различіе между правомъ и нравственностью».*

нивая государство съ «общественнымъ намордникомъ», сдерживающимъ произволъ и эгоизмъ гражданъ, Шопенгауэръ полагаетъ, что какъ законъ, такъ и исполненіе его направлены не на настоящее, а исключительно лишь на перспективу будущаго: этотъ послѣдній моментъ—представленіе о будущемъ—и отличаетъ законъ отъ мести, которая исчерпывается всецѣло моментомъ прошедшаго. Формула воздаянія зломъ за зло—«око за око, зубъ за зубъ»—представляется Шопенгауэру «антиморальной заповѣдью»: онъ прямо недоумѣваетъ, какъ можно не только что оправдать, но даже объяснить эту формулу какими бы то ни было разумными основаніями: «ни одинъ человѣкъ не уполномоченъ»—по его словамъ—«выступать въ качествѣ чисто моральнаго судьи и воздаятеля и наказывать проступки другого болью, которую онъ ему причиняетъ, а, слѣдовательно, налагать ему за это покаяніе. Это было бы скорѣе самонадѣянностью; отсюда—библейское: «мнѣ отмщеніе, — и азъ воздамъ». Отрицая за государствомъ право «моральнаго суда» надъ гражданами, Шопенгауэръ признаетъ за нимъ, однако, право налагать veto на область правонарушенія: въ этихъ видахъ—учить Шопенгауэръ—государство въ правѣ прибѣгать къ уголовной репрессіи, цѣль которой—устрашеніе правонарушителя.

Государство—не условіе нравственной свободы, а всего лишь «средство, съ помощью коего вооруженный разумомъ эгоизмъ старается избѣгать своихъ же собственныхъ, на него же обращенныхъ дурныхъ послѣдствій, при чемъ каждый споспѣшествуетъ благополучію всѣхъ, потому что видить въ немъ залогъ своего собственнаго благоденствія» (ibid, 416).

Государство бессильно, однако, достичь когда-либо полнаго осуществленія своей цѣли, ибо страданіе, какъ метафизическое ядро жизни, а по утоленіи его скука—неизбѣжный удѣлъ земной юдоли человѣка. Пламя людской вражды—источникъ вѣчной discordiae naturae—никогда не угаснетъ въ сердцѣ человѣка: «изгнанная извнѣ, всемогущая Эрида, обращается наружу, возвращается въ государство, какъ грозный бичъ войны, требуя въ большемъ размѣрѣ и разомъ, въ видѣ накопившагося долга, кровавыхъ жертвъ, которыя были отняты у нея въ отдѣльныхъ случаяхъ мудрыми государственными мѣропріятіями» (ibid, стр. 417).

Таковъ, въ краткихъ чертахъ, взглядъ Шопенгауэра на природу государства, какъ носителя *временнаго правосудія*; «но со-

вершено иное дѣло—*вѣчное правосудіе*: оно господствуетъ—по словамъ Шопенгауэра— «не въ государствѣ, а во вселенной,— независимо отъ человѣческихъ учреждений, не подвержено случайности или ошибкамъ... непогрѣшимо и неизблемо» (ibid, стр. 417).

Антитеза между проходящимъ и вѣчнымъ мировымъ правосудіемъ, тяготящимъ надъ «княжествомъ тьмы въ пандемоніумѣ Мильтона», раскрываетъ нашему сознанию двоякую перспективу міропониманія—антитезу между міромъ какъ «явленіемъ» (Erscheinung) и міромъ какъ «вещью въ себѣ» (Ding an sich). Какъ явленіе, «мировой процессъ представляется Шопенгауэру проявленіемъ творческой стихійной силы—«воли къ жизни» (Wille zum Leben), проступающемъ въ нашемъ сознании какъ всеединое мировое начало, призвавшее къ жизни пестрый міръ явленій; эта «воля къ жизни», составляющая сущность (primum movens) всякой жизни—насквозь ненасытное влеченіе, неугомонный порывъ (Drang)—безъ цѣли, безъ мѣры, безъ основанія: она—слѣпая безотчетная жажда жить; только претвореніе ея вовнѣ отпечатлѣвается въ нашемъ мозгу, какъ явленія, подпадающія подъ тиски времени, пространства и желѣзнаго закона причинности; сама же воля къ жизни, какъ метафизическій первообразъ, какъ логическая модель міра, по природѣ своей абсолютно не зависитъ отъ времени, пространства и закона причинности, сковывающаго всѣ ея проявленія»¹⁾.

Такъ какъ воля къ жизни, будучи по самой природѣ своей источникомъ неисцѣлимыхъ страданій, абсолютно не способна развиваться или претерпѣвать какія бы то ни было измѣненія во времени, то объ усовершенствованіи нравственнаго міропорядка не можетъ быть и рѣчи: отсюда вытекаетъ основной тезисъ пессимизма Шопенгауэра. Тезисъ этотъ гласитъ: «въ сущности всякая жизнь есть страданіе». Отправляясь отъ этого положенія, Шопенгауэръ вполне послѣдовательно приходитъ къ выводу, что небытіе міра слѣдуетъ предпочесть его бытію, и что единственный путь къ избавленію отъ мукъ и страданій жизни—абсолютное пресѣченіе міра и всякаго бытія.

¹⁾ См. мою монографію: „Пессимизмъ какъ въра и міропониманіе“. Опытъ критическаго анализа и классификаціи основоположеній и выводовъ пессимизма. Москва, 1908, стр. 14, 15, 16 и слѣд. (напеч. въ апрѣльской и июньской книжкахъ „Вопросовъ Философіи“ за 1908 г.). С. Г.

Проповѣдь аскетизма, какъ пути къ полному пресѣченію воли къ жизни и «единственнаго лѣкарства» для избавленія отъ мукъ бытія, неизбѣжно приводитъ Шопенгауэра къ апологіи «космическаго самоубійства міра»: «вмѣстѣ съ отрицаніемъ и отмѣной воли,—учитъ Шопенгауэръ,—отмѣняется (въ аскетизмѣ) и все ея проявленіе, даже, наконецъ, общія ея формы — время и пространство,—а также послѣдняя ея форма — субъектъ и объектъ. Нѣтъ воли,—нѣтъ представленія, нѣтъ міра: передъ нами остается одно ничто!.. Для тѣхъ, у кого (подобно аскетамъ) воля обратилась вспять и отрицаетъ себя самое, весь этотъ нашъ столь реальный міръ со всѣми его солнцами и млечными путями превращается въ ничто!..» ¹⁾).

Пессимизмъ, какъ проповѣдь пресѣченія бытія и «космическаго самоубійства міра», не только дѣлаетъ тщетной постановку политико-соціальныхъ идеаловъ, но исключаетъ даже самую возможность соціального строительства, да и не одну только возможность, но и надобность во *всякомъ* вообще укладѣ общезжитія.

«Всякое нравственное (и политико-правовое) жизнеученіе,—писалъ я въ другомъ мѣстѣ ²⁾),—каковы бы ни были его основанія и конечные выводы, возможно лишь при одномъ молчаливомъ и неотъемлемомъ условіи и покоится на одномъ постулатѣ, — что жить стоитъ, что жизнь есть наивысшее благо. Въ этомъ смыслѣ всякая мораль, (какъ и всякая политико-правовая философія)—оптимистична, такъ какъ она говоритъ міру и жизни побѣдное «да» и такимъ путемъ впервые создаетъ возможность сознательнаго и разумнаго прогресса, направленнаго на достиженіе возможнаго максимума человѣческаго счастья. Безъ этого молчаливаго постулата жизни, безъ этой апологіи міра немислима никакая этика, никакая культура, потому что всякая мораль и культурный ростъ человѣчества возможны и нужны лишь постольку, поскольку признается нужнымъ и цѣннымъ земное существованіе человѣка»... Проповѣдуя отреченіе отъ міра, отрицая самую надобность жизни и культуры, пессимизмъ дѣлаетъ невозможной да и ненужной самую постановку соціальныхъ

¹⁾ Ibid., стр. 37—39.

²⁾ Ibid., стр. 40—44. Ср. также мое изслѣдованіе „Нравственная философія Шопенгауэра“. Критика основныхъ началъ философіи Шопенгауэра. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1901, стр. 84—94. С. Г.

идеаловъ и ставитъ крестъ надъ культурными стремленіями и политико-правовыми нормами всякаго общежитія. Нельзя печаловаться объ усовершенствованіи социальнаго типа человѣка, нельзя проповѣдовать борьбу за социальное счастье человѣчества, проповѣдуя въ то же самое время отреченіе отъ жизни и пресѣченіе всякаго бытія.

Политико-правовое credo Шопенгауэра, поскольку оно покоится на философскихъ предпосылкахъ его пессимизма, разрѣшается, такимъ образомъ, въ непримиримую внутреннюю антиномію (одновременное признаніе и отрицаніе культуры и социальнаго прогресса).

Тезисъ этой антиноміи гласитъ: послѣдняя цѣль мірового процесса состоитъ въ абсолютномъ пресѣченіи всякаго бытія и аскетическомъ отреченіи отъ жизни: поэтому всѣ усилія человѣческой культуры должны сводиться не къ подтвержденію, а, наоборотъ, къ полному отрицанію всякихъ проблесковъ воли къ жизни, а такъ какъ социальнo-политическіе постулаты человѣчества лелѣютъ мечту о достиженіи возможнаго максимума человѣческаго счастья и стремятся къ *утвержденію* воли къ жизни путемъ усовершенствованія социальнаго уклада общежитія, то, слѣдовательно, они идутъ въ разрѣзъ съ конечной цѣлью мірового процесса (абсолютнымъ пресѣченіемъ всякаго бытія) и тѣмъ самымъ *отдаляютъ* человѣчество отъ перехода міра изъ нѣчто въ ничто.

Такъ гласитъ тезисъ. Антитезисъ, напротивъ, утверждаетъ: такъ какъ цѣль всякаго государственнаго общежитія — общественное благополучіе, а несправедливость и всякое правонарушеніе, угрожая общественному благополучію, причиняютъ намъ боль, отрицая, подавляя въ насъ нашу волю къ жизни, то право должно быть обороной отъ всякой несправедливости; такъ какъ, далѣе, наиболѣе цѣлесообразнымъ и «усовершенствованнымъ» методическимъ средствомъ для достиженія этой цѣли служитъ «государственный уговоръ или законъ», то въ немъ и должно почерпать свой *raison d'être* государство, какъ «общественный намордникъ», сдерживающій ненасытный эгоизмъ гражданъ; а такъ какъ изъ всѣхъ формъ государственнаго общежитія «наслѣдственная монархія» ближе всего отвѣчаетъ этой цѣли, то эта послѣдняя форма правленія и должна быть признана наиболѣе пригоднымъ «средствомъ, съ помощью коего вооруженный

разумомъ эгоизмъ старается избѣжать своихъ же собственныхъ на него же обращенныхъ послѣдствій» и тѣмъ самымъ способствовать возможно болѣе интенсивному *подтвержденію* воли къ жизни.

Тезисъ постулируетъ абсолютное пресѣченіе міра и проповѣдуетъ полное *отрицаніе* воли къ жизни; антитезисъ, напротивъ, отправляется отъ апологіи бытія и постулируетъ государственный укладъ общежитія какъ «усовершенствованное методическое средство» для болѣе утонченного и рафинированного *подтвержденія* воли къ жизни; тезисъ исключаетъ *toto genere* всякую, вообще, возможность культурнаго роста человѣчества, всякую надобность въ какомъ бы то ни было укладѣ государственнаго общежитія и, превращая міръ въ кладбище заживо погребенныхъ социальныхъ стремленій, съ логической неизбѣжностью разрѣшается въ проповѣдь вселенскаго социального анархизма; антитезисъ, напротивъ, постулируетъ «наслѣдственную монархію» какъ единственный пріемлемый типъ социального строительства и, превращая государство въ «общественный намордникъ», съ логической неизбѣжностью разрѣшается въ проповѣдь социально-политическаго монархизма.

Указанная внутренняя антиномія между нравственными постулатами и политико-правовыми воззрѣніями Шопенгауэра, антиномія, — насколько мнѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, — ускользавшая даже отъ самыхъ проникательныхъ историковъ философіи права и до сихъ поръ еще не нашедшая себѣ сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія въ богатой литературѣ о Шопенгауэрѣ, невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе критика какъ совершенно исключительная и едва ли не *единственная* въ исторіи философіи права aberrация философскаго мышленія. Съ этой стороны неудачная попытка Шопенгауэра построить своеобразную конструкцію «государства - намордника» (конструкцію, за вѣдомо несостоятельную по самой логической структурѣ своей) и примирить ее съ апологіей небытія пріобрѣтаетъ особый интересъ и поучительную тенденцію для историка судебъ русской философской мысли, — благодаря близкому родству между нравственными воззрѣніями Шопенгауэра и Льва Николаевича Толстого: въ этомъ смыслѣ сходство между нравственнымъ жизнепониманіемъ Шопенгауэра и Толстого — явленіе далеко, конечно, не случайное въ глазахъ историка пессимизма: оно не-

избѣжно вытекаетъ изъ всей логической конструкціи пессимизма, какъ несостоятельнаго, по самой природѣ своей, спекулятивнаго построения, разрѣшающагося toto genere въ апологію соціального небытія и исключаящаго въ корнѣ ratio essendi всякой культуры, всякаго прогресса и соціального строительства: «Отрицая государство, семью и собственность, — писалъ я въ другомъ мѣстѣ о пессимизмѣ Л. Н. Толстого, — эти корни, питающіе древо всякаго человѣческаго общежитія, отрицая самую надобность земного существованія человѣка, Толстой проповѣдуетъ, однако, въ то же самое время (какъ и Шопенгауэръ) дѣятельную любовь къ людямъ, требуя въ то же самое время подтвержденія воли къ жизни».

Въ этомъ смыслѣ «оба мыслителя (Шопенгауэръ и Толстой) впадаютъ въ непримиримую внутреннюю антиномію: оба они требуютъ, съ одной стороны, полного отреченія отъ міра и пресѣченія жизни, а, съ другой стороны, проповѣдуютъ состраданіе и дѣятельную любовь къ людямъ, требуя интенсивнаго подтвержденія воли къ жизни. Съ этой стороны не только Шопенгауэровъ, но и всякій, вообще, пессимизмъ, поскольку онъ требуетъ отрицанія жизни и міра, съ логической неизбежностью разрѣшается въ указанную внутреннюю антиномію — одновременное требованіе и отрицаніе жизни» ¹⁾.

Коренная ошибка (прѣтербу феѣдос) ученія Шопенгауэра и Л. Н. Толстого о государствѣ, разрѣшающагося въ непримиримую внутреннюю антиномію, кроется, — какъ я показалъ это въ другомъ мѣстѣ, — въ логически несостоятельномъ (на ихъ языкѣ) понятіи «прогресса» какъ темы міровой исторіи ²⁾: въ ту же самую антиномію неизбежно разрѣшается всякій пессимизмъ, поскольку онъ постулируетъ «космическое самоубійство» — какъ послѣднюю цѣль, вѣнчающую куполъ міровой исторіи. Единственный типъ государственнаго общежитія, логически возможный съ точки зрѣнія проповѣди пресѣченія бытія и отрицанія воли къ жизни — государство-скитъ, монастырь; единственный типъ нравственнаго канона, приемлемый съ точки зрѣнія аполо-

¹⁾ См. мою бесѣду съ Максомъ Нордау о пессимизмѣ Л. Н. Толстого въ моемъ письмѣ изъ Парижа, напечат. въ № 198 „Новостей“ за 1902 г., стр. 2.

²⁾ Болѣе подробный разборъ указанной антиноміи читатель найдетъ въ моей монографіи „Пессимизмъ какъ вѣра и міропониманіе“. М. 1908, стр. 16—17.

гн небытія—этика нигилизма съ ея суровой проповѣдью аскетическаго подавленія всякихъ проблесковъ воли къ жизни.

Для правильной оцѣнки исторической перспективы пессимизма Шопенгауэра и Л. Н. Толстого весьма характерна одна поучительная черта, присущая жизнепониманію обихъ мыслителей: въ философіи Шопенгауэра, какъ и въ проповѣди Л. Н. Толстого, антиномія между нравственными воззрѣніями и политико-соціальными постулатами находитъ себѣ примиреніе въ высшемъ синтезѣ—этикѣ состраданія и дѣятельной любви къ людямъ, философія міровой скорби разрѣшается въ проповѣдь вселенской любви къ человѣку.

Нельзя, однако, возлюбить ближняго своего, не возлюбивъ самой жизни, какъ наивысшаго самоцѣннаго блага: «нельзя проповѣдовать любовь къ людямъ,—писалъ я въ другомъ мѣстѣ¹⁾»,—проповѣдуя въ то же время отвращеніе ко всему живущему, ненависть къ самой жизни... Проповѣдовать любовь къ людямъ на ряду съ отрицаніемъ самой жизни—значитъ проповѣдовать любовь на кладбищахъ, среди мертвецовъ!..» Безъ апологіи міра немислима никакая этика, невозможно никакое соціальное строительство: пессимизмъ, въ смыслѣ проповѣди небытія и аскетическаго престѣченія воли къ жизни, исключаетъ toto genere всякую этику, потому что всякая мораль, всякая соціальная философія прежде всего—оптимистична и въ этомъ смыслѣ разрѣшается въ апологію жизни, какъ наивысшаго самоцѣннаго блага: законъ вселенской любви, эрость—въ Платоновомъ смыслѣ этого слова—въ то же время непреложный законъ соціальной любви къ человѣку: только въ немъ почерпаетъ свое обоснованіе всякое соціальное творчество: безъ этой любви къ человѣку, безъ вѣры въ соціальное бессмертіе личности и самодовлѣющую цѣнность жизни, какъ наивысшаго блага—мертвы всѣ сжижали соціальной этики, бесплодна всякая борьба за земное счастье и соціальное усовершенствованіе человѣка... Интуитивнымъ чутьемъ великаго художника-моралиста Левъ Толстой прозрѣлъ эту истину, примирившую его съ жизнью и подавившую поднятый имъ въ душѣ бунтъ противъ міра. Въ этомъ смыслѣ весьма поучительны драгоцѣнныя строки «русскаго Шопенгауэра», которыя

¹⁾ Ср. мое изслѣдованіе „Нравственная философія Шопенгауэра“. Критика основныхъ началъ философіи Шопенгауэра. Изданіе П. П. Сойкина. Спб., 1901, стр. 84—94.

я позволю себѣ привести дословно, заимствуя ихъ изъ письма ко мнѣ Л. Н. Толстого: «Всегда считалъ жизнь величайшимъ благомъ, за которое нельзя быть достаточно благодарнымъ» — пишетъ великій старецъ въ письмѣ ко мнѣ, датированномъ 3 марта 1909 года: «Чѣмъ больше живу и чѣмъ больше приближаюсь къ смерти, тѣмъ сознаніе этого блага становится во мнѣ все сильнѣе и сильнѣе ¹⁾».

Одинъ изъ «послѣднихъ могицанъ пессимизма» — Эдуардъ Гартманъ, — доведшій въ своей «Философіи безсознательнаго» пессимистическіе постулаты Шопенгауэра до *pes plus ultra*, идетъ еще дальше и утверждаетъ, что въ сущности «пессимизмъ есть лишь неправомѣрное употребленіе слова «оптимизмъ».

То же психологическое противорѣчіе сказалось и въ социальномъ обликѣ Шопенгауэра: драматическій расколъ между философіей «западнаго Будды» и политической обстановкой его вѣка посѣялъ въ душѣ этого печальника о чловѣкѣ непримиримый разладъ между міромъ, какъ *представленіемъ*, и міромъ, какъ *волей*, между міромъ, какъ онъ жилъ въ его представленіи, и міромъ, какъ жилъ въ немъ онъ самъ со своей неукротимой волей и безудержнымъ ураганомъ страстей, радостей и страданій: отверженный семьей и академической средой, одинокимъ отшельникомъ жилъ и умеръ этотъ «неукротимый укротитель міра» — чуждаясь бурной политической жизни своей родины, жилъ въ себѣ, въ своемъ призрачномъ «мірѣ какъ представленіи», не зная любви и радостей семейнаго счастья. Когда въ 1848 году надъ его родиной пронесся грозный ураганъ революціи, и вся передовая Германія проливали на баррикадахъ кровь за свободу, онъ — краса и гордость своего вѣка и народа — переживалъ въ своей душѣ другую, еще болѣе грозную и сокрушительную революцію — неугасимый бунтъ противъ міра, какъ юдоли зла, неисцѣлимыхъ страданій и бессмысленной суеты жизни...

«Чего только мы не пережили!» — патетически восклицаетъ Шопенгауэръ въ письмѣ къ своему «первому апостолу» — Юліусу Фрауэнштедту, датированномъ 2 марта 1849 года: «вообра-

¹⁾ Позволяю себѣ привести драгоцѣнныя строки изъ письма ко мнѣ великаго писателя въ виду ихъ исключительнаго психологическаго и автобіографическаго интереса.

вите себѣ баррикаду на мосту и защитниковъ ея, стоящихъ вплоть до самаго моего дома, цѣлящихъ и стрѣляющихъ въ войска, занимающія Фааргассе, отвѣтные выстрѣлы, потрясающіе домъ, ревъ голосовъ у запертой двери моей комнаты...»¹⁾—такъ описываетъ Шопенгауэръ съ эпическимъ спокойствіемъ безстрастнаго историка одинъ изъ самыхъ яркихъ эпизодовъ народнаго возстанія въ памятный день 18 сентября...

«Чего только *мы* не пережили!»—Какая горькая иронія звучитъ въ этомъ «*мы*»!..

Чужой въ семьѣ своей, чуждый своей родинѣ, ея политическимъ тревогамъ и радостямъ, чуждый всему міру, этому «княжеству тьмы въ пандемоніумѣ Мильтона», онъ,—этотъ непримиримый врагъ жизни,—не зналъ, не сознавалъ, какая глубокая и величественная симфонія социальныхъ восторговъ звучитъ въ этомъ побѣдномъ «*мы*!» Словно равнодушный зритель, безстрастно наблюдалъ онъ волнующееся море головъ, море сердецъ, слившихся на баррикадахъ въ одномъ біеніи, въ одномъ порывѣ. Что были для него невѣдомые ему восторги и побѣдные клики его братьевъ, проливавшихъ кровь въ борьбѣ за свободу родины? Вѣдь *его* родиной былъ весь «міръ какъ воля и представленіе»!..

И кто знаетъ—быть можетъ въ эти минуты «франкфуртскій отшельникъ» мучительнѣе, чѣмъ когда-либо, переживалъ острую тоску одиночества, сознавая со жгучей болью, какая глубокая пропасть легла въ его душѣ между двумя непримиримыми врагами: «*я*» и «*мы*»!.. Такъ жилъ, такъ переживалъ мировую драму этотъ одинокій узникъ, томившійся въ мрачномъ «пандемоніумѣ Мильтона»...

«Когда германское юношество проливало кровь за свободу родины,—говоритъ Куно Фишеръ,—Шопенгауэръ, какъ будто онъ совершенно не принадлежалъ къ этому юношеству, удалился въ философское уединеніе въ Рудольфштадтъ и написалъ сочиненіе о законѣ достаточнаго основанія». Въ своемъ *criticium vitae* онъ заявилъ, что «его отечество обширнѣе, чѣмъ Германія, и что онъ призванъ служить человечеству не кулакомъ, а головою»²⁾,

¹⁾ См. Куно Фишеръ: „*Артуръ Шопенгауэръ*“. Изд. Моск. Психол. Общ. М. 1896, стр. 93.

²⁾ См. Куно Фишеръ: „*Артуръ Шопенгауэръ*“. Изд. Моск. Психол. Общ. М. 1896, стр. 30—31.

«Обширнѣе, чѣмъ Германія!» Да вѣдь его отечествомъ былъ «весь міръ со всѣми его солнцами и млечными путями», весь этотъ «столь реальный міръ», сотканный изъ свѣтлыхъ грезъ художника-мыслителя!.. И въ этомъ мірѣ, въ мірѣ Платоновыхъ идей,—Шопенгауэръ чувствовалъ себя не одинокимъ узникомъ, а гордымъ «побѣдителемъ міра» и глубже, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ, сознавалъ всю мощь, всю красоту интеллектуальной любви къ человѣку...

Равнодушный къ землѣ съ ея призрачными радостями и скорбями, Шопенгауэръ былъ въ этомъ безплотномъ мірѣ «никогда не бывающихъ и всегда пребывающихъ идей» отважнымъ полководцемъ, бросившимъ смѣлый вызовъ «міру какъ волѣ», волшебствомъ своей силы и немеркнущимъ блескомъ мрачнаго генія увлекъ онъ народныя массы на грозный бой за свободу страждущаго человѣчества, скованнаго желѣзными цѣпями «всеединой міровой воли».

Когда—незадолго передъ смертью—друзья угасавшаго философа спросили его, — гдѣ бы онъ желалъ покоиться послѣ смерти, Шопенгауэръ отвѣтилъ: «Все равно: они найдутъ меня»¹⁾.

«Они найдутъ меня!»—какимъ безоблачнымъ величіемъ вѣетъ отъ этихъ трогательныхъ словъ!.. Какой ликующей благовѣстъ жизни звучитъ въ этомъ радостномъ предвкушеніи социальнаго безсмертія!..

И кто знаетъ,—быть можетъ, въ минуту разлуки съ міромъ, когда похолодѣвшія старческія уста философа безпомощно прошептали послѣднее «прости»,—быть можетъ, только тогда—въ первый и послѣдній разъ—два лютыхъ, ненавистныхъ врага его—«я» и «мы»—слились воедино въ послѣднемъ біеніи сердца и нащли себѣ, наконецъ, примиреніе въ послѣднемъ вздохѣ, какъ въ высшемъ синтезѣ социальной любви къ человѣку²⁾...

Семень Грузенбергъ.

¹⁾ См. Куно Фишеръ: „Артуръ Шопенгауэръ“. Изд. Моск. Псих. Общ. М. 1896, стр. 124.

²⁾ Пользуюсь случаемъ выразить признательность моимъ почтеннымъ оппонентамъ—профессору А. И. Введенскому, пр.-доценту И. И. Лапшину, Н. Г. Дебольскому и П. Б. Струве—за указанія, слѣданныя ими въ преніяхъ по поводу настоящей статьи, прочитанной въ качествѣ доклада въ засѣданіи Петербургскаго Философскаго Общества.

С. Г.

Теорія способностей въ современной психологіи¹⁾.

I.

Какъ ни разнообразны направленія и теоріи современной научной психологіи, однако едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что всѣ они тщательно избѣгаютъ пользоваться въ своихъ объясненіяхъ понятіемъ «душевной способности», въ томъ, по крайней мѣрѣ, значеніи этого слова, какое было придано ему основателемъ *Vermögenstheorie* Хр. Вольфомъ и его послѣдователями. Согласно общему взгляду, метафизическое понятіе душевной способности не можетъ имѣть мѣста въ эмпирической наукѣ, какою въ настоящее время является психологія, и должно быть навсегда изгнано изъ нея, какъ былъ въ свое время изгнанъ, напр., флогистонъ изъ научной химіи. Указаніе на то, что та или иная гипотеза является, въ сущности, возвратомъ къ «старой, метафизической, давно оставленной» теоріи способностей, слѣдуетъ обыкновенно однимъ изъ существенныхъ аргументовъ противъ такой гипотезы въ глазахъ большинства лицъ, серьезно занятыхъ изученіемъ явленій душевной жизни²⁾. И надо сказать, что такой страхъ передъ теоріей душевныхъ способностей имѣетъ свои, очень вѣскія основанія. Постараемся резюмировать важнѣйшія изъ нихъ, пользуясь для этой цѣли главнымъ образомъ сочиненіями Гербарта³⁾ и Бенеке⁴⁾, которые больше всѣхъ другихъ сдѣлали для того, чтобы окончательно дискредитировать упомянутую теорію.

¹⁾ Докладъ, прочитанный въ засѣданіи Спб. Философскаго общества 4 декабря 1908 г.

²⁾ См., напр., Wundt. *Grundzüge d. Physiol. Psychol.* 5-te Aufl. Bd. II, S. 31.

³⁾ Гербартъ. *Психологія*. Перев. А. Нечаева. Спб. 1895 г.

⁴⁾ Бенеке. *Psychologische Skizzen*. Bd. I und II.

Прежде всего, теорія способностей совершенно не оправдала того назначенія, ради котораго она была создана. Главная ея задача заключалась, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы объединить факты, добытые описательной, эмпирической психологіей, и дать имъ рациональное объясненіе. На дѣлѣ же все сводилось къ тому, что подбирали рядъ душевныхъ явленій, болѣе или менѣе похожихъ другъ на друга, и объединяли ихъ въ одну общую группу, называя эту группу особымъ именемъ, напр., память, разумокъ, воображеніе и т. д. Затѣмъ въ основу этой группы клали особую силу или способность, которая при дѣйствиіи соотвѣтствующаго раздражителя, сама изъ себя, неизвѣстнымъ образомъ, производила всѣ проявленія, относящіяся къ этой группѣ. Такимъ образомъ, приемами, годными лишь для первоначальнаго обзора, для предварительной, сравнительно грубой классификаціи душевныхъ явленій, хотѣли воспользоваться съ цѣлью дать объясненіе этихъ самыхъ явленій. Въ результатѣ объясненіе если и получалось, то чисто словесное: сказать, что въ основѣ процесса воспроизведенія лежитъ особая способность памяти, и въ то же время не дать никакого опредѣленія этой способности, не показать, какимъ образомъ она возникаетъ и развивается, въ какомъ отношеніи находится къ другимъ способностямъ, какъ образуетъ свои проявленія,—это значить сказать ничего не значащій звукъ, пустое слово.

Кромѣ того, самый подборъ душевныхъ явленій и объединеніе ихъ въ общія группы производились большею частью поверхностно, на основаніи чисто внѣшняго сходства или различія, не входя въ сколько-нибудь глубокій анализъ обстоятельствъ и условій, вызывавшихъ и сопровождавшихъ данное проявленіе. Брали какой-нибудь душевный процессъ, нерѣдко очень сложный, составленный изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ (напр., аффекты, нравственныя сужденія, общественныя чувства) и прямо приписывали его той или иной элементарной способности, заботясь не столько объ анализѣ процесса, сколько о томъ, подъ какую рубрику слѣдуетъ его подвести. При этомъ совершенно не обращалось вниманія на то, что нерѣдко явленія, по своему внѣшнему виду очень сходныя (напр., различные виды аффекта гнѣва, или же напряженное, настойчивое стремленіе къ выполненію какой-нибудь задачи и т. п.), могутъ вызываться совершенно разными причинами и, сообразно этому, въ своей основѣ

и въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи рѣзко различаться другъ отъ друга. Особенно часто бываетъ это съ процессами, болѣе или менѣе сложными; но не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что иногда и простыя явленія или, вѣрнѣе, кажущіяся для нашего сознанія простыми при болѣе глубокомъ анализѣ оказываются очень и очень сложными.

Было еще одно возраженіе, представлявшее особую важность для того времени, когда названные выше авторы вели свою борьбу противъ теоріи способностей, но до нѣкоторой степени еще и теперь сохранившее свое значеніе: гипотеза душевныхъ способностей оказывалась совершенно непримѣнимой къ изученію и истолкованію душевныхъ явленій въ томъ видѣ, какъ они нами непосредственно переживаются. Всѣ тѣ процессы, которые мы можемъ наблюдать въ нашемъ сознаніи, носятъ характеръ текучести и измѣнчивости, всегда болѣе или менѣе сложны и никогда не повторяются въ одномъ и томъ же видѣ. Этимъ текучимъ и измѣнчивымъ состояніемъ сознанія противопоставляется рядъ неподвижныхъ, рѣзко обособленныхъ одна отъ другой сущностей, какимъ-то неизвѣстнымъ образомъ воздѣйствующихъ другъ на друга, но никогда не переходящихъ одна въ другую. Всякія посредствующія звенья между конкретными содержаніями душевной жизни и отвлеченными способностями, ихъ производящими, совершенно отсутствовали. Въ то же время, сообразно общему направленію мысли и интересовъ той эпохи, главный интересъ психологовъ былъ сосредоточенъ именно на разграниченіи наиболѣе основныхъ душевныхъ способностей и опредѣленіи ихъ роли и взаимодѣйствія, въ то время какъ описаніе и анализъ конкретныхъ проявленій душевной жизни мало кого привлекали. Въ противоположность естественнымъ наукамъ, наука о душевныхъ явленіяхъ восходила не отъ частныхъ явленій къ общимъ, а наоборотъ, отъ общихъ къ частнымъ, не имѣя къ тому же въ своемъ распоряженіи достаточныхъ средствъ, чтобы вывести эти частныя явленія изъ общихъ принциповъ. Въ результатъ всего этого психологія, по мѣткому выраженію Гербарта, превращалась въ миеологію, вмѣсто того, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ она должна была бы быть, т.-е., точной индуктивной наукой.

Благодаря этимъ недостаткамъ, теорія способностей оставляла неразрѣшенными цѣлый рядъ неясностей и противорѣчій, на ко-

торыя и указывали ея противники. Такъ, напр., стараясь свести каждую группу однородныхъ душевныхъ проявленій къ дѣйствию той или иной способности, она въ то же время совершенно не занималась вопросомъ о томъ, что дѣлается съ этой способностью до ея проявленій: возникновеніе отдѣльныхъ способностей, исторія ихъ развитія, колебанія въ ихъ напряженности, — всѣ эти и подобные имъ вопросы оставались совершенно внѣ области психологическаго изслѣдованія (Бенеке).

Далѣе, по отношенію къ внѣшнимъ раздражителямъ теорія способностей предполагала, что различныя способности каждая по своему перерабатываютъ полученный извнѣ матеріалъ, одну и ту же *матерію*.

„Эту матерію чувственность должна *воспринять*, при чемъ поднимается вопросъ о причинномъ отношеніи между внѣшнимъ міромъ и человѣкомъ. Если оно отрицается, то должно будетъ признать чувственность скорѣе способностью *порождающей*. Ту же самую матерію память должна сохранить, а фантазія, не трогая этого сохраненія, представить въ новыхъ образахъ; и разумокъ, опять-таки не трогая этихъ новыхъ образовъ, долженъ образовать изъ нея понятія, а способность желанія — измѣнить ее въ желанное и ненавистное, — и опять продукты фантазіи, понятія, желанія и т. д., сохраненные памятью и смѣшанные, при случаѣ, съ новой матеріей, должны подвергнуться дѣйствию новой перерабатывающей способности. Или, если это кажется непонятнымъ, то, можетъ быть, память прячетъ въ свой чуланчикъ только одну часть матеріи, а другая часть отдается фантазіи, третья — разумку, четвертая — способности желанія и т. д.“ (Гербертъ, Учебникъ психологии, стр. 131).

Въ описаніи и разграниченіи отдѣльныхъ душевныхъ процесовъ допускалось также много неточностей и произвольнаго. Такъ, въ своемъ стремленіи приписать всѣ, сколько-нибудь важныя проявленія душевной жизни дѣятельности особыхъ элементарныхъ способностей, психологи доходили до того, что, напр., даже такое неопредѣленное и сложное проявленіе, какъ всеобщее стремленіе къ счастью выставляли въ качествѣ простого влеченія; то же было съ самолюбіемъ, общественными чувствами и т. д. При этомъ строго раздѣляли высшія способности отъ низшихъ, проводя между тѣми и другими рѣзкую границу; эта граница въ способностяхъ представленія проходила между воображеніемъ и разумкомъ, въ способностяхъ чувствованія — между чувственнымъ удовольствіемъ и эстетическимъ чувствомъ, въ способностяхъ желанія — между страстью и обдуманномъ выборомъ. Между тѣмъ, уже и тогда указывалось, а дальнѣйшіе наблю-

денія и анализы подтвердили это съ еще большей наглядностью, — до какой степени шаткой и неопредѣленной является эта пограничная линия, какъ много общихъ элементовъ заключаютъ въ себѣ высшія и низшія душевныя переживанія, и какъ постепенны и незамѣтны бывають переходы между ними.

Надо сказать, что въ своей борьбѣ съ теоріей способностей противники ея не ограничивались одной только критикой, а работали также и въ положительномъ направленіи, стараясь намѣтить тѣ проблемы, на разрѣшеніи которыхъ должна была сосредоточиться новая психологія, указывая новые приемы и методы, которыми при этомъ можно было бы пользоваться. И опытъ послѣдующаго полстолятія показалъ, насколько плодотворны были эти указанія, какъ много новаго и важнаго внесли они въ изученіе душевной жизни и дѣятельности человѣка.

Главная, наиболѣе существенная особенность совершившагося въ психологіи переворота заключалась, на нашъ взглядъ, въ томъ, что центръ тяжести психологическихъ изслѣдованій былъ перенесенъ съ изученія души и ея способностей на изученіе *явленій* сознанія и ихъ взаимоотношеній. Сторонники новаго направленія настаивали на томъ, что нельзя сразу начинать съ вершины зданія, съ конечныхъ обобщеній, надо прежде всего разобратся въ томъ дѣйствительно простѣйшемъ и основномъ, что дано намъ непосредственно, именно въ фактахъ сознанія. Эти факты необходимо изучать со всей возможной тщательностью и при томъ какъ можно болѣе подробно и обстоятельно, при чемъ методы и приемы изслѣдованія должно заимствовать, главнымъ образомъ, у естественныхъ наукъ и математики. Даже въ томъ случаѣ, если допустить существованіе способностей, какъ чего-то находящагося внѣ нашего сознанія и въ то же время лежащаго въ основѣ всѣхъ сознательныхъ процессовъ, даже и тогда придется разсматривать ихъ по аналогіи съ нашими сознательными переживаніями, т.-е., какъ тѣ же впечатлѣнія и представленія, накопившіяся послѣдовательно въ извѣстномъ направленіи и всякій разъ оставлявшія все новые и новые слѣды въ безсознательной сферѣ даннаго человѣка (Бенеке). Факты надо объяснять фактами же, и при томъ такъ, чтобы объясненіе носило наглядный характеръ, а не сводилось бы къ пустой, лишенной всякаго содержанія игрѣ словами.

Эта основная тенденція новаго направленія—во всѣхъ своихъ

гипотезахъ и построенияхъ придерживаться какъ можно ближе фактовъ, доставляемыхъ намъ непосредственнымъ сознаниемъ—оказалась, повторяемъ, чрезвычайной плодотворной для дальнейшей научной разработки различныхъ вопросовъ психологии. Эмпирическому изслѣдованію данъ былъ могучій толчокъ, и цѣлый рядъ проблемъ былъ пересмотрѣнъ и изслѣдованъ съ новой точки зрѣнія.

Однако, вмѣстѣ съ этимъ придется также отмѣтить, что тѣ значительные результаты, которые въ настоящее время достигнуты экспериментальной психологіей, касаются не столько объясненія психическихъ явленій, сколько ихъ точнаго разграниченія и описанія. Психологъ-экспериментаторъ устанавливаетъ точное соотношеніе между увеличеніемъ раздраженія и соответствующимъ приростомъ ощущенія, показываетъ, какимъ образомъ увеличивается время реакціи вмѣстѣ съ возрастаніемъ сложности процесса и какъ оно измѣняется въ зависимости отъ различныхъ побочныхъ условій, точно регистрируетъ періодическія колебанія вниманія, описываетъ различные виды памяти, устанавливаетъ кривую постепеннаго забыванія разъ воспринятаго впечатлѣнія или группы впечатлѣній и т. д., все въ томъ же родѣ. Когда же дѣло доходитъ до объясненія сущности, основы того или иного процесса, то, страннымъ образомъ, всѣ эти точныя описанія и подсчеты оказываются въ большинствѣ случаевъ недостаточными для того, чтобы, исходя изъ нихъ, построить сколько-нибудь законченную теорію даннаго процесса, и приходится обыкновенно пользоваться разсужденіями и соображеніями, ничего общаго съ экспериментомъ не имѣющими. Чтобы не быть голословнымъ, напомнимъ о противорѣчивыхъ толкованіяхъ Веберовскаго закона, о различныхъ теоріяхъ вниманія, о спорѣ, который до сихъ поръ существуетъ между ассоціативной теоріей памяти и теоріей самопроизвольнаго всплыванія представленій, наконецъ, о гипотезѣ Ланге-Джемса, значеніе которой, несмотря на большое число произведенныхъ съ тѣхъ поръ изслѣдованій относительно пульса и дыханія при разныхъ аффектахъ, все-таки до сихъ поръ такъ и остается неяснымъ.

Это обстоятельство служитъ нерѣдко поводомъ къ несправедливымъ нападкамъ на экспериментальный методъ, къ совершенно неправильному утверженію, будто экспериментальныя

изслѣдованія, требуя громадной затраты труда и времени, даютъ въ результатъ только общеизвѣстныя истины, не будучи въ состояннн сколько-нибудь способствовать разрѣшенію важнѣйшихъ психологическихъ проблемъ. Ниже намъ придется еще разъ коснуться этого вопроса, здѣсь же ограничимся лишь указаніемъ на то, что психологическій экспериментъ работаетъ именно въ томъ направленнн, которое было ему указано его родоначальниками, т.-е., въ направленнн точнаго *описанія и анализа* непосредственно воспринимаемыхъ явленій сознанія, и нѣтъ ничего удивительнаго, если, выходя изъ предѣловъ этой задачи и пытаясь указать скрытую основу этихъ явленій, онъ даетъ меньше, нежели отъ него ожидаютъ. Это не значитъ, чтобы психологическій экспериментъ былъ вовсе непригоденъ къ рѣшенію подобнаго рода вопросовъ; это значитъ только, что для этой цѣли слѣдуетъ измѣнить самый способъ его приложенія.

II.

Итакъ, старая теорія способностей подверглась справедливому осужденію, и на ея мѣсто было возведено зданіе новой, научной психологн, основанной прежде всего на точномъ и обстоятельномъ изученн явленій сознанія.

Однако, если мы зададимъ себѣ вопросъ, дѣйствительно ли удалось теорію способностей совершенно и безслѣдно изгнать изъ научной психологн, то къ удивленію придется дать на это отрицательный отвѣтъ: слѣды теорн способностей, въ большей или меньшей степени, въ болѣе или менѣе скрытомъ видѣ, можно найти какъ у прежнихъ, наиболѣе ожесточенныхъ противниковъ этой теорн, такъ и у нѣкоторыхъ выдающихся психологовъ нашего времени.

Бенке, подвергая рѣзкой критикѣ старую теорію способностей, въ то же время самое понятіе способности, какъ чего-то не сознаваемого нами непосредственно, но лежащаго въ основѣ сознательныхъ явленій, считаетъ не только полезнымъ, но даже необходимымъ для научной психологн. Мнѣніе это онъ основываетъ на двухъ соображеніяx: во-первыхъ, «изъ ничего—ничего не бываетъ», и возникновеніе въ нашемъ сознанн представленій, чувствъ, желаній и т. п. должно имѣть какой-нибудь исходный пунктъ, какое-нибудь реальное основаніе; во-вторыхъ,

въ сознаниі каждаго челоуѣка наблюдаются отъ времени до времени пустые промежутки, которые, въ силу потребности научнаго объясненія, должны быть такъ или иначе заполнены ¹⁾.

Способности, по мнѣнію Бенеке, являются наиболѣе стойкими и постоянными элементами нашей душевной жизни. Правда, его понятіе способности значительно отличается отъ того, что раньше называли этимъ именемъ. У Бенеке мы имѣемъ дѣло скорѣе со слѣдами прежнихъ впечатлѣній, сохраняющимися въ безсознательной сферѣ, съ разнообразными навыками, образовавшимися вслѣдствіе продолжительной дѣятельности въ томъ или иномъ направленіи, и оказывающими вліяніе на дальнѣйшую дѣятельность. Но въ этомъ измѣненномъ видѣ Бенеке не только считаетъ необходимымъ защищать понятіе душевной способности, но и подвергаетъ его дальнѣйшей детальной разработкѣ. Такъ, по его мнѣнію, существуютъ первичныя, врожденныя способности (*Urvermögen*), присущія челоуѣку еще до перваго опыта, напр., способность зрѣнія вообще. Отъ нихъ слѣдуетъ отличать *Angelegtheiten*, или наклонности, образовавшіяся уже впоследствии, по мѣрѣ того какъ слѣды опыта, результаты раздраженій извѣстнаго рода отлагались послѣдовательно на первичной способности; примѣръ—способность созерцанія зеленаго цвѣта. Далѣе, различаются *Bildungsmoment*—то внѣшнее воздѣйствіе (напр., свѣтовое или слуховое раздраженіе), благодаря которому способность начинаетъ проявляться въ сознаниі, и *Bildungsprocess*, т.-е., самый способъ возникновенія этихъ сознательныхъ проявленій и т. д. ²⁾

Болѣе радикальнымъ въ данномъ отношеніи является Гербартъ, совершенно отрицающій за понятіемъ душевной способности какое бы то ни было положительное значеніе. Однако, и у этого наиболѣе сильнаго противника разбираемой теоріи мы находимъ нѣкоторыя понятія, сильно напоминающія то самое ученіе, противъ котораго онъ борется. Такъ, по мнѣнію Гербарта, представленія, будучи вытѣснены изъ сознанія, «превращаются въ стремленіе къ представиванію и, какъ такое стремленіе, они продолжаютъ не уменьшаясь, отчего ихъ представляемое должно снова возвратиться, коль скоро будутъ побѣ-

1) Beneke, loco cit, стр. 11—13.

2) Beneke, loco cit, стр. 49—54.

ждены препятствія, которыми они стѣснялись¹⁾. Это стремленіе къ представливанію отнюдь нельзя считать аналогичнымъ самому представленію и лишь происходящимъ въ бессознательной сферѣ; напротивъ, оно опредѣляется, какъ «дѣятельность, продолжающаяся въ то время, какъ ея эффектъ, который она приносила бы въ силу своихъ свойствъ, удерживается чѣмъ-нибудь чуждымъ». Далѣе еще разъ подчеркивается, что «стремленія къ представливанію никогда не являются въ сознаниі непосредственно, потому что, превращаясь въ стремленіе, представленія тотчасъ же вытѣсняются изъ сознанія» (ibid., стр. 119).

По поводу этихъ «стремленій къ представливанію», недоступныхъ непосредственно нашему сознанію и въ то же время лежащихъ въ основѣ всѣхъ сознательныхъ процессовъ, Бенеке справедливо замѣчаетъ, что они представляютъ собою, въ сущности, не что иное, какъ тѣ же душевныя способности. И если Гербартъ, тѣмъ не менѣе, считалъ возможнымъ, не входя въ дальнѣйшій анализъ названнаго понятія, пользоваться имъ при построеніи своей механики представленій, то это происходило, какъ намъ кажется, по слѣдующей причинѣ. Психологія Гербарта опредѣляется имъ самимъ, какъ «наука, основанная на опытѣ, метафизикѣ и математикѣ». Согласно же метафизикѣ Гербарта, отдѣльныя представленія суть не что иное, какъ самосохраненія души, оберегающей себя отъ нарушенія со стороны другихъ простыхъ качественныхъ реальностей. Поэтому «очень легко понимаемымъ метафизическимъ основаніемъ, по которому противоположныя представленія сопротивляются другъ другу, служатъ *единство души*, самосохраненіями которой они являются» (ibid., стр. 110). Нужно ли объяснить борьбу и взаимодействіе представленій, или возникновеніе ихъ въ сознаніи, или вышеупомянутое стремленіе къ представливанію, или, наконецъ, непосредственно сознаваемое единство нашего «я», всюду выдвигается этотъ основной принципъ, именно дѣятельность и единство души, какъ реальной основы всѣхъ нашихъ душевныхъ переживаній.

Само собою разумѣется, что послѣдующая эмпирическая и физиологическая психологія не могла уже довольствоваться такого рода объясненіями. На смѣну «стремленія души къ представи-

¹⁾ Гербартъ, loco cit., стр. 56.

ванію» явились ученія объ активной апперцепціи или о непосредственномъ воздѣйствіи физиологическаго субстрата на теченіе душевныхъ явленій. Ниже мы постараемся показать, что и эти попытки объясненія все же едва ли удачно восполнили пробѣлъ, оставшійся въ психологіи за изгнаніемъ душевныхъ способностей.

Итакъ, психологи, наиболѣе способствовавшіе ниспроверженію теоріи способностей, оказываются сами не вполне свободными отъ ея вліянія и понятій. Но, быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что упомянутая теорія была еще слишкомъ близка къ нимъ, что они еще не успѣли вполне отрѣшиться отъ ея взглядовъ и предрасудковъ? Однако, если мы обратимся къ нѣкоторымъ изъ современныхъ намъ психологовъ, то увидимъ, что и у нихъ приходится отмѣтить то же самое.

Много чертъ, напоминающихъ теорію способностей, находимъ мы у Липпса ¹⁾. По мнѣнію этого автора, психологія есть ученіе о явленіяхъ или феноменахъ сознанія. Но такъ какъ «явленія всегда предполагаютъ существованіе чего-то являющагося въ нихъ», то задача психологіи сама собой раздѣляется на двѣ части. Первая часть чисто описательная; она состоитъ въ регистрированіи, анализѣ, сравненіи и приведеніи въ систематическій порядокъ обнаруживаемыхъ нами содержаній сознанія, а также въ открытіи закономерности, которую можно непосредственно въ нихъ замѣтить. Вторая часть, объяснительная, заключается въ установленіи причинной связи между содержаніями сознанія. Эта послѣдняя задача необходимымъ образомъ выводитъ психологію за предѣлы сознанія, такъ какъ всякая причинная зависимость есть отношеніе необходимой связи между фактами объективной действительности, а не между субъективными переживаніями. Другими словами, причинное соединеніе переживаній сознанія есть и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ причиннымъ соединеніемъ нѣкоторой реальности, непосредственно нами не сознаваемой; эта послѣдняя лежитъ въ основѣ переживаній сознанія, которыя и мыслятся нами, какъ ея «явленія» (стр. 10—11). Липпсъ называетъ ее «реальнымъ я», «личностью», «психическимъ индивидуумомъ», «душой» и т. д. Само собою разумѣется, что различныя особенности и качества этого «реального я» мы не

1) Т. Липпсъ. Руководство къ психологіи. Перев. Лихарева. Спб. 1907.

можемъ познавать непосредственно, а можемъ только мыслить, исходя при этомъ изъ явленій сознанія; качества реального «я» всегда останутся для насъ ничѣмъ инымъ, какъ *склонностями* или возможностями того или иного сознательнаго переживанія. Однако, это обстоятельство ничуть не опровергаетъ необходимости мыслить «реальное я»: вѣдь и реальный субстратъ физическихъ явленій—матерія—можетъ быть познаваемъ нами только посредственнымъ путемъ, именно, при помощи изученія и анализа самыхъ явленій (стр. 13—14).

Это различеніе между явленіями сознанія и ихъ реальнымъ субстратомъ Липпсъ проводитъ съ чрезвычайной настойчивостью и послѣдовательностью. Такъ, напр., онъ указываетъ на то, что, говоря объ ассоціаціи сходства, слѣдуетъ имѣть въ виду сходство не содержаній сознанія, а тѣхъ реальныхъ процессовъ, которые лежатъ въ ихъ основѣ. Тотъ способъ, какимъ содержанія ощущеній и представленій соприкасаются или соединяются другъ съ другомъ въ сознаніи, имѣетъ для него въ данномъ случаѣ второстепенное значеніе; бываетъ даже, что два процесса, сходные въ своей основѣ, проявляются въ сознаніи не вполне одинаково, и тѣмъ не менѣе, ассоціируются другъ съ другомъ по сходству (стр. 57—59). Точно такое же объясненіе получаетъ у него чувство времени, расположеніе нашихъ душевныхъ переживаній во временной послѣдовательности. Основу здѣсь составляетъ непрерывно прогрессирующее преобразование тѣхъ процессовъ, которые въ своей совокупности составляютъ наше «реальное я»; «сознательнымъ коррелятомъ стадіи, болѣе удалившейся впередъ, является сознаніе о *раньше*, сознательный же коррелятъ менѣе далекой стадіи состоитъ въ сознаніи о *позже*» (98—99).

По мнѣнію Иерузалема ¹⁾, факты заставляютъ насъ различать, съ одной стороны, явленія или переживанія сознанія, воспринимаемыя нами непосредственно, а съ другой—психическія склонности или предрасположенія. Эти послѣднія недоступны непосредственному воспріятію и являются, такимъ образомъ, чисто вспомогательными понятіями, образованными по аналогіи съ понятіемъ потенціальной энергіи. Въ основѣ ихъ лежитъ упражненіе, къ которому и сводится, въ концѣ концовъ, образованіе

¹⁾ Руководство психологіи. Спб. 1907 г.

всякаго рода психическихъ (а также и физиологическихъ) способностей. При этомъ опредѣленно указывается, что было бы совершенно неправильнымъ видѣть въ психическихъ склонностяхъ тѣ же явленія сознанія (напр., представленія), только опустившіяся ниже порога сознанія и ждущія подходящаго момента, чтобы вновь появиться. Слѣдуетъ различать склонности психическія и физиологическія. Въ основѣ всѣхъ важнѣйшихъ проявленій душевной жизни лежатъ особыя склонности, иногда психическія, иногда физиологическія, а чаще и тѣ и другія вмѣстѣ. Что касается, наконецъ, отношенія психическихъ склонностей къ нашему я или непосредственно воспринимаемому единству сознанія (стр. 13), то на этотъ счетъ мы не находимъ въ названномъ сочиненіи достаточно ясныхъ указаній.

У другихъ авторовъ мы находимъ значительныя разногласія какъ по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли вообще считать понятіе душевныхъ способностей чѣмъ-то отличающимся отъ понятія психическихъ переживаній, такъ и по вопросу о сущности или причинѣ душевныхъ способностей.

Такъ, Тиченеръ ¹⁾ видитъ въ склонностяхъ «явленія, исключительно принадлежащія къ области физиологии и биологии», но въ то же время имѣющія важное значеніе и для науки о душевной жизни. Физическія склонности, «такъ сказать, указываютъ пути, которыми обыкновенно слѣдуютъ душевные процессы. Душевные процессы не обязаны своимъ возникновеніемъ этимъ склонностямъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ специфическое ощущеніе краснаго цвѣта обязано своимъ возникновеніемъ особенному возбужденію сѣтчатой оболочки и зрительнаго центра въ мозгу; но эти склонности прорѣзываютъ каналы (1), по которымъ движется потокъ сознательныхъ процессовъ, а слѣдовательно опредѣляютъ направленіе, которое долженъ принять этотъ потокъ». И далѣе: «хотя тѣлесныя наши склонности никогда не становятся сознательными—самонаблюденіе не обнаруживаетъ никакого специфическаго процесса, соответствующаго этимъ склонностямъ,—но мы встрѣчаемъ такія душевныя явленія, которыя можно совершенно законнымъ образомъ привести въ связь съ тѣми несомнѣнными биологическими фактами, которымъ дается названіе «склонностей». Такимъ путемъ мы, какъ психологи, мо-

1) Очерки психологии. Перев. Чепинской. Слб. 1898 г.

жемъ убѣдиться въ существованіи склонностей, хотя лишены возможности непосредственно испытывать ихъ». Такимъ же точно образомъ, «узнавъ изъ біологіи о существованіи склонностей, мы можемъ считать ихъ условіями душевнаго склада и на основаніи ихъ объяснять фундаментальныя различія между душами, чего иначе не въ состояніи были бы сдѣлать» (стр. 88—91).

Юдль ¹⁾ считаетъ неправильными какъ установленіе многихъ обособленныхъ способностей, такъ и попытки свести все разнообразіе душевной жизни къ дѣйствию одной какой-нибудь основной способности, напр., способности ощущенія, представленія, воли и т. п.; болѣе тщательный анализъ показываетъ намъ, что при такомъ выведеніи различныхъ сложныхъ функций изъ одной простѣйшей мы невольно уже съ самаго начала молчаливымъ образомъ предполагаемъ существованіе тѣхъ особенностей, которыми характеризуется данная сложная функція. Въ виду этого Юдль предлагаетъ принять установившееся тройное дѣленіе на умъ, чувство и волю. При этомъ однако онъ указываетъ, что «ощущеніе, чувство и стремленіе являются не отдѣльными силами или способностями, а лишь тремя различными формами или способами проявленія общаго процесса первичной психической реакціи у человѣка; въ этомъ процессѣ, въ зависимости отъ опредѣленныхъ условій, то одна, то другая сторона является болѣе выраженной и благодаря этому выдѣляется нами, какъ нѣчто самостоятельное,—либо непосредственно, либо путемъ логической абстракціи, въ цѣляхъ научнаго изслѣдованія». На самомъ же дѣлѣ во всякомъ психическомъ процессѣ неизмѣнно присутствуютъ, въ большей или меньшей степени, всѣ три стороны первичной психической реакціи. И только въ болѣе сложныхъ переживаніяхъ, благодаря включенію большого количества промежуточныхъ звеньевъ, эти стороны одного и того же процесса кажутся намъ раздѣленными и обладающими извѣстной самостоятельностью (стр. 128—139).

Наконецъ, цѣлый рядъ другихъ авторовъ видитъ въ понятіи душевной способности исключительно только классификаціонный терминъ, своего рода ярлыкъ для обозначенія группы сходныхъ между собою явленій. При этомъ тщательно указывается, что нельзя разсматривать отдѣльныя способности, какъ самостоятельныя, другъ отъ друга обособленные факторы, при чемъ

¹⁾ Lehrbuch der Psychologie. Stuttgart. 1896.

въ доказательство этого выдвигаются обыкновенно слѣдующія два положенія: во-первыхъ, непосредственное сознание каждаго человѣка свидѣтельствуетъ о единствѣ душевныхъ переживаній, о томъ, что всякій психическій процессъ непремѣнно относится нами къ нашему я, какъ воспринимающему, чувствующему и реагирующему центру; во-вторыхъ, во всякомъ безъ исключенія психическомъ актѣ мы встрѣчаемъ непремѣнно всѣ три основныя способности или стороны душевной жизни, ощущеніе, чувство, стремленіе, и только путемъ отвлеченія, благодаря преобладанію той или иной стороны, можно выдѣлить ее, какъ нѣчто самостоятельное.

Интересенъ этотъ второй доводъ, который принадлежитъ къ числу излюбленныхъ и приводится очень часто. Ниже читатель увидитъ, что мы сами отнюдь не склонны признавать полной самостоятельности отдѣльныхъ душевныхъ способностей и, не предрѣшая заранѣе окончательно этого вопроса, думаемъ однако, что между ними существуютъ вполне опредѣленные взаимоотношенія, сводящіяся въ концѣ концовъ къ функциональному, а можетъ быть и генетическому единству. Однако мы въ то же время никакъ не можемъ признать убѣдительнымъ то соображеніе, что если проявленія отдѣльныхъ способностей (resp. отдѣльныхъ сторонъ или формъ душевной жизни) всегда встрѣчаются вмѣстѣ, то это значитъ, что и самыя способности представляютъ нѣчто единое, однородное. Вѣдь ученіе о способностяхъ или склонностяхъ неизбѣжно предполагаетъ, что каждая способность имѣетъ своихъ опредѣленныхъ возбудителей, внѣшнихъ или внутреннихъ. А такъ какъ окружающая насъ внѣшняя среда, точно такъ же какъ и внутренняя (содержаніе сознания) всегда отличается крайней сложностью, то нѣтъ ничего удивительнаго, если въ каждый данный моментъ имѣются налицо возбудители всѣхъ нашихъ основныхъ способностей. Правда, степень вліянія различныхъ возбудителей въ разное время можетъ очень рѣзко измѣняться, но вѣдь этому какъ разъ и соотвѣтствуетъ то обстоятельство, что въ каждомъ психическомъ процессѣ мы находимъ болѣе выраженными то однѣ, то другія стороны. Такимъ образомъ, постоянное совмѣстное нахожденіе въ каждомъ психическомъ актѣ извѣстныхъ проявленій еще не свидѣтельствуетъ непремѣнно объ однородности способностей, лежащихъ въ основѣ этихъ проявленій.

Какъ бы то ни было, мы видимъ, что понятіе душевной способности или склонности отнюдь не принадлежитъ къ числу забытыхъ или совершенно оставленныхъ современной психологіей. И если многіе авторы пользуются имъ исключительно въ цѣляхъ классификаціонныхъ, для обозначенія извѣстнаго класса однородныхъ явленій, то другіе вкладываютъ въ него, наоборотъ, совершенно реальное содержаніе. Это содержаніе нѣкоторые сводятъ исключительно къ особенностямъ физической организациі, тогда какъ другіе, наоборотъ, считаютъ необходимымъ признавать существованіе какъ физическихъ, такъ и психическихъ склонностей.

Есть еще одно обстоятельство, которое, на нашъ взглядъ, также свидѣтельствуетъ о крупномъ пробѣлѣ, образовавшемся въ научной психологіи вслѣдъ за паденіемъ старой теоріи душевныхъ способностей. Это—значительное распространеніе психологической теоріи апперцепціи, въ томъ видѣ, какъ мы ее встрѣчаемъ, напр., у Вундта, Липпса и другихъ ея сторонниковъ. Для того, чтобы показать, какимъ образомъ понятіе активной апперцепціи является въ психологіи какъ бы замѣстителемъ стараго ученія о душевныхъ способностяхъ, резюмируемъ здѣсь вкратцѣ основныя черты апперцептивной теоріи, взявши ее въ изложеніи одного изъ наиболѣе авторитетныхъ ея представителей, именно—В. Вундта ¹⁾.

Ученіе объ апперцепціи неразрывно связано у Вундта съ ученіемъ о сознаніи, такъ какъ первымъ и наиболѣе существеннымъ результатомъ дѣятельности апперцепціи является болѣе ясное сознаніе даннаго впечатлѣнія или, какъ образно выражается Вундтъ, вхожденіе этого впечатлѣнія «въ фиксаціонную точку сознанія». Поэтому для выясненія понятія апперцепціи необходимо также коснуться вопроса о сознаніи и различныхъ его степеняхъ.

Прежде всего, Вундтъ рѣзко критикуетъ распространенный взглядъ, будто отдѣльныя представленія, а также ихъ связи, однажды нами воспріятыя, продолжаютъ существовать въ томъ же самомъ видѣ и внѣ нашего сознанія, оказывая вліяніе на теченіе сознательныхъ процессовъ и будучи готовы, при благоприятныхъ условіяхъ, снова появиться надъ порогомъ сознанія.

¹⁾ Grundzüge d. Physiol. Psychol. 5-te Aufl. Bd. III.

Такое пониманіе, по мнѣнію Вундта, совершенно не соотвѣтствуетъ ни даннымъ внутренняго опыта, ни современному состоянію нашихъ знаній о дѣятельности центральной нервной системы. Нельзя разсматривать отдѣльныя представленія, какъ какія-то обособленныя сущности, субстанціи, которыя, однажды возникнувъ, продолжаютъ затѣмъ вѣчно существовать, то появляясь въ сознаниі, то снова изъ него исчезая. Гораздо правильнѣе будетъ въ каждомъ отдѣльномъ представленіи видѣть не элементарную субстанцію, а скорѣе сложную дѣятельность, функцію, которую мы постепенно усваиваемъ себѣ путемъ опыта и упражненія и отъ которой, при отсутствіи повторенія, мы можемъ снова постепенно отучиться. Дѣятельность эта нашимъ сознаниемъ воспринимается, какъ представленіе; когда же представленіе исчезаетъ изъ сознаниа, то это значить, что дѣятельность, какъ таковая, прекратилась, а вмѣсто нея осталось «психическое предрасположеніе» (*psychische Disposition*), сущность котораго навсегда останется для насъ неизвѣстной.

Точно также и въ физиологическомъ отношеніи было бы абсурдомъ предположить, что физиологическій отпечатокъ, соотвѣтствующій тому или иному представленію, отлагается гдѣ-нибудь въ опредѣленномъ мѣстѣ, напримѣръ, въ особой клѣткѣ коры головного мозга. И здѣсь также мы имѣемъ дѣло не съ элементарными, однородными отпечатками, а со сложными дѣятельностями, распространяющимися одновременно на различные участки коры и послѣ своего прекращенія оставляющими за собой предрасположеніе къ повторному ихъ возникновенію. Это предрасположеніе, по мнѣнію Вундта, сводится, вѣроятнѣе всего, къ извѣстному перемѣшенію молекулъ, подобно тому какъ во взрывчатыхъ веществахъ особое расположеніе молекулъ дѣлаетъ возможнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ, наступленіе взрыва, хотя бы въ данный моментъ этого взрыва и не было. Отличіе же физическихъ предрасположеній отъ психическихъ заключается въ томъ, что по отношенію къ первымъ мы можемъ надѣяться со временемъ болѣе детально ознакомиться съ ихъ сущностью, тогда какъ сущность вторыхъ навсегда останется для насъ загадкой, такъ какъ они лежатъ за сознаниемъ, а дѣятельность психологии развѣ навсегда ограничена предѣлами сознаниа (стр. 331).

Всѣ тѣ соединенія, о которыхъ только что говорилось, именно,

соединение группы ощущений въ представление или нѣсколькихъ ассоціативно связанныхъ представлений въ болѣе или менѣе сложный рядъ совершаются самопроизвольно, независимо отъ нашего я. Наряду съ этимъ, однако, внутренній опытъ свидѣтельствуесть, что во всѣхъ сколько-нибудь сложныхъ актахъ душевной жизни непременно участвуетъ еще одинъ факторъ, который обычно называютъ вниманіемъ и который Вундтъ предлагаетъ называть апперцепціей. «Существуетъ несомнѣнная потребность, наряду съ простымъ сознаніемъ представления или перцепціей, обозначить особымъ именемъ также схватываніе (Erfassung) его вниманіемъ,—почему я и позволяю себѣ употребить терминъ апперцепція именно въ этомъ болѣе широкомъ значеніи» (стр. 333).

Съ субъективной стороны вниманіе или апперцепція «всегда сопровождается своеобразнымъ чувствомъ, которое, подобно всѣмъ элементарнымъ ощущеніямъ и чувствамъ, не поддается ближайшему опредѣленію; непосредственное же самонаблюденіе свидѣтельствуесть намъ, что чувство это родственно тѣмъ, которыя сопровождаютъ собой всякій волевой актъ», почему его и можно назвать «чувствомъ дѣятельности (Thätigkeitsgefühl)». Въ однихъ случаяхъ это чувство дѣятельности уже съ самаго начала входитъ въ составъ процесса вниманія, такъ что происходящія затѣмъ въ сознаніи иеремѣны (вхожденіе того или иного представления въ фиксационную точку сознанія) кажутся какъ бы произведенными нами самими; такіе случаи Вундтъ называетъ активной апперцепціей. Въ противоположность этому термину пассивная апперцепція обозначаетъ тѣ случаи, когда чувство активности возникаетъ уже вторичнымъ путемъ, въ качествѣ реакціи на внѣшнее впечатлѣніе, внезапно появившееся въ сознаніи и не соотвѣтствующее всему его содержанію. Какъ активная, такъ и пассивная апперцепція имѣютъ своимъ результатомъ увеличеніе ясности впечатлѣнія и усиленіе его интенсивности.

Кромѣ чувства дѣятельности, дальнѣйшій анализъ процесса апперцепціи указываетъ также на присутствіе и другихъ элементовъ, болѣе или менѣе постоянныхъ. Таковы, между прочимъ: задержка всѣхъ другихъ представлений, не связанныхъ непосредственно съ представленіемъ, составляющимъ въ данный моментъ объектъ апперцепціи; мышечныя ощущенія напряженія и связанный съ ними чувственный тонъ, усиливающий собою первичное чувство дѣятельности; наконецъ, возникновеніе въ сознаніи

воспроизведенныхъ представлений, связанныхъ путемъ ассоціаціи съ мышечными ощущеніями и своимъ дѣйствіемъ усиливающихъ интенсивность воспринимаемаго образа. Однако, всѣ эти элементы являются второстепенными, добавочными, между тѣмъ какъ центральную, характерную черту всего процесса составляетъ упомянутое выше чувство дѣятельности. Это обстоятельство заставляетъ Вундта разсматривать процессъ апперцепціи, какъ волевой актъ, болѣе или менѣе сложный по своему составу. Въ случаяхъ пассивной апперцепціи мы имѣемъ, по его мнѣнію, простой волевой актъ, въ которомъ возникшее побужденіе тотчасъ же влечетъ за собой реакцію; активная же апперцепція приравнивается къ сложному волевому акту, въ которомъ мотивами дѣйствія являются тѣ самые слѣды прежнихъ впечатлѣній, или психическія предрасположенія, о которыхъ говорилось выше.

Такимъ образомъ, вопросъ объ апперцепціи сводится въ концѣ концовъ къ вопросу о сущности чувства дѣятельности, составляющаго, такъ сказать, сердцевину всего процесса. Слѣдуетъ ли его считать простымъ симптомомъ, признакомъ или, какъ выражается Вундтъ, однимъ изъ условій (хотя и наиболѣе существеннымъ), необходимыхъ для возникновенія апперцептивной связи представлений? Или же мы имѣемъ здѣсь дѣло съ причиною, съ нѣкоторымъ активнымъ началомъ, дѣятельность котораго влечетъ за собой тѣ или инныя перемены въ сознаніи? Въ этомъ отношеніи Вундтъ, какъ на это уже не разъ указывали его оппоненты, высказывается не всегда одинаково ясно и категорично: въ полемикѣ съ своими противниками онъ энергично протестуетъ противъ попытокъ приписать ему созданіе какой-то новой душевной способности и подчеркиваетъ феноменалистическій характеръ чувства дѣятельности. Между тѣмъ, въ самомъ описаніи процесса апперцепціи всюду проглядываетъ тенденція выдѣлить чувство дѣятельности изъ числа всѣхъ остальныхъ содержаній сознанія и приписать ему выдающуюся, особо важную роль. Такъ, напр., по его словамъ, въ случаяхъ ассоціативной связи представлений (которую онъ противопоставляетъ апперцептивной ихъ связи) отсутствуетъ то вліяніе, «которое въ нашемъ сознаніи выражается непосредственно лишь въ формѣ чувства дѣятельности, но которое, въ то же время, если въ него вдуматься глубже, должно быть отождествлено нами съ общимъ сложнымъ предрасположеніемъ сознанія (Zusammengefasste Ap-

lage des Bewusstseins), обозначаемымъ нами обыкновенно словомъ «я». Въ виду этого намъ кажутся справедливыми тѣ упреки въ непоследовательности и въ противорѣчяхъ съ самимъ собою, которые посылаются по адресу Вундта нѣкоторыми изъ его критиковъ ¹⁾).

Но допустимъ даже, что въ чувствѣ дѣятельности мы будемъ видѣть только явленіе сознанія, всегда сопровождающее собою апперцептивную связь представлений. Въ такомъ случаѣ ему, какъ и всѣмъ другимъ содержаніямъ сознанія, должно соответствовать свое психическое предрасположеніе, подобное тѣмъ, о которыхъ говорилось уже выше. Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы за одними душевными переживаніями признавать существованіе такихъ предрасположеній, а за другими — отрицать ихъ; кромѣ того, въ противномъ случаѣ было бы непонятно, какимъ образомъ чувство дѣятельности можетъ опираться, въ качествѣ своихъ мотивовъ, на слѣды прежде воспринятыхъ представлений, т.-е., на тѣ же *psychische Dispositionen*. Далѣе, такъ какъ чувство дѣятельности имѣетъ особенно важное значеніе въ нашей душевной жизни, то и соответствующее ему предрасположеніе также должно стоять выше другихъ предрасположеній, влияя на нихъ и регулируя ихъ дѣятельность. Въ результатѣ мы получаемъ не только рядъ душевныхъ склонностей или способностей, но даже и своеобразную іерархію этихъ способностей.

Итакъ, психологическая теорія апперцепціи, будучи доведена до послѣднихъ своихъ логическихъ выводовъ, неминуемо возвращаетъ насъ къ тому же самому ученію о психическихъ склонностяхъ или способностяхъ.

III.

Спрашивается теперь, чѣмъ объяснить такую живучесть понятія душевной склонности или способности, такое странное тяготѣніе психологовъ самыхъ различныхъ направленій къ употребленію терминовъ и понятій, казалось бы, давно отжившихъ и утратившихъ свое значеніе? Быть можетъ, здѣсь сказывается сила традиціи, устойчивость старыхъ привычекъ и предрасудковъ, которая и въ научной области бываетъ иногда немногимъ меньше, нежели въ обыденной жизни?

¹⁾ См., напр., критическій обзоръ теоріи апперцепціи въ книгѣ Pillsbury *L'attention*. Paris. 1906.

Намъ кажется, что такое объясненіе было бы несправедливымъ, и что частое употребленіе названныхъ терминовъ обуславливается не привычкой, а дѣйствительною потребностью, которая сознается или, вѣрнѣе, чувствуется многими современными психологами. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постараемся показать, что потребность эта дѣйствительно существуетъ, и что понятіе душевной склонности или способности можетъ оказать значительныя услуги при разработкѣ нѣкоторыхъ наиболѣе темныхъ и загадочныхъ вопросовъ современной психологіи. При этомъ мы будемъ стараться все время придерживаться *чисто эмпирической точки зрѣнія*, т.-е., разсматривать душевныя способности исключительно только въ качествѣ вспомогательнаго понятія, рабочей гипотезы, полезной лишь постольку, поскольку она помогаетъ разобраться въ явленіяхъ сознанія и выяснитъ ихъ связи и взаимоотношенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., по вопросу объ анатомо-физиологической сторонѣ основныхъ способностей) намъ придется высказать нѣкоторыя соображенія, касающіяся также и матеріальной стороны душевныхъ процессовъ; однако, исходнымъ пунктомъ и злѣсь останутся для насъ все-таки явленія сознанія, а главной цѣлью — наиболѣе полное и отчетливое выясненіе всѣхъ тѣхъ условій, внѣшнихъ и внутреннихъ, которыя такъ или иначе вліяютъ на возникновеніе и ходъ этихъ явленій.

Для того, чтобы показать, въ какихъ именно случаяхъ понятіе душевной склонности или способности можетъ оказаться полезнымъ для цѣлей психологическаго анализа, я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ, при чемъ начну съ одного наблюденія, сдѣланнаго мною недавно надъ самимъ собою. Однажды утромъ я сидѣлъ въ комнатѣ, погруженный въ чтеніе и обдумываніе спеціального трактата по психологіи. Сочиненіе было написано сухимъ, отвлеченнымъ языкомъ, и мнѣ стоило довольно значительнаго напряженія слѣдить за ходомъ мыслей автора. Главныя же мои усилія были направлены на то, чтобы сооставить отдѣльныя мысли, высказываемыя авторомъ и, объединивши ихъ между собою, уловить общую, основную идею всего сочиненія. Кромѣ того, по временамъ я припоминалъ мысли, высказанныя тѣмъ же авторомъ въ другомъ его сочиненіи, читанномъ мною раньше, и старался привести ихъ въ связь съ предметомъ моего настоящаго чтенія. Черезъ нѣкоторое время я оставилъ книгу

и, выйдя въ садъ, направился вдоль дорожки къ небольшой полянѣ, окруженной деревьями. Деревья эти я видѣлъ уже много разъ и, какъ это бываетъ съ хорошо знакомыми предметами, интересовался обыкновенно уже не столько цѣлымъ, сколько деталями, отдѣльными особенностями и частичными перемѣнами; напримѣръ: какъ растутъ плоды на яблонѣ, начали ли косить сѣно на полянѣ, отчего сломалась вѣтка на березѣ, или—какъ красиво выдѣляются темно-зеленые листья и черныя узловатыя вѣтви дуба на темно-синемъ небесномъ фонѣ, какъ силенъ аромат травъ, пригрѣтыхъ полуденнымъ солнцемъ, и т. д. На этотъ же разъ, когда я остановился и оглядѣлся кругомъ, поляна вмѣстѣ съ окружающими ее деревьями вдругъ представилась мнѣ какъ нѣчто цѣлое, какъ одна общая картина. Это сознание или чувство единства было настолько живо и такъ рѣзко отличалось отъ предшествовавшихъ воспріятій, получавшихся отъ тѣхъ же объектовъ, что невольно обратило на себя мое вниманіе.

Постараемся отдать себѣ отчетъ въ томъ, что именно произошло въ данномъ случаѣ. Чтеніе психологическаго трактата, сопровождавшееся напряженными попытками сопоставить и привести во взаимную связь отдѣльныя его мысли, вызвало усиленную дѣятельность той склонности или того неизвѣстнаго намъ механизма, дѣйствіе котораго мы называемъ объединяющей дѣятельностью сознанія («комплексная апперцепція единства» въ терминологіи Липпса). Предметомъ объединения служили при этомъ различныя отвлеченныя мысли и соображенія, касавшіяся изученія душевныхъ процессовъ и во время чтенія почти всецѣло заполнявшія мое сознаніе. Когда же я вышелъ въ садъ, то содержаніе сознанія рѣзко измѣнилось: на мѣсто отвлеченныхъ мыслей, относившихся къ психологіи, вниманіе мое всецѣло сосредоточилось на яркихъ, конкретныхъ образахъ и впечатлѣніяхъ отъ окружавшихъ меня предметовъ. Но наряду съ этимъ развѣ возбужденный и еще не успѣвшій успокоиться механизмъ объединяющей апперцепціи продолжалъ дѣйствовать, его дѣятельность комбинировалась съ новымъ содержаніемъ, заполнившимъ мое сознаніе, и въ результатѣ возникло то необычное переживаніе, о которомъ говорилось выше. Объяснить возникновеніе объединяющей дѣятельности «конstellацией сознанія» или содержаніемъ «апперципирующихъ массъ» представленій въ данномъ случаѣ очевидно невозможно, такъ какъ представленія и мысли,

вызанныя во мнѣ чтеніемъ психологическаго трактата, не имѣли по своему содержанію ничего общаго съ тѣми впечатлѣніями, которыя наполнили мое сознаніе, когда я вышелъ въ садъ. Приходится допустить существованіе неизвѣстнаго намъ механизма, который не можетъ быть всецѣло сведенъ къ различному содержанію и группировкѣ представленій и который мы называемъ способностью объединенія, объединяющей апперцепціей и тому подобными именами.

Случаи, подобные только что описанному, вовсе не являются въ нашей душевной жизни чѣмъ-то рѣдкимъ, исключительнымъ, а, наоборотъ, повторяются очень часто и притомъ въ примѣненіи къ самымъ различнымъ сторонамъ душевной дѣятельности. Возьмемъ, напр., то, что называютъ психическимъ темпомъ, т.-е., большую или меньшую скорость психическихъ процессовъ, болѣе или менѣе быстрое теченіе и смѣну различныхъ переживаній, наполняющихъ наше сознаніе въ каждый данный моментъ. Скорость эта у одного и того же лица въ разное время бываетъ различной. Положимъ, что человѣку некуда торопиться, что окружающая его обстановка однообразна и монотонна, что событія смѣняются медленно и постепенно. Сообразно этому замедляется и весь темпъ его психической жизни: воспріятія и движенія, сужденія и поступки дѣлаются медленными и неторопливыми. Каждый психическій процессъ требуетъ большаго времени для своего возникновенія и развитія, — и не потому, чтобы измѣнилось самое содержаніе воспріятій, чувствъ и представленій, чтобы ихъ сочетаніе сдѣлалось болѣе затрудненнымъ или ихъ теченіе чѣмъ-нибудь затормозилось, — а только потому, что весь темпъ психической жизни замедлился. Тотъ неизвѣстный намъ механизмъ, который лежитъ въ основѣ психическаго темпа, гдѣ мало изученныя особенности нервно-психической организаци, которыми обуславливается ускореніе или замедленіе душевной жизни, измѣнили свою дѣятельность въ зависимости отъ окружающей обстановки; и это измѣненіе отразилось также и на скорости тѣхъ процессовъ, которые не имѣютъ къ этой обстановкѣ никакого прямого, непосредственнаго отношенія.

Но вотъ условія перемѣнились. Человѣкъ принялся за выполненіе какой-нибудь технической работы, требующей съ его стороны большой ловкости и быстроты въ движеніяхъ, наблюдательности и быстрой сообразительности. Весь темпъ его психи-

ческой жизни ускорился. И если вы въ это время, оторвавши его отъ работы, зададите ему какой-нибудь совершенно посторонній, не относящійся къ его работѣ вопросъ (при условіи, конечно, чтобы его вниманіе сосредоточилось на этомъ вопросѣ), то убѣдитесь въ большинствѣ случаевъ, что отвѣты его, даже помимо его собственнаго желанія, будутъ отличаться большей быстротой и опредѣленностью, чѣмъ въ другое время ¹⁾).

До сихъ поръ дѣло шло о такихъ склонностяхъ или предрасположеніяхъ, которыя возникали благодаря дѣйствию извѣстныхъ возбудителей, продолжались въ теченіе нѣкотораго, не особенно продолжительнаго времени и затѣмъ снова постепенно прекращались. Но еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу теоріи способностей является, на нашъ взглядъ, существованіе длительныхъ, стойкихъ индивидуальныхъ способностей или качествъ, образующихъ въ своей совокупности то, что называется характеромъ или личностью.

Возьмемъ хотя бы тѣ же самыя способность къ объединенію (объединяющая апперцепція) и быстроту умственныхъ процессовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что разные люди обладаютъ этими качествами въ различной степени. Не даромъ большая или меньшая быстрота умственныхъ, а также и другихъ душевныхъ процессовъ служить однимъ изъ наиболѣе важныхъ, кардинальныхъ признаковъ въ классификаціи темпераментовъ, а вѣдь извѣстно, что тѣ стороны личности, которыя принято объединять въ понятіи темперамента, отличаются наибольшей устойчивостью и постоянствомъ, обнаруживаются чуть ли не въ первые же дни и даже часы послѣ рожденія ²⁾ и, по всей вѣроятности, являются прирожденными, т.-е., переданными по наслѣдству. Что касается способности къ объединенію, то какъ часто приходится наблюдать случаи, когда изъ двухъ человекъ одного и того же возраста, получившихъ одинаковое образованіе и занятыхъ одной и той же профессіей, даже приблизительно одинаково одаренныхъ въ смыслѣ восприимчивости и памяти, тѣмъ не менѣе одинъ мыслитъ преимущественно конкретными

¹⁾ Существованіе подобнаго рода „моторной установки“ находятъ себѣ въ настоящее время косвенное подтвержденіе также и въ нѣкоторыхъ экспериментальныхъ работахъ.

²⁾ См. Лесгафтъ: Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе. Спб. 1900 г., стр. 144.

образами, яркими, живыми, но въ то же время отрывочными и мало между собой связанными, между тѣмъ какъ другой, наоборотъ, проявляетъ значительную склонность къ сопоставленію отдѣльныхъ фактовъ и болѣе или менѣе широкимъ обобщеніямъ и выводамъ. Когда подобныя случаи приходится наблюдать на взрослыхъ людяхъ, то можно еще, пожалуй, привести возраженіе, что въ основѣ указаннаго различія лежатъ не субъективныя особенности болѣе или менѣе элементарнаго характера, а скорѣе сложное сочетаніе разнообразныхъ представленій и привычекъ, такъ или иначе сложившихся подъ вліяніемъ воспитанія, условій предшествовавшей дѣятельности, вліяній окружающей среды, вообще долгаго жизненнаго опыта. Но подобныя же индивидуальныя различія, въ не менѣе сильной степени, можно наблюдать также и на школьникахъ 13—14 лѣтъ, воспитывающихся въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи ¹⁾. Мало того, встрѣчаются иногда случаи, когда описанное выше различіе въ способахъ и характерахъ мышленія приходится наблюдать— правда, въ зачаточномъ видѣ, но все же достаточно отчетливо— у двухъ родныхъ братьевъ, 6—7-лѣтняго возраста, выросшихъ въ одной и той же семьѣ, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ ²⁾. Въ подобныхъ случаяхъ существованіе индивидуальныхъ склонностей или предрасположеній выступаетъ съ особенной яркостью.

Дѣятельность этихъ индивидуальныхъ предрасположеній или «основныхъ наклонностей» обладаетъ, между прочимъ, одной характерной чертой, которая для насъ здѣсь представляетъ особый интересъ. Она заключается въ томъ, что проявленія наклонностей, какъ внѣшнія, доступныя непосредственному наблюденію со стороны окружающихъ (мимика, жесты, поступки), такъ и внутреннія (различныя душевныя переживанія, слабо проявляющіяся во внѣ) далеко не всегда находятся въ соответствіи съ дѣйствительной степенью развитія данной наклонности. Каждому изъ насъ приходилось наблюдать случаи, когда человѣкъ, поставленный въ необычныя для него условія, бываетъ непохожъ на самого себя. Веселый, общительный и разговорчивый

¹⁾ См. въ моихъ «Школьныхъ характеристикахъ» особенности умственной сферы у испытуемыхъ Борісова и Валицкаго.

²⁾ См. случай, описанный А. И. Неклюдовой въ «Вѣстникѣ Психологіи», за 1907 г. въ статьѣ: «Матеріалы по вопросу о развитіи характеровъ въ дѣтскомъ возрастѣ».

въ кружкѣ хорошо знакомыхъ ему лицъ, онъ дѣлается молчаливымъ, осторожнымъ и сосредоточеннымъ, если попадетъ внезапно въ среду, совершенно для него незнакомую и чуждую. Или же, обладая въ обычное время сильно развитымъ интересомъ къ отвлеченнымъ вопросамъ и незаурядной способностью разсуждать и дѣлать обобщенія, онъ, подъ вліяніемъ сильной усталости, совершенно утрачиваетъ на нѣкоторое время эти свои характерныя качества. Однако, такая рѣзкая перемѣна проявленій вовсе не означаетъ столь же рѣзкаго (хотя бы даже и временнаго) измѣненія соответствующихъ наклонностей у даннаго человѣка. Всѣ эти временныя измѣненія личности являются только *кажущимися*, а не дѣйствительными. Они зависятъ отъ того, что наши сознательныя проявленія складываются не только изъ субъективныхъ, болѣе или менѣе постоянныхъ наклонностей или предрасположеній, но также и изъ весьма измѣнчивыхъ и колеблющихся объективныхъ вліяній. Стоитъ помѣстить даннаго человѣка въ прежнюю обстановку, и онъ немедленно снова проявитъ свои обычныя, присущія ему особенности. Эти основныя индивидуальныя особенности его личности продолжали, слѣдовательно, существовать и дѣйствовать все время, и только временно замаскировывались несоответствующими имъ проявленіями. Такимъ образомъ, самый фактъ существованія кажущихся измѣненій личности, самая возможность противопоставить другъ другу, съ одной стороны, постоянныя, устойчивыя направленія въ дѣятельности нервно-психической организаци, а съ другой—измѣнчивыя конкретныя проявленія той же самой организаци свидѣтельствуетъ, на нашъ взглядъ, о томъ, что понятіе душевной склонности или способности заслуживаетъ со стороны психологовъ болѣе внимательнаго отношенія, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Спрашивается теперь, что такое представляютъ изъ себя эти склонности или предрасположенія, какъ болѣе кратковременныя, о которыхъ говорилось въ началѣ этой главы, такъ и болѣе устойчивыя, длительныя, составляющія въ своей совокупности личность или характеръ? Можемъ ли мы, при современномъ состояніи психологіи и физиологіи, привести ихъ въ связь съ другими, болѣе изученными явленіями и, быть можетъ, даже вывести ихъ изъ этихъ послѣднихъ?

Среди довольно разнообразныхъ попытокъ такъ или иначе

объяснить природу душевныхъ склонностей или способностей особеннаго вниманія заслуживаютъ, на нашъ взглядъ, два объясненія, нерѣдко, впрочемъ, совмѣщающіяся одно съ другимъ и взаимно дополняющія другъ друга: во-первыхъ, фізіологическое, сводящее всякаго рода предрасположенія и склонности къ особенностямъ въ устройствѣ и дѣятельности нервной системы, во-вторыхъ, психологическое, пытающееся объяснить склонности при помощи сознательныхъ и безсознательныхъ ассоціацій.

Фізіологическая теорія ограничиваетъ задачи психологіи предѣлами сознанія. Тамъ, гдѣ прекращается сознаніе, начинается мозговой процессъ, изслѣдованіе котораго должно производиться согласно принципамъ и методамъ фізіологіи, а не психологіи. Поэтому душевныя склонности, какъ недоступныя нашему сознанію, должны разсматриваться нами исключительно съ ихъ фізіологической стороны, какъ мозговые процессы или какъ особенности въ организаціи нервной системы, составляющія одно изъ необходимыхъ условій возникновенія тѣхъ или иныхъ сознательныхъ процессовъ.

Такая точка зрѣнія имѣетъ, конечно, свои основанія. Согласно принципу психо-фізическаго параллелизма мы должны стремиться къ тому, чтобы для каждаго душевнаго переживанія, для каждой безъ исключенія стороны въ нашей сознательной дѣятельности установить соответствующій имъ анатомо-фізіологическій коррелятъ. И всякаго рода душевныя склонности и предрасположенія, конечно, не должны представлять исключенія изъ этого общаго правила.

Не слѣдуетъ только забывать, что тотъ же принципъ психо-фізическаго параллелизма, будучи проведенъ сколько-нибудь послѣдовательно, предоставляетъ и психологу право самостоятельнымъ путемъ установить связь между явленіями, подлежащими его изслѣдованію, не прибѣгая въ наиболѣе важныхъ случаяхъ къ методамъ и аналогіямъ, взятымъ изъ другой области.

Какъ уже сказано выше, насъ здѣсь интересуетъ не столько вопросъ объ отношеніи между духомъ и тѣломъ, сколько задача чисто методологическаго характера: насколько полезной можетъ оказаться та или иная точка зрѣнія для болѣе детальнаго изученія проблемы психическихъ предрасположеній? И приходится сознаться, что въ этомъ отношеніи фізіологія даетъ пока еще крайне мало. Не говоря уже о полномъ нашемъ невѣдѣніи

относительно анатомо-физиологическаго коррелата различныхъ высшихъ способностей, какъ напр., способности къ отвлеченію и обобщенію, волевого усилія, творческаго воображенія, большаго или меньшаго развитія нравственнаго чувства, даже многія сравнительно низшія и элементарныя душевныя качества не могутъ быть объяснены сколько-нибудь удовлетворительно при помощи данныхъ современной физиологіи. Примѣры: процессъ ассоціаціи представлений, большая или меньшая быстрота умственныхъ процессовъ, наконецъ, явленія привыканія и памяти,—относительно всего этого мы въ настоящее время можемъ высказывать исключительно только предположенія, очень скудно обоснованныя на фактическихъ данныхъ. Такъ, напр., по вопросу, имѣющему кардинальное значеніе для ученія о душевныхъ склонностяхъ, именно, по вопросу о физиологическомъ субстратѣ привычекъ и о процессѣ привыканія мы не можемъ даже приблизительно сказать, въ чемъ онъ заключается: слѣдуетъ ли его объяснить (какъ это думаетъ Вундтъ ¹⁾ особыми перемѣнами въ организациі, напр., своеобразнымъ перемѣщеніемъ молекулъ, или же мы имѣемъ здѣсь дѣло съ возникновеніемъ новаго мозгового процесса, который непрерывно, хотя бы и въ очень слабой степени, продолжается въ теченіе всего времени существованія привычки. Правда, при этомъ ссылаются обыкновенно на тотъ, уже давно установленный фактъ, что повторное раздраженіе нерва черезъ извѣстные промежутки времени повышаетъ постепенно его возбудимость, а также на аналогичныя явленія въ центральной нервной системѣ ²⁾. Но вѣдь этотъ фактъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что нервному аппарату, точно такъ же, какъ и психическому, свойственны явленія привыканія; сущность же этихъ явленій, скрытый ихъ механизмъ попрежнему остается неизвѣстнымъ.

Въ прежнее время охотно ссылались, да и теперь еще нерѣдко ссылаются на особенности тѣлосложенія (степень развитія мышечной, или жировой ткани, быстроты и силы кровообращенія и т. д.), какъ на основу различныхъ душевныхъ склонностей и, прежде всего, такъ называемаго темперамента. Однако, позд-

¹⁾ Grundzüge der Physiol. Psychol. 5-te Aufl. Bd. III, s. 330.

²⁾ Ibidem, т. I, стр. 69—70 и 95 (о процессахъ такъ назыв. «Uebung» и «Bahnung»).

нѣйшіе изслѣдователи темпераментовъ Генле ¹⁾, Фулье ²⁾ приходятъ къ тому заключенію, что тѣлосложеніе играетъ въ образованіи темперамента лишь второстепенную роль, главною же основою его слѣдуетъ считать различныя особенности въ дѣятельности центральной нервной системы, какъ напр.: болѣе или менѣе значительное напряженіе (тонусъ) нервной системы (Генле), быстроту или медленность, силу или слабость совершающихся въ ней процессовъ, преобладаніе процесса распадѣнія или, наоборотъ, возстановленія нервной ткани (Фулье) и т. п. Такимъ образомъ и здѣсь мы оказываемся приведенными въ концѣ концовъ къ тѣмъ же самымъ мало изученнымъ особенностямъ въ устройствѣ и дѣятельности нервной системы, относительно которыхъ существуетъ пока еще много догадокъ и мало скольконибудь точно установленныхъ фактическихъ данныхъ.

Болѣе разработанной представляется ассоціаціонная теорія, которая видитъ въ склонностяхъ и предрасположеніяхъ прочно установившіяся группы представленій, такъ или иначе между собой связанныхъ и, благодаря привычкѣ и частому повторенію, сдѣлавшихся, наконецъ, неразрывною составной частью нашей личности.

Въ прежнее время во всѣхъ подобныхъ объясненіяхъ очень важную роль играли безсознательныя представленія (или другія понятія, имъ аналогичныя), при чемъ дѣятельность этихъ безсознательныхъ представленій разсматривалась по аналогіи съ тѣмъ, что намъ приходится наблюдать въ своемъ сознаніи. Въ настоящее время представители ассоціаціонной психологіи болѣею частью совмѣщаютъ ассоціаціонное объясненіе съ физиологическимъ, совершенно отрицая существованіе безсознательной психической жизни и сводя всякаго рода безсознательную дѣятельность исключительно къ однимъ только мозговымъ процессамъ. Преемственность же между представленіями, то исчезающими изъ сознанія, то снова въ немъ возникающими, устанавливается при помощи непрерывно дѣющихся физиологическихъ процессовъ, такъ или иначе связанныхъ съ возникновеніемъ этихъ представленій. Соотвѣтственно этому и самыя представленія разсматриваются не какъ простыя, неизмѣнныя сущности, то вхо-

1) Antropologische Vorträge, H. I, 1876 г.

2) Temperament et caractère, Paris, 1895.

дящія въ наше сознание, то снова скрывающіяся за его порогъ, но скорѣе какъ сложные комплексы, каждый разъ заново составляющіеся изъ группы разнородныхъ ощущеній.

Однако, намъ кажется, что такой взглядъ, являясь несомнѣннымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ разработки ассоціационной теории, едва ли можетъ дать что-нибудь новое по отношенію къ разбираемому нами вопросу о сущности психическихъ склонностей или предрасположеній. Теоретически—безсознательная ассоціація представлений здѣсь отрицается, а вмѣсто нея признается только взаимная связь отдѣльныхъ мозговыхъ процессовъ. На практикѣ же, благодаря крайней скудости физиологическихъ свѣдѣній въ этой области, приходится говорить просто о «матеріальныхъ слѣдахъ» или «отпечаткахъ», соответствующихъ тому или иному представленію, и по аналогіи съ происходящей въ сознаниі ассоціацией представлений строить чисто гипотетическія схемы взаимной связи, существующей между этими слѣдами или отпечатками. Получаются описанія, вродѣ слѣдующаго:

„Я вижу черную тучу, другими словами, чувствительныхъ клѣтокъ моей мозговой коры достигло идущее отъ сѣтчатой оболочки раздраженіе R_c туча, психическій коррелятъ котораго составляетъ зрительное ощущеніе черной тучи. Ассоціація идей, получая данное ощущеніе, присоединяетъ къ нему цѣлый рядъ представлений, между прочимъ и представленіе дождя. Этому, примыкающему къ зрительному ощущенію тучи, представленію дождя соответствуетъ въ клѣткахъ воспоминанія моей мозговой коры матеріальное возбужденіе R_v дождь. Последняго возбужденія сперва не существовало, и въ клѣткахъ воспоминанія имѣлось до этого одно лишь матеріальное предположеніе R_l дождь, которое было отложено въ этихъ клѣткахъ однимъ или многими прежними зрительными ощущеніями дождя. Прежде этому R_l не соответствовало ничего психическаго и оно представляло собой одинъ лишь матеріальный слѣдъ, скрытый образъ воспоминанія. Но послѣ того, какъ ассоціація идей видоизмѣнила R_l въ R_v , къ послѣднему присоединяется психическій коррелятъ, представленіе дождя. Равнымъ образомъ сюда постоянно присоединяется множество другихъ представлений и такимъ образомъ надъ порогомъ сознания все время поднимаются или, какъ чаще говорятъ, *воспроизводятся* скрытые образы воспоминанія. Данный процессъ и называется нами ассоціацией идей“¹⁾.

Такимъ образомъ, несмотря на введеніе физиологическихъ терминовъ, методологическая сторона дѣла, въ сущности, очень

1) Т. Цигенъ. Физиологическая психологія. 3-е русское изданіе. Спб. 1909 г. Стр. 242.

мало измѣнилась. Самая схема построения процесса осталась такой же, какой она была и при допущеніи гипотезы бессознательныхъ представлений: соединеніе представлений (геср. ихъ матеріальныхъ отпечатковъ) въ ряды или группы и влияние прежде воспринятыхъ рядовъ на содержаніе сознанія въ каждый данный моментъ. Между тѣмъ, какъ уже было выше сказано, насъ здѣсь больше всего интересуетъ именно методологическая сторона, т.-е., вопросъ о томъ, насколько ассоціаціонная теорія можетъ въ дальнѣйшемъ способствовать разработкѣ и выясненію сложной и запутанной проблемы психическихъ склонностей или способностей.

Въ предыдущей главѣ мы уже имѣли случай говорить о тѣхъ возраженіяхъ, которыя были направлены Вундтомъ противъ гипотезы бессознательныхъ представлений и соответствующихъ имъ матеріальныхъ слѣдовъ или отпечатковъ, локализованныхъ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ, напримѣръ, въ той или иной мозговой клеткѣ. И дѣйствительно, экспериментальное изслѣдованіе процесса ассоціаціи съ несомнѣнностью убѣждаетъ насъ въ томъ, что нельзя разсматривать представленія какъ отдѣльныя недѣлимыя сущности, спѣпляющіяся другъ съ другомъ и помогающія другъ другу подняться надъ порогомъ сознанія. Новѣйшіе ассоціаціонисты, какъ уже было сказано, идутъ дальше въ своемъ анализѣ и считаютъ такими недѣлимыми элементами не представленія, а тѣ ощущенія, изъ которыхъ слагается каждое представленіе. Однако, на это справедливо возражаютъ, что отдѣльныхъ, недѣлимыхъ ощущений, строго говоря, также не существуетъ: состояніе сознанія въ каждый данный моментъ представляетъ изъ себя сложный процессъ, отдѣльныя части котораго тѣсно и неразрывно между собой связаны и въ то же время находятся въ состоянціи постояннаго и непрерывнаго измѣненія («потокъ сознанія» Джемса). Для болѣе удобнаго описанія процессовъ сознанія мы можемъ схематизировать ихъ, разлагая каждый процессъ на группу элементарныхъ ощущений и устанавливая между этими ощущеніями извѣстныя ассоціаціи; но переносить такую, завѣдомо искусственную схему также и на явленія бессознательной жизни мы не имѣемъ никакого права, такъ какъ это значило бы заранѣе предрѣшить всѣ тѣ вопросы, которые должны явиться конечною цѣлью изслѣдованія и для сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія которыхъ у насъ въ настоящее время имѣется еще слишкомъ мало данныхъ.

Наибольше привлекательными сторонами ассоциативной теории являются, с одной стороны, крайняя ее простота и несложность, а с другой—возможность применить ассоциативную точку зрения к объяснению огромного большинства наших душевных переживаний. «Прямо изумительно,—говорит Джемс,—какую массу операций духа можем мы объяснить на основании принципов ассоциации». Действительно, установление связи между самыми разнообразными душевными переживаниями, благодаря их смежности или сходству, представляет собою такое явление, которое встречается буквально на каждом шагу. Однако, не слѣдует забывать, что крайняя простота и однообразие въ объясненіи такихъ сложныхъ и разнообразныхъ явленій, какъ психическія, не могутъ уже сами по себѣ не быть подозрительны. И болѣе глубокія и послѣдовательныя попытки изучить способы ассоцірованія хотя бы только однихъ представленій указываютъ на то, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ это кажется съ перваго взгляда. Такъ, напр., Гербартъ, рассматривая образованіе рядовъ представленій съ чисто только формальной его стороны, независимо отъ содержанія представленій, насчитываетъ, тѣмъ не менѣе, цѣлыхъ десять различныхъ формъ, въ которыхъ могутъ проявляться эти ряды. Указавши затѣмъ, что каждая изъ этихъ формъ обуславливаетъ собою также особый способъ сочетанія рядовъ между собою, названный авторъ въ заключеніе прибавляетъ: «этого достаточно, чтобы показать, какъ много возможностей должно постоянно держать въ умѣ, если угодно точно изучить психическій механизмъ» (loc. cit., стр. 218—220).

Мало того. Самая основа теории, именно, процессъ соединенія представленій благодаря ихъ сходству или смежности, представляется и по настоящее время явленіемъ, въ высшей степени загадочнымъ. Все чаще и чаще раздаются голоса, указывающіе на то, что такъ называемые «основные законы ассоциаций» слѣдуетъ считать не объясненіемъ, а простымъ схематическимъ описаніемъ тѣхъ проявленій, которыя намъ приходится наблюдать въ своемъ сознаніи; основная же причина этихъ проявленій заключается вовсе не въ самомъ способѣ взаимоотношенія представленій другъ къ другу, а въ чемъ-то совершенно иномъ¹⁾.

¹⁾ См., напр., у Sollier: Essai critique et théorique sur l'association en psychologie. Paris. 1907.

Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ разбираемая нами проблема психическихъ склонностей или предрасположеній. Съ точки зрѣнія ассоціаціонной психологіи психическія склонности суть не что иное, какъ сложное цѣлое, составленное изъ большого количества связанныхъ между собою представлений и слѣдовъ, психическихъ и матеріальныхъ; въ связи съ воспоминаніями о своихъ прежнихъ переживаніяхъ эти слѣды составляютъ то, что называется личностью. Итакъ, личность есть совокупность представлений и матеріальныхъ слѣдовъ, составляющихъ физиологическій субстратъ этихъ представлений. Между тѣмъ обстоятельный и глубокой анализъ проблемы ассоціирования представлений (въ частности—отношенія, существующаго между ассоціаціями сходства и смежности) приводитъ А. П. Нечаева къ слѣдующему выводу:

„Наше я (насколько оно проявляется въ нашемъ сознаніи) есть нѣчто, всегда съ нами пребывающее и связывающее собою цѣлый рядъ измѣняющихся душевныхъ состояній. Сознаніе личности характеризуется моментомъ отождествленія. Наше я (какъ нѣчто, неразличимое отъ самого себя) въ то же время „непосредственно извѣстно“. Вотъ единственный случай, когда возможно примѣнить понятіе непосредственной извѣстности или непосредственнаго узнаванія, въ смыслѣ неравличенія главной группы психическихъ элементовъ, смѣняемаго различіемъ сопутствующихъ душевныхъ явленій и, въ связи съ нимъ, порождающаго сознаніе тождества!.. Всѣ представленія (какъ доказалъ Леманъ) узнаются при помощи ассоціаціи смежности, но при этомъ необходимо, чтобы воспроизводимое по ассоціаціи представленіе, въ свою очередь, само было намъ „знакомо“ и чтобы, въ концѣ-концовъ, весь этотъ процессъ узнаванія опирался на что-нибудь, уже не требующее дальнѣйшаго узнаванія; знакомое „непосредственно“. Это условіе какъ разъ и будетъ соблюдено, если воспроизводимое „знакомое“ представленіе (при помощи котораго что-нибудь узнается) ассоціировано съ какимъ-нибудь психическимъ элементомъ, входящимъ въ составъ устойчиваго, „неизмѣнно“ пребывающаго въ сознаніи комплекса—личности“¹⁾.

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія традиціоннаго ассоціаціонизма, получается кругъ: личность есть совокупность ассоціацій, и въ то же время каждая отдѣльная ассоціація предполагаетъ уже заранѣе существующимъ представленіе о личности.

Что касается стремленія свести всѣ разнообразныя способности къ какой-нибудь одной (чаще всего къ ощущеніямъ, воспринятымъ и воспроизведеннымъ), то наблюденія показываютъ, что такого рода попытки далеко не всегда увѣнчиваются успѣ-

¹⁾ Нечаевъ, „Ассоціація сходства“. Спб. 1905 г., стр. 230—231.

хомъ. Выше нами были приведены примѣры, что существованіе у какого-нибудь лица извѣстныхъ психическихъ склонностей (въ видѣ ли стойкихъ индивидуальныхъ особенностей, или въ видѣ временныхъ предрасположеній, вызванныхъ дѣйствіемъ того или иного внѣшняго возбуждителя) далеко не всегда можетъ быть выведено изъ содержанія представленій, наполнявшихъ сознание этого человѣка въ моменты, предшествовавшіе данному. Существуютъ также и другія наблюденія, говорящія противъ возможности разложить безъ остатка любую изъ такъ называемыхъ высшихъ способностей на другія, болѣе элементарныя.

Интересны въ этомъ отношеніи результаты изслѣдованій А. Бинэ, пытавшагося экспериментальнымъ путемъ выяснить психологическую природу отвлеченнаго мышленія. На основаніи цѣлаго ряда тщательно поставленныхъ наблюденій и опытовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что всѣ существующія на этотъ счетъ теоріи (номинализмъ, реализмъ, концептуализмъ) находятъ себѣ до нѣкоторой степени подтвержденіе въ данныхъ нашего сознанія. Какъ словесныя представленія, такъ и конкретные образы отдѣльныхъ реальныхъ предметовъ играютъ, несомнѣнно, важную роль въ процессѣ мышленія, но наряду съ ними существуютъ и при извѣстныхъ условіяхъ обнаруживаются сознаніемъ также и тѣ общія, полуотвлеченныя представленія, возможность которыхъ такъ категорически отрицалъ Беркли (примѣръ: отчетливый образъ дамы, одѣтой въ платье, о которомъ, однако, испытываемый не можетъ сказать, черное оно или бѣлое, темное или свѣтлое). Однако, всѣми этими образами и представленіями процессъ мышленія еще не исчерпывается; даже общія представленія не составляютъ его сущности, а лишь утилизируются мышленіемъ какъ символы, лишены частныхъ признаковъ и потому болѣе пригодны для обозначенія цѣлаго. Основу же процесса отвлеченія составляетъ, согласно конечному выводу автора, «направленіе мысли къ совокупности вещей», *intention de l'esprit*; почему онъ, въ отличіе отъ вышеупомянутыхъ теорій, окрещиваетъ свой взглядъ названіемъ *интенціонизма* ¹⁾.

Другимъ примѣромъ невозможности свести нѣкоторыя изъ высшихъ способностей къ совокупности другихъ, низшихъ, мо-

¹⁾ А. Binet. Etude expérimentale de l'intelligence. Paris. 1903. Гл. VIII. „La pensée abstraite et ses images“.

жетъ служить слѣдующее наблюденіе, сдѣланное нами относительно школьниковъ 12—13-лѣтняго возраста ¹⁾). На основаніи очень подробно составленныхъ характеристикъ нами были подвергнуты «характерологическому анализу» нѣкоторыя сложныя проявленія ихъ личности, въ томъ числѣ такія, которыя слѣдуетъ отнести къ дѣятельности творческаго воображенія, какъ сочинительство, изобрѣтательность и т. п. Другими словами, мы старались установить, какія болѣе элементарныя качества сопровождаютъ собой всякій разъ наличность творческаго воображенія въ характеристикѣ того или иного мальчика. Такими постоянными спутниками оказались: возбудимость и сила аффектовъ, значительное вліяніе ихъ на волевою дѣятельность человѣка, преобладаніе пассивнаго вниманія надъ активнымъ и, наконецъ, наличность эстетическихъ потребностей въ той или иной формѣ. Однако, дальнѣйшій анализъ показалъ, что перечисленныя качества сами по себѣ еще не могутъ составить творческаго воображенія, такъ какъ, несмотря на немногочисленность нашихъ характеристикъ (всего 11), попадались мальчики, у которыхъ всѣ эти качества были на лицо, и, тѣмъ не менѣе, творческое воображеніе отсутствовало. Такимъ образомъ, пришлось сдѣлать выводъ, «что перечисленныя выше качества, даже будучи развиты въ значительной степени, не влекутъ еще за собой непременно также и наличность творческаго воображенія. Очень можетъ быть, что качества эти находятся съ нимъ въ тѣсной связи, составляя ту почву, на которой оно только и можетъ зародиться. Но для того, чтобы творческая дѣятельность могла возникнуть, необходимы еще и какіе-то другіе элементы, сущность которыхъ въ настоящее время не поддается сколько-нибудь точному изученію» (стр. 162).

Всѣ приведенные факты и соображенія свидѣтельствуютъ, какъ намъ кажется, о томъ, что для рѣшенія проблемы душевныхъ склонностей или способностей ассоціаціонная теорія оказывается совершенно недостаточной. Она можетъ быть очень полезной въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется описать, проанализировать и представить въ наглядномъ, полусхематическомъ видѣ какой-нибудь не особенно запутанный душевный процессъ, при чемъ наиболѣе поддаются ассоціативному объясненію такіе процессы,

¹⁾ См. „Школьныя характеристики“, гл. V, 3.

въ которыхъ преобладаетъ объективная сторона, находящаяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ внѣшнихъ раздражителей, а именно: процессы воспріятія и воспоминанія, дѣйствія, обусловленные какимъ-нибудь внѣшнимъ впечатлѣніемъ или взаимной борьбой внѣшнихъ впечатлѣній и воспоминаній и т. д. Тамъ же, гдѣ требуется болѣе глубокое проникновеніе въ тѣ субъективные элементы, которые неизбежно участвуютъ во всякомъ сколько-нибудь сложномъ психическомъ актѣ, ассоціативныя объясненія дѣлаются уже гораздо менѣе ясными, а главное — почти всегда чисто гипотетическими.

А. Лазурскій.

Вильгельмъ Шуппэ и идея универсальной имманентности.

Нашъ вѣкъ въ философскомъ отношеніи является вѣкомъ возрожденія и перерожденія логики. Виндельбандъ характеризуетъ его, какъ вѣкъ философскаго ренесанса; точнѣе было бы назвать его вѣкомъ логическаго ренесанса.

Современная философія всецѣло погружена въ то огромное море идей, которое оставила намъ въ наслѣдство нѣмецкая спекуляція первой половины 19-го вѣка; мы живемъ въ ея атмосферѣ, дышимъ ея завѣтами и проблемами. Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель были мертвыми лишь для мертваго же времени грубаго материализма, потерявшаго въ своемъ безжизненномъ мірѣ атомовъ свое собственное я. Однако, это «я» не могло надолго затеряться въ мірѣ матеріи; оно быстро нашло себя и возродилось въ нашемъ логическомъ вѣкѣ, лишь яснѣе сознавъ и оцѣнивъ свою собственную сущность. Въ немъ возродился гигантскій духъ и Канта, и Фихте, и Гегеля; ихъ мощной силой продолжаетъ двигаться нашъ вѣкъ:

Какъ вѣкъ ренесанса, движимый тѣми внутренними противорѣчїями, которыя смутно таятся въ его первоисточникѣ, онъ по необходимости распался на рядъ взаимно противоположныхъ теченій, изъ которыхъ однако въ каждомъ можно найти известную долю истины. На одну изъ этихъ противоположностей—психологизма и чистой логики—мы указывали въ нашей статьѣ объ Эд. Гуссерлѣ¹⁾. Теперь мы беремъ другое не менѣе, если не болѣе важное противоположеніе имманентной и трансцендентной школы.

¹⁾ См. „Вопросы Филос. и Псих“, кн. 98, стр. 393—443.

Проблема трансцендентности споконъ вѣковъ является одной изъ основныхъ философскихъ проблемъ. Современная логика придаетъ этой проблемѣ совершенно своеобразное освѣщеніе: на мѣсто трансцендентной реальности появляется трансцендентная значимость (Geltung, Bedeutung, Gültigkeit); платоновская идея превращается въ логическое единство чистаго понятія. Весь міръ распадается на два огромныхъ царства: царство бытія и царство идеальныхъ логическихъ значимостей — «нормъ» или «идей». Примѣромъ перваго можетъ служить любой реальный предметъ или любое во времени протекающее событіе. Примѣромъ втораго мы возьмемъ такое понятіе, какъ «истина» или «смыслъ» какого-либо сужденія.

Этотъ «смыслъ» не есть реальная или дѣйствительная «вещь»; нельзя смѣшивать его также и съ мыслью; смыслъ не есть мысль, ибо мысль, какъ психическое состояніе, можетъ исчезнуть; истинность же ея, ея смыслъ остается неизмѣннымъ логическимъ единствомъ ¹⁾. Истина и смыслъ лежатъ внѣ сферы нашихъ психическихъ процессовъ и не могутъ быть затронуты никакими измѣненіями въ составѣ реального міра. Мы можемъ, въ крайнемъ случаѣ, становиться къ истинѣ въ опредѣленное отношеніе, можемъ познавать ее, но сама по себѣ она остается всегда трансцендентной нашему познанію. Она-то и есть тотъ «предметъ познанія», на который послѣднее «направляется» и съ которымъ оно «согласуется» ²⁾. Этотъ «предметъ познанія» не есть объектъ въ обычномъ смыслѣ этого слова, не есть реальная данность, но вѣчная внѣвременная истина или «трансцендентное велѣніе», которому должно подчиняться наше сознаніе. «Логическое» становится такимъ образомъ прямою противоположностью «психическаго» или «сознательнаго» вообще и никакими операціями не можетъ быть добыто изъ него; оба лежатъ въ совершенно различныхъ и несоизмѣримыхъ областяхъ. Они не могутъ мыслиться реально соединенными или смѣшанными другъ съ другомъ; никакіе комплексы изъ бытія и значимости абсолютно невозможны; никакое реальное отношеніе между ними немислимо, ибо «реальное,—какъ говорить Мейнонгъ,—никогда не можетъ стоять къ идеальному въ реальномъ, а всегда только въ идеаль-

¹⁾ См. Husserl, „Logische Untersuchungen“. В. I.

²⁾ См. Rickert, „Gegenstand der Erkenntnis“.

номъ отношеніи»¹⁾. Мы сказали бы больше того: то «идеальное», которому учить трансцендентная школа, въ своей изолированности отъ всякаго сознанія, вообще не можетъ стоять ни въ какихъ отношеніяхъ ни къ реальному, ни къ сознательному. Логическій смыслъ нашихъ сужденій и ихъ истинность или ложность совершенно и принципиально отрываются отъ нашихъ актовъ сознанія и переносятся въ такую область гносеологической абстракціи, которая при послѣдовательномъ проведеніи уже абсолютно закрываетъ имъ всякій обратный путь къ нашему сознанію. Изъ Риккертовскаго царства «трансцендентнаго долженствованія» или Гуссерлевской сферы «чистыхъ идей» для истины уже нѣтъ возврата обратно къ человѣку. И Риккертъ, и Гуссерль стараются, конечно, найти или воссоздать этотъ обратный путь; но едва ли всѣ эти попытки можно разсматривать иначе, какъ неудачный компромиссъ съ имманентными тенденціями гнесеологіи²⁾.

Какъ видимъ, трансцендентная точка зрѣнія въ теоріи познанія сопряжена съ огромными затрудненіями, которыя при послѣдовательномъ проведеніи должны неизбежно привести ее къ парадоксальному изолированію человѣка отъ всякой связи съ логическимъ міромъ; удаленное на необитаемый островъ метафизическихъ «значимостей», все «логическое» оказывается недоступнымъ ни для какой реальности, а всего менѣе для психическаго субъекта. Логическое никогда не можетъ присутствовать въ «насъ», ибо психологически мы никогда не переживаемъ самого логическаго «смысла», никогда не имѣемъ самой истины, а всегда лишь опредѣленный характеръ психическаго сознанія, опредѣленную модификацію чувства, которую Авенариусъ называетъ «діалектической эпихарактеристикой фиденціала»³⁾. (Психологически нельзя говорить объ истинѣ, а только о чувствѣ истинности, какъ о нѣкоторомъ переживаніи или характерѣ, находящемся въ ближайшемъ родствѣ съ чувствомъ очевидности или увѣренности.) Мы можемъ разлагать и анализировать этотъ характеръ сколько намъ угодно; никакого намека на истину (въ логиче-

1) Meinong, „Ueber Annahmen“. S. 124.

2) Систематическая критика всѣхъ этихъ компромиссовъ имѣла бы большое значеніе для теоріи познанія, ибо она показала бы полную несостоятельность чисто трансцендентной школы. Въ нашей статьѣ мы можемъ лишь въ очень краткихъ чертахъ коснуться этой критики.

3) Avenarius, „Kritik der reinen Erfahrung“. В. II, § 652.

скомъ смыслѣ идеальнаго единства значимости) мы въ немъ никогда не найдемъ; одно есть временная реальность, другое— безвременная значимость, одно есть чувство, другое—смыслъ.

Какъ бессмысленно было бы въ «Критикѣ чистаго разума» искать музыкальную мелодію, такъ же бессмысленно въ реальномъ, психическомъ процессѣ искать истину или смыслъ. Они абсолютно раздѣлены точкой зрѣнія трансцендентности. Послѣдовательное мышленіе неизбежно приходитъ къ отрицанію всякой связи между ними¹⁾. Такимъ образомъ не только человекъ, но и всякое сознание, поскольку оно претендуетъ на «осмысленность», является съ этой точки зрѣнія сплошнымъ чудомъ. Трансцендентная философія, даже въ своемъ новѣйшемъ видоизмѣненіи, оказывается поэтому совершенно не въ силахъ разрѣшить проблему познанія, какъ отношенія субъекта къ объекту, т.-е. къ истинѣ. Эта невозможность вытекаетъ изъ ея исходнаго пункта, которымъ въ существѣ дѣла является совершенно самостоятельная, ни отъ чего независимая, самодовлѣющая данность трансцендентной значимости (Gültigkeit).

Для разрѣшенія этой проблемы философія должна возвратиться къ идеѣ универсальной имманентности въ томъ видѣ, въ какомъ она нашла свое выраженіе въ первомъ и второмъ періодѣ философіи Фихте. Тогда станетъ ясно, что «смыслъ» не можетъ быть отдѣленъ отъ сознанія, ибо онъ есть не что иное, какъ чистое сознаніе, тогда и вопросъ объ ихъ отношеніи отпадетъ самъ собою, ибо они окажутся въ основѣ тождественными. Исторію одного изъ такихъ «возвращеній» мы и хотимъ рассказать здѣсь читателю. Мы выбрали для этого логическую систему В. Шуппэ потому, что онъ является наиболѣ глубокимъ и наиболѣе идеалистическимъ представителемъ современной имманентной школы. Мы не могли также избѣгать постоянныхъ ссылокъ на Когена и Авенариуса, такъ какъ всѣ трое взаимно дополняютъ другъ друга. На примѣрѣ этихъ выдающихся мыслителей, сдѣлавъ изъ ихъ мыслей сами собою навязывающіяся слѣдствія, мы попытаемся въ краткихъ чертахъ набросать нашу точку зрѣнія универсальной имманентности, граничащей съ абсолютнымъ психологическимъ скептицизмомъ и, однако, сохраняющей возмож-

¹⁾ См. 93-ю кн. „Вопросовъ Философ. и Псих.“, статью Б. Яковенка, стр. 410—412.

ность познания въ ея полной неприкосновенности.) Мы попытаемся распространить точку зрѣнія имманентной объективности и на всѣ наши психическіе акты, на всего психическаго индивидуума и постараемся показать, что психическій индивидуумъ, въ силу именно своей объективности, никогда не можетъ стать субъектомъ познания, что психика наша всегда остается внѣ всякой связи съ идеальной значимостью чистой истины, ибо проклятіе объективности, вѣчно тяготящее надъ нею, воздвигаетъ непроходимую пропасть между «нами» и царствомъ чистой науки. Субъектомъ познания остается тогда единое, вѣчно равное самому себѣ сознание, которое вполне тождественно съ самой истиной и смысломъ. Въ этой распространенной объективности и видимъ мы универсальность имманентной точки зрѣнія. Все послѣдующее изложеніе уяснитъ эту мысль.

{ Основное положеніе всей имманентной философіи заключается въ трехъ словахъ: міръ есть сознание; онъ не «продуцируется» и не «создается» сознаниемъ, но именно есть сознание; послѣднее не противостоитъ своему субъекту, какъ отъ него независимый и въ свою очередь объективный процессъ, какъ самостоятельная дѣятельность или сущность, но образуетъ съ нимъ неразрывное цѣлое. } Эта совмѣстная данность обихъ составныхъ частей (субъектъ и объектъ) есть основной фактъ и долженъ служить намъ основной предпосылкой¹⁾. Обыкновенно представляютъ себѣ сознание въ видѣ какого-то духа, витающаго надъ вещами и отражающаго ихъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ. Это глубоко неправильно. Сознание само по себѣ, безъ сознаваемого объекта, есть абсолютное ничто, пустая абстракція. Предметъ и строящія его категоріи сознанія представляютъ одно нераздѣльное единство, которое не можетъ быть разложено на два самостоятельныхъ, другъ отъ друга независимыхъ и равноправныхъ объекта. Какъ нельзя мыслить свѣта вообще внѣ определенной окраски или определенной окраску внѣ свѣта, такъ же нельзя представить себѣ совершенно пустого сознанія или предмета внѣ сознанія, ибо поскольку мы его представляемъ или мыслимъ, постольку мы уже переносимъ его въ сознаніе и конструируемъ изъ его элементовъ²⁾.

1) Schuppe, „Erkenntnisstheoretische Logik“. Bonn 1878, стр. 145.

2) „Желаніе мыслить объектъ самъ по себѣ есть contradictio in re; это значить желать нѣчто мыслить не мысля при этомъ“. „Logik“, Ст. 143. Ср.

Оба они необходимо предполагаютъ другъ друга и ни одинъ «не можетъ быть мыслимъ безъ того, чтобы тотчасъ же не былъ мыслимъ и другой» ¹⁾. Одно безъ другого является столь же абстрактнымъ моментомъ, какъ, напр., красный цвѣтъ внѣ его пространственнаго протяженія; они первоначально принадлежатъ другъ другу вмѣстѣ и лишь абстрагирующее познание раздѣляетъ ихъ, при чемъ въ результатѣ этого дѣленія отнюдь не получаютъ двѣ самостоятельныя вещи, какъ, напр., при дѣленіи треугольника на двѣ половины, а только два совершенно абстрактныхъ и реально другъ безъ друга немислимыхъ момента, какъ если бы мы треугольникъ раздѣлили на протяженность и треугольность. Вообще, такъ наз. формы сознанія или мышленія никогда не могутъ быть отдѣлены отъ своего содержанія и представлены въ видѣ самостоятельныхъ силъ или функций ²⁾. Такимъ стремленіемъ къ реальному раздѣленію ихъ особенно обладаютъ сторонники психологизма и психологистическіе интерпретаторы Канта вродѣ Куно Фишера. Въ этомъ сказывается неумѣнье обращаться съ абстрактными понятіями, «слабость абстракціи» ³⁾, какъ выражается Шуппэ. Дѣло въ томъ, что, изолируя, напр., пространство отъ его содержанія и мысля его въ видѣ какаго-то пустого сосуда, мы по существу дѣла всегда уже заполняемъ этотъ «сосудъ» какимъ-нибудь содержаніемъ, хотя бы, напр., мыслимъ его чернымъ или темнымъ. Абсолютно пустого пространства, независимо отъ чувственныхъ качествъ, мыслить совершенно нельзя, ибо оно тогда изъ реального пространства превращается въ чисто математическій законъ рядоположности; оно теряетъ свою реальность; и если мы пытаемся мыслить его такъ, то мы неизбежно заполняемъ его, т.-е. не доводимъ нашей абстракціи до конца, въ чемъ и выражается ея слабость. Полная и послѣдовательная абстракція заканчивается сознаніемъ невозможности мыслить форму и содержаніе реально отдѣленными другъ отъ друга. Для того, кто мыслить ихъ раздѣльными потенціями, останется навсегда непонятнымъ, какимъ же

г. 34, 69. См. также Schubert von Soldern, „Ueber Transcendenz des Subjects und des Objekts“. S. 16, гдѣ доказывается, что если трансцендентное можетъ быть мыслимо, то оно перестаетъ быть трансцендентнымъ.

¹⁾ „Logik“. S. 26.

²⁾ „Logik“. S. 15—26; 150, 160.

³⁾ Ib. S. 16.

чудомъ они соединяются другъ съ другомъ, входятъ другъ въ друга. Вопросъ о «подведеніи подъ категорию» становится неразрѣшимой проблемой. Для Шуппэ же его принципиально не существуетъ, ибо онъ никогда не отдѣлялъ формы отъ содержанія. («Кто сознаетъ логическую нераздѣльность обѣихъ составныхъ частей,—говоритъ онъ,—тому никогда не придетъ въ голову мысль начать объяснять возможность ихъ соединенія въ одно цѣлое, такъ какъ скорѣе твердо устанавливается невозможность ихъ раздѣленія»¹⁾).

То же самое сохраняетъ силу и относительно всего нашего мышленія и сознанія; мышленіе всегда существуетъ вмѣстѣ со своимъ объектомъ и на немъ и «спрашивать, какимъ образомъ не имѣющее объекта и содержанія, но уже реальное мышленіе или сознаніе можетъ впитать въ себя нѣчто внѣ сознанія лежащее и сдѣлать его своимъ объектомъ,... совершенно бессмысленно»²⁾; «Мышленіе и бытіе суть чисто абстрактные моменты одного и того же предметнаго единства и отнюдь не самостоятельныя вещи»³⁾. Сознаніе всегда неразрывно соединено со своимъ объектомъ и образуетъ съ нимъ нераздѣльное цѣлое, «первоначальное цѣлое бытія вообще»⁴⁾. Одно необходимо предполагаетъ другое и именно потому, что оба принципиально являются однимъ и тѣмъ же⁵⁾. Объектъ есть лишь особое состояніе сознанія, лишь конкретное его опредѣленіе или «содержаніе».

Понятіе содержанія у Шуппэ принципиально отличается отъ того же понятія въ трансцендентной школѣ; его надо строго отличать отъ понятія интенціональнаго объекта у Гуссерля и у Мейнонга. Именно интенціональное отношеніе сознанія къ его предмету (или содержанію—все равно) совершенно отсутствуетъ

1) *Ib.* S. 29. Ср. т. S. 69; 89.

2) *Ib.*, S. 85.

3) *Ib.*, S. 17, 25, 73, 74 и др.

4) „Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik“, S. 34.

5) Что эта идентификація субъекта и объекта является основной точкой зрѣнія Шуппэ, слѣдуетъ уже изъ его фундаментальнаго понятія „я, какъ объектъ“. Выше изложенное понятіе субъекта и объекта, какъ абстрактныхъ моментовъ, отнюдь не противорѣчитъ идеѣ тождества, какъ выяснится изъ дальнѣйшаго понятія объекта, какъ конкретнаго состоянія общаго понятія „сознаніе“.

у Шуппэ. Предметъ не «схватывается» сознаниемъ, не «встрѣчается» ¹⁾ съ нимъ и не «направляется» на него; но изначально образуетъ съ нимъ абсолютно недѣлимое и единое цѣлое. Сознаніе не можетъ быть «направлено» на предметъ уже по одному тому, что оно не мыслимо само по себѣ, внѣ его предмета; интенціональный же актъ, хотя бы онъ былъ и необходимо связанъ со своимъ предметомъ, представляетъ самъ по себѣ опредѣленное единство и можетъ быть анализируемъ совершенно независимо отъ своего предмета, какъ это и дѣлаетъ Гуссерль въ 5-мъ и 6-мъ своемъ «Исслѣдованіи». Шуппэ же никогда не можетъ придти въ голову представить себѣ мысль отдѣленной отъ ея объекта, ибо объектъ данъ непосредственно вмѣстѣ съ мыслью и заключается въ ней. Не то что онъ лежитъ внутри нея (какъ будто отъ мысли можетъ еще что-то остаться по удаленіи объекта!), но онъ состоитъ изъ нея, его бытіе вполнѣ исчерпывается этой мыслью. Объектъ не интендируется и даже не создается категоріями ²⁾, какъ какими-то загадочными функциями или силами духа, но всецѣло состоитъ изъ категорій, которыя отнюдь не суть формы или элементы какой-то духовной субстанціи, но именно элементы объективнаго міра, элементы конституирующіе понятіе не духа, а именно матеріи.) Категоріи (т.-е. формы сознанія вродѣ вѣчности, причинности и т. д.) присутствуютъ по существу дѣла не въ «насъ», а въ самихъ объектахъ ³⁾, ибо изъ нихъ впервые конституируется дѣйствительный міръ ⁴⁾, который и состоитъ ни изъ чего другого, какъ изъ ихъ конкретныхъ проявленій и сочетаній, отнюдь не превращаясь благодаря этому во что-то безтѣлесное и имматериальное.

Категоріи проявляются въ сужденіи. Но и это обстоятель-

¹⁾ „Logik“, S. 508, 532 ff.

²⁾ Мы пользуемся этимъ терминомъ въ совершенно кантовскомъ смыслѣ для обозначенія апіорныхъ элементовъ объективности или основныхъ методовъ объективации (реальность, вѣчность, причинность и т. д.) Предметъ вообще есть сложное понятіе; элементы, конституирующіе это понятіе, мы и называемъ категоріями.

³⁾ „Was durch die Art der Aneignung (Kategorien) produziert worden ist, kann ja immer wie im Vorhandenen oder im Objekte enthalten dargestellt werden“. „Logik“, S. 97.

⁴⁾ „Grundriss der Erkenntnisstheorie“, S. 45.

ство не нарушаетъ ихъ объективности и не превращаетъ въ какую-то независимую отъ матеріальнаго міра, духовно-субъективную форму, ибо сужденіе въ гносеологическомъ смыслѣ отнюдь не есть психическій актъ, а скорѣе актъ чистаго сознанія, актъ объективации. Сужденіе есть не что иное, какъ объективная связь чувственныхъ датъ, и именно не связываніе, а связь. «Оно не соединяетъ вмѣстѣ того, что было предварительно разъединено, но только называетъ родъ совмѣстнаго бытія чувственныхъ датъ»). Сужденіе есть сознаніе связи или сознаніе единства, а сама эта связь въ объектѣ или единство объекта есть въ свою очередь не что иное, какъ форма сознанія или сужденія. Такимъ образомъ міръ не творится и не интендируется мышленіемъ, но состоитъ изъ отдѣльныхъ актовъ мышленія или «смысла», т.-е. изъ сужденій. (Нѣтъ никакой другой объективности, кромѣ объективности самаго сужденія. Сужденіе = объектъ и обратно: объектъ = сужденіе.) Между мышленіемъ и объектомъ всегда стоитъ знакъ равенства, а отнюдь не знакъ интенціональной зависимости. «Мышленіе бытія = мыслимому бытію»). Предметъ есть вполне опредѣленное состояніе мышленія (въ широкомъ смыслѣ сознанія вообще) и мышленіе есть именно сознаніе вполне опредѣленной объективной связи. Формы мышленія суть въ то же время и формы дѣйствительности ²⁾, ибо дѣйствительность есть не что иное, какъ истина въ мышленіи.

(Съ особенной ясностью эта мысль о тождествѣ мышленія и объективности—основная мысль имманентной философіи—выступаетъ у Шуппе въ его ученіи о причинности ³⁾). Последнюю онъ понимаетъ (соединяя всѣ три релятивныхъ категоріи Канта) какъ всякую необходимую связь чувственныхъ впечатлѣній или датъ). Эта связь есть одно изъ условий существованія объективнаго міра; будь онъ абсолютно разрозненъ и безъ всякой связи, онъ не могъ бы получить названіе объективнаго; причинность есть основной моментъ объективности. И однако сущность ея заключается въ чистой мысли, ея бытіе чисто интеллектуальнаго характера. Отъ этого нисколько не уменьшается

¹⁾ Leclair, „Beiträge zu einer monistischen Erkenntnisstheorie“, S. 19.

²⁾ „Die logischen Allgemeinbegriffe fallen mit den obersten Gattungen des Seienden zusammen“ „Logik“, S. 112. Ср. нѣ. S. 116; Grundriss S. 79.

³⁾ „Logik“, S. 387. ff. Grundriss, S. 58—77.

ея объективность; разумѣтся, причинная связь не можетъ быть воспринята въ видѣ краснаго пятна, или звука, или вкуса; разумѣтся сущность ея заключается не въ воспріятіи, а въ чисто интеллектуальномъ моментѣ мышленія; но отъ этого она не перестаетъ быть той самой связью, которая соединяетъ чувственные даны въ единство объективнаго процесса или вещи. Она заключается (anhaften) въ самой объективной дѣйствительности, ибо благодаря ей-то дѣйствительность и дѣлается впервые объективной, и отнюдь не перекладывается въ какой-то субъективный центръ. Оставаясь родомъ мышленія, она продолжаетъ «принадлежать къ дѣйствительному міру»¹⁾. Такимъ образомъ родъ мышленія превращается въ способъ бытія и интенціональность—этотъ распространеннѣйшій философскій предразсудокъ—устраняется сама собой, ибо нѣтъ болѣе разницы между мышленіемъ и объективностью²⁾.

1) „Grundriss der Erkenntnisstheorie“, S. 59.

2) Такому монистическому пониманію противорѣчатъ какъ будто нѣсколько ясно сказанныхъ у Шуппе фразъ. Онъ нѣсколько разъ упорно повторяетъ, что сознаніе отлично отъ бытія. См., напр., „Logik“, S. 26, 27, 33, 72, 89, 145, 148 и др. Но, во-первыхъ, бытіе, конечно, и для мониста отлично отъ сознанія, ибо оно есть лишь его конкретное состояніе; а во-вторыхъ, тамъ гдѣ у Шуппе дѣйствительно проскальзываетъ интенціональность, это происходитъ не вслѣдствіе дуализма мышленія и дѣйствительности, а вслѣдствіе сохранившагося у него въ самомъ понятіи дуализма между „данностью“ и „чистымъ мышленіемъ“ (Denken als solches). Именно бытіе (а не объективность) состоитъ, согласно его ученію (и эта черта дѣлаетъ его чистымъ кантіанцемъ), изъ воспріятій и разсудочнаго синтеза ихъ; поэтому, хотя разсудочный синтезъ (Denken als solches, Denken im engeren Sinne) и составляетъ самую сущность объективности, онъ все же не совпадаетъ съ понятіемъ бытія, такъ какъ бытіе включаетъ въ себя еще и чувственные даны. Поэтому, когда онъ говоритъ о сознаніи какъ о чемъ-то противостоящемъ своему содержанію, усвояющемъ и обрабатывающемъ его, однимъ словомъ, какъ о чемъ-то „направленномъ“, интенціональномъ, онъ разумѣетъ всегда уже не сознаніе, какъ общую форму и общее качество всякаго имманентнаго бытія, а спеціальное сознаніе оформляющаго мышленія въ противоположность данности. Между ними сохраняется у него дуализмъ и, если угодно, своего рода интенціональность. Мы отрицаемъ только интенціональность между мышленіемъ, лучше—формами мышленія и объектомъ; ибо объективность вполнѣ тождественна съ этими формами и изъ нихъ состоитъ. Слѣдовательно, направленность формы на ея ирраціональное содержаніе у него остается и уничтожается только направленность формальнаго сознанія на объектъ, ибо объектъ состоитъ изъ этихъ формъ сознанія. Мы

Отношеніе между объектомъ и субъектомъ перестаетъ быть интенціональнымъ и превращается въ чисто логическое отношеніе абстрактнаго къ конкретному. Объектъ есть лишь конкретизація или спецификація сознанія. Между ними существуетъ такое же отношеніе, какъ между общимъ понятіемъ всякой дѣятельности и ея частнымъ проявленіемъ. Если, напр., поется пѣснь, то разумѣется не существуетъ пѣнія внѣ пѣсни; пѣніе не «схватываетъ» и не «направляется» на пѣснь, какъ на отличный отъ него самого объектъ; оно только конкретно проявляется въ пѣсни, какъ общее опредѣленіе того рода бытія, которымъ обладаетъ пѣснь, какъ таковая. Такова сущность всякой глагольной формы вообще (Verbalform), что она всегда опредѣляетъ посредствомъ общаго понятія соответствующей дѣятельности (пѣть, дѣлать, чувствовать, мыслить и т. д.) какое-нибудь явленіе ¹⁾. Совершенно такого же рода отношеніе выражается въ словахъ «боль чувствуется», «книга воспринимается», «объектъ сознается»; какъ боль есть лишь конкретное проявленіе дѣятельности чувства вообще, книга — дѣятельности воспріятія вообще, такъ и объектъ есть лишь конкретное проявленіе или состояніе дѣятельности сознанія вообще, при чемъ слово «дѣятельность» понимается здѣсь въ смыслѣ только общаго опредѣленія того способа, какимъ существуютъ данные объекты. «Ясно, — говоритъ Шуппе, — что всѣ эти дѣятельности, мыслимы безъ своего объекта, суть только родовыя понятія» ²⁾. Точно также ясно, что ихъ объекты суть не что иное, какъ конкретныя проявленія этихъ дѣятельностей, т.-е. частные виды этихъ общихъ понятій ³⁾. Дѣятельность въ этомъ смыслѣ не есть ничто само-

обращаемъ особенное вниманіе на эту двусмысленность въ понятіи содержанія, которая страшно затемняетъ пониманіе его логики. Содержаніе, какъ ирраціональный матеріалъ и содержаніе, какъ объектъ — двѣ совершенно различныя вещи, и однако Шуппе promiscue употребляетъ оба понятія. Дѣло сильно запутывается еще тѣмъ, что сознаніе мыслится то какъ общій способъ бытія всѣхъ имманентныхъ объектовъ, т.-е. какъ идея объективности, то какъ абстрактный моментъ, т.-е. происходитъ страшная путаница между понятіемъ „идеи“ и „абстрактнаго момента“, которая проходитъ черезъ все его ученіе объ общихъ понятіяхъ.

1) „Grundriss der Erkenntnisstheorie“, S. 134. „Logik“, S. 309 f.

2) „Logik“, S. 334.

3) „Sehen und Hören sind Zustände, und das Objekt, welches man hört und sieht, ist nichts für sich bestehendes, welches von der Thätigkeit des Sehens

стоятельное; она не существуетъ въ видѣ независимой отъ объекта силы или возможности, но дана всегда лишь въ своемъ объектѣ, какъ его родовое опредѣленіе; точно также объектъ не есть результатъ или продуктъ какой-то внутренней, отличной отъ него работы или энергіи, а только специальный случай общаго понятія, выраженнаго въ данномъ родѣ дѣятельности. Поскольку этотъ объектъ, воплощая въ себѣ идею даннаго рода дѣятельности, является частнымъ видомъ по отношенію къ этому роду, онъ называется у Шуппэ «объектомъ вида», «Objekt der Species» ¹⁾. Такъ опредѣленная пѣснь является объектомъ вида по отношенію къ общему понятію «пѣніе»; опредѣленная рѣчь является такимъ же объектомъ вида по отношенію къ общему понятію «говореніе», опредѣленное ощущеніе, напр., краснаго цвѣта—по отношенію къ общему понятію «ощущеніе» и т. д. Отношеніе между этими «объектами вида» и соответствующими имъ «дѣятельностями» отнюдь не есть реальное или интенціональное, а исключительно логическое отношеніе абстрактнаго къ конкретному. Объектъ вида не есть лежащая внѣ дѣятельности цѣль, на которую эта послѣдняя могла бы направляться, а лишь конкретное ея состояніе, съ которымъ этотъ объектъ логически совпадаетъ и имъ исчерпывается.

Къ общимъ понятіямъ «мышленіе», «чувствованіе», «сознаніе» также принадлежатъ «объекты видовъ», которые и называются въ прямомъ и обычномъ смыслѣ объектами. Такимъ образомъ объектъ въ смыслѣ предмета есть по существу своему объектъ вида ²⁾, т.-е. конкретное состояніе сознанія. Сознанію не на что «направляться»; ибо все, на что оно могло бы направляться, лежитъ въ его предѣлахъ и состоитъ изъ его элементовъ (пространство, время, вещьность, ощущеніе и т. д.).

Здѣсь мы должны предотвратить маленькое недоразумѣніе,

oder Hörens getroffen und berührt würde, sondern nur die Species dieses durch Sehen und Hören nur von Seiten seiner Gattung bezeichneten Zustandes“. „Logik“, S. 508.

¹⁾ „Logik“, S. 508; 532—535. Grundriss, S. 144.

²⁾ „Zum Denken, Fühlen und Wollen gehört als wesentliches Moment; ohne welches diese Thätigkeiten gar nicht gedacht werden können, die allgemeine Vorstellung eines Objekts, eines Etwas was gedacht, gefühlt, gewollt wird. Wird hinzugesetzt, was das ist, so ist es handgreiflich das Objekt der Species“. „Grundriss der Erkenntnisstheorie“, S. 144.

которое однако нерѣдко влечетъ за собою крупныя и весьма печальныя послѣдствія, искажая цѣлыя философскія системы. Желая доказать принципиальную логическую разницу между предметомъ и актомъ его сознанія, философы часто прибѣгаютъ къ весьма плачевной аргументаціи; а именно, говорятъ они: сознаніе непротяженно и нематеріально, а предметъ протяженъ и матеріаленъ; слѣдовательно, если не реально, то по крайней мѣрѣ логически, какъ субъекты возможныхъ предикацій, они всегда различны и даже трансцендентны другъ другу ¹⁾. Ихъ ошибка заключается въ томъ, что сознаніемъ они считаютъ только психическое, только духовное; они забываютъ, что пространство и матерія являются такими же видами сознанія вообще, какъ чувство или воля; поэтому отнюдь нельзя сказать, что сознаніе непротяженно; оно, разумѣется, протяженно, но лишь постольку, поскольку оно проявляется въ формѣ пространства. Все есть сознаніе, а поэтому и сознаніе есть все и лишь какъ общее опредѣленіе оно есть ничто. Оно есть «все во всемъ и въ то же время ничто изъ всего» ²⁾.

Итакъ, нѣтъ сознанія, какъ независимой, самостоятельной, отличной отъ объекта духовной силы, которая бы направлялась на него, схватывала бы и усваивала его (*vis assimilativa*); оно вполне тождественно съ общимъ опредѣленіемъ имманентнаго бытія; сознаніе вообще, говоритъ Риккертъ, есть только другое имя для имманентнаго бытія. Оно имѣется только въ самихъ объектахъ, или лучше—«на нихъ», какъ общій способъ ихъ существованія, и отнюдь не должно быть мыслимо въ видѣ какой-то усваивающей силы или отражающей субстанціи.

Этотъ призракъ усваивающей силы сознанія—*vis assimilativa*—проносится въ видѣ упорной и неотвязчивой идеи черезъ всю исторію философіи. Даже въ наше время эта фантазія продолжаетъ играть еще огромную роль. Исторія философіи есть борьба противъ этого призрака за идею монизма.) Эта идея даетъ единство пестрой смѣнѣ философскихъ системъ и объединяетъ ихъ въ одномъ стремленіи: выработать такое понятіе субъекта

¹⁾ См. напр. аргументацію Гуссерля: „*Logische Untersuchungen*“. В. II. S. 327, 829, 352, 353, 387.

²⁾ Nicolaus Cusanus. Par. Ausg. 1514. De non aliud. S. 156, 159. (Цитируется по Кассиреру) и др.

и объекта, при которомъ оправдывалось бы парменидовское тождество бытія и мышленія. Греческая философія вся полна этой тенденціей и лишь въ своемъ завершеніи, въ лицѣ аристотелевской системы она уклоняется въ сторону отъ своего основного принципа. Его ученіе о двухъ разсудкахъ, изъ которыхъ одинъ (*νοῦς παθητικός*) является исключительно пассивной, воспринимающей отдѣльныя впечатлѣнія функціей души, другой (*νοῦς ποιητικός*), наоборотъ, активной, творческой, но за то всему чувственному міру трансцендентной силой, создающей лишь общіе принципы метафизическаго знанія—это ученіе легло въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ дуалистическихъ тенденцій средневѣковой схоластики и мистики.) Въ своей интеллигибельной трансцендентности, превращенный въ среднихъ вѣкахъ въ какую-то космическую потенцію, человѣческой разумъ въ лицѣ *νοῦς ποιητικός* противостоитъ чувственному міру опыта, какъ самостоятельная и независимая отъ него познавательная сила.) Однако, уже у самихъ средневѣковыхъ аристотеликовъ—особенно александрийскаго направленія—обнаруживается снова тенденція возвратитъ разумъ міру и понять чувственную дѣйствительность какъ продуктъ интеллектуальной обработки ¹⁾. Средневѣковый платонизмъ, воспитанный въ школѣ Плотина, наоборотъ, весь проникнутъ идеей тождества. Интеллектъ и интеллигибельный объектъ не противостоятъ другъ другу, какъ чуждыя и независимыя сущности; они тождественны по происхожденію и въ высшемъ единствѣ сливаются въ одно ²⁾. Съ другой стороны, сами интеллигибельные объекты, т.-е. идеи, являются ничѣмъ инымъ какъ формами чувственнаго міра, оставаясь въ то же время «прирожденными формами» нашего духа ³⁾. Такимъ образомъ истинная сущность дѣйствительнаго міра переносится въ интеллектъ, который создаетъ идеи, какъ высшія предпосылки для обработки и пониманія эмпирической дѣйствительности.

Новая эра начинается философской системой, въ развитіи

¹⁾ См. Ernst Cassirer, „Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit“. В. I, S. 108—121.

²⁾ „Ipsum intelligibile propria est intellectus perfectio unde intellectus in actu et intelligibile in actu sunt unum„. Marsilius Ficinus: „Theologia Platonica de immortalitate animorum, lib. XI. Cap. I. (Цитируется у Кассирера.)

³⁾ См. Cassirer. В. I; 101—104.

которой яснѣ всего выступаетъ борьба этихъ двухъ началъ; это система Николая Кузанскаго. Идея тождества настолько сложно и тѣсно переплетается въ его системѣ съ идеей отображающей дѣятельности сознанія, что становится почти невозможнымъ понять его систему, какъ единую и законченную. Но какъ бы онъ ни понималъ сущность нашего познающаго духа, во всякомъ случаѣ въ божественномъ интеллектѣ онъ устраняетъ всякую разницу между субъектомъ и объектомъ ¹⁾. Противоположность между предметомъ и познающимъ его духомъ здѣсь уничтожается, такъ какъ Богъ есть не что иное, какъ чистая и неограниченная дѣятельность сознанія ²⁾, присутствующая цѣликомъ въ каждомъ своемъ твореніи или объектѣ, и относящаяся къ міру объектовъ такъ, какъ единый свѣтъ относится къ многоразличнымъ цвѣтамъ, присутствуя въ каждомъ изъ нихъ, какъ ихъ общее понятіе ³⁾. Съ особенной ясностью эта монистическая идея выступаетъ у Кампанеллы и у мистиковъ. Духъ можетъ, согласно ученію Кампанеллы, только потому понимать внѣшнія вещи, что онъ въ нихъ превращается, такъ сказать, теряетъ себя самого, становясь предметомъ; знаніе, говоритъ онъ, есть превращеніе въ объектъ и потеря собственной индивидуальности ⁴⁾. *Cognoscere est fieri rem cognitam* — познать — значитъ сдѣлаться самой познанной вещью — мысль, значеніе и цѣнность которой еще до сихъ поръ не вполне сознаны. К. Фишеръ въ своемъ изложеніи Фихте блестяще формулировалъ эту мысль въ слѣдующихъ словахъ: «дѣйствительная вещь есть не что иное, какъ потерянное въ своемъ созерцаніи я» ⁵⁾. «Я» именно должно исчезнуть и потеряться, чтобы возникла вещь; оно должно разбить свою неограниченность и кон-

¹⁾ См. *De filiacione Dei*. fol. 67 v. „*Purissimus intellectus omne intelligibile intellectum esse facit: cum omne intelligibile in ipso intellectu sit intellectus ipse*“. (Цит. по Кассиреру.)

²⁾ Или „врънія“, какъ выражается Кузанскій. См. *De quaerendo Deum* fol. 198 a.

³⁾ См.: *De apice theoriae*. fol. 220 a.

⁴⁾ „*Scire est alienari, alienari est insanire et perdere proprium esse et aequi-
rere alienum: ergo non est sapere res, prout sunt, sed fieri res et alienatio. Sed.
alienatio est furor et insania, tunc enim insanit homo, cum in aliud esse con-
vertitur*“. Campanella: *Metaphisica*. P. I. Lib. I. Cap. I. Art. IX.

⁵⁾ К. Fischer, „*Geschichte der neueren Philosophie*“. B. VI, S. 357.

центрироваться въ объектѣ. Объектъ есть ограниченное въ своей дѣятельности сознание, его конкретное состояніе. Эта идея конкретизации впервые, кажется, появляется у Бруно. Какъ разумъ нашъ можетъ дойти до понятія абсолютнаго единства лишь путемъ постепенной «абстракціи», такъ, наоборотъ, само это единство лишь путемъ «конкретизаціи» можетъ создать міръ ¹⁾. Между абсолютнымъ единствомъ и міромъ единичныхъ вещей Бруно устанавливаетъ точно такое же отношеніе, какое Фихте устанавливаетъ между «я» и міромъ ²⁾; и если принять во вниманіе неоплатоновскіе элементы его ученія, согласно которымъ высшее единство является въ то же время абсолютнымъ тождествомъ и индифферентностью разума и дѣйствительности ³⁾, то Бруно окажется несравненно ближе къ Фихте и Шеллингу, чѣмъ Спиноза. Недаромъ Шеллингъ озаглавилъ одно изъ главныхъ своихъ произведеній «Bruno».

Неоплатонизмъ вмѣстѣ со своей позднѣйшей модификаціей—мистичизмомъ, является особенно типичнымъ поборникомъ идеи тождества. Родство между познающимъ и познаваемымъ, провозглашенное Meisterомъ Eckhartомъ за основной философскій принципъ, является основнымъ положеніемъ неоплатонизма, особенно въ лицѣ его главнаго представителя и основателя Плотина. Бытіе возможно только какъ бытіе мысли ⁴⁾. Бытіе интеллигибельнаго міра есть продуктъ интеллектуальной дѣятельности, «энергіи» мышленія. (Интеллектъ не противостоитъ интеллиги-

¹⁾ „Такъ позвольте же намъ,—говоритъ Бруно,—возвышаясь къ совершенному познанію, упрощать множество, такъ какъ единство, нисходя къ творчеству вещей, принимаетъ конкретные образы. Процессъ нисхожденія совершается отъ единого существа къ безконечно многимъ индивидамъ и безчисленнымъ видамъ, восхожденія же наоборотъ отъ этихъ къ тѣмъ“. Перев. съ нѣмек. изданія: Giordano Bruno, „Von der Ursache, dem Princip und dem Einen. Aus dem italienischen übersetzt von A. Lasson“, S. 108. Ср. м. „Sigillus sigillorum“. Op. lat. II. 2, 213 f.

²⁾ „Und ebenso ist auch das Vermögen immer auf Eine Wirklichkeit beschränkt, weil es immer nur ein spezifisches und besonderes Dasein hat“ Ib. S. 67.

³⁾ „Der Göttliche Verstand und die absolute Einheit ist ohne irgend eine Vorstellung das was versteht und das was verstanden wird in einem zugleich“. Ib. S. 108.

⁴⁾ „Ἐπιθεὸς ἀρα τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστὶ τε καὶ εἶναι“. „εἰ σε παρ' αὐτοῦ καὶ εἰ αὐτοῦ νοεῖ, αὐτὸς ἐστὶν ἃ νοεῖ“. Plotini Enneades. Enn. V, 9, 5,

бельному міру, какъ независимое отъ него существо, которое отражало бы отдѣленную отъ него дѣйствительность; но сама эта интеллигибельная дѣйствительность есть не что иное, какъ интеллектъ; она вполне совпадаетъ съ нимъ ¹⁾, являясь ничѣмъ инымъ, какъ царствомъ чистыхъ понятій въ божественномъ духѣ. Что придаетъ особенную цѣнность и «современность» системѣ Плотина, это, принципиальное отождествленіе бытія и истины. (Бытіе возможно только благодаря истинѣ и есть не что иное, какъ сама истина. «Абсолютная истина не согласуется съ чѣмъ-то другимъ, а только сама съ собой, и она не высказываетъ ничего другого, кромѣ себя самой; она есть; и то, что она есть, она и высказываетъ» ²⁾). Истина и бытіе—одно и то же; бытіе есть содержаніе истины.)

Въ этихъ зачаткахъ новой философіи сказано все, что великимъ до-кантовскимъ рационалистамъ пришлось разработать и продумать, чтобы передать эти проблески мысли самому Канту, въ рукахъ котораго имъ суждено было развиваться въ систему. Послѣ того, какъ Спиноза отождествилъ порядокъ вещей съ логическимъ порядкомъ идей и Лейбницъ въ своихъ «Nouveaux Essais» показалъ, что природа вещей есть не что иное, какъ природа нашего духа и его «прирожденныхъ идей»,—лишь послѣ этого Кантъ могъ произнести свою гордую фразу о томъ, что «разумъ предписываетъ законы природѣ», и объединить весь міръ въ высшемъ основоположеніи своей критики «я мыслю».

Этотъ краткій историческій очеркъ идеи монизма показываетъ намъ, что имманентную философію въ широкомъ смыслѣ нельзя понимать какъ «шиолу», какъ преходящую систему. Идея универсальной имманентности есть въ то же время и универсальная идея всей западно-европейской философіи; ея корни лежатъ въ самой глубокой древности, ея первые проблески неясно бродили уже въ умахъ Парменида и Гераклита (λόγος), ея движеніе и развитіе есть движеніе и развитіе европейской философіи. Въ свѣтѣ этой идеи осмысливается та пестрая смѣна «другъ другу противорѣчащихъ системъ», въ которой философскій дилетан-

1) „οὐ τοίνυν δεῖ οὐτ' ἔξω τὰ νοητά ζητεῖν οὔτε τύπους ἐν τῷ νῷ τῶν ὄντων λεγεῖν εἶναι οὔτε τῆς ἀληθείας ἀποστερουμένας αὐτόν ἀγνωσίαν τε τῶν νοητῶν ποιεῖν καὶ ἀνοπαρξίαν καὶ εἶναι αὐτόν τὸν νοῦν ἀναρρεῖν. Enn. V, 5,2.

2) „ᾧστε καὶ ἡ ἔντως ἀλήθεια οὐ συμφυροῦσα ἀλλ' ἀλλ' ἰσατῆ, καὶ οὐσέν παρ' αὐτῆν ἄλλο λέγει καὶ ἔστι καὶ ὃ ἔστι τοῦτο καὶ λέγει“. Enn. V. 5,2.

тизмъ ищетъ обыкновенно обоснованія своего скептическаго настроенія. Философія получаетъ въ ней единство своего развитія и смыслъ своего движенія впередъ. Дать философскія основы точнаго имманентнаго знанія, т. - е. дать научную теорію познанія, такова главная задача философіи.) Въ этомъ смыслѣ современное намъ имманентное теченіе является наслѣдникомъ и носителемъ великой исторической традиціи. И сколько бы оно, въ лицѣ своихъ крайнихъ представителей, ни старалось оградить себя отъ «прошлага», сколько бы эти послѣдніе ни критиковали Канта и нѣмецкую спекуляцію, они до мозга костей остаются проникнутыми философскими понятіями и задачами того времени.

Итакъ, основная идея имманентной философіи есть идея тождества бытія и сознанія; и именно не въ томъ смыслѣ, что сознаніе есть бытіе, а въ томъ, что бытіе есть всегда бытіе сознанія. Всякая объективность проистекаетъ изъ субъекта и является лишь специальнымъ случаемъ проявленія его общей, неограниченной дѣятельности. (Различныя стороны или моменты объективности суть лишь «направленіе сознанія» (Richtungen des Bewusstseins), какъ выражается Когенъ. Коротко формулируя эту идею въ терминахъ Шуппэ, мы можемъ сказать, что объектъ есть всегда объектъ вида, т. - е. конкретное проявленіе или опредѣленіе сознанія вообще. Въ этой формулѣ Шуппэ непосредственно соприкасается съ Фихте. (Не-я, объектъ есть лишь акциденція Я¹⁾—такое глубочайшее положеніе фихтевской философіи; и въ этомъ отношеніи имманентная школа есть лишь возрожденіе фихтеанства.) Это положеніе необычайной важности. Имъ устраняется пропасть между объективностью и субъективностью и изгоняется послѣдній призракъ вещи въ себѣ.) Самая сущность объективности заключается въ томъ, что она есть опредѣленное состояніе сознанія; именно, все «предметное» въ предметѣ есть чистое сознаніе. (Предметъ есть въ существѣ своемъ мысль (или лучше смыслъ); онъ состоитъ изъ цѣлаго ряда объективированныхъ моментовъ (пространство, время, реальность и т. д.); и каждый изъ этихъ моментовъ есть не что иное, какъ состояніе сознанія.) Нельзя сказать, что предметъ продуцируется сознаніемъ.

¹⁾ См. полное собр. соч. Fichte. В. I. „Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre“, S. 142.

емъ, творится имъ, какъ самостоятельной силой. Онъ не творится, а цѣликомъ состоитъ изъ сознательныхъ элементовъ, не переставая однако быть матеріальнымъ предметомъ. (Какъ отъ прямой линіи ничего не останется, если мы выкинемъ изъ нея моментъ прямоты, такъ и отъ предмета ничего не останется, если мы удалимъ изъ него моментъ сознанія.) Объектъ есть не что иное, какъ сконцентрированное, сгущенное до конкретности, до опредѣленности сознаніе. Общее понятіе сознанія, такъ сказать, специализируется въ различныхъ направленіяхъ; оно принимаетъ форму то пространства, то времени, то вещи и т. д. Эти конкретныя проявленія общаго понятія «сознаніе» и являются различными сторонами или моментами объективности (категоріями)¹⁾ и въ своихъ различныхъ комбинаціяхъ съ ощущеніями даютъ предметъ. (Тѣмъ самымъ, что общее понятіе «сознаніе» принимаетъ опредѣленные, конкретные образы, оно превращается въ предметъ; оно именно не творитъ предмета, а превращается въ него, реализуется въ немъ, какъ общее понятіе прямой, реализуется въ данной, конкретной прямой.) Въ этомъ заключается сущность фихтевскаго понятія «ограниченія». (Всякое «не-я» есть лишь ограниченное, т. е. принявшее опредѣленную форму, вдвинутое въ опредѣленные рамки «я». Всякое опредѣленное, ограниченное состояніе сознанія есть объектъ; въ этомъ заключается сущность какъ объективности, такъ и сознанія—они по существу—есть одно и то же. «Я есть необходимое тождество субъекта и объекта: субъектъ-объектъ»²⁾).

Въ такомъ пониманіи крайне просто разрѣшается основной вопросъ трансцендентальной философіи: почему предметы согласуются съ познаніемъ? почему познаніе имѣетъ право притязанія на объективность? Да потому, что объективность есть не что иное, какъ само познаніе. «Оно имѣетъ значеніе для всего существующаго именно потому, что оно есть само существующее»³⁾. Необходимость, господствующая въ самихъ объектахъ, есть именно необходимость познанія. «Бытіе не покоится само въ себѣ; но мышленіе впервые заставляетъ его возникнуть»⁴⁾).

1) Эти конкретизація и спецификація сознанія, его «ограниченія» и называется Шуппе формами мышленія. См. „Logik“. S. 25, 92 ff., 106 и др.

2) Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre. B. I. S. 98. (Примѣчаніе.)

3) Schuppe. „Logik“, S. 112.

4) Cohen. „Logik der reinen Erkenntniss, S. 28.

Не существуетъ никакого дуализма между предметомъ и его познаніемъ, потому что предметъ возможенъ только какъ познаніе или въ видѣ познанія. *Cognoscere est fieri rem cognitam*. Если я воспринимаю дерево, то я «есмь» въ этомъ воспріятіи (поскольку я отвлекаюсь отъ другихъ воспріятій) само дерево. Дерево, какъ воспріятіе, есть то же самое дерево, какъ предметъ. Психическое и физическое не есть двѣ различныя вещи, но лишь два различныхъ способа разсмотрѣнія одной и той же вещи ¹⁾). Поэтому я не знаю никакой интенціи, никакой направленности моего воспріятія на предметъ; я есмь или воспріятіе, или предметъ, смотря по избранной точкѣ зрѣнія, или даже оба вмѣстѣ, но никогда я не имѣю направленности одного на другого. «Я» могу одинъ разъ познавать воспріятіе, другой разъ предметъ, но никогда предметъ не познается воспріятіемъ или черезъ воспріятіе, ибо онъ вообще никѣмъ и ничѣмъ не познается, такъ какъ онъ есть само познаніе. Всякій предметъ есть не въ познаніи и не благодаря познанію, но есть само познаніе, т.-е. сознаніе опредѣленнаго синтеза. Предметъ вполнѣ тождественъ съ познаніемъ и внѣ его оказывается абсолютнымъ ничто. «Бытіе есть бытіе мысли» ²⁾); существующимъ можетъ быть только то, что мышленіе признало за существующее; и лишь въ самомъ себѣ, въ своихъ внутреннихъ законахъ оно должно найти основанія этого признанія. «Основоположенія мышленія суть основанія бытія» ³⁾), ибо полагать основные методы и приемы мышленія (формы мышленія), значитъ полагать моменты или стороны объективности. Предполагая, напр., законъ причинности, мы тѣмъ самымъ впервые полагаемъ возможность объективнаго міра; предпосылая научному изслѣдованію методъ счисленія безконечно-малыхъ, мышленіе впервые создаетъ логическую возможность цѣлаго ряда естественно-научныхъ законовъ. Такимъ образомъ, мы въ правѣ сказать вмѣстѣ съ Когеномъ, что «мышленіе создаетъ основанія бытія» ⁴⁾), ибо нѣтъ бытія внѣ этихъ основныхъ

¹⁾ Эта, впервые, кажется, Авенаріусомъ ясно сформулированная мысль, принята въ наше время цѣлымъ рядомъ выдающихся мыслителей, нашла теперь общее признаніе. Особенно важны въ этомъ отношеніи: Mach, „*Analysis der Empfindungen*“, См. стр. 13, 14, 26, 36, 48, 56; Lipps. „*Logik*“; Rickert, „*Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung*“, S. 151—183.

²⁾ Cohen. „*Logik d. rein. Erk.*“, S. 14.

³⁾ *Ib.*, S. 27.

⁴⁾ *Ib.*, S. 18.

формъ, созданныхъ мыслью. «Источникъ всякой реальности есть «Я» ¹⁾). То, что мы называемъ объектомъ, есть содержаніе познанія, есть истина. Истина и дѣйствительность одно и то же. Дѣйствительность есть лишь особый родъ истины.

Отъ такого пониманія объективности, какъ состоянія сознанія, мѣръ отнюдь не превращается въ пустую иллюзію, во что-то безтѣлесное, духовное. Отъ того, что всѣ элементы міра растворяются въ сознаніи, они нисколько не теряютъ своей осязательности и тѣлесности; протяженная вещь не превращается въ простое «представленіе» и не дѣлается съ какой-то другой метафизически-философской стороны непротяженной; она остается тою же пространственной вещью со всѣми ея реальными свойствами и не перемѣщается въ какой-то непротяженный центр нашей психики; разъясняется только самая сущность протяженія и утверждается, что оно есть не что иное, какъ форма или модификація сознанія; но оно не перестаетъ отъ этого быть протяженіемъ, и матерія не превращается въ духъ отъ того, что она воспринимается въ сознаніи; надо помнить, что сознаніе не есть духъ и не есть психика и предметы не становятся духовными сущностями отъ того, что входятъ въ сознаніе. Вещи существуютъ именно такъ, какъ онѣ даны сознанію, ибо въ этой ихъ данности заключается все ихъ бытіе. Онѣ «не кажутся» намъ бѣлыми, черными, протяженными и т. д., а дѣйствительно существуютъ, какъ таковыя; онѣ не являются нашими психическими состояніями и не содержатся въ нашемъ духѣ, въ видѣ какихъ то безтѣлесныхъ грезъ и имматеріальныхъ кажимостей (Schein); онѣ находятся не въ насъ, а какъ разъ тамъ, въ томъ самомъ мѣстѣ пространства и времени, гдѣ онѣ, по выраженію мечтательныхъ идеалистовъ, намъ только «кажутся» ²⁾). Въ этой мысли заключается «оправданіе наивнаго реализма», которое предпринялъ Шуппэ въ одной изъ своихъ журнальныхъ статей ³⁾). Она

¹⁾ „Bewusstseinsinhalt ist der empfundene Inhalt, absolut so wie er sich zeigt, in vollster, greifbarer, raumerfüllender Wirklichkeit, nicht verklärt oder verflüchtigt zu einem blossen Schein.“ „Logik“, S. 70.

²⁾ „Im Bewusstsein, als sein Inhalt ist nun selbstverständlich die ganze Welt, wie sie leibhaftig im Raume und in der Zeit vor uns steht, und das Wo der einzelnen Empfindungen ist in Wirklichkeit ganz dort, wo es nur zu sein scheint.“ „Logik“, S. 65.

³⁾ Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. herausg. von R. Avenarius. XVII, 3; S. 374—368. „Die Bestätigung des naiven Realismus“.

напечатана въ видѣ публичнаго письма Р. Авенариусу. Здѣсь Шуппэ съ большимъ энтузіазмомъ и искренностью привѣтствуетъ Авенариуса, какъ перваго и послѣдовательнаго своего сторонника «въ научномъ оправданіи наивнаго реализма». Съ тѣхъ поръ эта тенденція къ уничтоженію этой наивной философской иллюзіи «кажимости» міра стала основной тенденціей всей имманентной школы.

Міръ имманентенъ сознанию, а отнюдь не нашей психикѣ и не «намъ»; психику, какъ увидимъ дальше, нельзя отождествлять съ сознаниемъ, ибо она есть только часть сознательнаго міра вообще. Объектъ отнюдь не есть для Шуппэ внутреннее, душевное состояніе ощущенія, но всегда сама реальная вещь ¹⁾. Иллюзорность берклеевского и шопенгауэровскаго идеализма отнюдь не совмѣстима съ канто-фихтевской имманентной философіей. И для Беркли, и для Шопенгауэра міръ является иллюзіей, по выраженію Ницше, «разноцвѣтнымъ дымомъ передъ очами недовольнаго Бога» только потому, что они пытаются рассмотреть міръ съ какой-то «другой» стороны, съ трансцендентной, внѣшней точки зрѣнія; тогда онъ со стороны имманентной (какъ явленіе) оказывается пространственнымъ, со стороны же своей метафизической сущности (какъ вещь въ себѣ) является непротяженнымъ и безвременнымъ туманомъ духовной субстанціи. Они забываютъ, что никакой другой точки зрѣнія быть не можетъ и ни съ какой «внѣшней» стороны міръ нельзя разсматривать, ибо онъ имѣетъ только одну сторону. Онъ есть явленіе не только «для насъ», но и въ «себѣ». Если онъ со своей имманентной стороны является пространственнымъ, то онъ и остается только пространственнымъ, хотя бы само пространство и было сознаниемъ. Всякая объективность есть неизбѣжно сознание; отъ этого она не перестаетъ быть объективностью; скорѣе наоборотъ, именно потому-то она и есть объективность, что она есть сознание. Объективность есть сущность сознанія и внѣ его абсолютно немислима. Поэтому и «вещь въ себѣ» совершенно невозможна, такъ какъ всякая объективность есть исключительная прерогатива сознанія. Понятія объективности, бытія и «вещи» суть роды сознанія; какъ же можетъ быть объектъ внѣ сознанія, когда «объектъ» есть сознание?!

¹⁾ „Bestätigung des naiven Realismus“, S. 371.

Итакъ, разсматривать вещи съ имманентной точки зрѣнія все не значить разсматривать ихъ подъ видомъ духовности. Превращеніе сознанія въ духъ и «вещей» въ «представленія» есть, какъ блестяще показалъ Авенаріусъ, лишь результатъ величайшей философской наивности—интросекціи¹⁾. Философскій дуализмъ, порождаемый этой интросекціей, есть совершенно ненужное и непонятное удвоеніе міра. Стремленіе уничтожить этотъ принципиальный дуализмъ есть основная тенденція лучшаго изъ произведеній Авенаріуса «Человѣческое понятіе о мірѣ». Эта тенденція дѣлаетъ его типичнымъ представителемъ имманентнаго реализма. Конечно, говоритъ онъ, переживанія и воспріятія моихъ сочеловѣковъ недоступны моему непосредственному опыту. Но это отнюдь не потому, что они являются чѣмъ-то принципиально отличнымъ отъ окружающей меня и непосредственно мнѣ извѣстной среды, чѣмъ то духовнымъ, невидимымъ, но только потому, что они представляютъ лишь гипотетическое допущеніе; мы допускаемъ, что движеніямъ и словамъ нашихъ ближнихъ соотвѣтствуютъ такія же «мысли» и «вещи», какъ и нашимъ собственнымъ; онѣ такъ же расположены въ пространствѣ, такъ же видимы и осязаемы. Слѣдовательно, содержаніе нашей гипотезы отнюдь не заключаетъ въ себѣ чего-то отличнаго отъ воспринимаемаго нами тѣлеснаго міра, но является тѣмъ же самымъ численно единымъ міромъ, разсмотрѣннымъ лишь въ другой связи, въ другой эмпириокритической координаціи, какъ выражается Авенаріусъ. По отношенію къ другимъ индивидамъ эта гипотеза не принимаетъ никакой новой духовной субстанціи, ни-

1) Понятіе о вещахъ, какъ о чѣмъ-то духовномъ, происходитъ по Авенаріусу въ результатѣ „вкладыванія“ ихъ въ психофизическаго субъекта. Именно принимая относительно своихъ ближнихъ опредѣленные переживанія и воспріятія, я вкладываю (интросецирую) эти переживанія внутрь ихъ тѣла и соображая затѣмъ, что интросецированны такимъ образомъ воспріятія недоступны моему опыту, я заключаю, что они должны принципиально отличаться отъ воспринимаемаго мною міра, что они, какъ чужія воспріятія, невидимы, неосязаемы, непротяженны. Примѣняя далѣе ту же точку зрѣнія къ самому себѣ, я и свои воспріятія переголковываю какъ нѣчто духовное, непространственное. Въ результатѣ интросекціи получается такимъ образомъ неизбѣжный дуализмъ духа и тѣла, воспріятія и воспринимаемаго. Естественное понятіе о мірѣ (наивный реализмъ) искажается введеніемъ новой, невидимой и абсолютно неизвѣстной духовной сущности. См. R. Avenarius, „Der Menschliche Weltbegriff“.

какихъ «внутреннихъ» состояній, а совершенно тѣ же самыя «внѣшнія» вещи и событія. Конечно, они «невидимы» для насъ, но вѣдь въ одинаковой мѣрѣ невидима для насъ и раскаленная внутренность земного шара, невидимо и внутреннее строеніе солнца. Они невидимы не потому, что являются чѣмъ-то отличнымъ отъ окружающей насъ природы, а только потому, что они гипотетичны; но содержаніе гипотезы (сама внутренность земли) остается пространственною вещью. Точно также, когда я допускаю, что другой человѣкъ видитъ дерево, я отнюдь не предполагаю, что онъ видитъ какую-то духовную сущность, или обладаетъ чѣмъ-то не отъ міра сего, но я предполагаю по отношенію къ нему то же самое протяженное дерево, которое я и самъ вижу. Вещи нисколько не теряютъ въ своей эмпирической реальности отъ того, что онѣ разсматриваются какъ переживанія или состоянія сознанія (E. Werte); растворяясь въ сознаніи, «физическое» не превращается въ «психическое», ибо самая сущность физической предметности заключается въ томъ, что она есть состояніе сознанія, «характеръ».

Не всякое состояніе сознанія есть обязательное психическое явленіе; физическіе предметы суть точно такія же состоянія сознанія, ибо ихъ вещьность, вся ихъ объективность есть не что иное, какъ форма сознанія. Это простая мысль, но ее трудно уловить въ надлежащей формѣ. Шуппѣ недаромъ жалуются въ своемъ письмѣ къ Авенариусу, что до появленія «Критики чистаго опыта» онъ нигдѣ не находилъ правильнаго пониманія своихъ мыслей. То онѣ казались слишкомъ простыми и элементарными, то слишкомъ парадоксальными и непонятными (До тѣхъ поръ, пока утверждается, что предметъ есть состояніе сознанія,—до тѣхъ поръ все идетъ хорошо; когда же начинается утверждаться, что это состояніе сознанія материально протяженно, что оно находится въ томъ самомъ мѣстѣ пространства, гдѣ оно намъ кажется, тогда—это кажется самымъ парадоксальнымъ софизмомъ.) Это происходитъ потому, что мы слишкомъ привыкли представлять себѣ сознаніе въ видѣ духа, забывая, что «матерія есть такое же сознаніе, какъ и духъ»,... Вѣдь и движеніе есть тоже опредѣленный «родъ сознанія»¹⁾,

1) Cohen. „Etik des reinen Willens“. S. 106. „Bewegung und Denken sind beide Bewusstsein“. „Logik der reinen Erk.“ S. 192 ff.

оно не превращается благодаря этому въ духъ, въ психику и не останавливается въ своемъ движеніи, вылетая вонъ изъ пространственнаго міра. Никогда не пойметъ сущности критической философіи тотъ, кто будетъ представлять себѣ пространство непространственнымъ, а время безвременнымъ на томъ основаніи, что съ трансцендентной точки зрѣнія оба суть формы сознанія; не съ трансцендентной, а съ имманентной точки зрѣнія они являются формами сознанія. Вся парадоксальность кантовскаго утвержденія, что время есть форма сознанія, исчезаетъ, коль скоро мы уяснимъ себѣ, что оно не перестаетъ быть тѣмъ же самымъ, всѣмъ намъ извѣстнымъ временемъ, къ сущности котораго относится только то, что оно созерцается, какъ время. Противъ идеальности времени могутъ возражать еще слѣдующимъ образомъ: состоянія нашего сознанія безусловно реальны и не могутъ быть простой кажимостью, ибо всякая кажимость, какъ таковая, реальна; слѣдовательно, должно быть абсолютно реальное время, въ которомъ могло бы быть и протекать само наше сознаніе со всѣми его формами и фантазіями, время есть условіе самихъ сознательныхъ процессовъ, поэтому не можетъ лежать въ нихъ, а должно быть реально. Конечно, время, въ которомъ протекаютъ всѣ наши состоянія безусловно является самымъ реальнѣйшимъ временемъ; только это реальное время есть не что иное, какъ форма сознанія; она не перестаетъ быть отъ этого тѣмъ самымъ временемъ, въ которомъ все совершается и все протекаетъ; оно безвременно только въ томъ смыслѣ, что само не можетъ быть мыслимо въ какомъ-то другомъ времени, но вѣдь въ такомъ бы положеніи было и всякое трансцендентное время. Въ этомъ смыслѣ время разумѣется безвременно и пространство непространственно, ибо временно и непространственно только то, что лежитъ во времени и пространствѣ; самое же время и пространство суть абстрактные законы послѣдовательности и рядоположности.

Этой реалистической тенденціей отличается всякая система критическаго идеализма отъ до кантовскаго «догматическаго» идеализма. «Критическій идеализмъ соединяетъ идеализмъ и реализмъ въ понятіе опыта ¹⁾, и только это соединеніе и дѣлаетъ его истинно научной системой, ибо только благодаря этому

1) „Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik“. S. 174. „Logik“. 661.

соединенію онъ можетъ претендовать на обоснованіе эмпирическаго знанія. Въ этомъ его положительная цѣнность.

Въ этомъ пунктѣ мы должны коснуться еще одного очень важнаго вопроса. Дѣло въ томъ, что если всякое состояніе воспринимающаго сознанія одинаково объективно, то гдѣ же тогда критерій для отличія истины отъ иллюзіи и дѣйствительности отъ сна? Въ своей полемикѣ съ мечтательнымъ идеализмомъ, уничтожая иллюзорность объективнаго міра, имманентный реализмъ грозитъ намъ другой крайностью: превратить всѣ наши иллюзіи въ реальныя вещи. Гдѣ же критерій истинной реальности? Чѣмъ отличается реальность отъ кажимости?

(Этого критерія нельзя искать въ каждомъ отдѣльномъ воспріятіи, ибо, какъ таковое, оно всегда существуетъ такимъ, какимъ оно мнѣ представляется. Лишь связь его со всею системой опыта можетъ превратить отдѣльное воспріятіе въ иллюзію или обманъ ¹⁾). Если, напр., палка, опущенная въ воду, представляется мнѣ сломанной въ томъ мѣстѣ, гдѣ она выступаетъ надъ поверхностью воды, то само это зрительное впечатлѣніе, изолированное отъ другихъ возможныхъ воспріятій при помощи другихъ чувствъ, напр., осязанія, никогда не можетъ получить характера иллюзорности; для глаза палка остается сломанной. Лишь связь этого зрительнаго впечатлѣнія съ впечатлѣніями другихъ чувствъ, а также со всѣмъ извѣстнымъ мнѣ опытомъ, согласно которому для перелома палки нужны опредѣленные условія и опредѣленная сила, лишь эта связь можетъ характеризовать данное зрительное впечатлѣніе, какъ иллюзію. {Слѣдовательно, критерій истинности и иллюзорности можетъ быть только чисто эмпирическимъ; онъ заключается въ причинной связи и свободѣ отъ противорѣчій ²⁾. То, что дѣйствительно, то должно входить въ систему извѣстныхъ намъ законовъ природы, истинность или дѣйствительность явленія вполнѣ тождественныя съ его законностью. «Если нѣтъ закона, то нѣтъ также и понятія объ истинѣ и лжи, о дѣйствительномъ или недѣйствительномъ» ³⁾. Если бы мы могли изъ своихъ сновъ составить закономѣрную систему, то она ничѣмъ бы не отличалась отъ

1) „Grundriss“, S. 168—176. „Logik“, S. 644—673.

2) „Logik“, 652, 655, 658, 659 и др.

3) „Logik“, S. 657.

дѣйствительности; сны только тѣмъ и отличаются отъ дѣйствительности, что они не подчинены непрерывной каузальной связи. Выработать изъ нашихъ воспріятій стройную и непротиворѣчивую систему—въ этомъ заключается задача науки. Для этого ей въ существѣ дѣла приходится пересоздать весь міръ и лишь то можетъ быть признано съ научной точки зрѣнія истиннымъ и дѣйствительнымъ, что создано самимъ мышленіемъ, какъ членъ этой единой системы міра. Какъ долженъ быть построенъ предметъ, для того, чтобы стало возможнымъ это единство системы міра, какія онъ долженъ пріобрѣсти модификаціи и во что онъ долженъ превратиться—на это философія Шуппе и не пытается дать отвѣта. Это есть основная проблема Марбургской школы, и та глубина и всесторонность, съ какими она здѣсь рѣшается, оставляютъ далеко за собой попытки общей схематизаціи понятій науки, предложенной Шуппе.

До сихъ поръ мы останавливались по преимуществу на понятіи объективности, стараясь показать, что всякая объективность вытекаетъ изъ субъекта и по существу тождественна съ нимъ; теперь обратимъ наше вниманіе на самого субъекта или сознание. Мы уже сказали, что сознание не есть самостоятельная, объективная сущность или субстанція; оно не имѣетъ никакого объективнаго носителя, свойствомъ или состояніемъ котораго оно было бы. Оно, прежде всего, вообще не есть бытіе ¹⁾ (въ смыслѣ во времени протекающаго объективнаго процесса), не есть какая-нибудь существующая вещь, но только чистая дѣятельность сознанія; всякое бытіе становится впервые возможнымъ благодаря этой чистой дѣятельности; бытіе есть ничто внѣ сознанія, ибо оно есть одна изъ формъ сознанія. Такимъ образомъ дѣятельность является первичнѣе бытія ²⁾; послѣднее есть только «ограниченіе» этой дѣятельности сознанія—«ограниченіе» въ вышеизложенномъ смыслѣ опредѣленности сознанія, его проявленности въ опредѣленной формѣ, именно въ формѣ бытія. Эта дѣятельность никогда не переходитъ въ вещь,

1) Это нисколько не противорѣчитъ вышеизложенному принципу тождества; сознание не есть бытіе потому, что оно въ одинаковой мѣрѣ есть и причинность, и необходимость, и пространство, и время и т. д. Бытіе есть одна изъ формъ сознанія.

2) Fichte. 2-te Einleitung in die Wissenschaftslehre. В. I. S. 499.

никогда не выходит за предѣлы самой себя»¹⁾, оно всегда остается дѣятельностью мышленія и вполне исчерпывается ею. Я есть чистый характеръ дѣятельности, превратить его въ вещь, въ бытіе—значить уничтожить самую сущность его, значить превратить его изъ субъекта въ объектъ. Его бытіе исчерпывается дѣятельностью его мышленія, и результатъ этой дѣятельности есть самая же эта дѣятельность, т.-е. мысль, или смыслъ, или единство смысла. «Я есть вмѣстѣ и дѣйствующее и продуктъ дѣятельности»²⁾. «Актъ творенія есть въ то же время и его результатъ»³⁾. Это значить, что мышленіе не имѣетъ никакого носителя и никакого объекта, кромѣ себя самого; въ результатѣ мышленія мы получаемъ единство истиннаго (объективнаго) сужденія, которое по существу своему есть не что иное, какъ тотъ же актъ мысли или актъ смысла; и къ этому акту, какъ таковому, ничего не прибавляется оттого, что онъ завершёнъ и доведенъ до конца; и въ своемъ завершеніи онъ остается только актомъ, т.-е. смысломъ, и отнюдь не превращается въ психическое состояніе, въ вещь или бытіе. Онъ остается значимостью, которая сама себя имѣетъ какъ содержаніемъ, такъ и носителемъ. «Содержаніе дѣятельности есть сама эта дѣятельность»⁴⁾.

Итакъ, сознаніе не есть субстанція, не есть «субстратъ», ибо всякій субстратъ возможенъ только въ сознаніи; поэтому оно отнюдь не совпадаетъ съ древнимъ понятіемъ духа или души; матерія и движеніе суть тоже роды сознанія, однако, они являются явными противоположностями духа. Въ этой полемической тенденціи противъ одухотворенія сознанія и возникъ у Фихте терминъ «дѣятельности», который получилъ впоследствии полныя права гражданства во всей философіи, при чемъ причинилъ ей не мало вреда. Надо помнить, что только въ этой полемикѣ противъ субстанціи онъ и сохраняетъ свой смыслъ и значеніе; по существу же дѣла сознаніе столь же мало является дѣятельностью, какъ и субстанціею; это только картинное выраженіе, истинность и годность котораго заключается лишь въ

1) Gohen. „Logik der reinen Erk.“, S. 26.

2) Cohen. „Logik der reinen Erk.“, S. 26.

3) Fichte. „Grundlage zur gesammten Wissenschaftslehre“.

4) Cohen. „Logik“, S. 50.

его противоположности субстанции и бытію. Дѣятельность сознанія можетъ означать: съ одной стороны логическое единство его смысла ($\sigma\upsilon\upsilon\beta\epsilon\sigma\tau\iota\varsigma\ \epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \epsilon\acute{\iota}\nu$)—и какъ таковое оно разумѣется не есть реальность и не есть дѣятельность въ прямомъ смыслѣ слова, но есть абсолютная тождественность опредѣленнаго состоянія чистаго сознанія; съ другой стороны, какъ у Шуппе, она выражаетъ лишь общее опредѣленіе всего имманентнаго бытія. (Такимъ образомъ сознаніе не есть ни самостоятельная сущность, ни дѣятельность въ прямомъ смыслѣ, ни сила. Оно вообще никакъ не можетъ быть объективировано, ибо всякая объективность предполагаетъ сознаніе и возможна лишь, какъ его конкретное состояніе ¹⁾). Уже по этому одному оно не можетъ быть мыслимо, какъ нѣкоторая «функция» или «организация», ибо всякій организмъ есть объектъ и какъ объектъ возможенъ только въ сознаніи. (Сознаніе есть предѣльный и абсолютный субъектъ, — «субъектъ, который не позволяетъ сдѣлать себя объектомъ» ²⁾); оно никогда не можетъ быть мыслимо въ чемъ-нибудь или на чемъ-нибудь, ибо все должно быть мыслимо въ немъ; сознаніе есть именно внутренняя сущность всѣхъ вещей или общій способъ бытія всѣхъ имманентныхъ объектовъ (*Art des Sinns*). Нельзя прикрѣплять его какъ свойство къ чему-либо другому ³⁾, къ какому-нибудь трансцендентному носителю его, ибо этотъ носитель остается намъ абсолютно неизвѣстнымъ, вѣчнымъ *x*; для мнимаго объясненія того, что намъ является извѣстнѣе всего въ мірѣ, мы должны будемъ постулировать нѣчто, какъ доказываетъ Ремке, втройнѣ неизвѣстное — «и получается что-то логически несуразное, что далеко оставляетъ за собой всѣ прочія темныя дѣянія метафизической спекуляціи» ⁴⁾). Сознаніе есть чисто абстрактный моментъ, «родовое понятіе мышленія» ⁵⁾, по отношенію къ которому всякій объектъ является

1) Однако, мѣстами очень рѣзко проглядывающій у Шуппе психологизмъ приводитъ его иногда къ такимъ утвержденіямъ, согласно съ которыми я безусловно превращается въ объектъ. Такъ, напр., на стр. 92 онъ говоритъ: „Diese Bestimmtheiten (Kategorisch) sind, wenn wir auch das Denken selbst zum Gegenstande der Untersuchung machen, selbst gegeben. Ср. также стр. 112 „Logik“.

2) „Logik“, S. 81.

3) Ремке. „Душа человѣка“. (Изд. „Библиотеки самообр.“). Стр. 44.

4) Тамъ же, стр. 45.

5) Schuppe. „Logik“, S. 90.

лишь его конкретизаціей, спеціальнымъ случаемъ его проявленія. Само по себѣ, какъ изолированная данность, оно не можетъ быть поэтому никогда мыслимо. «Самосознаніе пустого «я» есть полная немыслимость; сознаніе возможно только вмѣстѣ со своимъ содержаніемъ»¹⁾. «Я» безъ опредѣленія есть ничто, «и оно вообще не существуетъ». Мы не можемъ дать этому понятію никакихъ опредѣленій, ибо всякое опредѣленіе будетъ его специфической формой. Оно не есть бытіе, ибо бытіе есть лишь частный случай общаго понятія «сознаніе», оно не есть также и абсолютное ничто, ибо ничто возможно тоже только, какъ особая форма сознанія, его категорія, оно не есть единство, ибо въ одинаковой мѣрѣ оно есть множество. Оно есть «самая бѣдная содержаніемъ вещь изъ всего міра»²⁾. Въ немъ есть только одно не подлежащее никакому описанію опредѣленіе— оно есть именно сознаніе. Конструкція этого понятія у Шуппэ и Фихте очень напоминаетъ древне-плотиновское понятіе субстанции, какъ единой, примиряющей въ себѣ всѣ противоположности сущности, лишенной всякихъ опредѣленныхъ качествъ. «Изъ самой сущности этого понятія вытекаетъ, что абстрактный моментъ «я», какъ субъектъ, не можетъ имѣть абсолютно никакого содержанія. Если бы что-нибудь могло быть найдено, какъ его признакъ, то мы должны были бы сознать этотъ признакъ, и тогда онъ принадлежалъ бы уже «я»—объекту»³⁾. Сознаніе есть все и въ то же время ничто; оно есть самое общее опредѣленіе имманентнаго бытія и, какъ таковое, является, абсолютной неопредѣленностью и пустотой»⁴⁾. Въ этомъ смыслѣ Гегель былъ правъ, когда онъ отождествлялъ чистое бытіе съ чистымъ ничто⁵⁾; именно, поскольку чистое бытіе есть чистая форма имманентнаго существованія, оно есть совершенно пустое, лишенное всякаго содержанія и всякаго опредѣленія сознаніе вообще; и какъ абсолютная неопредѣленность и пустота, оно разумѣется является чистымъ ничто. И однако въ то же время оно есть «все», ибо оно есть абсолютное начало всего (міръ есть саморазвитіе абсолютной идеи). Сознаніе есть «обладатель»

1) Fichte. 1-te Einleitung. B. I. S. 428.

2) Schuppe. „Logik“, S. 89.

3) „Grundriss“. S. 28.

4) Hegel. „Vollständige Ausgabe“. B. III. „Logik“, S. 78.

5) Hegel. „Logik“. B. III. S. 82.

всего, какъ выражаетъ ту же мысль Шуппэ, и отличается отъ другихъ обладателей только тѣмъ, что не можетъ быть мыслимо безъ обладаемой вещи, т.-е. безъ своего содержанія или объекта. «Его бытіе исчерпывается его обладаніемъ»¹⁾, такъ формулируетъ Шуппэ всѣ эти мысли.

Изъ всего этого вытекаетъ ясное слѣдствіе, что если сознание не есть бытіе, то оно не есть и психическое явленіе или психическій индивидуумъ. «Я и индивидуальность,—говоритъ Фихте,—суть два совершенно различныя понятія». Все психическое есть и остается всегда объектомъ мышленія, предметомъ познанія; оно возникаетъ въ процессѣ научной обработки объективной эмпирической дѣйствительности и только наука (а не непосредственное сознаніе) можетъ выполнить это раздѣленіе міра на физическій и психическій; до этой научной обработки нѣтъ никакого психическаго сознанія; есть только міръ и «я». Психическій индивидуумъ, есть, слѣдовательно, продуктъ научной рефлексіи и принципиально отнюдь не отличается отъ физическихъ предметовъ, такъ какъ онъ возникъ изъ того же міра объективной дѣйствительности. Индивидуумъ есть всегда опредѣленное содержаніе сознанія и, слѣдовательно, не можетъ включить въ себя никакого другого содержанія, ни на какое другое не можетъ быть направленъ, кромѣ себя самого. Онъ никогда не можетъ стать чистымъ сознаніемъ, ибо онъ всегда остается его содержаніемъ. Абсолютный же субъектъ, само сознаніе, никогда не можетъ быть мыслимо, какъ психическій объектъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы принуждены были бы для этого объекта снова постулировать субъектъ и т. д. до бесконечности; при чемъ этотъ процессъ субъективированія либо могъ бы быть доведенъ до конца—тогда мы достигли бы субъекта познанія, который уже самъ не можетъ быть объектомъ, что и требовалось доказать; либо этотъ процессъ остается бесконечнымъ—тогда весь міръ превращается въ бесконечный рядъ объектовъ безъ субъекта, что невозможно. Сознаніе, какъ абсолютный субъектъ, никогда не можетъ стать объектомъ и никогда не можетъ превратиться въ психическую, существующую вещь. Если «мы» существуемъ, то мы существуемъ всегда, какъ объекты мышленія, какъ содержанія сознанія; въ психологическомъ

1) Schuppe. „Grundriss der Erkenntnisstheorie, S. 23.

смыслѣ «мы» суть не что иное, какъ часть объективной дѣйствительности; какъ мыслящіе же и познающіе субъекты мы не обладаемъ существованіемъ, а именно только мышленіемъ. Лишь постольку можно сказать, что мышленіе и познаніе существуютъ, поскольку они живутъ и проявляются въ своихъ объектахъ, поскольку они превращаются въ объекты. Существуютъ только объекты сознанія—физическіе или психическіе безразлично; само же сознаніе не есть объектъ; поэтому оно не можетъ быть разсмотрѣно, какъ нѣчто протекающее во времени, нѣчто реально существующее. «Поскольку мы мыслимъ, мы являемся однимъ и тѣмъ же чистымъ мышленіемъ¹⁾ и постольку мы возвышаемся надъ сферой психическаго и предметнаго вообще. Поскольку мы мыслимъ, поскольку мы являемся сознаніемъ, постольку мы не существуемъ. *Cogito ergo non sum*. Кажущаяся парадоксальность этого слѣдствія устраняется простымъ словеснымъ преобразованиемъ декартовской формулы: «*cogitatus sum ergo sum*»—это можно сказать; но «*sum cogitans*» является безусловно порожденіемъ гносеологической наивности. Покуда мы стоимъ на точкѣ зрѣнія временной объективности, до тѣхъ поръ мы не имѣемъ понятія сознанія и только понятіе вещей. Понятіе сознанія рождается только тамъ, гдѣ вещи разсматриваются *sub specie aeternitatis*. «Одно безусловно ясно,—говоритъ Мейстеръ Экхартъ,—всякое время должно быть удалено тамъ, гдѣ должно произойти это рожденіе»²⁾.

Г. Когенъ и вся такъ называемая Марбургская школа³⁾ дѣлаетъ отсюда недопустимое слѣдствіе: она отрицаетъ возможность эмпирической психологіи. Этому отрицанію Когенъ далъ краткое выраженіе въ основномъ требованіи своей «Логики»: *Also fort mit der Bewusstheit*⁴⁾. «*Bewusstheit*⁵⁾ ist Mythos, Bewusst-

1) Не надо забывать, что „мы“ отличаемся другъ отъ друга только какъ объекты, но не какъ субъекты.

2) Meister Eckhart. Herausgeg. von Büttner (переводъ съ древне-нѣмецкаго), стр. 2.

3) Въ особенности Paulsen, «Das Problem der Empfindung. Phil. Arbeiten, herausgegeben von Cohen und Natorp», S. 241—355.

4) Н. Cohen, „Logik der reinen Erkenntniss“, S. 365.

5) Мы отказываемся здѣсь передать этотъ сложный терминъ марбургской философіи на русскій языкъ, ибо всякій русскій терминъ безъ предварительныхъ и обстоятельныхъ объясненій долженъ вызвать недоразумѣнія. По опредѣленію Наторпа („Allgemeine Psychologie in Leitsätzen“, S. 4) онъ выра-

sein ist Wissenschaft¹⁾—таковъ одинъ изъ наиболѣе блестящихъ и наиболѣе опасныхъ афоризмовъ его «Логики». Однако, это есть ошибочная крайность. Нельзя просто отрицать реальность психологическаго субъекта; нужно только точно установить его сущность, перенести его въ мѣръ объектовъ и разсматривать его, какъ часть объективной дѣйствительности. Психологическій индивидуумъ есть опредѣленное «содержаніе» сознанія, болѣе или менѣе «постоянное переживаніе», для Шуппе—«вещь»²⁾, для Авенариуса—«Е—значеніе», т.-е. опредѣленный комплексъ сознательныхъ элементовъ. Но ни одно содержаніе не можетъ имѣть другое содержаніе своимъ содержаніемъ; это непосредственно слѣдуетъ изъ самаго понятія содержанія, какъ «ограниченія» или «конкретизаціи», ибо ограниченное и конкретное нельзя снова ограничивать и конкретизировать; поэтому всякое отношеніе къ «содержанію» для психическаго индивидуума совершенно исключено.

Авенариусъ былъ первымъ изъ имманентныхъ философовъ, выполнѣ сознательно сдѣлавшій это слѣдствіе; Шуппе лишь впоследствии въ своемъ письмѣ къ Авенариусу расписался подъ его мыслями, указывая, что и въ «Логикѣ» уже онъ принципиально придерживался того же взгляда и лишь «неосторожность» въ выборѣ нѣкоторыхъ терминовъ и выражений оставили его мысли скрытыми для большинства читателей. Можетъ быть онъ и правъ отчасти; никогда ничего не высказывается сразу и выполнѣ ясно, а связь между Шуппе и Авенариусомъ бросается въ глаза всякому, даже независимо отъ вышеупомянутаго письма. Однако, несомнѣнно, что въ непониманіи читателей виновата не одна «неосторожность», но и нѣкоторыя принципиальныя цѣлостно-вательности въ самой системѣ его. Если бы онъ выполнѣ въ смыслѣ Авенариуса считалъ психическое «я» только объектомъ, ему бы никогда не пришло, напр., въ голову представлять «сознаніе вообще» въ видѣ абстракціи отъ индивидуальныхъ сознаній, ибо это сознаніе можетъ быть въ одинаковой мѣрѣ абстракціей отъ

жаеть отношеніе объекта къ общему сознательному центру „я“, т.-е., иными словами, чувство принадлежности даннаго содержанія субъекту, или, короче, „чувство сознанныости“. Какъ психическое состояніе оно ближе всего выражается авенариусовскимъ терминомъ „преваленціала“.

1) Cohen. „Logik“, S. 366.

2) Schuppe. „Grundriss“, S. 139—140.

всякаго бытія и относится къ психическому индивидууму не иначе, чѣмъ къ любому другому предмету, о чемъ рѣчь впереди. Авенариусъ, повидимому, первый высказалъ вполне ясно тѣ смутныя намеки, которые имѣются у Шуппэ. «Было бы уступкой въ словоупотребленіи сказать: я нахожу въ наличности съ избранной точки зрѣнія составную часть среды... составная часть среды есть мое находящееся у меня въ наличности. Обозначаемое словомъ «я» само есть не что иное, какъ нѣчто данное въ наличности и при томъ данное въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ, напр., обозначаемое словомъ «дерево». Значить, невѣрно, будто обозначаемое словомъ «я» находитъ дерево: нѣтъ, обозначаемое словомъ «я» и дерево одинаково суть содержанія одного и того же находящагося налицо». «А также невѣрно будто дерево дано мнѣ»¹⁾. Такимъ образомъ физическій міръ отнюдь не отражается въ нашей психикѣ и отнюдь не познается посредствомъ нея или въ ней; онъ является столь же непосредственнымъ содержаніемъ сознанія, какъ и сама наша психика. Нельзя сказать, что индивидуумъ представляетъ себѣ объективный міръ или объективируетъ его; можно сказать только, что уже объективно представленный міръ вступаетъ въ опредѣленные отношенія къ индивидуальности, какъ къ вполне опредѣленному. и въ свою очередь въ сознаніи объективированному комплексу Е—значеній, т.-е. опредѣленныхъ содержаній или переживаній.

Чтобы уяснить себѣ на первый взглядъ нѣсколько странныя мысли, нужно только привыкнуть къ нѣсколько иному способу отношенія къ міру и къ своему собственному индивидуальному «я». Весь міръ объективной, эмпирической дѣйствительности состоитъ изъ элементовъ ощущенія и представленія, которые тяготеютъ къ опредѣленному центру, который мы называемъ индивидуумомъ и который самъ состоитъ изъ такихъ же объективныхъ элементовъ, отличающихся отъ первыхъ только тѣмъ, что въ нихъ преобладаютъ элементы чувства и воли. Въ этомъ центрѣ всемірнаго метафизическаго тяготѣнія лежатъ точки наиболѣе сконцентрированной объективности; здѣсь протекаютъ наиболѣе сильныя процессы представленій и чувствъ,—всѣ ощущенія и всѣ «гдѣ-то» внутри неопредѣленно локализованныя настроенія вступаютъ здѣсь въ самыя сложныя отношенія другъ съ другомъ

¹⁾ Avenarius, „Der menschliche Weltbegriff“, § 143.

и съ тѣмъ сложнѣйшимъ комплексомъ «элементовъ» и «характеровъ», который въ этомъ процессѣ вѣчной смѣны остается болѣе или менѣе постояннымъ моментомъ и который мы называемъ нашимъ «я». Самъ индивидуумъ есть, слѣдовательно, не что иное, какъ весьма сложное и сравнительно постоянное переживание (Е—значеніе), которое принципиально отнюдь не отличается отъ остальныхъ Е—значеній, изъ которыхъ состоитъ весь чувственный міръ; онъ есть объектъ среди другихъ объектовъ, такое же «преднаходимое» (Vorgefundenes), какъ и всякая другая вещь. Весь міръ разумѣется лежитъ «внѣ него и только связанъ съ нимъ своеобразными, часто неподдающимися описанію психическими отношеніями, которыя съ большей или меньшей силой господствуютъ во всемъ мірѣ непосредственной дѣйствительности¹⁾ и отличаются отъ чисто пространственныхъ и механическихъ отношеній, господствующихъ въ мірѣ научной дѣйствительности, своимъ ассоціативнымъ характеромъ и своею способностью всегда выступать въ свѣтѣ нашего личного «я», такъ или иначе воздействуя на его состояніе. Ни въ коемъ случаѣ нельзя сказать, что элементы объективной дѣйствительности, которые образуютъ окружающую индивидуумъ среду, находятся, сознаются или представляются имъ; они такъ же непосредственно, какъ и самъ индивидуумъ находятся и сознаются «самимъ сознаниемъ» и только, какъ уже сознанные, могутъ вступать съ индивидуумомъ въ опредѣленные отношенія и опредѣленнымъ образомъ модифицировать его состоянія. Мое личное «я» заключено въ рамки моего тѣла, моихъ воспоминаній и представленій и никогда не можетъ включать «въ себя» всего безконечнаго міра

¹⁾ Эта непосредственно воспринимаемая, эмпирическая дѣйствительность отнюдь не подчиняется только механическимъ законамъ, ибо, какъ мы уже сказали, она можетъ быть разсмотрѣна съ другой (не-механической) точки зрѣнія, въ другой связи, именно въ связи съ нашимъ тѣломъ и нашимъ психическимъ я. Въ этой связи она является объектомъ не физики, а психологии и подчиняется совершенно другимъ законамъ. Одно изъ этихъ двухъ законодательствъ отнюдь не мѣшаетъ и не нарушаетъ необходимости другого, до тѣхъ поръ, пока оно не совершаетъ незаконнаго вторженія въ чужую область. Одно и то же явленіе можетъ быть разсмотрѣно одинъ разъ какъ физическій предметъ въ его отношеніи къ другимъ предметамъ, другой разъ какъ воспріятіе въ его ассоціативной связи съ нашими представленіями.

ощущений и, получающагося въ результатѣ его научной обработки, міра атомовъ и силъ.

(Въ этихъ пунктахъ наиболѣ сконцентрированной объективности (въ индивидуумъ) лежитъ максимумъ сознательности, употребляя терминъ Авенариуса—максимумъ преваленціальной характеристики; отсюда и возникаетъ эта иллюзія, будто индивидуумъ сознаетъ и познаетъ міръ.) Именно максимумъ преваленціала съ одной стороны и сравнительное постоянство и связность—съ другой, и вызываютъ, по всей вѣроятности, эту иллюзію. На самомъ же дѣлѣ индивидуальность является такимъ же объектомъ, какъ и всѣ другіе и предполагаетъ уже то общее сознание, которое дѣлаетъ впервые возможнымъ его отношеніе къ другимъ объектамъ.)

Такимъ образомъ міръ сознается по существу дѣла не индивидуальнымъ «я», а тѣмъ же самымъ сознаниемъ, которымъ сознается и само это «я». Сознание наводняетъ весь міръ, ибо міръ есть міръ сознания. Оно не можетъ быть рассмотрѣно, какъ особая прерогатива опредѣленнаго рода объектовъ психическихъ ибо всѣ объекты суть объекты сознания. Съ другой стороны ни одинъ объектъ не можетъ быть «носителемъ» сознания и именно потому, что онъ есть объектъ, а не субъектъ. Какъ нельзя интроецировать сознания внутрь человѣческаго тѣла, такъ же незаконно вкладывать его внутрь психической индивидуальности. Эта психологическая интроекція является догматической, сама собой понятной предпосылкой всѣхъ гносеологическихъ системъ, не исключая даже Авенариуса. Психологическому субъекту интроецируется сознание, онъ признается за собственного и непосредственнаго носителя ячности (Ichheit). Даже Авенариусъ и Риккертъ, которые столь ясно сознали объективность психическаго, не остаются чуждыми этой наивной концепціи ¹⁾. Они оставляютъ безъ вниманія, что объектъ, «преднаходимое», никогда не можетъ быть рассмотрѣнъ въ силу своей объективности, какъ субъектъ, какъ тотъ, кто находитъ.

(Философія должна разъ навсегда отвергнуть всякую интроек-

¹⁾ У. Авенариуса эта концепція является его фундаментальной точкой зрѣнія, такъ какъ онъ не знаетъ никакого другого сознания, кромѣ психическаго. У Риккерта же эмпирическое сознание является даже собственнымъ носителемъ и творцомъ науки. См. Rickert. «Gegenstand der Erkenntniss» 4 IV. S. 205—228.

цію какъ она невозможна въ области физическаго, такъ же невозможна она и въ области психическаго.) Наша психика принадлежитъ къ міру объектовъ и, какъ объектъ, находится всегда въ сознаниіи и не можетъ включатьъ сознаниіа въ себя. Сознаніе имманентно всему міру, такъ же и въ томъ же смыслѣ, какъ оно имманентно физическому міру. Но не наоборотъ!—ни одинъ объектъ не можетъ быть носителемъ сознаниіа въ смыслѣ интроспекціи. Весь міръ есть міръ сознаниіа, но отсюда нельзя дѣлать панпсихическаго вывода, что весь міръ сознателенъ. Также и психическій міръ есть міръ сознаниіа, но отнюдь недопустимо обратное утвержденіе, что сознаніе имманентно нашей психикѣ. Сознаніе не нуждается ни въ какомъ носителѣ, кромѣ себя самого, и не можетъ имѣть никакого основанія внѣ себя самого. Его отношеніе къ предмету совершенно непосредственно и отнюдь не совершается при помощи человѣческой психики. Согласно вышеизложенной точкѣ зрѣнія, сознаніе предмета есть самъ предметъ, только, такъ сказать, въ его философскомъ освѣщеніи; сознаніе предмета есть совокупность истинъ о предметѣ, а истина не можетъ быть отдѣлена отъ предмета и вложена во что-то другое отъ него отличное въ нашу психику, откуда она начинается предъявлять свои странныя претензіи на предметъ.

Выдвигать нашу душу, какъ посредника между міромъ и сознаниемъ, значить не разрѣшать вопроса, а лишь отодвигать его; ибо мы спрашиваемъ дальше: какъ возможно это отношеніе сознаниіа къ нашей психикѣ? Вѣдь психика есть тоже предметъ! Посредствомъ чего же конструируется сама наша психика? Можетъ быть посредствомъ другой высшей психики?! Но тогда мы вынуждены постулировать величайшую логическую бессмысленность—бесконечный рядъ психическихъ субъектовъ!—Нѣтъ! не существуетъ никакого посредника между сознаниемъ и его предметомъ и не можетъ никакого существовать. «Я» продуцируетъ само изъ себя, спонтанно, при помощи собственныхъ категорій «Не-я». Въ этомъ заключается сущность всякой категоріи, что она необходимо объективируетъ свое содержаніе, что она субъекта, т.-е. самое себя, дѣлаетъ объектомъ. («Не-я» есть то же самое «Я», рассмотрѣнное только съ другой стороны, именно со стороны своей временной, пространственной и категоріальной опредѣленности; и, наоборотъ, субъектъ есть тотъ же объектъ, рассмотрѣнный только *sub specie aeternitatis*.) Оба

принципіально различны и въ то же время всегда тождественны; оба представляютъ только двѣ стороны одного и того же мірового единства.

Если же мы переносимъ наше индивидуальное «я» въ міръ объектовъ, то мы лишаемъ его всякаго нозѣтического ¹⁾ отношенія къ міру истины, такъ какъ познать истину можетъ только субъектъ, ибо онъ самъ есть не что иное, какъ совокупность и сознательное единство категорій истины, только не въ заоченѣлой формѣ логическихъ значимостей, а живомъ ихъ участіи въ самомъ объектѣ, такъ сказать, въ ихъ дѣятельности; психологическій же субъектъ теряетъ всякую возможность познавать, въ истинномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ въ немъ не лежитъ ни одной категоріи, но онъ самъ конституируется изъ категорій. Изъ нозѣтического процесса познанія онъ превращается въ процессъ жизни; въ немъ остается только лишенная всякаго логического смысла игра представленій и чувствъ, которая достаточна для жизненнаго поддержанія организма въ его борьбѣ за существованіе, но совершенно неспособна замѣнить логическое познаніе истины. (Психологически мы никогда не имѣемъ истины, а всегда лишь чувство истинности или очевидности, которымъ мы живемъ и согласно съ которымъ дѣйствуемъ, хотя нерѣдко оно можетъ вводить насъ и въ заблужденіе, и въ обманъ.) Мы совершенно не понимаемъ, какъ можетъ быть открытъ и найденъ въ этой психической реальности, въ этомъ «чувствѣ» хоть какой-нибудь слѣдъ логической значимости!

Само собой понятно, что идеальное единство истины и познанія не можетъ стоять ни въ какомъ отношеніи къ чувству; это такъ же понятно, какъ то, что гвоздь не есть паннихида, и что 2×2 не есть стеариновая свѣча. Въ одинаковой мѣрѣ познаніе не можетъ быть низведено на степень представленія ²⁾, такъ какъ представленіе есть всегда нѣчто въ высокой степени сложное, познаніе же есть единство, а единство никогда не можетъ быть составлено изъ независимыхъ частей. Стоитъ только

¹⁾ Мы употребляемъ здѣсь этотъ терминъ въ смыслѣ Гуссерля, у котораго нозѣтическими, въ отличіе отъ идеальныхъ, называются условія познанія. Мы употребляемъ здѣсь терминъ „нозѣтическія отношенія“ въ смыслѣ „познавательныхъ отношеній“.

²⁾ Cohen, „Logik der reinen Erkenntniss“, S. 20 ff.

внимательнѣе вдуматься въ то, что называется единствомъ смысла, чтобы стало яснымъ его отличие отъ процесса представленія.

Такимъ образомъ психологическій индивидуумъ теряетъ всякую возможность познавать. Какъ объектъ познанія, онъ никогда не можетъ стать субъектомъ его. Всякое отношеніе къ «содержанію» для психологическаго индивидуума исключено. Эта гносеологическая позиція ведетъ, конечно, къ полному преобразованію понятія познанія. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ возможности въ журнальной статьѣ остановиться на этомъ подробнѣе. Мы вполнѣ понимаемъ то чувство недоумѣнія, которое могутъ вызвать наши утвержденія о логической «безсмысленности» индивидуума, и вмѣстѣ съ этимъ и наша точка зрѣнія универсальной имманентности, но здѣсь мы должны ограничиться лишь основными тезисами ея и попытаться теперь еще устранить нѣкоторыя наиболѣе бросающіяся въ глаза возраженія.

(Нѣтъ познанія въ обычномъ смыслѣ этого слова, какъ творящаго предметъ и отъ него отличнаго процесса; оно вполнѣ тождественно со своимъ предметомъ. Существуетъ только міръ и ничего нѣтъ внѣ него; но этотъ міръ есть міръ сознанія; и это сознаніе міра есть его познаніе. Познаніе предмета есть самъ предметъ, только разсмотрѣнный съ другой стороны, именно со стороны его категоріальнаго состава.)

На эту теорію можно найти очень простое возраженіе. Я утверждаю, что психологически нѣтъ никакого познанія; откуда же я знаю всѣ тѣ истины, которыя я только что считалъ истинными? Какъ я могу что-нибудь утверждать, если я всякое утверженіе считаю невозможнымъ? Я же считаю эту теорію истинной? — Ни въ какомъ случаѣ, отвѣчаю я. Я лично ничего не утверждалъ; имѣется только такая теорія, и она сознается и познается не мною, а самимъ сознаніемъ. Но гдѣ же лежитъ критерій ея истинности?—спросятъ меня дальше. Я отвѣчаю на это: вопросъ о критеріи не существуетъ для сознанія вообще; если кто-нибудь спрашиваетъ о критеріи истины, то онъ спрашиваетъ о критеріи для себя, а не для сознанія. Для меня, какъ для психическаго индивидуума, существуютъ только относительныя истины, или лучше сказать относительно постоянныя убѣжденія. Я, какъ психическій индивидуумъ, могу въ свои собственныя теоріи только вѣрить. Лишь постольку, поскольку я есмь сознаніе, я есмь сама теорія и не нуждаюсь ни въ какихъ

убѣжденіяхъ, ни въ какой вѣрѣ и даже не могу тогда имѣть ихъ, ибо они, какъ чувства, суть объекты. Теорія никогда не зависитъ ни отъ какого убѣжденія; она есть само сознание, которое сознаетъ свою собственную сущность. Въ области же психическихъ явленій эта теорія, какъ и всякая другая, есть лишь колеблющееся убѣжденіе вѣры. И поскольку я лично считаю ее истиной, она является вполне относительной; но въ этомъ случаѣ меня не имѣютъ права спрашивать объ основаніяхъ, по которымъ я считаю ее истинной, но могутъ только изслѣдовать причины, которыя привели меня къ тому, что я вѣрю въ нее. Если же обращаются ко мнѣ, какъ къ сознанию вообще и спрашиваютъ о критеріи истинности этой теоріи, то для меня остается тогда вопросъ непонятнымъ, ибо я—сама эта теорія и вполне тождественъ съ ея значимостью. Познаніе не есть убѣжденіе и не есть чувство; оно есть непосредственное сознание истины, непосредственное объектъ-бытіе; сопровождается ли этотъ объектъ въ его отношеніи къ моей психикѣ чувствомъ истинности или ложности, это для самого объекта совершенно безразлично; онъ есть объектъ, есть познаніе, хотя я лично и могу считать его ложнымъ. Теорія познанія не есть теорія убѣжденія; ея объектъ есть не убѣжденіе, а познаніе, которое съ убѣжденіемъ не имѣетъ ничего общаго. Теорія познанія не есть личное убѣжденіе, а само сознание.

Мнѣ могутъ возразить еще слѣдующее: вы же согласитесь, что существуютъ ложныя теоріи познанія; на какомъ же основаніи вы считаете именно эту теорію истинной? Я отвѣчаю опять: вопросъ не имѣетъ никакого смысла, ибо онъ смѣшиваетъ два совершенно различныхъ понятія. Объективныя основанія этой теоріи приведены выше; но мое считаніе ея за истинную не имѣетъ ничего общаго съ этими основаніями. Мое считаніе ея за истинную, моя вѣра въ нее не имѣетъ никакихъ основаній, но только причины. Съ основаніями могутъ, разумѣется, спорить; я протестую только противъ плачевной аргументаціи, что, если я отрицаю возможность психическаго познанія, если я являюсь абсолютнымъ скептикомъ въ области психологіи, то я не имѣю права выставлять никакихъ теорій. Теорія есть одно, а мое убѣжденіе, моя вѣра въ эту теорію есть нѣчто принципиально другое, лежащее въ абсолютно несоизмѣримой области. Теорія можетъ быть истинной, хотя бы я лично и ничего не познавалъ.

По какимъ основаніямъ я считаю данную теорію за истинную?!—Такой вопросъ не можетъ быть поставленъ. Я не могу считать какую-нибудь теорію за истинную по основаніямъ, но только по причинамъ; наоборотъ, теорія сама не имѣетъ ничего общаго съ этими причинами; она истинна не по причинамъ, а по основаніямъ.—Таково субъективное оправданіе нашего психологическаго индифферентизма. Относительно объективныхъ основаній мы можемъ ожидать слѣдующаго возраженія. Познаніе уже потому не можетъ быть тождественно съ предметомъ, что тѣ предикаты, которые приложимы къ познанію, совершенно не подходятъ къ его предмету. «Связь истинъ отлична отъ связи вещей, которыя въ этихъ истинахъ являются истинными; это явствуетъ тотчасъ же изъ того, что истины объ истинахъ не совпадаютъ съ истинами о вещахъ, которыя въ тѣхъ истинахъ положены». Сознаніе непространственно, внѣвременно и т. д.; какъ же оно можетъ быть тождественно съ предметомъ, если послѣдній всегда пространственъ и находится во времени?

Отчасти на это нами уже данъ былъ отвѣтъ; именно, мы сказали, что сознаніе можно считать непространственнымъ и внѣвременнымъ только въ томъ смыслѣ, что оно есть само пространство и время. Кромѣ того мы должны сказать, что мы утверждаемъ только теоретико-познавательную, а не логическую тождественность. Логически, т. е. какъ субъектъ возможныхъ предикацій, предметъ всегда и принципиально отличенъ отъ сознанія. Но различіе есть въ способахъ разсмотрѣнія. Одно и то же міровое единство можетъ быть разсмотрѣно съ двухъ точекъ зрѣнія, —одинъ разъ объективно, другой разъ субъективно; въ обоихъ случаяхъ мы получаемъ совершенно различныя системы истинъ.

Первый (объективный) способъ разсмотрѣнія (сознанія самимъ собою) даетъ систему науки, второй (субъективный)—систему философіи. Въ первомъ случаѣ мы получаемъ «Я», какъ вѣчную необходимость природы, во второмъ—«Я», какъ вѣчную свободу и необоснованность. Въ абсолютномъ и свобода, и необходимость, разумѣется, совпадаютъ.

Такова была основная мысль всей нѣмецкой спекулятивной философіи. Она проходитъ красной нитью по всѣмъ сочине-

1) Husserl, „Logische Untersuchungen“, В. I, S. 229.

ніямъ Фихте, Шеллинга и Гегеля. Не слѣдуетъ бояться этихъ спекулятивныхъ терминовъ: «абсолютное», «свобода» и т. д. Они не столь метафизичны даже у самихъ основателей спекулятивной философіи, какъ это могло бы казаться на первый взглядъ. И Фихте, и Шеллингъ и Гегель должны быть понимаемы въ свѣтѣ современной гносеологии, — тогда метафизика ихъ отступаетъ на задній планъ и исчезаетъ въ свѣтѣ современныхъ идей. Разсматривать міръ подъ видомъ свободы вовсе не значитъ разсматривать его какъ произволъ, или какъ результатъ какого-то сверхъестественнаго хотѣнія. Это значитъ только разсматривать его какъ сознаніе или истину, *sub specie veritatis*. Философія ищетъ не временное начало міра, а его гносеологическое происхожденіе и обоснованіе. Сознаніе является не реальной причиной міра, а его идеальнымъ условіемъ; и если въ ряду реальныхъ причинъ мы не имѣемъ права постулировать безусловное¹⁾, то въ ряду идеальныхъ условій мы неизбѣжно приходимъ къ этому безусловному, которое и есть не что иное какъ высшее основоположеніе я, т.-е. само единство сознанія или истины. Какъ высшее основоположеніе, оно не имѣетъ условій, оно безусловно; а это значитъ — оно свободно, т.-е. свободно отъ условій. Другого смысла терминъ «свобода» имѣть не можетъ. Напрасно люди науки такъ упорно протестуютъ противъ этой пресловутой свободы. Они думаютъ, что эта свобода вмѣшивается въ естественный и необходимый ходъ вещей и претендуетъ что-нибудь измѣнить въ результатѣ ихъ научныхъ изслѣдованій. Эти претензіи философія давно оставила. Область науки остается неприкосновенной и въ своемъ теченіи неограниченной. Въ сферѣ «вещей» мы всегда остаемся физиками, химиками, зоологами, психологами и т. д. Философія не претендуетъ на изученіе вещей — физическихъ или психическихъ безразлично; ея объектъ есть сознаніе, которое не есть «вещь», а сама наука. Поэтому между обоими способами разсмотрѣнія міра не существуетъ никакого противорѣчія, покуда они остаются на своихъ мѣстахъ и не вторгаются другъ въ друга. Пояснимъ это на примѣрѣ.

¹⁾ Понятіе безусловнаго объекта, „Unbedingtes Ding“, является по Шеллингу противорѣчивымъ понятіемъ. См. Schelling, „Gesamtausgabe, B. I, S. 149—244 „Vom Ich als Princip der Philosophie oder über das Unbedingte im menschlichen Wissen“. S. 3.

Окружность имѣетъ выпуклость и вогнутость. Выпуклость не есть вогнутость и наоборотъ, хотя онѣ и представляютъ лишь одно и то же математическое единство; онѣ тождественны, такъ какъ существуетъ только одна поверхность круга.) И однако онѣ различны, ибо характеризуютъ эту поверхность съ различныхъ сторонъ. Или возьмемъ примѣръ изъ области социальныхъ наукъ. Парламентъ мы можемъ разсматривать либо со стороны его причиннаго происхожденія и историческаго развитія, либо со стороны его социально-юридическихъ функций. Въ первомъ случаѣ мы разсматриваемъ его въ ряду причинъ какъ членъ этого причиннаго ряда, во второмъ случаѣ мы разсматриваемъ его какъ государственный органъ, какъ членъ телеологическаго ряда.) Въ первомъ случаѣ мы спрашиваемъ «почему?»—во второмъ мы спрашиваемъ «для чего?».) Въ обоихъ случаяхъ мы получимъ относительно одного и того же социального явленія «парламентъ» двѣ различныхъ системы истинъ—социальную и политическую.

Точно такъ же обстоитъ дѣло съ міромъ. Существуетъ философское и естественно-научное разсмотрѣніе міра, или лучше: философская и естественно-научная система міра. Какъ историческій символъ этой двойственной тождественности является вѣчное раздѣленіе философіи и науки.

Г. Ланць.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

Бархинъ, К. Поэзія А. В. Кольцова. Одесса. 1909. Ст. 32.

Богдановъ, А. Паденіе великаго фетишизма. (Современный кризисъ идеологіи.) Вѣра и наука. (О книгѣ В. Ильина. «Материализмъ и эмпириокритицизмъ»). Москва. 1910. Ст. 223. Ц. 1 р. 25 к.

Герье, В. Блаженный Августинъ. Москва. 1910. Ст. XV+682. Ц. 3 р. 50 к.

Ивановскій, Вл. Н. Ассоціационизмъ психологической и гносеологической. Историко-критическое изслѣдованіе. Часть I. Казань. 1909. Ст. XVII+127. Ц. 2 р.

Коротковъ, Н. «Въ вихрѣ мысли». Москва. 1909. Ст. 303. Ц. 1 р.

Ницше, Фридрихъ. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Москва. 1909. Московское книгоиздательство. Подъ ред. пр. Э. Зелинского, С. Франка, Г. Рачинскаго и Я. Бермана. Ст. XXXVIII+426. Ц. 3 р.

Пфендеръ, Александръ. Введеніе въ психологію. Перев. съ нѣм. I. А. Давыдова. Спб. 1909. Ст. VII+368. Ц. 2 р.

Судницынъ, Д. Краткій историческій обзоръ главнѣйшихъ философскихъ ученій. Съ приложеніемъ «Краткаго введенія въ философію». Вып. I и II. Ст. XII+175. Владиміръ. 1902. Ц. каждого выпуска 60 к.

Теодоровичъ, К. Педагогическая и психологическая хрестоматія. Выпускъ I. Воспитаніе. Лодзь. 1900. Ст. 142. Ц. 35 к.

Фальенбергъ, Рихардъ. Исторія новой философіи. Пер. подъ ред. и съ предисл. прив.-доц. Моск. универс. Д. В. Викторова. Москва. 1909. Ст. XXX+573. Ц. 3 р. 75 к.

Foussier, George. Essais sur la connaissance. 2 edition. Paris. 1909. Ст. II+270. Ц. 3 фр. 50 с.

Циркуляръ по Одесскому учебному округу. № 9. Одесса. 1909.

Ягодинскій, Ив. Генетическій методъ въ логикѣ. Казань. 1909. Ст. 360. Ц. 2 р.

Московское Психологическое Общество.

ССХLV. Протоколъ очередного (закрытаго, съ гостями) за- сѣданія 25 апрѣля 1909 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. вечера въ залѣ Правленія Университета, подѣ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества: Н. А. Абрикосова, Н. П. Корелиной, В. П. Сербскаго, Г. И. Челпанова, Г. Г. Шпетта, члена соревнователя: А. В. Бломеріусъ и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Сторонній посѣтитель Общества, д-ръ М. Б. Кроль прочелъ рефератъ подѣ заглавіемъ: «Объ апраксіи» (съ демонстраціей больныхъ.)

3) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, Г. И. Челпановъ и Л. М. Лопатинъ.

Засѣданіе было закрыто въ 11¹/₂ ч. вечера.

ССХLVI. Протоколъ распорядительнаго собранія 23 мая 1909 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. вечера въ залѣ Правленія Университета, подѣ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ К. Н. Бернштейна, П. Б. Ганнушкина, Н. П. Ко-

Вопросы философіи, кн. 100.

релиной, П. Н. Новгородцева, Г. И. Россолимо, П. П. Соколова, В. М. Хвостова, Г. И. Челпанова и Г. Г. Шпетта.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Обсуждался вопросъ о празднованіи 25-лѣтія со дня основанія Общества, имѣющаго быть въ январѣ 1910 года. Послѣ обмѣна мнѣній рѣшено было устроить одно торжественное засѣданіе Общества въ январѣ 1910 года, когда исполнится 25 лѣтъ со дня основанія Общества. Что касается содержанія предполагаемаго засѣданія, то на немъ должны быть прочитаны: отчетъ, составленный секретаремъ Общества о дѣятельности Общества за истекшія 25 лѣтъ, и рѣчи, посвященныя характеристикѣ различныхъ философскихъ дисциплинъ за послѣднія 25 лѣтъ. Ораторами этого засѣданія были намѣчены слѣдующія лица: Л. М. Лапатинъ (для рѣчи по отдѣлу философіи), Г. И. Челпановъ (для рѣчи по отдѣлу психологіи), П. И. Новгородцевъ и кн. Е. Н. Трубецкой (для рѣчи по отдѣлу этики и философіи права), В. И. Вернадскій, или Н. А. Умовъ, или И. Ф. Огневъ (для рѣчи по отдѣлу натурфилософіи). Такъ какъ изъ дальнѣйшаго обмѣна мнѣній выяснилось, что присутствующіе не могутъ вполне объединиться въ пониманіи характера предположительныхъ рѣчей, ихъ числа и ихъ отношенія къ различнымъ отдѣламъ философіи, то собраніе постановило сдѣлать всѣ эти вопросы предметомъ спеціальнаго обсужденія въ одномъ изъ осеннихъ засѣданій Общества.

3) Г. И. Челпановъ внесъ предложеніе организовать, въ связи съ исполняющимся 25-лѣтіемъ существованія Общества, Всероссийскій Психологическій Съѣздъ въ Москвѣ. При этомъ Г. И. Челпановъ сообщилъ о прежнихъ попыткахъ созвать Психологическій съѣздъ (въ связи съ исторіей Петербургскихъ съѣздовъ по Педагогической Психологіи).

Послѣ обмѣна мнѣній собраніе постановило организовать въ Москвѣ Всероссийскій Психологическій Съѣздъ въ апрѣлѣ (на Пасхѣ) 1911 года. Объ этомъ постановленіи Общества поручено было членамъ Общества сдѣлать сообщеніе на предстоящемъ 2 Всероссийскомъ съѣздѣ по Педагогической Психологіи въ С.-Петербургѣ.

4) Г. И. Челпановъ внесъ предложеніе о желательности (въ виду предстоящей реформы гимназій) организовать, отъ имени Психологическаго Общества, анкету среди преподавателей философской пропедевтики относительно результатов преподаванія за истекшіе 4 года. Для выработки этой анкеты и для разработки предполагаемаго матеріала, по мнѣнію Г. И. Челпанова, должна быть выбрана особая комиссія, при чемъ проектъ анкеты долженъ быть подвергнутъ предварительному обсужденію на предстоящемъ 2 Всероссийскомъ съѣздѣ по педагогической Психологіи въ С-Петербургѣ. Собраніе приняло это предложеніе Г. И. Челпанова и просило принять участіе въ комиссіи слѣдующихъ лицъ: Г. И. Челпанова, Н. Д. Виноградова, П. П. Соколова, Г. И. Россолимо, А. Н. Бернштейна, Г. Г. Шпетта.

5) По предложенію А. Н. Бернштейна собраніе постановило принять участіе въ предстоящемъ чествованіи И. И. Мечникова. Общество постановило послать депутацію, въ составъ которой должны войти слѣдующія лица: Л. М. Лопатинъ, Г. И. Челпановъ и А. Н. Бернштейнъ.

Засѣданіе было закрыто въ 12 ч. ночи.

ССХLVII. Протоколъ очередного (закрытаго, съ гостями) засѣданія 26-го сентября 1909 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. вечера, въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Д. В. Викторова, Н. П. Корелиной, С. А. Котляревскаго, П. Д. Первова, Д. М. Петрушевскаго, В. П. Сербскаго, В. М. Хвостова, Г. И. Челпанова, члена-соревнователя С. Г. Шахъ-Назарова и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Л. М. Лопатинъ сообщил о кончинѣ дѣйствительныхъ членовъ Общества А. С. Бѣлкина и С. Н. Успенскаго и охарактеризовалъ дѣятельность почившихъ въ качествѣ членовъ Общества. По предложенію Л. М. Лопатина, собраніе почтило память почившихъ вставаньемъ.

2) Дѣйствительный членъ Общества В. М. Хвостовъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Предметъ и методъ социологіи».

3) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, С. А. Котляревскій и Г. И. Челпановъ.

4) По окончаніи преній предсѣдатель выразилъ референту благодарность, отъ имени всѣхъ присутствующихъ, за глубоко интересный докладъ.

5) Въ закрытой части засѣданія былъ прочитанъ и утвержденъ протоколь предшествующаго засѣданія.

6) Г. И. Челпановъ сообщилъ текстъ анкеты (относительно преподаванія философской пропедевтики), выработанный особой комиссіей и одобренный 2 Всероссийскимъ Съездомъ по Педагогической Психологіи. Послѣ обмѣна мнѣній Собраніе утвердило текстъ анкеты, внесши въ него два дополненія: а) относительно удлинненія срока для представленія отвѣтовъ (до 1-го декабря) и б) относительно предоставленія свободы отвѣчать не на всѣ, а только на нѣкоторые вопросы.

Засѣданіе было закрыто въ 12 ч. ночи.

П о л е м и к а.

Къ вопросу о сѣздѣ по педагогической психологіи и комментаріяхъ Г. И. Челпанова.

Въ послѣдней книжкѣ (№ 99) «Вопросовъ Философіи и Психологіи» Г. И. Челпановъ напечаталъ свой докладъ, читанный на послѣднемъ петербургскомъ сѣздѣ по педагогической психологіи, дополнивъ его обширными подстрочными примѣчаніями, касающимися какъ нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности сѣзда; такъ и меня лично. Характеръ обвиненій, предъявляемыхъ Г. И. Челпановымъ ко мнѣ и сотрудникамъ руководимой мною лабораторіи, не позволяетъ оставить ихъ безъ отвѣта.

Г. И. Челпановъ длинными выписками изъ статьи Вундта старается убѣдить насъ, что нельзя «безъ всякой подготовки» реформировать воспитаніе и обученіе и что «новыя задачи въ педагогикѣ» можно ставить только при условіи «всесторонняго образованія». Охотно признаемъ это и безъ ссылки на Вундта, точно такъ же, какъ безъ ссылки на журналъ Штерна готовы признать необходимость того, чтобы во главѣ хотя бы самыхъ маленькихъ психологическихъ лабораторій стояли специально подготовленныя лица.

Что же дальше?.. Г. И. Челпановъ обвиняетъ насъ «въ резчуръ ревностномъ стремленіи распространять лабораторіи по экспериментальной дидактикѣ среди русскихъ педагоговъ», при чемъ излагаетъ дѣло такъ, будто мы, способствуя учрежденію психологическихъ лабораторій и кабинетовъ при учебныхъ заведеніяхъ и педагогическихъ кружкахъ, «гордимся» чисто внѣшнимъ успѣхомъ дѣла и до такой степени не заботимся о научной подготовкѣ руководителей этихъ лабораторій, что профессору Челпанову, какъ стоящему, по его выраженію, «на стражѣ

научности», приходится вмѣшаться въ это дѣло, печатно «предостеречь» руководителей петербургской лабораторіи отъ опаснаго «увлеченія», а російскіе педагогическіе комитеты отъ «соблазна».

Но, стоя на стражѣ научности, не слѣдуетъ забывать и простой справедливости, которая, казалось бы, въ данномъ случаѣ должна была напомнить Г. И. Челпанову слѣдующіе факты, хорошо извѣстные всѣмъ участникамъ нашихъ съѣздовъ по педагогической психологіи.

1) Петербургская лабораторія экспериментальной педагогической психологіи организована при Педагогическихъ курсахъ военно-учебнаго вѣдомства, гдѣ воспитатели и преподаватели кадетскихъ корпусовъ, подъ руководствомъ завѣдующаго лабораторіей, не только знакомятся съ основными методами современной экспериментальной психологіи, но изучаютъ довольно обширный общій курсъ психологіи (въ связи съ исторіей этой науки), параллельно съ особыми курсами физиологіи, исторіи педагогики и школьной гигиены.

2) Въ 1904 г. руководители этой лабораторіи организовали спеціальныя педагогическіе курсы съ цѣлью распространить среди русскихъ педагоговъ (и за предѣлами военно-учебнаго вѣдомства) знанія по экспериментальной психологіи и связаннымъ съ нею наукамъ. На этихъ курсахъ, непрерывно существовавшихъ въ теченіе трехъ лѣтъ, *ежедневно* читались лекціи и велись практическія занятія по экспериментальной психологіи, физиологіи, анатоміи, гистологіи, психопатологіи, общей психологіи въ связи съ ея исторіей, психологіи дѣтства, школьной гигиенѣ, исторіи педагогики, статистикѣ. Впослѣдствіи эти курсы нашли себѣ сочувственный откликъ въ Москвѣ, гдѣ (при Педагогическомъ собраніи) съ 1906 г. стали организоваться лекціи по педологіи, въ чтеніи которыхъ принимали участіе и «руководители петербургской лабораторіи». Результатомъ этихъ лекцій была организація при Московскомъ педагогическомъ собраніи спеціальной лабораторіи, сотрудники которой, во главѣ съ приватъ-доцентомъ Московскаго Университета А. Н. Бернштейномъ, сочли возможнымъ печатно заявить, что въ своей дѣятельности они хотѣли бы слѣдовать примѣру нашей петербургской лабораторіи («Труды Психологической лабораторіи при Московскомъ пед. собраніи», 1909).

3) Независимо отъ постоянныхъ петербургскихъ «педологическихъ» курсовъ непрерывно функционировавшихъ въ теченіе трехъ лѣтъ, съ сентября по май, нами организовались въ каникулярное время спеціальныя курсы для преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній: лѣтомъ 1906 г. въ Петербургѣ, на Пасхѣ 1907 г.—въ Нижнемъ-Новгородѣ, лѣтомъ 1907—опять въ Петербургѣ и лѣтомъ 1909 г. въ Самарѣ. На всѣхъ этихъ курсахъ читались лекціи по психологіи, физиологіи и психопатологіи (иногда еще по школьной гигиенѣ), при чемъ велись бесѣды относительно литературы предмета и устраивались практическія занятія съ цѣлью выяснить теоретическія основы техники психологическихъ экспериментовъ и дать возможность наглядно почувствовать сложность задачъ экспериментально-психологическаго изслѣдованія.

4) Въ 1907 г. Петербургскіе педологическіе курсы, налаженные «руководителями петербургской психологической лабораторіи», были реформированы въ Педагогическую Академію, которая съ прошлаго 1908 года начала свою дѣятельность. Преподаваніе психологіи (въ частности экспериментальной) и связанныхъ съ нею наукъ (анатоміи, гистологіи, физиологіи, психопатологіи, исторіи философіи) поставлено здѣсь настолько широко, что, напр., въ настоящемъ полугодіи на занятія одной только психологіей (не считая смежныхъ съ нею наукъ) удѣляется 15 недѣльныхъ часовъ.

5) Организуя курсы и лекціи по экспериментальной психологіи и педагогикѣ, сотрудники нашей лабораторіи все время прилагали усилія къ тому, чтобы поддерживать среди педагоговъ интересъ къ изученію научной литературы. Со этой цѣлью нами непрерывно давались рефераты о выдающихся сочиненіяхъ по экспериментальной психологіи и педагогикѣ, дѣлались обзоры главнѣйшихъ результатовъ работъ въ данномъ направленіи, переводились цѣлыя сочиненія иностранныхъ авторовъ и публиковались собственныя посильныя изслѣдованія.

6) Оба всероссійскихъ съѣзда по педагогической психологіи были организованы тѣми же лицами, которыхъ Г. И. Челпановъ называетъ «руководителями петербургской психологической лабораторіи»:

7) Въ 1909 году «руководители петербургской психологической лабораторіи», желая координировать и углубить дѣятель-

ность отдѣльныхъ лицъ и кружковъ, заинтересованныхъ экспериментальной педагогикой, организовали специальное «Общество экспериментальной педагогики», которое своей ближайшей задачей поставило выработку научныхъ плановъ и методовъ экспериментально-педагогическихъ изслѣдованій и научной подготовки изслѣдователей. Вполнѣ сознавая большую отвѣтственность, лежащую въ данномъ случаѣ на Обществѣ, его правленіе обратилось къ цѣлому ряду русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, работающихъ въ области экспериментальной психологіи и научной педагогики съ просьбой вступить въ число почетныхъ членовъ Общества и не отказаться быть въ курсѣ всей нашей дѣятельности. Такимъ образомъ, мы сознательно ставимъ не только наши печатныя работы, но и предварительные планы нашихъ изслѣдованій подъ строгій контроль широкой научной критики. Въ число почетныхъ членовъ нашего Общества былъ приглашенъ и Г. И. Челпановъ, у котораго мы просили разрѣшенія своевременно представлять его вниманію (какъ и другимъ нашимъ почетнымъ членамъ) всѣ планы и предварительныя пробы методовъ изслѣдованій, которыя мы намѣрены будемъ затѣмъ пропагандировать.

Всѣ эти справки (изъ которыхъ Г. И. Челпановъ не узнаетъ, конечно, ничего новаго) могутъ пригодиться безпристрастному читателю для сужденія о томъ, насколько общій характеръ дѣятельности нашей лабораторіи долженъ вызывать опасенія «стоящихъ на стражѣ научности».

Я не захотѣлъ бы возражать, если бы Г. И. Челпанову угодно было доказывать, что наше научное направленіе кажется ему ложнымъ, что мы недостаточно освѣдомлены въ нашемъ матеріалѣ, мало талантливы или недостаточно глубоки въ своихъ изслѣдованіяхъ.¹ Но отрицать, что мы дѣлаемъ непрерывныя и добросовѣстныя усилія къ распространенію психологическаго образованія среди русскихъ педагоговъ, и печатно напоминать *именно намъ* о необходимости специальной «подготовки» и «всесторонняго образованія» для педагоговъ Г. И. Челпановъ не имѣлъ достаточныхъ оснований.

Конечно, для педагогическихъ совѣтовъ, къ которымъ апеллируетъ теперь Г. И. Челпановъ, будетъ импозантно звучать его фраза, что преподаватели гимназій, которые уже завели у себя психологическія лабораторіи, на съѣздѣ «не нашли поддержки

въ лицѣ А. П. Нечаева» (стр. 308). Но по этому поводу я могу только выразить радость, что всѣ наши пренія съ Г. И. Челпановымъ были стенографированы. Когда выйдетъ печатный отчетъ, всѣ желающіе смогутъ убѣдиться, что я велъ себя на сѣздѣ честно, не скрывая и предъ лицомъ проф. Челпанова того, что провожу въ своей общественной жизни и печатныхъ трудахъ.

Въ своихъ комментаріяхъ къ сѣзду Г. И. Челпановъ усиленно старается кого то убѣдить, что его выступленія на сѣздѣ имѣли успѣхъ, и выражаетъ недовольство образомъ дѣйствій предсѣдателя В. М. Бехтерева, который, слѣдуя общепринятымъ культурнымъ обычаямъ, пожелалъ въ своей заключительной рѣчи взять примирительный тонъ и, съ благодарностью вспомнивъ докладъ проф. Челпанова, давшій поводъ къ оживленнымъ и поучительнымъ преніямъ, прибавилъ, что «въ великомъ спорѣ между теоретиками и экспериментаторами не оказалось ни побѣжденныхъ, ни побѣдителей». «Если предсѣдатель, — замѣчаетъ по этому поводу Г. И. Челпановъ, — принимавшій участіе въ преніяхъ, объявляетъ, что противникъ не былъ въ состояніи побѣдить его, то вѣдь это равносильно провозглашенію себя непобѣдимымъ».. (стр. 307). Дѣйствительно, со стороны нашего предсѣдателя было бы большой неосторожностью провозглашать себя непобѣдимымъ только потому, что его не побѣдилъ даже самъ Г. И. Челпановъ. Но вѣдь о непобѣдимости вообще, независимо отъ даннаго сѣзда, никто не говорилъ.. Г. И. Челпановъ однако не довольствуется признаніемъ себя «непобѣжденнымъ». Ему непремѣнно хочется быть «побѣдителемъ». «Съ своей стороны, — говоритъ онъ, — могу привести безспорныя доказательства того, что на сѣздѣ были лица, согласныя со мною. Послѣ сѣзда мною было получено отъ участниковъ сѣзда письмо, покрытое 70 подписями, въ которомъ они выражаютъ солидарность съ высказанными мною взглядами» (стр. 308). Однако, вообще говоря, такая переписка «послѣ сѣзда» едва ли можетъ представлять особый общественный интересъ. Что Г. И. Челпановъ на сѣздѣ не былъ одинокъ со своими взглядами, — объ этомъ никто не споритъ. Но возможно ли сочувствіе 70 лицъ изъ 400 считать «безспорнымъ доказательствомъ» побѣды — это для насъ еще большой вопросъ.

Наблюдая быстрое и широкое распространеніе интереса къ экспериментальной психологіи среди педагоговъ и вида, что при

этомъ педагоги не только пассивно воспринимаютъ попадающій къ нимъ матеріалъ, но желаютъ, по возможности, и сами принять участіе въ активной работѣ,—Г. И. Челпановъ предостерегаетъ ихъ отъ «дилетантизма» и предлагаетъ педагогамъ для спасенія науки «отъ профанаци», во-первыхъ, оставить попытки къ самостоятельнымъ работамъ въ лабораторіяхъ и, во-вторыхъ, помнить, что «есть еще огромная область психологіи теоретической и психологіи генетической, которыя могутъ доставить необычайно богатый матеріалъ для самостоятельныхъ исследований» (306). Чтобы окончательно удержать педагоговъ отъ соблазна увлечься экспериментальными работами, Г. И. Челпановъ обѣщаетъ даже, взамѣнъ распространяемыхъ нашей лабораторіей аппаратовъ, составить особую (такъ сказать, безопасную) коллекцію психологическихъ приборовъ, которая будетъ годиться только для демонстрацій (303, прим. 1).

Итакъ, оказывается, что только одна «теоретическая» психологія, которую, по словамъ Г. И. Челпанова, можетъ «самостоятельно разрабатывать всякій интересующійся» (307), застрахована отъ дилетантизма. Только для этой, такъ называемой «теоретической» психологіи Г. И. Челпановъ дѣлаетъ исключеніе, не опасаясь вводить сюда пресловутую «роскошь полузнаній». Самостоятельная разработка теоретической психологіи «всякимъ интересующимся», но при непремѣнномъ условіи не дѣлать даже попытокъ къ самостоятельному пользованію экспериментально-психологическимъ методомъ—вотъ въ чемъ видитъ проф. Челпановъ цѣлесообразное средство избавить науку отъ грозящихъ ей опасностей... Не рѣшаясь взять на себя непосильную задачу выясненія логической стороны такой постановки вопроса, я могу только съ интересомъ ждать, что по этому пункту скажутъ сами педагоги.

Въ заключеніе замѣчу, что, съ моей точки зрѣнія, для представителей университетской науки въ настоящее время было бы болѣе благодарной задачей направить свои силы не на преслѣдованіе дилетантизма (на почвѣ котораго, какъ мы знаемъ, нерѣдко вырастаетъ вполнѣ глубокой научный интересъ), а на борьбу съ невѣжествомъ. Конечно, дилетантизмъ—не наука, но онъ неизбѣжный спутникъ прогресса, создающій благоприятную атмосферу уваженія къ научному знанію,—атмосферу, которая позволяетъ истиннымъ ученымъ не только стоять на стражѣ своей науки, но и бодро идти навстрѣчу потребностямъ жизни.

Александръ Нечаевъ.

„Нужны ли психологическія лабораторіи для самостоятельныхъ изслѣдованій при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“?

Отвѣтъ А. П. Нечаеву.

По поводу моей статьи «О задачахъ современной психологіи» А. П. Нечаевъ въ своей замѣткѣ, печатаемой выше, нашелъ нужнымъ перечислить всѣ заслуги С.-Петербургской психологической лабораторіи и ея руководителей въ дѣлѣ распространенія психологическихъ знаній. Такъ какъ я ни въ своемъ докладѣ на съѣздѣ, ни въ своей статьѣ этого вопроса совершенно не затрогивалъ, то, признаюсь, я совсѣмъ не понимаю, для чего А. П. Нечаеву нужно было объ этомъ говорить. Я думаю, что А. П. Нечаевъ долженъ былъ бы разсмотрѣть мои аргументы противъ психологическихъ лабораторій въ средней школѣ. Вѣдь, именно этотъ вопросъ является спорнымъ. Мои аргументы просты и немногочисленны. Для завѣдыванія этими лабораторіями нужны специально подготовленные къ тому лица. Наши преподаватели психологіи съ высшимъ историко-филологическимъ образованіемъ не могутъ считаться лицами специально подготовленными для экспериментально-психологическихъ изслѣдованій. Выводъ ясенъ самъ собой.

Я утверждаю, что А. П. Нечаевъ на съѣздѣ не говорилъ прямо, что онъ считаетъ преподавателей психологіи настолько подготовленными, чтобы считать ихъ специалистами, могущими производить спеціальныя изслѣдованія. Въ этомъ смыслѣ я думаю, что А. П. Нечаевъ не поддержалъ педагоговъ, которые завели у себя лабораторіи для изслѣдованія умственныхъ способностей учащихся. Въ отвѣтъ на это А. П. Нечаевъ ссылается на то, что въ скоромъ времени выйдетъ *стенографическій* ¹⁾

¹⁾ Я изумленъ, узнавъ, что наши пренія на съѣздѣ были стенографированы, потому что я свои возраженія и замѣчанія самъ воспроизводилъ, и дѣлалъ

отчетъ съѣзда, изъ котораго читатели убѣдятся, что А. П. Нечаевъ, по его словамъ, «велъ себя на съѣздѣ честно!» Для меня неясно, хочетъ ли А. П. Нечаевъ этимъ сказать, что онъ дѣйствительно на съѣздѣ говорилъ прямо, что считаетъ препятствія, на которыя я указывалъ, несуществующими. Вѣдь говоря, что изъ стенографическаго отчета читатели убѣдятся, что я въ чемъ-то неправъ, А. П. Нечаевъ, повидимому, хочетъ сказать, что я не точно передаю то, что говорилось на съѣздѣ, но я думаю, А. П. Нечаевъ хорошо понимаетъ, что въ случаѣ сомнѣній, т. наз. *стенографическій* отчетъ не можетъ служить *безспорнымъ* документомъ.

Если А. П. Нечаевъ заинтересованъ тѣмъ, чтобы читатели «Вопросовъ Философіи и Психологіи» признали его правоту, то зачѣмъ онъ отсылаетъ ихъ къ стенографическому отчету, который когда-то долженъ выйти и который навѣрное не попадетъ въ руки большинства читателей «Вопросовъ Философіи и Психологіи», когда онъ могъ здѣсь же, въ этой статьѣ прямо сказать, что онъ дѣйствительно считаетъ вполне цѣлесообразнымъ открытіе указанныхъ психологическихъ лабораторій. Онъ этого не сказалъ и здѣсь, потому что, принимая тѣ *посылки*, которыя онъ принимаетъ, онъ дѣйствительно этого *не можетъ* сказать.

Разсмотримъ эти посылки.

Первая посылка. «Руководителями лабораторій должны быть специалисты». А. П. Нечаевъ въ печатаемой имъ здѣсь замѣткѣ говоритъ: «мы готовы признать необходимость того, чтобы во главѣ хотя бы самыхъ маленькихъ лабораторій стояли специально подготовленныя лица».

Вторая посылка. «Преподаватели психологіи среднихъ учебныхъ заведеній не суть специально подготовленныя лица». Эта посылка очевидна для всѣхъ и въ томъ числѣ для А. П. Нечаева. Очень густой туманъ аргументаціи, созданный перечисленіемъ всѣхъ заслугъ С.-Петербургской психологической лабораторіи и указаніемъ того, что въ Педагогической академіи въ *текущемъ* году читается 15 недѣльныхъ часовъ психологіи, все-

это по предложенію бюро организаціоннаго комитета. Если у нихъ былъ достовѣрный стенографическій отчетъ, зачѣмъ они заставляли меня воспроизводить мои возраженія и отвѣты?

таки не въ состояніи настолько затемнить глаза читателей, чтобы они не видѣли, что всѣ эти просвѣтительныя блага совсѣмъ не касаются тѣхъ 47 завѣдующихъ лабораторіями, уже функционирующими. (Помнится, эта цифра лабораторій была названа на сѣздѣ.)

Это совершенно очевидно вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній. «С.-Петербургская лабораторія экспериментальной педагогической психологіи,—говоритъ въ печатаемой здѣсь статьѣ А. П. Нечаевъ,—организована при педагогическихъ курсахъ военно-учебнаго вѣдомства, гдѣ воспитатели и преподаватели *кадетскихъ корпусовъ* изучаютъ экспериментальную психологію». Теперь открываемъ «Ежегодникъ по экспериментальной педагогикѣ» за 1909 годъ. На стр. 82 мы находимъ, что изъ 23 среднихъ учебныхъ заведеній, имѣвшихъ психологическія лабораторіи, кадетскій корпусъ только *одинъ*. Слѣдовательно, только одинъ преподаватель прошелъ ту школу, которая, по мнѣнію А. П. Нечаева, дѣлаетъ специалистовъ психологіи. Если процентное отношеніе сохранилось ко времени сѣзда, то лабораторіи русской средней школы имѣли только *двухъ* специалистовъ. Гдѣ же изучали экспериментальныя приемы изслѣдованія другіе 45 преподавателей (или около того)? Они, въ лучшемъ случаѣ, знакомились съ экспериментально-психологическими методами изслѣдованія на лѣтнихъ курсахъ въ Петербургѣ, *длящихся около 1½ недѣли*. Если А. П. Нечаевъ для подготовки специалистовъ по психологіи организуетъ чтеніе по психологіи по 15 часовъ въ недѣлю для лицъ, занимающихся годъ или два, то нужно думать, что онъ не считаетъ специалистами, *которые могутъ стать во главѣ лабораторій, лицъ, изучающихъ экспериментальныя методы изслѣдованія 1½ недѣли*.

Итакъ, А. П. Нечаевъ допускаетъ слѣдующія двѣ посылки:

1) Только специалисты могутъ завѣдывать психологическими лабораторіями.

2) Преподаватели психологіи среднихъ учебныхъ заведеній не суть специалисты по экспериментальной психологіи.

Какой отсюда слѣдуетъ выводъ, очевидно для всякаго. Для меня также очевидно, что А. П. Нечаевъ, допуская обѣ эти посылки, никакъ не можетъ произнести той фразы, отсутствіе которой во время преній на сѣздѣ я ставилъ ему въ упрекъ.

А. П. Нечаевъ, по его словамъ, съ интересомъ ждетъ, что

«по этому пункту скажутъ сами педагоги». Я не раздѣляю интереса А. П. Нечаева, ибо совершенно ясно предвижу два возможныхъ отвѣта. Одни педагоги скажутъ, что они вовсе не занимаются изслѣдованіемъ умственныхъ способностей учащихся, что они пользуются психологическими приборами только для демонстрацій. Мое отношеніе къ лабораторіямъ этого типа въ статьѣ выяснено въ достаточной мѣрѣ. Другіе педагоги въ оправданіе цѣлесообразности психологическихъ лабораторій скажутъ, что они, руководясь указаниями сборника, составленнаго сотрудниками С.-Петербургской лабораторіи: «Методъ экспериментальнаго изслѣдованія личности», собираютъ матеріалы, которые какъ они надѣются, имѣютъ серьезное научное значеніе; ихъ воодушевляетъ сознаніе, что они принимаютъ посильное участіе въ разрѣшеніи научныхъ вопросовъ; что они только тогда и заинтересовались психологіей, когда познакомились съ экспериментальной психологіей; что они такъ успѣшно занимаются экспериментально-психологическими изслѣдованіями, что даже иногда ставятъ психологическіе диагнозы, что эти диагнозы безошибочны, и т. п. (Будетъ очень жаль, если въ стенографическомъ отчетѣ будетъ отсутствовать рѣчь того педагога «изъ далекой окраины», какъ онъ самъ о себѣ говорилъ, который съ презрѣніемъ относился ко всякой теоріи и который въ своей лабораторіи производилъ чудеса, подобныя только что приведеннымъ.) Я вотъ съ интересомъ жду, что А. П. Нечаевъ скажетъ по поводу такихъ изслѣдованій и что сами педагоги скажутъ А. П. Нечаеву черезъ нѣсколько лѣтъ, когда убѣдятся въ полной бесплодности своихъ изслѣдованій!

Я думаю, что напрасно А. П. Нечаевъ съ интересомъ ждетъ, что по этому вопросу скажутъ сами педагоги. На мой взглядъ, пусть педагоги и не трудятся высказывать свое мнѣніе о пригодности лабораторій, пусть лучше они сами прислушаются къ мнѣнію *специалистовъ*. Вундтъ высказался. Другіе нѣмецкіе авторитеты не замедлятъ высказаться, когда и у нихъ дѣло дойдетъ до того, до чего дошло у насъ.

Г. Челпановъ.

Материалы для журнальной статистики.

Въ 1909 г. экземпляры журнала „ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ“ распределялись по мѣсту подписки слѣдующимъ образомъ:

№ №	ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ.	экз.	№ №	ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ.	экз.
1	Кіевская	44	46	Иркутская	7
2	Херсонская	39	47	Калужская	7
3	Харьковская	28	48	Уфимская	7
4	Таврическая	24	49	Минская	6
5	Варшавская	23	50	Рязанская	6
6	Области Войска Донск.	23	51	Акмолинская	5
7	Казанская	22	52	Гродненская	5
8	Екатеринославская . . .	20	53	Енисейская	5
9	Лифляндская	20	54	Псковская	5
10	Томская	18	55	Ковенская	4
11	Нижегородская	17	56	Кутаисская	4
12	Смоленская	17	57	Олонекская	4
13	Вольнская	16	58	Архангельская	3
14	Вилевская	16	59	Ставропольская	3
15	Курская	16	60	Сыръ-Дарьинская	3
16	Саратовская	16	61	Тобольская	3
17	Тифлисская	15	62	Черноморская	3
18	Владимірская	14	63	Эстляндская	3
19	Вятская	14	64	Эриванская	2
20	Московская	14	65	Батумская	2
21	Полтавская	14	66	Елизаветпольская	2
22	С.-Петербургская	14	67	Могилевская	2
23	Бессарабская	13	68	Петроковская	2
24	Вологодская	13	69	Подольская	2
25	Воронежская	12	70	Радомская	2
26	Орловская	12	71	Сувальская	2
27	Черниговская	12	72	Амурская	1
28	Ярославская	12	73	Дагестанская	1
29	Оренбургская	11	74	Курляндская	1
30	Пермская	11	75	Карская обл.	1
31	Невенская	11	76	Самаркандская обл.	1
32	Тверская	11	77	Семирѣченская	1
33	Витебская	10	78	Уральская	1
34	Кубанская	10	79	Ферганская	1
35	Приморская	10	80	Якутская	1
36	Тамбовская	10			
37	Тульская	10			
38	Новгородская	9		Итого по губерніямъ	783
39	Выборгская	8	II	Москва	195
40	Костромская	8	III	С.-Петербургъ	169
41	Симбирская	8	IV	За границу	40
42	Самарская	8			
43	Терская	8		Итого .	1187
44	Астраханская	7			
45	Забайкальская	7		(Безпл. и обмѣнныхъ).	136

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, РЕЦЕНЗИЙ и ЗАМѢТОКЪ,

НАПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ ЖУРНАЛѢ

„Вопросы Философіи и Психологіи“ за двадцатилѣтіе 1889—1909 г. *)

- Абрикосовъ, Н. А.—Отношеніе между со-
пціологіей и психологіей. LXX, 867—
876. Autobiography by Alexander Bain.
London. 1904. LXXV. 739 — 740. —
Рецензіи: — Brain, p. 53. IX, 76—78;
p. 54 и 55. XIII, 39—41; p. 57. XIV,
72—74; Philosophical Review, январь
1892 г., т. I, № 1 — XII, 53 — 54. —
Классификація характеровъ Рибо (ст.
Рибо въ № 11 Revue philosophique
1892 г.). XVII, 65—70. — Sanity and
Insanity. By Charles Mercier. London.
1890. VII, 85 — 91. — В. Kidd. Social
Evolution. Lond. 1894. XXV, 699—
702. Franclin Henry Giddings. The
Principles of Sociology. New-York.
1896. XXXVI, 172—175.
- Аврелинъ, М. К. — Секретъ творчества.
(Замѣтка.) XVII, 113—129.
- Адольфъ, А. В.—Рецензіи: — Windelband.
Geschichte der alten Philosophie. Nor-
dingen 1888. I, 93—94. — Lud. Stein.
Die Erkenntnisstheorie der Stoa. Ber-
lin. 1889. I, 94—95.
- Айхенвальдъ, Ю. И.—Очеркъ этическихъ
воззрѣній Н. Я. Грога. LI, 61 — 73.
Рецензіи: Ch. Adam. La philosophie
en France (première moitié du XIX
siècle). Paris. 1894. XXVIII, 369—
372. — Revue philosophique de la
France et de l'étranger. 1894 г. №№ 7—
12. XXXII, 157—166; 1895 г. №№ 1—
6. XXXIII, 351—357; 1895 г. №№ 7—
12. XXXVI, 187—197; 1896 г. №№ 1—
8. XXXVIII, 535—557; 1896 г. №№ 9—
12. XXXIX, 704—711; 1897 г. №№ 1—
7. XLIII, 214—280; 1897 г. №№ 7—
12. XLIV, 329—350; 1898 г. №№ 1—
4. XLV, 439—447; 1898 г. №№ 5—
8. XLVII, 192—204; 1898 г. №№ 9—
12. XLVIII, 339—350; 1899 г. №№ 1—
4. XLIX. 429—436. — И. Тонъ. Фран-
цузская философія первой половины
XIX вѣка. Переводъ съ 6-го франц.
изданія Ю. В., подъ редакціей Е. Васъ-
ковскаго. Издан. юридическаго книж-
наго магазина Н. К. Мартынова. Слб.
1896. XXXIII, 333—336. — Философ-
скія теченія русской поэзіи. Составилъ
П. Перцовъ. Слб. 1896. XXXIV,
485—491. — Афоризмы изъ сочиненій
Герберта Спенсера. Перевелъ съ ан-
глійскаго А. Гойжевскій, подъ ред.
Вл. Соловьева. Слб. 1896. XXXIV,
492—493. — Александръ Введенскій.
Условіе допустимости вѣры въ смыслъ
жизни. Слб. 1896. XXXVI, 167—170. —
А. О. Кони. За послѣдніе годы. Слб.
1896. XXXVI, 171—172. — Alois Riehl.
Friedrich Nietzsche—der Künstler und
der Denker. Frommanns Klassiker der
Philosophie. Stuttgart. 1897. XXXIX,
697 — 701. — Harald Höffding. Sören
Kirkegaard. Harald Höffding. Rous-
seau und seine Philosophie. Otto Gaupp.
Herbert Spencer (Frommanns Klassi-
ker der Philosophie). XL, 784—793. —
Friedrich Paulsen. Immanuel Kant.

*) Номера книгъ журнала за всѣ двадцать лѣтъ обозначены римскими цифрами (I—C). Страницы перваго отдѣла отмѣчены обыкновеннымъ шрифтомъ, а втораго отдѣла—курсивомъ.

- Sein Leben und seine Lehre. Stuttgart, 1898. (Frommanns Klassiker der Philosophie.) Та же книга въ русскомъ переводѣ Н. Лосскаго. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. XLVII, 160—171. — Письмо въ редакцію (отвѣтъ І. Гобчанскому). XLVII, 207—210. (Извѣстія и замѣтки.) В. В. Розановъ. Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Спб. 1899. — Литературные очерки. Сборникъ статей. Спб. 1899. LII, 176—185. Johannes Volkelt. Arthur Schopenhauer. Seine Persönlichkeit, seine Lehre, sein Glaube. Mit Bildniss. Stuttgart, 1900. (Frommanns Klassiker der Philosophie.) LVII, 151—159. А. П. Нечаевъ, приватъ-доцентъ Императорскаго Спб. университета. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. Съ 79 таблицами въ текстѣ. Спб. 1901. LIX, 403—415. Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Нечаева. LX, 519—526. Томасъ Карлейль. Sartor Resartus. Жизнь и мысли Герръ Тейфельсдрека, въ трехъ книгахъ. Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность лорда ректора Эдинбургскаго университета 2 апрѣля 1866 г. Перев. съ англ. Н. Горбова. Москва. 1902. LXIV, 853—857. Проблемы идеализма. Сборникъ статей. Подъ ред. Н. И. Новгородцева. Изданіе Моск. Псих. общ. М. 1902. LXVII, 333—355.
- Александръ, Н. Н.** Соціальная философія Рудольфа Штамплера. XCVI, 1—26.
- Андреевъ, Н.** Ред. А. Богдановъ. Эмпириомоизмъ. Кн. I, II. М. 1905. Кн. III. Спб. 1906. XCII, 270—277.
- Анниева, Н.** Archiv für Geschichte der Philosophie. 1904. LXXIX, 607—614. 1905. LXXXIII, 269—280, LXXXIX, 555—562. Jahresbericht über sämtliche Erscheinungen auf dem Gebiete der Geschichte der Philosophie. Jahresbericht über Neuerscheinungen aus dem Bereiche der arabischen Philosophie von M. Horten. LXXXIX, 563—580. Archiv für Geschichte der Philosophie. 1906—1907. Jahresbericht über sämtliche Erscheinungen auf dem Gebiete der Geschichte der Philosophie. XCVI, 96—141.
- Анисимовъ, А.**—Князь С. Н. Трубецкой и московское студенчество. LXXXI, 146—196.
- Анри, В.**—Вопросникъ для психологиче-

скаго изслѣдованія о первыхъ воспоминаніяхъ дѣтства. XXVI, 55—56. — Современное состояніе экспериментальной психологіи, ея методы и задачи. XXVII, 259—293. — Ред.: G. Dumas. Les états intellectuels dans la mélancolie. Paris 1895. XXV, 708—709. — A. Binet. Psychologie des grands calculateurs et joueurs d'échecs. Paris 1894. XXVII, 190—197. — L. Aréat. Mémoire et imagination. Paris 1895. XXVII, 197—199.

Антоній, архимандритъ.—Какъ относится служеніе общественному благу къ заботѣ о спасеніи собственной души. XII, 64—90.

Ред.: Предисловіе къ „Обзору статей философскаго содержанія въ русскихъ духовныхъ журналахъ за первую половину 1889 г.“ I, 60—61.

Ардашевъ, П. Н.—Психологія въ исторіи. (Новѣйшая попытка психологическаго обоснованія исторіи.) XXVIII, 294—313.

Аркинъ, Е.—Ред.: Контрасты и симметрія (G. Tard. L'opposition universelle. Essai d'une théorie des contraires). LXIII, 814—831.

Аскольдовъ, С.—Мышленіе, какъ объективно обусловленный процессъ. LXVI, 80—95. Въ зашпату чудеснаго. LXX, 431—474. LXXI, 1—61. Теорія новѣйшаго критицизма. (По поводу двухъ книгъ.) LXXIV, 520—549, LXXV, 601—621. О любви къ Богу и любви къ ближнимъ. LXX XVI, 110—147. Къ вопросу о гносеологическомъ интуитивизмѣ. XCIV, 561—570.

Астафьевъ, П. Е.—Нравственное ученіе гр. Л. Н. Толстого и его новѣйшіе критики. IV, 64—93. — Воля въ знаніи и воля въ вѣрѣ. XIII, 58—86; XIV, 75—96. — Генезисъ нравственнаго идеала декадента. XVI, 56—75. Последнія тѣни прошлаго. XIX, 20—34.

Ред.: Свое слово (философско-литературный сборникъ) проф. А. А. Козлова. Кіевъ. 1890. № 3. V, 107—116. — The ethical problem by dr. Paul Carus. Chicago 1890. VI, 41—46.

Б.—Ред.: Ибервергъ-Гейнце. Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. Перев. съ 7-го нѣм. изд. Я. Н. Колубовскаго. Спб. 1890. V, 97—100.

Балабанъ, А. Прагматизмъ. XCIX, 574—618.

Баженовъ, Н. Н., д-ръ. — Второй международный конгрессъ криминальной

- антропологии. II, 17—41.—Область и пределы внушения. VIII, 129—148. Габриель Тардь, личность, идеи и творчество. LXXVIII, 212—240.
- Балталонь, Ц. П.** Наблюдения и опыты по эстетикѣ зрительныхъ воспріятій. LI, 125—151. LIII, 264—286. LV, 449—492. Опыты Карла Штумфа и его школы. LXVIII, 377—417.
- Бао, А.**—Идеаль новейшей этики (Wundt, Ethik). VII, 26—44.
Рец.: Bösch. Das Menschliche Mitgefühl. Winterthur. 1891, X, 71—74.—H. Bender. Ueber das Wesen der Sittlichkeit. Halle. 1891. XI, 65—69.—G. Runze. Ethik. I. Practische Ethik. Berlin. 1891. XII, 65—72.—A. Ganser. Die Freiheit des Willens, die Moral und das Uebel. Graz. 1891. XIII, 66—69.
- Баргеновъ, Ю.**—Рец.: Alfred Fouillée. L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience. Paris. 1889. III, 88—91.—Alfred Fouillée. La philosophie de Platon. Paris. 1888—89. III, 115—118.—Alfred Fouillée. L'évolutionisme des idées-forces. Paris. VI, 46—50.
- Б-въ, А.**—The Monist. № 1 (October, 1901). Archiv für systematische Philosophie (1902). LXV, 1044—1048. LXIX, 747—751. LXX, 891—893. Рец.: Dr. J. Baumann. Platons Phädon, philosophisch erklärt und durch die späteren Beweise für die Unsterblichkeit ergänzt. Gotha. 1889. II, 111—113.—Dr. Edmund König. Die Entwicklung des Causalproblems von Cartesius bis Kant. Lpz. 1889. II, 113—115.—J. Frohschammer. Die Philosophie des Thomas von Aquino. Lpz. 1889. III, 118—119.
- Басистовъ, А.**—Рец.: Philosophische Monatshefte. 1893. XX, 129—134; 39 B., H. 7—10.—XXIII, 449—450.—Zeitschrift f. Philosophie u. philosophische Kritik. B. 101—102. XXII, 282—285.—P. Felix Thomas. La philosophie de Gassendi. Paris 1889. III, 119—120.—The Monist. Vol. VII, 1897. №№ 1—3. XXXVIII, 529—535.
- Батушковъ, Ѡ. Д.**—Утопия всенароднаго искусства. XLVI, 1—45.
- Баулеръ, А.**—E. Lauvière. Edgar Poe. Sa vie et son oeuvre. Etude de psychologie pathologique. Paris. 1904. LXXVI, 111—117.
- Бачинскій, А.**—Письма по философіи естествознанія. Письмо I: Что такое натуралистическій идеализмъ. LXX, 806—823. Письмо II: О возможномъ влияніи математическихъ методовъ на черты научнаго міропониманія. (Посвящается памяти моего учителя Н. В. Бугаева.) LXXVI, 86—110.
- Безобразова, М. В.**—Что такое введеніе въ философію? XXXVII, 240—251.
- Бенетовъ, А. Н.**—Нравственность и естествознание. VI, 1—67.
- Бердниновъ, А.**—Рец.: Ueber Willensfreiheit. Zwölf Vorlesungen von Wilhelm Windelband. LXXVI, 117—124.
- Бердяевъ, Н. А.**—Замѣтка о книгѣ Богданова „Познаніе съ исторической точки зрѣнія“. LXIV, 839—852. О новомъ русскомъ идеализмѣ. LXXV, 683—724. Соціализмъ, какъ религія. LXXXV, 508—545. Великій инквизиторъ. LXXXVI, 1—36. Обь онтологической гносеологии. XCIII, 413—440. Происхожденіе зла и смыслъ истории. XCIV, 287—335. XCV, 441—479. По поводу одной замѣчательной книги. XCVIII, 494—500.
- Бернштейнъ, А. Н.**—Міръ звуковъ, какъ объектъ воспріятія и мысли. XXXII, 109—130.—О воспріятіи постоянныхъ и переменныхъ раздраженій. XXXVI, 40—54.—Новыя вліянія въ теоріи воспріятія. XLI, 1—22. Ардаліонъ Ардаліоновичъ Токарскій. (Некрологъ.) LIX, V—XI. Психологическія и философскія воззрѣнія С. С. Корсакова. LX, 1—LXXVIII.
- Бехтеревъ, В.**—Что такое объективная психология. XCIX, 685—703.
- Библиографическій листокъ.**—О книгахъ: Альфредъ Фулье. Исторія философіи. Перев. П. Николаева. Изд. 2-е.—Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый проф. А. А. Козловымъ.—I. Гобчанскій. Опытная психология въ двухъ частяхъ. Спб. 1898.—Д. С. Милль. Система логики силлогистической и индуктивной. Перев. съ англ. С. И. Ершова, подъ ред. В. Н. Ивановскаго.—Проф. В. Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. съ англ. С. А. Котляревскаго, подъ ред. В. Н. Ивановскаго. 3-е изд.—Н. Ланге. Учебникъ логики. Одесса. 1894.—П. Немжановъ. Нравственность. М. 1897.—Ц. Балталонь. Эстетика В. Г. Бѣлинскаго. М. 1898.—Ц. Балталонь. Принципы критики В. Г. Бѣлинскаго. М. 1899.—П. К. Энгельмейеръ. Техническій итогъ XIX вѣка. М. 1898.—П. К. Энгельмейеръ. Критика научныхъ и художествен-

ныхъ ученій гр. Л. Н. Толстого. М. 1898. XLV, 429—436.—Д. Богдашевский. Философія Каята. Выпускъ первый. Анализъ критики чистаго разума и критики практическаго разума. Кіевъ. 1898.—Т. Рибо. Философія Шопенгауэра. Перев. М. Суперанскаго. Спб. 1899.—Артуръ Шопенгауэръ. Міръ, какъ воля и представленіе. Перев. А. Фета. Изд. IV.—М. Гюйо. Собраніе сочиненій. Томъ I. Исторія и критика современныхъ английскихъ ученій о нравственности. Перев. Н. Южина. Спб. 1898.—„Въ защиту разума“. I. Эрнестъ Навиль. Что такое философія? М. 1896. II. Оле-Ляпрюнь. Цѣнность жизни. Харьковъ. 1898. III. Каро. Идеи Бога и безсмертія души предъ судомъ новѣйшихъ критиковъ. Харьковъ. 1898.—Д-ръ Карлъ Дюпрель. Загадочность человѣческаго существа. Перев. съ нѣм. М. С. Аксенова. М. 1898.—Валерій Брюсовъ о искусствѣ. М. 1899. XLVI, 49—55.—„Въ защиту идеаловъ разума“. IV. Дж. Кроль: Философская основа эволюціи. Перев. донента П. П. Соколова. Харьковъ. 1898.—С. Л. Кулюкинъ. Законы мышленія съ психологической точки зрѣнія. Харьковъ. 1899.—Дарвинистическая бібліотека. Выпускъ I. Дарвинизмъ и теорія познанія Георга Зиммеля, Фридриха Ницше и Алоиза Ридля. Спб. 1899.—О постоянствѣ чувствъ. Психологическій очеркъ по поводу романа Гёте „Сродство душъ“. Перев. съ франц. Спб. 1898, стр. 16—Л. Шестовъ. Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Спб. 1898. XLVII, 185—190.—М. Гюйо. Собраніе сочиненій. Томъ II. Происхожденіе идеи времени. Мораль Эпикура и его связь съ современными ученіями.—М. Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали.—В. Болиндъ. Спиноза. Биографическій и культурно-историческій очеркъ. Спб. 1899.—Рихардъ Авенариусъ. Философія какъ мышленіе о мірѣ сообразно приндипу наименьшей мѣры силъ. Prolegomena къ „Критикѣ чистаго опыта“. XLVIII, 331—335.—Гербертъ Спенсеръ. Сочиненія. Спб. 1899.—Куно Фишеръ. О свободѣ человѣка. Перев. Семена Грузенберга. Спб. 1899.—Блезъ Паскаль. Мысли о религіи. Перев. съ франц. П. Д. Перлова. М. 1899.—В. Вундтъ. Гипнотизмъ и внушеніе. Перев. съ нѣмед. Н. Колу-

бовской.—А. Бинэ и В. Анри. Умственное утомленіе. Перев. съ франц. Эк. Анри. М. 1899. XLIX, 423—426.—А. Ланге. Исторія матеріализма. Перев. Н. Н. Страхова, 2-е изд.—В. Виядельбандъ. Исторія философіи. Перев. П. Рудина.—Panou Sokoliou. Психологическій дуализмъ. Пер. В. Денишъ. Л., 460—462.

Блонсій, П.—Этическая проблема у Эд. Гартмана. LXXXVIII, 272—308. Фридрихъ Паульсенъ, какъ философъ и педагогъ. XCIV, V—XXXII.

Рец.: Джорджъ Бёркли. Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія. Перев. Е. Ѳ. Дебольской, подъ ред. Н. Г. Дебольскаго. Спб. 1905. LXXXVIII, 345—348.—В. Шмидъ. Философская хрестоматія. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Перев. съ нѣм. Ю. А. Говсѣва, подъ ред. и съ предисл. проф. Н. Ланге. Одесса. 1907. XC, 716—720.—Этюды моральной философіи XIX в. Перев. съ франц. подъ ред. Н. Соловьева и І. Линдемана. М. 1908. XCV, 624—625.—М. Гюйо. Безвѣріе будущаго. Соціологическое изслѣдованіе. Съ биографической замѣткой о Гюйо А. Фулье и съ предисловіемъ Д. Н. Овсанико-Куликовскаго. Перев. съ франц. (II изд.) подъ ред. Я. Л. Савера. Спб. 1908. XCVI, 73—78.

Боборынинъ, П. Д.—Красота, жизнь и творчество. XVI, 71—108; XVIII, 30—62.—Формулы и термины въ области прекраснаго. XXII, 97—120.—Природа красоты. XXVI, 89—114.—Философія въ гимназіяхъ. XLVII, 113—145.—О ницшеизмѣ. LIV, 539—547.

Бобровъ, Е. А.—Искусство и нравственность. XX, 1—29.—Рец.: Neue Grundlegung der Psychologie und Logik von Gustav Teichmüller. Breslau. IX, 79—88. Проф. А. А. Козловъ. Религія гр. Л. Н. Толстого, его ученіе о жизни и любви. Спб. 1895. 2-е изд. XXIX, 503—508.—Dr. Moritz v. Straszewski. Ueber die Bedeutung der Forschungen auf dem Gebiete der orientalischen Philosophie für das Verständniss der geschichtlichen Entwicklung der Philosophie im Allgemeinen. Wien u. Lpz. 1895. XXX, 605—609.

Богдановъ, А. Къ вопросу о новѣйшихъ философскихъ теченіяхъ. (Отвѣтъ г. Бердяеву.) LXV, 1049—1059.—Идеаль познанія (Эмпириокритицизмъ

- и эмпириомонизмъ). LXVII, 168—233.— Жизнь и психика (Эмпириомонизмъ въ учении о жизни). LXIX, 709—727, LXX, 824—866.— Психическій под-боръ (Эмпириомонизмъ въ учении о психикѣ). LXXIII, 335—379. LXXIV, 485—519.
- Богомоловъ, С.**—Учение Канта о про-страйствѣ и пангеометрія Лобачев-скаго. LXXX, 683—694.
- Борисовъ, П.**—Въ чемъ же истинный на-ционализмъ? Посвящается памяти В. С. Соловьева. LIX, 493—528.
- Боричевскій, Евг.**—Рец.: Эрнстъ Лаасъ. Идеализмъ и позитивизмъ. Первая общая и основная часть. Перев. съ вѣм. подъ ред. С. Н. Эверлинга. Dr. C. Meumann. Einführung in die Aesthetik der Gegenwart. Lpz. 1908. XCII, 271—280.
- Боровно, Н.**—Воспріятіе рельефа. XC, 690—708.
- Бороздинъ, И.**—Рец.: Памятники египетской письменности. I. „Исследование Зара-Якоба“. Исповѣдь Абиссинскаго сво-боднаго мыслителя XVII вѣка. Изда-ніе текста и переводъ В. Тураева. Спб. LXXXIV, 336—338.
- Бронзовъ, Александръ.**—Рец.—Adolph Bonhöffer. Die Ethik des Stoikers Epictet. Stuttgart. 1894. XXXII, 134—141.
- Бугаевъ, Н. В.**—Основные начала эволю-ціонной монадологии. XVII, 26—44.— Математика и научно-философское міросозерцаніе, XLV, 697—717.
- Булгаковъ, С. Н.**—О закономерности со-циальныхъ явленій. XXXV, 575—611.— Иванъ Карамазовъ (въ романѣ До-стоевского „Братья Карамазовы“), какъ философскій типъ. LXI, 826—863.—Душевная драма Гердена, LXIV, 1248—1275, LXV, 1363—1378.— Что даетъ современному сознанию фило-софія Вл. Соловьева. LXVI, 52—96. LXVII, 125—166.— О социальномъ идеалѣ. LXVIII, 291—327.— О реали-стическомъ міровоззрѣніи. (Нѣсколько словъ по поводу выхода въ свѣтъ сборника „Очерки реалистическаго міровоззрѣнія“. Спб. 1904.) LXXIII, 380—403.— Подъ знаменемъ универ-ситета. LXXXV, 453—468.— Перво-христианство и новѣйшій социализмъ. XCVIII, 215—268.— Социальное міро-воззрѣніе Джона Рёскина. C, 395—436.
- Буцце, В. Р.**—Анализъ условій простран-ства и времени при ассоціаціяхъ идей. XXII, 230—254.— Анализъ основныхъ условій при ассоціаціяхъ идей. XXVII, 134—159.
- Б—чъ, М. А.**—По поводу статьи г. Ко-лова: „Анализъ послѣдняго произве-денія гр. Л. Н. Толстого „Хозяинъ и работникъ“. XXX, 592—604.
- Бѣлинъ, А. С.**—М. М. Троицкій, LII, 151—182.
- Васильевъ, В. А.**—Вопросы зоопсихологии. Генезисъ инстинкта. XIV, 29—43. XV, 39—54.— Психологическая при-рода инстинкта по новымъ даннымъ экспериментальной физиологии. XX, 30—67; XXIV, 316—360.—Генезисъ и развитіе музыки. XXVIII, 275—312.— О прекрасномъ въ музыкѣ (Ed. Hanslick. Vom musikalisch Schönen). XXIX, 478—502.— Психология насѣ-комыхъ. XLV, 365—387; XLVI, 1—32.—Физическія страданія и чувство страха. LIII, 197—216.— Ренавъ и Нипше. О звѣрѣ въ челоуѣкѣ. LVII, 199—217.
- Вальденбергъ, В. Э.**—Основанія макіа-велизма. XXXVII, 219—239.—О за-дачахъ философіи права. XL, 916—930.—С. А. Бершадскій †. XXXIII, 361—363.—Рец.: Rivista Italiana di filosofia. 1894, августъ и октябрь. XXV, 721—723; ноябрь—XXVI, 82—83; 1895, январь—XXVII, 208—210; мартъ—июль, XXX, 630—632; 1895, сентябрь—XXXI, 63—64; ноябрь 1895, январь, 1896.—XXXII, 153—156; мартъ и июль 1896.—XXXIV, 496—498; октябрь и декабрь 1896.—XXXVI, 198—199.—André Godfernaux. Le sentiment et la pensée. Paris 1894. XXVI, 70—71.—В. Ф. Залѣскій. Власть и право. Философія объективнаго права. Ка-зань. 1897. XXXVII, 354—358.
- Вальденбергъ, Н. К.**—G. Tarantino. Sag-gio sulle idee morali e politiche di Tommaso Hobbes. Napoli, 1900. LVII, 149—150.—Rivista filosofica. Январь—февраль (1901 г.). LIX, 423—425.—Мартъ—июнь (1901). LX, 497—503.—Rivista filosofica. Ноябрь—декабрь 1901 г. LXII, 751—754.—Январь—февраль 1902 г. LXIV, 867—871.—Мартъ—апрѣль 1902 г. LXVI, 117—120.—Май—декабрь 1902 г. LXIX, 742—746.—Январь—апрѣль 1903 г. LXX, 894—897.—Giuseppe Rossi. La dottrina kantiana dell'educazione. To-riano 1902. LXXII, 262—266.—Rivista filosofica. Май—декабрь 1903 г. LXXIII, 429—433.—Январь—мартъ 1904 г. LXXIV, 575—577.—Апрѣль—июнь

- 1904 г. LXXVI, 139—142.—Сентябрь—февраль 1904—1905 г. LXXIX, 615—619.
- Васильевъ, А. В.**—Взгляды Огюста Конта на философію математики. XLIX, 540—559.
- Введенскій, Ал-дръ И.**—Вторичный вызовъ на споръ о законѣ одушевленія и отвѣтъ противникамъ. XVIII, 120—149.—О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію. XX, 158—202; XXI, 55—80.—О Кантѣ дѣйствительномъ и воображаемомъ. (По поводу книги г. Каринскаго: „Объ истинахъ самоочевидныхъ“). XXV, 621—660.—Ученіе Канта о смѣнѣ душевныхъ явленій. (Отвѣтъ на защитительную статью г. Каринскаго). XXIX, 430—477.—Новый философскій журналъ (Kantstudien). XXXIV, 460—466.—Объ атеизмѣ въ философіи Спинозы. XXXVII, 157—184.—Судьбы философіи въ Россіи. XLII, 314—354.—О мистицизмѣ и критицизмѣ въ теоріи познания В. С. Соловьева. LVI, 2—35.
- Введенскій, А-ѣй И.**—Фулье и метафизика будущаго. X, 1—30; XI, 127—145.—Основатель системы трансцендентальнаго монизма. XIV, 1—28; XV, 1—17.—О задачахъ современной философіи, въ связи съ вопросомъ о возможности и направленіи философіи самобытно-русской. XX, 125—157.
- Рец.: М. И. Каринскій. Векочечное Анаксимандра. Спб. 1891. IX, 104—108.—James Coll. The philosophical Basis of Evolution. London. 1890. XI, 80—85.—Проф. М. И. Каринскій. Объ истинахъ самоочевидныхъ. Спб. 1893. XXII, 266—272.
- Вентцель, К. Н.**—Ученіе о волѣ въ новой психологіи (по ст. Külpe, Philosophische Studien. Band. V, Heft 2 и 3). V, 1—25; VI, 1—23.—Мораль жизни и свободнаго идеала. VIII, 1—30; IX, 69—97.—Система философіи Вундта. XI, 1—23.
- Рец.: Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1891 г., тетр. 1—4. XII, 43—57; 1892 г., тетр. 1—2. XV, 69—73.—The Monist. XIII, 45—48.—M. Guyau. Education et hérédité. Paris. 1889. III. 105—110.—Paul Barth. Die Geschichtsphilosophie Hegel's, und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann. Lpz. 1890. XII, 62—65.—Юсифъ Пачоскій. Методъ классификаціи и единство наукъ. Кіевъ. 1891. XIII, 64—66.—Эмиль Генкель. Опытъ построенія научной критики (Этопсихологія). Пер. съ франц. Д. Струнина. Спб. 1882. XIV, 86—88.
- Вернадскій, В. И.**—О научномъ мировоззрѣніи. LXV, 1409—1465.—Кантъ и естествознаніе XVIII столѣтія. LXXVI, 37—70.
- Веселовскій, С.**—Б. Спиноза. Богословско-политическій трактатъ. Перев. съ лат. М. Лопаткинъ. LXXXV, 482—487.
- Винторовъ, Д. В.**—Памяти Н. Я. Грота, какъ профессора. LI, 48—60.—Философскіе взгляды Эрста Маха. LXXIII, 229—313.—Критика чистаго опыта. LXXVII, 128—162.—Законъ жизненнаго ряда. LXXXIX, 504—533.—Принципъ наименьшей мѣры силъ. XCII, 171—204.—Рец.: W. Wundt. Logik. II. B. II. Abth., 1895. XXXI, 36—43.—W. Wundt. Ueber die Definition der Psychologie (Philosophische Studien. B. XII, H. I. 1895). XXXII, 151—153.—Проф. В. Бехтеревъ. Значеніе органовъ равновѣсія въ образованіи представлений о пространствѣ. Спб. 1896. XXXIV, 481—483.—Ив. Гвоздевъ. О врожденныхъ и приобретенныхъ свойствахъ дѣтей, какъ вачаткакъ преступности взрослыхъ. 1896. XXXIV, 483—485.—Th. Ribot. La psychologie des sentiments. Paris. 1896. XXXVI, 142—151.—Victor Henri. Ueber die Raumwahrnehmungen des Tastsinnes. Ein Beitrag zur experimentellen Psychologie. Berlin. XL, 796—799.—Дж. Локкъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Перев. А. Н. Савина. М. 1898. XLII, 138—142.—Д-ръ С. Г. Шахъ-Назаровъ. Основныя положенія физиологической психологіи по Вундту, Цигену и Мейнерту. I. Теорія апперцепціи В. Вундта. М. 1898. XLIII, 229—231.—Theodor Ziehen. Psychophysiologische Erkenntnistheorie. Jena 1898. XLVI, 33—38.—Рихардъ Авенариусъ. Философія какъ мышленіе о мѣрѣ сообразно принципу наименьшей мѣры силъ. Пер. И. Оедорова. XLIX, 398—406.—Фридрихъ Карстабьенъ. Введеніе въ „Критику чистаго опыта“. Перев. В. Лесевича. XLIX, 406—409.—Wilhelm Wundt. Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. LV, 536—546.—Dr. Ferdinand Schmidt. Grundzüge der konstitutiven Erfahrungsphilosophie als theorie des immanenten Erfahrungsmonismus. Brln.

1901.—Dr. Broder Christiansen. Erkenntnisstheorie und Psychologie der Erkenntnis. Hanau. 1902.—Dr. Richard Hönigswald. Zur Kritik der Machschen Philosophie. Eine Erkenntnisstheorie Studie. Brln. 1903. LXX, 887—890.—Joseph Petzold. Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung. I B. Die Bestimmtheit der Seele. II B. Auf dem Wege zum Dauernden. Lpz. 1900—1904.—Dr. Theodor Beer. Die Weltanschauung eines modernen Naturforschers. Dresden u. Leipzig. 1903. LXXV, 725—738.—Рихард Авенариусъ. Критика чистаго опыта. Т. I. Перев. съ нѣм. Ив. Федорова. Спб. 1907. ХСІ, 136—138.—François Picavet. Esquisse d'une histoire générale et composée des philosophies médiévales. Paris. ХСІІІ, 444—448.—Рихардъ Авенариусъ. Человѣческое понятие о мірѣ. Перев. со 2-го (1905 г.) посмертнаго издания Н. Самсонова. М. 1909. ХСVІ, 79—82.

Вилькинсъ, А. И.—Одно изъ возможныхъ міросозерцаій. XII, 20—42.

Виноградовъ, Н. Д.—Психофизиологическія изслѣдованія надъ микроорганизмами. XXXIII, 301—330.—Биологическій механизмъ и матеріализмъ. XXXVIII, 413—442.—Скептицизмъ Юма. LXIV, 1276—1304.—Теорія эмоцій Джемса-Лалге. LXIX, 379—403.—Лесли Стивенъ. LXXX, 397—421.—Этическія воззрѣнія Шефтсбери. LXXXII, 223—249. LXXXIII, 294—310.—Бернардъ Мандевиль и его „Васня о пчелахъ“. LXXXVI, 37—56. LXXXVIII, 255—271.—Этическія воззрѣнія Ф. Гетчесона. ХСVІ, 93—119.—Этическія воззрѣнія Джовефа Бэтлера. ХСVІІІ, 269—284. Ближайшія задачи экспериментальной педагогики. ХСІХ, 309—322.

Рек.: Armand Sabatier. Essai sur l'immortalité au point de vue du naturalisme evolutioniste. Paris. 1895. XXXIII, 336—342.—Вл. Вагнеръ. Вопросы зоопсихологіи. Спб. 1896. XXXIV, 474—481.—Я. Озе. Персонализмъ и проевтивизмъ въ метафизикѣ Лотце. Юрьевъ. 1896. XXXV, 659—665.—Проф. В. Я. Данилевскій. Душа и природа. 2-е изд. Харьковъ. 1897. XXXV, 665—669.—Геяри Друммондъ. Эволюція и прогрессъ человѣка. Пер. съ англ. прив.-доц. Моск. унив. Н. А. Иванцова. М. 1897. XXXVI, 160—167.—Felix Le Dantec. Théorie nouvelle

da la vie. Paris 1896. XXXVII, 343—349.—В. М. Бехтеревъ. О локализаци сознательной дѣятельности у животныхъ и человѣка. Спб. 1896. XXXVIII, 513—518.—Marcus Dorman. From matter to mind. XXXIX, 695—697.—Г. А. Гирнъ. Анализъ вселенной въ ея элементахъ. М. 1898. XLІ, 46—52.—Иванъ Поповъ. Естественный нравственный законъ. 1897. XLII, 142—149.—Felix Le Dantec. Le déterminisme biologique et la personnalité consciente. Paris. 1897. XLIII, 231—234.—Фаминцынъ, А. Современное естествознание и психологія. XLV, 416—423.—Л. Морганъ. Привычка и инстинктъ. Пер. съ англ. М. Чепинской. Спб. 1899. XLVII, 171—176.—L'année psychologique, 3-ème et 4-ème année. Paris. 1897—1898. XLVIII, 312—319.—Ф. Триси. Психологія перваго дѣтства. Перев. П. Г. Мижурова. Спб. 1899. L, 446.—L'année psychologique 5-ème année. Paris. 1899, LIII, 353—357.—Владиміръ Вагнеръ, Психологія животныхъ. (Популярныя лекціи.) М. 1901. LVIII, 282—284.—Фридрихъ Юдль. Давидъ Юмъ, его жизнь и философія. Перев. съ нѣм. А. Майера. Изд. А. Ю. Маноцкаго. М. 1901. LVIII, 285—288.—L'année psychologique 6-ème année. Paris. 1900, LIX, 416—420.—7-ème année. Paris. 1901 г. LXIII, 832—836.—Уильямъ Джемсъ, проф. Гарвардскаго университета. Психологія въ бесѣдахъ съ учителями. Перев. съ англ. В. Н. Ивановскаго. М. 1902. LXIII, 837—845.—Давидъ Юмъ. Изслѣдованіе человѣческаго разумія. Перев. съ англ. С. И. Церетели. Спб. 1902.—L'année psychologique 8-ème année. 1902. LXIX, 733—740.—С. Зенгеръ. Дж. Ст. Милль, его жизнь и произведенія. Перев. съ нѣм. Л. Иваковой, подъ ред. Е. Максимовой. Изд. ред. журн. „Образованіе“. Спб. 1903. LXXI, 129—133.—Bauman, S. Deutsche und ausserdeutsche Philosophie der letzten Jahrzehnte dargestellt und beurteilt. Ein Buch zur Orientierung auch für Gebildete. Gotha. 1903. LXXIII, 404—406.—L'année psychologique 9-ème année. Paris. 1903. LXXVII, 327—331.—L'année psychol. 10-ème année. Paris 1904. LXXXIX, 587—597.—Нѣсколько замѣчаній по поводу рецензи проф. Л. М. Лопатина. LXXXIV, 356—367.—Давидъ Юмъ.

- Трактатъ о человѣческой природѣ. Книга I. Объ умѣ. Перев. съ англ. С. Церетели. Юрьевъ. 1906. LXXXVI, 63—66. — Давидъ Юмъ. Диалоги о естественной религіи, съ приложеніемъ статей о самоубійствѣ и безсмертіи души. Перев. съ англ. С. М. Роговина. М. 1909. — С. М. Роговинъ. Деизмъ и Давидъ Юмъ. Анализъ „Диалоговъ о естественной религіи“. М. 1908. XCIV, 549—560.
- Виноградовъ, П. Г.** — И. В. Кирѣевскій и начало московскаго славянофильства. XI, 98—126. — О прогрессѣ. XLII, 254—318.
- Випперъ, Р. Ю.** — Нѣсколько замѣчаній о теоріи историческаго познанія. LIII, 450—480.
- Волковичъ, А. и Столица, З.** — Revue philosophique 1901 г. LXIII, 847—859. — Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1901 г. LXIV, 860—866. — Revue philosophique 1902. — Zeitschrift für Phil. und philos. Kritik. 1902. LXVI, 105—116. — Revue philosophique 1902. — Zeitschr. f. Phil. und philos. Kritik. 1902. LXVII, 363—375. — Revue philosophique 1903. LXXIII, 420—428. — Revue philosophique 1903 (9—12). Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik 1903, LXXV, 741—759. — Revue philosophique 1904 г. LXXVI, 132—138. LXXXIII, 261—268. — Zeitschrift für philos. und philosophische Kritik. 1904. — Revue philosophique 1905, LXXXIV, 141—155. — Zeitschrift für Phil. und phil. Kritik. 1905. LXXXV, 500—505. — Revue philosophique 1906. — Revue de philosophie 1906. LXXXVIII, 358—379. — Отчетъ о международномъ конгрессѣ по психологіи въ Женевѣ 1909 г. XCIX, 662—681.
- Волжскій.** Торжествующій аморализмъ. (По поводу „Русскаго Фауста“ А. Луначарскаго.) LXIV, 889—905.
- Вольинскій, А.** — Нравственная философія гр. Льва Толстого. V, 26—45.
- Воробьевъ, В. В.** — Опытъ классификаціи выразительныхъ движеній по ихъ генезису. XL, 717—753. — Основы энергетическаго міросозерцанія. (W. Ostwald. Vorlesungen über Naturphilosophie. Leipzig. 1902. LXXIII, 289—308. LXXIV, 447—464.
- Вульфбергъ, А. К.** — Возраженіе на рефератъ д-ра Баженова „О сѣзидъ криминальной антропологіи“. II, 41—46.
- Вышеславцевъ, Б.** — Обоснованіе социализма у Фихте. XCV, 571—587.
- Габриловичъ, Л.** — Новѣйшіе русскіе метафизики. (Споръ о возможности метафизики.) LXXV, 645—682. — О понятіяхъ истинности и достовѣрности въ теоріи знанія. XCIV, 463—490. — Проблема абстракціи. (Объ основаніяхъ достовѣрности сужденій, исключенія изъ которыхъ непредставимы.) XCVIII, 444—476.
- Гади, О.** — Реп.: Philosophische Monatshefte. 1889 г. V, 46—60.
- Герасимовъ, О. П.** — Очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ. III, 1—44.
- Герье, В. И.** — Философія исторіи Гегелера. XXXII, 169—195; XXXIII, 374—404. — О. Контъ и его значеніе въ исторической наукѣ. XLII, 185—215; XLIII, 406—461; XLIV, 563—626; XLV, 805—888. — Къ вопросу о сущности теократіи. (По поводу статьи кн. Е. Н. Трубецкаго: „Къ вопросу объ Августинѣ и Григоріи VII“, въ I кн. „Русской Мысли“ за 1899 г.) XLVIII, 307—311. — Памяти В. П. Преображенскаго. LIV, 731—740. — Письмо въ редакцію. LXXXVII, 207—209.
- Гершензонъ, М. О.** — Мысли двухъ философовъ о школѣ. В. Гумбольдтъ и Кондорсв. LXI, 794—825. — П. А. Чаадаевъ. Философическія письма. Перев. подъ ред. М. О. Гершензона. LXXXII, 1—28. — Философическія письма. Апологія сумасшедшаго. LXXXIV, 29—90.
- Гельцъ, Ф.** — Объ отношеніи Вл. С. Соловьева къ еврейскому вопросу. LVI, 159—198.
- Гилларовъ, А. Н.** — Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи. XXXVII, 301—328; XXXVIII, 445—485; XXXIX, 702—759. — Новые труды по атомистикѣ. XI, 754—771. — Что такое философія, что она можетъ и чего не можетъ дать? XLVI, 105—130. — Реп.: John Burnet. Early greek Philosophy. L. a. Ed. 1892. — Ch. Bénard. Platon. Paris. 1892. — Lightfoot. Dissertations on the Apostolic Age. London. 1892. — Farrer. Paganism and Christianity. Lond. a. Ed. 1891. — Alb. Stöckl. Geschichte der Christlichen Philosophie zur Zeit der Kirchenväter. Mainz. 1891. XX, 111—118. — Jos. Royce. The Spirit of modern Philosophy. Boston and New-York. 1893. XXI, 136—142. — Schmekel. Die Phi-

- Iosophie der mittleren Stoa. Berlin. 1892. XXI, 142—144. — Aulard. Le Culte de la Raison et le Culte de l'Être Suprême (1793—94). Paris. 1892. XXI, 144. — Girard. La transmigration des âmes. Paris. 1892. — Riddles of the Sphinx. London. 1891. — Petavel-Oliff. Le problème de l'immortalité. Paris. 1892. — Souriau. La suggestion dans l'art. Paris. 1893. XXII, 255—266. — W. Pater. Plato and Platonism. Lond. and New-York. 1893. — A. Chuquet. J.-J. Rousseau. Paris. 1893. — L. Lyon. La Philosophie de Hobbes. Paris. 1893. XXIII, 438—447. — C. M. Williams. A Review of the Systems of Ethics founded on the Theory of Evolution. London. 1893. — L. Milhaud. Leçons sur les origines de la science grèque. Paris. 1893. XXIV, 545—553. — Edw. Caird. The Evolution of Religion. Glasg. 1893. — Ch. Huit. La vie et l'oeuvre de Platon. Paris. 1893. — Pöhlmann. Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus. Münch. 1893. XXVI, 57—66. — Paul Deussen. Allgemeine Geschichte d. Philosophie. I. B., 1 Abth. Leipz. 1894. Rich. — Garbe. Die Sämkya Philosophie. Leipz. 1894. — Max Müller. Three Lectures on the Vedānta Philosophie. Lond. 1894. — W. R. Scott. A simple History of ancient Philosophy. London. 1894. XXVIII, 361—365. — Platos Republic, edited by R. Jowet and Campbell. Oxford. 1894. — John Loeke. An Essay concerning human understanding (edited by A. C. Fraser). Oxford. 1894. — Goldfriedrich. Kants Aesthetik. Leipzig. 1895. — Kühnemann. Kants and Schillers Begründung der Aesthetik. München. 1895. — R. Allier. La philosophie d'Ernest Renan. Paris. 1895. — J. Spiegel. Die Unsterblichkeit der Seele. Leipzig. 1895. XXXI, 28—36. — Alfred Wiedemann. The ancient Egyptian Doctrine of the Immortality of the Soul. London. 1895. — Thomas B. Strong. Chief ancient Philosophers. Platonism. London. 1895. — Bernard Bosanquet. A Companion to Plato's Republic. London. 1895. — Alice Gardner. Heroes of the Nations. Julian, Philosopher and Emperor. New-York and London. 1895. — Вильгельм Оствальдъ, Н. состоятельность научнаго матеріализма. Подъ ред. проф. Рижскаго политехн. учил. П. И. Вальдена перевели студенты А. Эдельманъ и А. Подпалый. Рига. 1896. XXXII, 131—148.
- Гиляровъ-Платоновъ, Н. П.** — Онтологія Гегеля. VIII, 1—27; X, 19—40; XI, 24—45.
- Гинцбергъ, В.** — Ученіе Л. И. Петражицкаго о правѣ и его предпосылки. (Критическій и методологическій этюдъ.) XCVII, 204—260.
- Гинцбургъ, Д. Г., баронъ.** — Каббала, мистическая философія евреевъ. Съ предисловіемъ Вл. С. Соловьева. XXXIII, 277—300.
- Гиацинтовъ, В. Е.** — Обь отношеніи искусства къ действительности. LV, 882—894.
- Глаголевъ, С. С.** — Вопросъ о безсмертіи души. XIX, 1—19; XX, 1—26.
- Гобчанскій, I.** — Письмо въ редакцію. (Отвѣтъ на библиографическую замѣтку о книгѣ „Опытная психологія“.) XLVII, 205—207. (Извѣстія и замѣтки)
- Годыщій-Цвирино, А.** — Точное выраженіе закона Вебера—Фехнера съ помощью прерывныхъ функцій. LXXXII, 86—91.
- Гольцевъ, В. А.** — Идеалы и действительность. VII, 57—68. — Замѣтка на рецензію г. Тимковского. III, 127—128. — Психологія идей-силъ. (A. Fouillée. La psychologie des idées-forces. P. 1893.) XXIV, 537—544. — Самуилъ Пуфендорфъ. XXVI, 57—67. — Памяти Гуго Гроція. XXX, 568—573. — Нѣсколько словъ въ возраженіе Н. Я. Гроту (по поводу статьи Н. Я. Грота Основанія экспериментальной психологіи и его же рецензіи на книгу Ледда въ XXX выпускѣ „Вопросовъ Философіи“). XXXI, 65—67. — Н. Н. Страховъ, какъ художественный критикъ. XXXIII, 431—440. — По поводу статьи г. Оболенскаго „Самосознаніе классовъ въ общественномъ прогрессѣ“. XXXIV, 643—644. — Возраженіе П. А. Некрасову. LXIX, 754—755.
- Реп.: E. De-Roberty. L'inconnaissable, sa métaphysique et sa psychologie. Paris. 1899. IV, 100—101. — E. De Roberty. La philosophie du siècle. Paris. 1891. X, 74—75. — В. Лесевичъ. Что такое научная философія? Спб. 1891. XI, 79—80. По поводу статьи П. Д. Боборыкина. XVIII, 116—120. — E. De Roberty. L'éthique. Le bien et le mal. 1896. XXXV, 657—659.
- Голіусъ, Е.** — Философія „Московской философско-математической школы“

- и ея отношеніе къ интеллектуализму философовъ XVIII вѣка и экономическому материализму К. Маркса. LXXIX, 554—586.
- Горбовъ, Н. М.**—Рец.: Berthold Hartmann. Die Analyse des kindlichen Gedankenkreises etc. 2 vermehrte Auf. Anaberg. 1890. XVII, 82—86.
- Гордонъ, Г.**—Рец.: А. Ярошъ. Происхожденіе души и элементы познанія. Опытъ параллельстескаго міросозерцанія. Слб. 1906. XC, 723—725.
- Городецкий, И. Д.**—Яковъ Фрошаммеръ (некрологъ). XIX, 127—130.
- Гринбаумъ, А.**—Функциональная психологія. (По поводу сочиненія Штумпфа: Erscheinungen und psychische Funktionen. 1907.) XCVII, 192—203.
- Гротъ, Н. Я.**—О задачахъ журнала. I; V—XX стр.—Психологическій сѣвдъ въ Парижѣ. I, 1—22.—Что такое метафизика? II, 107—128.—Отъ редакціи III, стр. I—III; IV, стр. V—VIII; XXV, стр. I; XXV, 724—730. (Письма проф. В. Ѳ. Чжа и отвѣтъ редакціи.)—Жизненныя задачи психологіи IV, 143—194. Еще о задачахъ журнала. стр. I—VI.—Введеніе въ исторію новой философіи. VI, 1—25.—Основные моменты въ развитіи новой философіи. VIII, 42—57; IX, 1—19; X, 1—18; XIII, 1—17; XVIII, 1—25; XX, 41—93.—Основаніе нравственнаго долга. XII, 146—164; XV, 71—114.—Нравственные идеалы нашего времени. (Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой.) XVI, 129—154.—Некрологъ П. Е. Астафьева. XVIII, 116—121.—Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи. XXI, 36—54.—Замѣтка редактора. XXII, 325—326.—О времени. XXIII, 248—280; XXIV, 381—417; XXV, 445—493.—Устой нравственной жизни и дѣятельности. XXVII, 145—168.—Къ читателямъ. XXX, I—IV.—Основанія экспериментальной психологіи. XXX, 568—619.—Памяти Н. Н. Страхова. Къ характеристикѣ его философскаго міросозерцанія. XXXII, 299—336.—Нѣсколько словъ въ отвѣтъ В. А. Гольцеву (по поводу замѣтки В. А. Гольцева въ XXXI книгѣ „Вопросовъ Философіи“). XXXII, 170—173.—О жизни и личности Декарта. XXXV, 645—659.—Понятіе о душѣ и психической энергіи въ психологіи. XXXVII, 239—300; XXXIX, 801—811.—Критика понятія прогресса. XLV, 780—804.
- Рец.: Revue Philosophique. 1889. II, 49—57 и 65—66.—Annales des sciences psychiques. VIII, 61—64.—Кн. С. Трубенкой. Метафизика въ древней Греціи. М. 1890. II, 105—108.—Г. Струве. Энциклопедія философскихъ наукъ и направленій въ связи съ введеніемъ въ философію. Ч. I. Введеніе въ философію. Варшава. 1890. IV, 94—97.—Will. James. The principles of psychology. New-York 1890. 2 vol. V, 89—90.—Г. В. Лейбницъ. Избранныя философскія сочиненія. Съ портр. Перев. членовъ Психол. Общ., подъ ред. В. П. Преображенскаго. М. 1890. V, 95—96.—Paul Carus. The soul of man. Chicago. 1891. VIII, 76—77.—Л. Лопатинъ. Положительныя задачи философіи. Ч. II. Законъ причинной связи, какъ основа умозрительнаго знанія дѣйствительности. М. 1891. X, 57—66.—Виндельбандъ. Исторія древней философіи. Пер. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. Слб. 1893. XX, 109—111.—Ladd. An essay on metaphysics of Psychology. Lond. 1885, XXX, 619—624.—Wundt. Logik. Methodenlehre. 2 Abth. 2 Ausg. Lpz. 1895. XXX, 625—626.—(Н. Г.) Г. И. Челпановъ. Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апіорности и врожденности. Ч. I. Кіевъ. 1896. XXXV, 651—656.—Владиміръ Соловьевъ. Оправданіе добра. Нравственная философія. 1897. XXXVI, 155—160.
- Гризенбергъ, С.**—Пессимизмъ какъ вѣра и міропониманіе. XCII, 149—170, CXIII, 305—346. Ученіе Шопенгауэра о правѣ и государствѣ. C, 705—721.
- Гуревичъ, А.**—Современное состояніе социологіи. Возникновеніе и развитіе социологіи. LXVI, 59—79. LXVII, 159—167. Идеалы и дѣйствительность. LXXII, 205—232.
- Даршевичъ, Л. О.**—Объ интеллектуальной сферѣ женщины. XXVI, 1—19.
- Д-въ.**—Рец.: F. Paulsen. System der Ethik mit Umriss der Staats- und Gesellschafts-Lehre. Berlin. 1889. I, 82—88.
- Дебольскій, Н. Г.**—Объ эстетическомъ идеалѣ. LV, 759—816.
- Де-Роберти, Е. В.**—Пессимистическія теоріи познанія: критицизмъ, позитивизмъ. VIII, 31—56.
- Джвядеговъ, А. И.**—Вико и его система философіи исторіи. XXXIV, 396—

428. Марксизмъ и критическая философія. LVIII, 252 — 281. Рец.: Х. Раппопортъ. Философія исторія въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. 1899. XLVI, 39 — 41. Николай Бордяевъ. „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“. Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ предисловіемъ Петра Струве. LXI, 606 — 612.
- Джонстанъ, В. В.** — Отрывки изъ Упанишадъ. XXXI, 1 — 34. — Шри-Шанкара-Ачаря, мудрецъ индійскій. XXXVI, 1 — 39. — Очеркъ Бхагавадгиты. XLVII, 173 — 213; XLVIII, 359 — 382. Новый переводъ Упанишадъ. LI, 31 — 42.
- Ельпидинскій, Я.** — Рец.: Алексѣй Струнниковъ. Начатки философіи. М. 1888. II, 89 — 92. — М. Е. Соколовъ. Краткая исторія философіи. Симбирскъ. 1889. II, 117 — 119. — В. Кудрявцевъ. Введение въ философію. М. 1889. III, 92 — 94. — П. Дейсенъ. Основныя начала метафизики. Пер. съ нѣм. Спб. 1889. IV, 97 — 100. — Хохлаковъ. Языкъ и психологія. Казань. 1889. 118 — 120. — Кудрявцевъ. Начальныя основанія философіи. Вып. II. Начальныя основанія космологіи, рациональной психологіи и нравственной философіи. М. 1890. V, 92 — 95.
- Ефименко, А. Я.** — Личность Г. С. Сквороды, какъ мыслителя. XXV, 419 — 444.
- Жановъ, К.** — Понятіе безконечности въ алгебрѣ, въ анализѣ, въ геометріи, въ философіи; проблема о безконечности пространства; проблема о безконечности вещества. LXI, 568 — 580.
- Житцкій, П. И.** — В. Гумбольдтъ въ исторіи философскаго языкованія. LI, 1 — 30.
- Занцевичъ, Н. П.** — Рец.: Albert Lévy. Psychologie du caractère. Contribution à l'éthologie. Paris. 1896. XXXV, 669 — 672. — Fr. Paulhan. Les types intellectuels. Esprits logiques et esprits faux. Paris. XXXV, 672 — 674. — Alfred Fouillée. Tempérament et caractères selon les individus, les sectes et les races. Paris. 1895. — Fr. Queyrat. Les caractères et l'éducation morale. Paris. 1896. XXXVI, 151 — 155. — Oswald Külpe. Einleitung in die Philosophie. Leipzig. 1895. — G. Le Bon. Psychologie des foules. Paris. 1896. XXXVII, 328 — 334. — Johannes Volkelt. Aesthetik des Tragischen. München. 1897. XXXVIII, 518 — 523.
- Здѣвевъ, Н. А.** — Къ вопросу о свободѣ воли. II, 73 — 106. — (Л. М. Лопатинъ). Къ вопросу о міросозерцаніи блаженнаго Августина (по поводу книги кн. Е. Трубецкаго: „Религиозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ: міросозерцаніе бл. Августина. М. 1892). XVIII, 26 — 40.
- Згурскій, Н. В.** — Психо-физиологическая теорія чувствованій. LIII, 287 — 338. LV, 385 — 448.
- Зеленогорскій, Ф. А.** — Философія Г. С. Сквороды, украинскаго философа XVIII столѣтія. XXIII, 197 — 234; XXIV, 281 — 315. — Ив. Г. Шадъ. XXVII, 160 — 169; XXX, 574 — 591.
- Зенгеръ, Г.** — Рец.: Различныя направленія въ логикѣ и основныя задачи этой науки. Соч. П. Лейкфельдъ. Харьковъ. 1890. VII, 69 — 76.
- Зѣлинскій, Ф.** — Вильгельмъ Вундтъ и психологія языка. LXI, 533 — 567. LXII, 635 — 666. Древнее христіанство и римская философія. LXVI, 36 — 51.
- Зѣньковский, В.** — Новый трудъ по вопросу объ ассоціаціи идей. (А. Нечаевъ. Ассоціація идей). LXXXII, 92 — 126. Рец.: Э. Васманъ. Итоги сравнительной психологіи. Ч. I. Инстинкты и разумность въ царствѣ животныхъ. Ч. II. Сравнительныя изслѣдованія душевной жизни муравьевъ и высшихъ животныхъ. Перев. съ нѣм. В. Караваева, съ дополненіемъ переводчика „Зоопсихологическія взгляды В. Вагнера“. Киевъ. LXXXIX, 534 — 544. М. Ettliger. Untersuchungen über die Bedeutung der Deszendenztheorie für die Psychologie. XC, 721 — 723. Платонъ въ истолкованіи П. Натюрпа. XCV, 588 — 619.
- И.** — Рец.: К. Ланге. Художественное воспитаніе въ дѣтской. Пер. съ нѣмецк. И. Д. Городецкій. Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. М. 1895. XXXI, 50 — 51.
- Ивановскій, В. В.** — Общество и государство. XXXVI, 54 — 81.
- Ивановскій, В. Н.** — Ложныя вторичныя ощущенія. XX, 94 — 108. — Къ исторіи ученія объ аперцепціи въ психологіи. XXXVI, 70 — 106. — Къ вопросу о самообразовательномъ движеніи. XLIII, 206 — 228. — М. М. Троицкій. (Некрологъ). XLVII, стр. VI — XVI. Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота. LI, 1 — 47. Къ характеристикѣ М. М. Троицкаго. LI, 183 — 213.

Ред.: *Revue philosophique*. 1892. № 1—4. XV, 73—75; № 5—8. XVI, 77—82; № 9—12. XVII, 71—75. 1893 г. № 1—2. XIX, 82—85; № 3—6. XXII, 277—280; № 7—12. XXIV. 556—561; 1894 г. № 1—6. XXIX, 514—520.—*Научное Обозрѣние*. 1894. XXVII, 210—212.—E. de Roberty. *Agnosticisme, essai sur quelques theories pessimistes de la connaissance*. Deuxième ed. Paris. 1892. XIII, 62—64.—М. В. Безобразова. *Философскіе этюды*. М. 1892. XIV, 88—90.—W. James. *Text-book of Psychology*. London. 1892. XV, 83—86.—М. Ф. Вендтъ. Душа женщины. Переводъ С. Спб. 1892. XV, 92—93.—Bernard Pégaz. *Le caractère de l'enfant à l'homme*. Paris. 1892. XVII, 76—79.—Розенбахъ, П. Я. *Современный мистицизмъ*. Критич. соч. Спб. 1892. XVII, 80—82.—Веніаминъ Снегиревъ. *Психологія*. Харьковъ. 1893. XIX, 89—93.—*Биографическая бібліотека Ф. Павленкова* (Аристотель, Бэконъ, Локкъ, Юмъ, Милль). Спб. 1891—1892. XIX, 97—100.—Проф. А. Васильевъ. Изъ исторіи и философіи понятія о дѣломъ положительномъ числѣ. Казань. 1891, —и (его же) переводы ст. Гельмгольца и Кронекера. XX, 118—120.—A. Binet (avec la collaboration de Mm. Philippe, Courtier et V. Henri). *Introduction à la psychologie expérimentale*. Paris. 1894. XXIV, 548—551.—Alexander Bain. *The Senses and the Intellect*. London. 1894. XXV, 694—699.—(1793—1893.) Празднованіе Имп. Казанскимъ ун. столѣтней годовщины дня рожденія П. И. Лобачевского. Казань. 1894. XXV, 702—707.—Проф. А. И. Смирновъ. Эстетика, какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ. Отд. I. Каз. 1894.—Его же. Эстетическое значеніе формы въ произведеніяхъ природы и искусства. Казань. 1894. XXVI, 66—69.—Сочан. Григорія Саввича Сквороды, собр. и редактр. проф. Д. И. Багалъемъ. Юбилейное изд. (1794—1894). Харьковъ. 1894. XXIX, 508—510.—П. О. Каптеревъ. Душевные свойства женщинъ. Спб. 1895. XXX, 615—619.—Винъ, В. Аври, Куртъе, Филиппъ. Введеніе въ эксперимент. психологію. Пер. съ фр. Е. И. Максимовой, подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. Спб. 1895. XXX, 626—628.—А. Лаландъ. Этюды по филосо-

фіи наукъ. Перев. съ франц., изд. ред. журнала „Образованіе“. Спб. 1896. XXXI, 43—48.—Проф. Д. Овсяннико-Куликовский. Языкъ и искусство („Русская бібліотека“) № 8. Спб. 1895. XXXII, 148—149. Ossip Lourié, docteur de la Faculté des lettres de l'Université de Paris, membre de la Société de philosophie de l'Université de St. Pétersbourg. *La philosophie russe contemporaine*. (Bibliothèque de philosophie contemporaine) Paris. 1902. LXV, 1032—1044. LXXXII, 130—133.

Ивановъ, И. И.—Поиски за міросовершенство. ЛП, 214—286. ЛПІ, 380—449. LV, 895—962. Опытъ научно-философской религіозной и социальной докторны. LVIII, 218—278. LVIII, 362—432.

Иванцовъ, Н. А.—Отношеніе философіи и наукой. II, 23—60.—Воспоминанія о возвращеніяхъ С. А. Усова на искусство. III, 105—138.—Гексли, какъ представитель современнаго научнаго міровоззрѣнія. XII, 91—133; XIII, 30—57; XIV, 37—74.—Проблема бытія внѣшняго міра. XVII, 63—80; XVIII, 11—26.—Основной принципъ красоты. XXXIII, 337—373.—Задача искусства. XXXIV, 441—488.—Нѣсколько словъ объ идеалахъ въ искусствѣ. XLVII, 250—296.—Францискъ Бэконъ и его историческое значеніе, XLIX, 560—599; L, 794—860.—Отвѣтъ проф. А. А. Козлову. VI, 54—59.—Къ вопросу о проясненіи и характерѣ математическ. истинъ. (По поводу книги Л. Лопатина: Положительныя задачи философіи. Ч. II, М. 1891.) XIII, 69—75.—Что такое индукція? (Отвѣтъ Л. М. Лопатину). XVI, 1—14 (III отдѣлъ).—Исповѣдь естествоиспытателя (Ernst Haeckel. *Der Monismus als Band zwischen Religion und Wissenschaft. Glaubenserkenntniss eines Naturforschers*). XVIII, 103—115.—Возраженіе. XIX, 113—116.—Письмо въ редакцію и тезисы къ реф. „Четыре метода Милля“. XXI, 168—170.—Искусство и природа (В. Шерльбле. *Искусство и природа*. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Пер. съ франц. М. Калмыкова. Спб. 1894.) XXIX, 404—429. Лейбницъ. LIV, 548—620.

Извѣстія и замѣтки.—XV, 103—106; XVI, 119—120; XVIII, 172; XIX, 131; XX, 137—141; XXI, 183; XXII, 329;

- XXIII, 475—490; XXIV, 619; XXV, 789; XXIX, 531; XXX, 655; XXXII, 212—218; XXXIII, 364; XXXIV, 513; XXXV, 692—695; XXXVI, 218; XXXVIII, 567; XL, 809—812; XLI, 75—78; XLII, 163; XLIII, 281; XLIV, 358—361; XLV, 448—449; XLVII, 205—210; XLVIII, 351—355; XLIX, 437—440; L, 466; LI, 54; LII, 188—189; LV, 550; LVII, 163—190; LVIII, 290; LIX, 430; LXIII, 859; LXIV, 578; LXVI, 143; LXVIII, 484—485; LXXX, 768—775; LXXXVIII, 380—390; XC, 728—730; XCIX, 685—687.
- Н. С.**—Рец.: The Monist. V. III, № 1—3. Chicago. XXI, 150—153; v. III, № 4, v. IV, № 1—2. XXIV, 561—563; v. IV, № 3—4. XXV, 719—721. — Годлевский. Основы современного развития. XX, 120—121.
- Назанский, С.**—Рец.: Фридрих Кирхнер. Путь къ счастью. Перев. съ нѣм. Алексѣя Маркова, подъ ред. А. А. Быкова. XLI, 58—65. А. Сутерландъ. Происхождение и развитие нравственнаго инстинкта. LV, 522—532.
- Наденцовъ, П. А.**—Ученіе Шиллера о красотѣ и эстетическомъ наслажденіи. VII, 1—20. — Вѣра и знаніе. XVIII, 97—115. — Споръ разсудка съ вѣрой. XXI, 141—161. — Жизнь, какъ нравственная борьба. XXVII, 169—192. — Красота и искусство. XLIV, 627—658; XLV, 742—760.
- Намаровскій, Л. А.**, графъ. Къ вопросу о философіи войны. LIII, 335—356.
- Намбуровъ, В.**—Рец.: Henry Michel. L'idée de l'état. 1896. XLVIII, 319—324.
- Наннабихъ, Ю. В.**—Къ вопросу о свободѣ воли. LXXXVII, 171—225. — Рец.: Raoul Pictet. Étude critique du matérialisme et du spiritualisme par la physique expérimentale. Genève 1897. XXXVII, 334—343.
- Напанъ, Я.**—Плюшкинъ, психологическій разборъ его. LXIII, 796—813. — Плюшкинъ и старосвѣтскіе помѣщики. (По поводу статьи проф. Чижа „Значеніе болѣзни Плюшкина“). LXVIII, 599—646.
- Нараваевъ, В.**—Рец.: Karl Groos. Die Spiele der Tiere. 2-te Auf. Jena. 1907. XCV, 626—638.
- Наринскій, М. И.**—По поводу статьи г. проф. А. И. Введенскаго „О Кантѣ дѣйствительномъ и воображаемомъ“. XXVI, 20—46; XXVII, 242—273; XXVIII, 314—360.
- Карповъ, В.**—Витализмъ и задачи научной биологіи въ вопросѣ о жизни. XCVIII, 341—392. XCIX, 523—573.
- Карусь, П.**—По поводу рецензіи г. Астафьева. VIII, 88—89.
- Картевъ, Н. И.**—Къ вопросу о свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса. IV, 113—142. — Экономическій матеріализмъ и законмѣрность социальныхъ явленій. (По поводу статьи С. Н. Булгакова „О законмѣрности социальныхъ явленій“, XXXVI, 107—119. — Маленькое возраженіе Ф. В. Софронову. XLI, 41—45. — Новый историко-философскій трудъ (С. С. Арнольди: Задачи пониманія исторіи). XLV, 388—415.
- Кистановскій, Б.**—Государство правовое и социалистическое. LXXXV, 469—507. —Въ защиту научно-философскаго идеализма. LXXXVI, 57—109.
- Ключевскій, В. О.**—Западное вліяніе въ Россіи XVII в. (Историко-психологическій очеркъ). XXXVI, 137—155; XXXVIII, 535—558; XXXIX, 760—800. — М. С. Корелинъ (некрологъ). XLVI, стр. VIII—XIX.
- Ковалевскій, М. М.**—Развитіе идей государственной необходимости и общественной правды въ Италіи. Ботеро и Кампанелла. XXXI, 131—168.
- Кожневниковъ, А. Я.**—Разстройства кровообращенія подъ вліяніемъ душевныхъ волненій. XLV, 761—779.
- Козловъ, А. А.**—Размышленія, вызванныя неожиданнымъ голосомъ изъ области естествознанія. I, 51—82. — Очеркъ жизни и философіи Лейбница по сочиненію Мерца. III, 36—64. — Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого „О жизни“. V, 1—33; VI, 68—96; VII, 69—102; VIII, 77—109. —Новѣйшее изслѣдованіе о Платонѣ. XI, 46—59. — Позитивизмъ Конта. XV, 53—70; XVI, 41—70. — Некрологъ П. Е. Астафьева. XVIII, 122—126. — Французскій позитивизмъ (Тень, Рибо, Полянъ). XIX, 55—93. — Французскій позитивизмъ. Полупозитивисты. I. Альфредъ Фульеръ. XXI, 8—35; П. Гюйо и Тардь. XXII, 121—140. — Густавъ Тейхмюллеръ. XXIV, 523—536; XXV, 661—681. — Теорія искусства съ точки зрѣнія Тейхмюллера (Е. Бобровъ. О понятіи искусства. Умозрительно психологическое изслѣдованіе. Юрьевъ. 1894). XXVII, 178—189. — Анализъ послѣдняго произведенія гр. Л. Н. Толстого: „Хозяинъ и работ-

никъ“. XXVIII, 313—330.—Сознаніе Бога и знаніе о Богѣ. Воспоминаніе объ онтологическомъ доказательствѣ бытія Божія. XXIX, 445—460; XXX, 558—567.

Рек.: Archiv für Geschichte der Philosophie. I. Band 1888. 45—60.— К. Uphues. Ueber die Erinnerung. Untersuchungen zur empirischen Psychologie. Lpz. 1889. IV, 109—118.— Замѣчанія на статью г. Иванова: „Отношеніе между философіей и наукой“. V, 124—136.— Письмо въ редакцію. VI, 59.— И. С. Андреевскій. Генезисъ науки, ея принципы и методы. Ч. I. М. 1890. VII, 56—62.— М. Гюйо. Происхожденіе идеи времени. Пер. съ франц. А. И. Е—ва. Смоленскъ. 1891. IX, 88—93.— В. Серебренниковъ. Ученіе Локка о природныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб. 1892. XIII, 49—59.— W. Lutoslawski. Sur une nouvelle méthode pour déterminer la chronologie de dialogues de Platon. Paris. 1896. XXXIV, 472—474.

Койгень, Д.—Соціальная философія съ точки зрѣнія Платона—Кантовскаго идеализма. LXXI, 71—128. Einleitung in die Philosophie von Hans Cornelius. Leipzig. 1903. LXXII, 233—245. Колубовскій, Я. Н.—Некрологъ А. К. Бао. XXII, 327—328.

Рек.: Vierteljahrsschrift für wiss. Philosophie. 1890. I. Heft. III, 65—70.— Вундт о гипнотизмѣ и внушеніи (Philosophische Studien, т. VIII, ст. Вундта о „Гипнотизмѣ и внушеніи“). XIV, 74—80.—Ethische Kultur. XVI, 85—87.—Неврологическій Вѣстникъ, т. I, вып. I. XVIII, 92—94.— (Я. К—скій).— В. Кудрявцевъ. Начальныя основанія философіи, вып. I. Введеніе въ философію. М. 1889, II, 87—89.— (Я. К—скій). Кн. Д. Н. Церетелевъ. Нравственная философія гр. Л. Н. Толстого. М. 1889, II, 97—99.— (Я. К—скій). Аристовъ. Психологія опытная, вып. 1. Рига. 1889. II, 104.— (Я. К.). М. Massonius. Ueber Kant's transcendente Aesthetik. Lpz. 1890.

V, 101—104.— (К.). Мысли о воспитаніи Джона Локка. Перев. съ англ. Петра Вейнберга. Спб. 1890. VII, 83—84.— (К.). Шопенгауеръ. Его жизнь и фил. дѣятельность. Біогр. очеркъ Э. К. Ватсона. Спб. 1891. VII, 84— (К.). Собщенія, опубликованыя 21 окт. 1890 г. въ первомъ публичн. засѣданіи Об-

щества невропатологовъ и психіатровъ, сост. при Москов. универ. М. 1891. VII, 91.— (К.). А. Н. Деревницкій. О новомъ трактатѣ Аристотеля и его значеніи для афинской демократіи. Харьков. 1891. VIII, 80.— (К.). Кн. С. Трубецкой. Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ г. Буткевичу. М. 1891. VII, 80.—Проф. Г. Струве. Отвѣтъ о магистер. диссертации приватъ-доцента Имп. Харьк. унив. П. Лейфельда. Варшава. 1891. VIII, 81.— Hermann Gruber. S. J. August Comte, der Begründer des Positivismus. Freiburg in Br. 1889.— Его же. Der Positivismus vom Tode August Comte's bis auf unsere Tage (1857—1891). Freiburg in Br. 1891. XIV, 90—92.— (Я. К—скій и Э. Р—въ). Библиографическій листокъ за 1889. II, 121—134.— Библиографич. листокъ. III, 129—138; V, 45—60 (III отд.); VII, 122—140 (III отд.); IX, 1—16 (III отд.); XI, 86—93; XIV, 95—115; XVII, 88—104.— Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи (1855—1888). IV, 1—32 (Э. А. Голубинскій, В. Н. Карповъ, С. С. Гогоцкій, В. Д. Кудрявцевъ).— V, 33—44. (П. Д. Юркевичъ).— VI, 45—88. (Славянофилы: И. В. Кирѣевскій, А. С. Хомяковъ, Ю. Э. Самаринъ); VII, 89—121 (Н. Н. Страховъ); VIII, 122—160 (Архіеп. Никаноръ, В. В. Лесевичъ). XLIV, 285—318 (П. Л. Лавровъ).

III отдѣл. } Философскій ежегодникъ. Обзоръ книгъ, статей и замѣтокъ, преимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ. Годъ первый (1893). (Въ особомъ приложеніи). XXII, листы 1 и 2; XXIII, листы 3 и 4; XXIV, листъ 5; XXV, листъ 6; XXVII, листъ 7; XXVIII, листы 8—10; XXIX, листы 11 и 12.

Комиссія для организациі домашняго чтенія, состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. З. Программы по философіи. XXV, 762—783.

Кони, А. Э.—Общія черты судебной этики. LXI, 864—907.

Комисси, Д. П.—„Великая наука“ Конфуція. Переводъ съ предисловіемъ. XVI, 25—40.— Философія Лаоси. XVIII, 27—45; XXIII, 363—379.— Гаоте-Кингъ Лаоси (перев. съ китайскаго). XXIII, 380—408.— „Средина

- и постоянство" (священ. книга послѣдователей Конфуція). Перев. съ китайскаго. XXIX, 381—403.—"Книга о почитаніи родителей", переводъ съ предисловіемъ. XXXIII, 265—276.
- Корелинъ, М. С.**—Отношеніе А. М. Иванцова-Платонова къ исторической наукѣ. XXVII, 221—241.—Этический трактатъ Лоренпо Валлы „Объ удовольствіи и объ истинномъ благѣ". XXIX, 391—444; XXX, 519—557.—Очерки развитія философской мысли въ эпоху возрожденія. I. Міросозерцаніе Франческо Петрарки. XXXVI, 14—53; XXXVII, 329—381.
- Корниловъ, А. А.**—О человѣческой рѣчи. XX, 27—40; XXI, 35—58.
- Корсановъ, С. С.**—Международный конгрессъ по психіатріи въ Парижѣ (5—11 августа нов. стиля 1889 г.). I, 23—44.—Къ психологіи микроцефаловъ. XXI, 67—114; XXII, 185—198.
- Коршъ, Ф. Е.**—Римская элегія и романтизмъ. XLVI, 131—171; XLVII, 297—358.
- Котляревскій, Н. А.**—Воспоминанія о В. П. Преображенскомъ. LIV, 501—538.
- Котляревскій, С. А.**—Религія въ американскомъ обществѣ. LXXI, 1—33.—Объ истинномъ и мнимомъ реализмѣ. (По поводу „Очерковъ реалистическаго міросозерцанія".) LXXV, 624—644.—Предпосылки демократіи. LXXXVII, 104—127.—Къ философіи избирательнаго права. LXXX, 382—396.—Памяти князя С. Н. Трубецкаго. LXXXI, 16—28.—Политика и культура. LXXXIV, 353—367.—Психологическія предпосылки терпимости. LXXXVIII, 239—254.—Рец.: I. фонъ-Кирхманъ. Философія въ обшествоуномъ изложеніи. Перев. подъ ред. Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1896. XXXI, 48—50.—Э. Навиль. Что такое философія? Перев. подъ ред. А. И. Введенскаго. М. 1896. XXXVI, 140—141.—Дж. Мармери. Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Спб. 1896. 141—142.—Максимъ Ковалевскій. Современные социологи. Спб. 1905. LXXVIII, 457—458.—Рец: Ludwig Gumplowicz. Geschichte der Staatstheorien. LXXX, 765—767. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Von Georg Simmel. Leipz. 1908. XCV, 620—623.
- К—ій, С.**—Рец.: С. Л. Шестовъ. Апологизъ безпощивности. Опытъ адогматическаго мышленія. Спб. 1905. LXXVII, 326.—Georg Simmel. Schopenhauer und Nietzsche. Leipzig. 1907. LXXXVI, 62—63.
- Кубищій, А.**—Ученіе Платона о мысли и бытіи. XCVIII, 477—493.
- Лазаревъ, А.**—Рец.: Ludw. Busse. Geist und Körper. Seele und Leib. Leipz. 1903. LXXII, 250—261. William James. The Varieties of religions experience. A. Study in human nature. London. New-York and Bombay. 1906. XC, 709—715.—Николай Бердяевъ. Новое религиозное сознаніе и общественность. Спб. 1907. XCIV, 544—548.
- Лаурскій, А. Ф.**—О взаимной связи душевныхъ свойствъ и способахъ ихъ изученія. LIII, 217—263.—Теорія способностей въ современной психологіи. С, 722—756.
- Ланге, Н. Н.**—О дѣйствиіи гашиша. I, 147—162.—Элементы воли. IV, 1—25.—Законъ перцепціи. XIII, 18—37; XIV, 44—54; XV, 55—68; XVI, 25—38.
- Рец.: Revue Philosophique 1889. I, 58—65. 1890 г. № 1—8. V, 60—70.—№ 9—12. IX, 58—65.—Hugo Münsterberg. Beiträge zur experimentellen Psychologie. Heft. 1—2. Freiburg in Br. 1889. VI, 24—33.—Отвѣтъ г. Г. Челпанову. VIII, 90—93.—Письмо въ редакцію. XXVI, 84—88.
- Лапшинъ, И. И.**—О трусости въ мышленіи. LV, 817—881.
- Ланцъ, Г.**—Эдмундъ Гуссерль и психологисты нашихъ дней. XCVIII, 393—443.—Вильгельмъ Шuppe и идея универсальной имманентности. С, 757—799.
- Лебедевъ, А. С.**—Г. С. Сковорода, какъ богословъ. XXVII, 170—177.
- Леонова, О. В.**—Современный взглядъ на локализацию функций въ мозговой корѣ. VI, 100—127 (III отд.).—Нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу статьи г. Суханова о теоріи нейроновъ. XXXV, 629—636.
- Лерсевичъ, В. В.**—Религиозная свобода по эдиктамъ царя Асоки Великаго. I, 163—188.—Гдѣ искать „настоящій буддизмъ"? III, 121—127.
- Л. М.**—Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie und Soziologie (1905) и (1906). LXXXVI, 69—74.
- Ломбозо, П.**—Послѣдовательность мыслей у дѣтей (переводъ съ итальянской рукописи Маріи Ив. Россолимо). XII, 23—40; XLII, 99—108.

Лопатинъ Л. М.—Положеніе этической задачи въ современной философіи. II, 61—72.—Критика эмпирическихъ началъ нравственности. III, 64—104.—Нравственное учене Канта. IV, 65—82.—Теоретическія основы сознательной нравственной жизни. V, 34—83.—Къ вопросу о математическихъ истинахъ (Отвѣтъ Н. А. Иванцову). XIV, 55—70.—Большая искренность (Замѣтка по поводу ст. В. П. Преображенскаго „Фридрихъ Ницше“). XVI, 109—114.—Понятіе объ индукціи (Отвѣтъ Н. А. Иванцову). XVI, 15—27 (III отд.) — (и Н. А. Звѣревъ). Къ вопросу о міросозернаніи блаженнаго Августина (По поводу книги кн. Е. Н. Трубецкаго: „Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ: міросозернаніе бл. Августина“. М. 1892). XVIII, 26—40.—Подвижныя ассоціаціи представленій. XIX, 1—35.—Новый психофизиологическій законъ г. Введенскаго. XIX, 60—81.—Параллелистическая теорія душевной жизни. XXVIII, 358—389.—Явленіе и сущность въ жизни сознания. XXX, 619—652.—Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта. XXXII, 264—298.—Декартъ, какъ основатель новаго философскаго и научнаго міросозернанія. XXXIV, 609—642.—Спиритуализмъ, какъ психологическая гипотеза. XXXVIII, 486—534.—Н. Я. Гротъ (некрологъ). XLVIII, IX—XX.—Вопросъ о реальномъ единствѣ сознания. XLIX, 600—623; L, 861—880.—Василій Петровичъ Преображенскій. LI, I—IX. Памяти С. С. Корсакова. LIII, V—VIII. Къ вопросу о безсознательной душевной жизни. LIV, 741—757.—Философское міросозернаніе В. С. Соловьева. LVI, 45—91. Памяти А. А. Токарскаго. LIX, XII—XIV. Личность и міросозернаніе С. С. Корсакова. LX, XXXIX—XLIX. Методъ самонаблюденія въ психологіи. LXI, 1031—1090. Научное мировоззрѣніе и философія. LXIX, 404—430. LXX, 475—496. LXXI, 84—128. Философское мировоззрѣніе Н. В. Бугаева. LXXII, 172—195. Ученіе Канта о познаніи. LXXVI, 1—18. Памяти князя С. Н. Трубецкаго. LXXIX, I—V.—Аксиомы философіи. LXXX, 335—352.—Князь С. Н. Трубецкой и его общее философское міросозернаніе. LXXXI, 29—129. Типическія системы философіи. (Научное мировоззрѣніе и фи-

лософія.) LXXXIII, 262—294. Новая теорія познанія, LXXXVII, 185—206. Физикъ-идеалистъ (Памяти Н. И. Пшчкина). LXXXIX, 324—366. XC, 492—527. XCI, 186—218. Философскіе взгляды В. Я. Цингера. XCIII, 219—227.

Рец.—Н. Д. Виноградовъ. Философія Давида Юма. Часть I. Теоретическая философія Д. Юма. М. 1906. LXXXIII, 251—259. А. Д. Гуляевъ. Этическое учене въ „Мысляхъ“ Паскаля. LXXXIX, 545—551.

Л-сній, В.—Рец.—G. Stuart Fullerton. On Sameness and Identity. Philadelphia. 1890. V, 96—97.

Лосскій, Н. О. Недомолвки въ теоріи эмоціи Джемса. LVIII, 99—134. А. А. Козловъ и его пансихизмъ. LVIII, 183—206. Волюнтаристическое учене о волѣ. LXII, 667—709. LXIII, 755—782. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. LXIV, 779—823. LXV, 905—950. LXVI, 1—42. Обособленіе мистическаго эмпиризма. LXXII, 129—171. LXXIII, 197—228. LXXIV, 315—396. LXXV, 451—507. LXXVII, 71—103. LXXVIII, 163—211. LXXXIX, 247—334. Гносеологическій индивидуализмъ въ новой философіи и преодолѣніе его въ новейшей философіи. LXXXVIII, 227—238. Въ защиту интуитивизма. (По поводу статьи С. Аскольдова „Новая гносеологическая теорія Н. О. Лосскаго“ и статьи проф. Л. Лопатина „Новая теорія познанія“) XCIII, 449—462.

Рец.: Я. Колубовскій. Философскій ежегодникъ. Годъ второй. М. 1896. XXXVIII, 523—526. Лапшинъ. Законы мышленія и формы познанія. Спб. 1906. LXXXVIII, 349—357.

Луньновъ, С. М.—Позитивная биологія О. Ковта и философія. XLII, 216—253.

Личачарскій, А.—Русскій Фаустъ. LXIII, 783—795.

Лурье, Осипъ.—Рец.—Th. Ribot. L'évolution des idées générales. Paris 1896. XLI, 52—58.—Emile Durkheim. Le suicide. Paris. 1897. XLIV, 319—325.

Лурье, С.—Принципы эволюционизма и предѣлы ихъ примѣненія въ наукахъ объ обществѣ. LXXII, 162—204.

Любавскій, М.—Алексій Сергѣевичъ Бѣлякинъ. XCIX, 1—X.

Лютославскій, В. Ф.—О значеніи и задачахъ исторіи философіи. III, 45—63.

Лашкевичъ, Л.—Рец.—Д-ръ Бродеръ

- Христиансенъ. Психология и теория познания. Перев. Е. Боричевского под ред. Б. А. Фохта. XCII, 285—287.
- Маз-ровичъ, Н.**—Ред.—Eduard von Hartmal. Zur Geschichte und Begründung des Pessimismus. Lpz. 1892. XVI, 90—92—Boutroux. De l'idée de la loi naturelle. Paris. 1895. XXXIV, 467—472.
- Мануиловъ, А.**—Изъ воспоминаний о кн. С. Н. Трубецкомъ. LXXXI, 1—3.
- Маринъ, Н. В.**—О вліяніи утомленія на воспріятіе пространственныхъ отношеній. VIII, 28—41.—Объ одномъ неразъясненномъ явленіи XVIII, 1—10.—Вліяніе чувствованій на теченіе времени. XXVII, 111—133.
- Марковниковъ, В.**—Изъ новѣйшей литературы по вопросамъ историческаго познания. LXXXV, 442—481.
- Материалы для журнальной статистики:** IX, 24 (III отд.); XIV, 116; XX, 177—178; XXV, 788—789; XXX, 669; XXXV, 696; XL, 816; XLV, 454; L, 477; LV, 553—554; LX, 530—531; LXV, 1060—1061; LXX, 928—929; LXXV, 760; LXXX, 776; LXXXV, 513; XC, 735; XCV, 644; C, 815.
- Меліоранскій, Б.**—Теоретическая философія С. Н. Трубецкого. LXXXII, 197—223. Философская сторона ико-ноборчества. LXXXVII, 142—170.
- Менабиръ, М. А.**—Историческій очеркъ возрѣвній на природу. X, 151—174; XI, 75—97.
- Милоуевъ, П. Н.**—Разложеніе славянофильства (Данилевскій, Леонтьевъ, Вл. Соловьевъ). XVIII, 46—96.—По поводу „Замѣчаній“ Вл. С. Соловьева. XIX, 103—105.
- Миноръ, Л. С.**—Объ измѣненіи физиономіи въ нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ. XVII, 55—64; XVIII, 14—25.
- Михайловскій, І. В.**—Наказаніе какъ факторъ культуры. LXXXVII, 250—302.
- Моніевскій, П. В.**—Ред.: Mind. 1890 г. январь—III, 70—72; апрѣль—IV, 134—135; июль—V, 70—71; октябрь—VI, 34—36. 1891 г. январь—VII, 53—55; апрѣль—IX, 66—67; июль—X, 52—53; октябрь—XII, 51—53. 1892 г. январь—XIV, 71—72; апрѣль—XVI, 76—77; июль—XVII, 70; октябрь—XVIII, 91—92. 1893 г. январь и апрѣль—XIX, 85—87, июль—XX, 128—129; октябрь—XXII, 281—282. 1894 г. январь—XXIV, 555—556; апрѣль—октябрь—XXVII, 204—208. 1895 г. январь—октябрь XXXI, 54—63. 1896 г. январь—октябрь. XXXVI, 178—187. 1897 г. январь—октябрь—XLI, 67—74; 1898 г. январь—октябрь—XLVI, 58—65; 1899 г. январь—октябрь—LI, 43—51; 1900 г.—январь—октябрь—LVIII, 291—300; 1901 г.—январь—октябрь—LXI, 734—743; 1902 г.—январь—октябрь—LXVIII, 522—529; 1903 г.—январь—октябрь—LXXIV, 569—574; 1904 г.—январь—октябрь—LXXXIX, 598—606; 1905 г.—январь—октябрь—LXXXV, 490—499; 1906 г.—январь—октябрь XCI, 140—147.—Rivista di filosofia scientifica. XII, 38—39.—An Epitome of the Synthetic Philosophy by F. Howard Collins. London. 1889. III, 91—92.—Pierre Janet. L'automatisme psychologique. Paris. 1889. II, 94—105.—Darwinism. by Alfred Russel. Wallace. VIII, 81—85.—Alfred Binet. Les altérations de la personnalité. Paris. 1892. XV, 96—102.—Herbert Spenser. The Principles of Ethics. T. I. 1892. XVII, 79—80.
- Молчановъ, Н.**—Ред.—Georg Simmel. Kant. Sechzehn Vorlesungen gehalten an der Berliner Universität. Leipzig. 1904. LXXVIII, 459—482.
- Монтелли, Ал.**—Вліяніе аккомодациі и конвергенціи на воспріятіе глубины. LXXXVIII, 291—327.
- Мордухай-Болтовской, Д.**—О законѣ непрерывности. LXXXVII, 168—184. Психология математическаго мышленія. XCIV, 491—535.
- Моревъ, И.**—Ред.—Вѣра и разумъ. 1890, сентябрь—декабрь. VIII, 68—72.
- Некрасовъ, П. А.**—Отвѣтъ на замѣчанія и возраженія относительно философскихъ и логическихъ основаній социальной физики. LXVIII, 573—598. Логика мудрыхъ людей и мораль. (Отвѣтъ В. Гольцеву.) LXX, 902—927.
- Неплюевъ, Н. Н.**—Христіанская гармонія духа (этико-психологическій этюд). XXXII, 73—108.
- Нечаевъ, А.**—Экспериментальныя данныя къ вопросу о вниманіи и внушеніи. LII, 169—175. Gustav Störing. Vorlesungen über Psychopathologie in ihrer Bedeutung für die normale Psychologie mit Einschluss der psychologischen Grundlagen der Erkenntnistheorie. LV, 533—535. Памяти А. А. Токарскаго. LIX, XVIII—XX. Отвѣтъ г. Айхенвальду. LX, 504—518. Второй отвѣтъ г. Айхенвальду. LXI, 625—632. Письмо въ редакцію.

- LXXIV, 578. Къ вопросу о сьзвѣдѣ по педагогической психологіи и комментаріяхъ Г. И. Челпанова. С, 805—810.
- Николаевъ, Б.**—Ред. O. Plümacher. Der Kampf um's Unbewusste. Zweite Auf. Lpz. 1890. IX, 108—111.
- Николаевъ, И.**—Ред. — Religionsphilosophie. Von Dr. Harald Höffding. Aus dem dänischen übersetzt von F. Bendixen. Leipzig. 1901. LXXVII, 356—362.
- Новгородцевъ, П. И.**—Къ вопросу о сущности теократіи. XLVIII, 304—307. Объ историческомъ и философскомъ изученіи идей. LIV, 658—685. Идея права въ философіи Вл. С. Соловьева. LVI, 112—129. Нравственная проблема въ философіи Канта. LVII, 279—314. Ученіе Канта о правѣ и государствѣ. LVIII, 315—361. Мораль и познаніе. LXIV, 824—838. Овѣтъ Л. И. Петражицкому. LXVI, 121—145. Государство и право. LXXIV, 397—450. LXXV, 508—538. Кантъ, какъ моралистъ. LXXVI, 19—36. Памяти князя Сергѣя Николаевича Трубецкого. LXXXI, 4—8. Кризисъ современнаго правосознанія. LXXXIV, 390—451. Памяти Куно-Фишера. LXXXIX, V—VIII. Кризисъ современнаго правосознанія. LXXXIX, 367—432. XC, 433—491. XCI, 80—117. XCIII, 257—286. XCIV, 377—440. XCV, 513—597. Письмо въ редакцію. LXXIX, 581—583. Русскій послѣдователь Г. Когена. XCIX, 636—661.
- Новости иностранной философской литературы.** (Извлеченія изъ рецензій въ иностранныхъ журналахъ). Max. Dessoir. Geschichte der neueren deutschen Psychologie.—Max. Apel. Kants Erkenntnisstheorie und seine Stellung zur Metaphysik. 1895.—L. Lévy Bruhl. La philosophie de Jacobi.—John Watson. Hedonistic Theories from Aristippus to Spencer. 1895.—Z. A. Selby-Bidge. An Enquiry concerning the human Understanding and an Enquiry concerning the principles of morals, by David Hume. 1894.—W. Wundt. Grundriss der Psychologie. 1896.—C. Lloyd Morgan. An Introduction to comparative Psychology.—James Sully. Studies of Childhood. 1895.—S. Le Sanctis. I fenomeni di contrasto in psicologia.—L. Dugas. Le psittacisme et la pensée symbolique. 1896.—G. Ferrero. Les lois psychologique du symbolisme.—Mlle Josephine Zürcher. Jeanne d'Arc.—Charles F. d'Arcy Short Study of Ethics. 1895.—D. Dörner. Das menschliche Handeln.—Henry Rutgers Marshall. Aesthetic Principles. 1895.—T. Whittaker. Essays and Notices. 1895. XXXIV, 499—513.—H. Höffding. Geschichte der neueren Philosophie. I Band. 1895.—W. Heinrich. Die moderne physiologische Psychologie in Deutschland. 1895.—B. Bosanquet. The essentials of Logic. 1895.—Rudolph Steiner. Fr. Nietzsches. 1895.—Johannes Volkelt. Aesthetische Zeitfragen. 1895. XXXV, 677—685.—K. Lasswitz. G. Th. Fechner. Stuttgart. 1896.—Dr. Johannes Rehmke. Grundriss der Geschichte der Philosophie. 1896.—James Seth. A Study of ethical Principles.—Dr. Josef Klems Kreibig. Geschichte und Kritik des ethischen Sceptizismus. 1896. XXXVI, 200—205.—A. Drews. Kants Naturphilosophie als Grundlage seines Systems. Berlin. 1894.—Wm. Caldwell. Schopenhauer's System in its philosophical significance. 1896.—Rudolf Eucken. Die Lebensanschauungen der grossen Denker. 1897.—Harald Höffding. Ethische Prinzipienlehre. 1886.—Max Wentscher. Ueber physische und psychische Kausalität und das Prinzip des psychophysischen Parallelismus. Leipzig. 1896. XXXVIII, 558—564.—Jonas Cohn. Geschichte des Unendlichkeitsproblems im abendländischen Denken bis Kant. Leipzig. 1897.—Nourrisson. Voltaire et le voltairianisme.—I. E. Erdmann. Grundriss der Geschichte der Philosophie. 1896.—G. F. Stout. Analytic Psychology. XXXIX, 712—714.—Friedrich Jodl. Lehrbuch der Psychologie. Stuttgart. 1896.—E. W. Scripture. The new Psychologs. London. 1897.—Karl Heinrich Stein. Vorlesungen über Aesthetik. Stuttgart. 1897.—William James. The Will to Believe and other Essays in Popular Philosophy. 1893. XLII, 152—162.—Wincenty Lutoslawski. The Origin and Growth of Plato's Logic.—Georges Noël. La logique de Hegel. 1897.—Sidis (Boris). The Psychology of Suggestion. XLIV, 351—357.—Hans Cornelius. Psychologie als Erfahrungswissenschaft. Leipzig. 1897.—D. Mercier. Les origines de la psychologie contemporaine. Paris. XLVII, 177—184.—Friedrich Paulsen. Immanuel Kant. Sein Leben und seine Lehre.

- XLVIII, 325—330.—William James. Talks to Teachers on Psychology. XLIX, 419—422. Kuno Fischer. Geschichte der neueren Philosophie. 2. Band. L, 451—459.
- Норвичкая, П.**—Письмо въ редакцію (Письмо гр. Л. Н. Толстого, сообщенное г-жей Новичкой). XXXII, 167—169.
- Оболенскій, Л. Е.**—Попытка научнаго примиренія моральныхъ разногласій. Отрицатели морали. XXX, 533—567.—Ред. Alexander. Moral Order and Progress. London. 1889. I, 75—82.—Автономія человѣка въ прогрессѣ и ея стадіи. XXXI, 35—72; XXXII, 196—225.—Самосознаніе классовъ въ общественномъ прогрессѣ. XXXIV, 521—551.—Типы представленій о мірѣ, какъ онъ есть самъ по себѣ. XLVIII, 426—477.
- Овсяннико-Куликовскій, Д. Н.**—Очерки изъ исторіи мысли. II, 159—189; V, 103—134.
- Огневъ, А.**—Ред.—Ueber die Seelenfrage. Ein Gang durch die sichtbare Welt um die unsichtbare zu finden. Von Gustav Theodor Fechner. 2 Aufl. besorgt von D-r Eduard Spranger. Mit einem Geleitwort von Friedrich Paulsen. Hamburg und Leipzig. 1907, XCIII, 441—443.
- Огневъ, И. Ф.**—Естественно-историческія воззрѣнія Биша. XLIII, 355—384.—Рѣчи Э. Дю-Буа-Реймона и его научное мировоззрѣніе. XLVIII, 211—241. Витализмъ въ современномъ естествознаніи. LIV, 686—730.
- Ольденбургъ, С. Ф.**—“Обличеніе” ламаизма. Иеромонахъ Меоодій. Буддійское мировоззрѣніе или ламаизмъ и обличеніе его. Спб. 1902. LXXV, 1016—1023.
- Орденскій, Р.**—Ред.—Карлъ Каутскій. Этника и матеріалистическое пониманіе исторіи. Перев. съ рукоп. Л. Фейнберга и С. Цедербаума, подъ ред. Ф. Дана. Спб. 1906. LXXXVIII, 328—339. Л. I. Петражицкій. Теорія права и государства. Т. I. 1907. XCI, 111—135.
- Остроумовъ, М.**—Письмо къ редактору. XXII, 316—322.
- Отчетъ о докторскомъ диспутѣ Н. Н. Ланге.** XXIV, 564—616.
- Отъ Совѣта Московскаго Психологическаго Общества.** XLVI, стр. V—VI.
- Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Философскаго Общества.** XLVI, стр. VII.
- П.**—Ред. Бинз. Психологія умоваключеній. М. 1889. I, 92.
- Паперна, Г. А.**—Ред.: International Journal of Ethics. Т. I. № 1—2. IX, 67—76; № 3—4, X, 53—56. Т. II, № 1, XIII, 43—45; № 2—4, XVI, 82—85.
- Перечни статей въ иностранныхъ журналахъ:** IV, 135—137; V, 71—73; VIII, 64—65; IX, 78; XX, 134—136; XXII, 285—286.
- Перцевъ, Вл.**—Теорія эволюціи и философія исторіи Гердера. LXXXIX, 469—503.
- Перцовъ, П.**—Гносеологическія недоразумѣнія. (По поводу классификаціи наукъ Генриха Риккерта.) XCVI, 27—72.
- Песковъ, Н.** Научный субъективизмъ и его опасность въ экспериментальной психологіи. (По поводу брошюры д-ра Котика “Эманация психофизической энергии”). XCI, 93—110.
- Петрово-Соловово, М. М.**—Телепатія. XI, 146—162; XII, 134—145.
- Петровскій, А. Г.**—Памяти В. С. Соловьева. LVI, 36—44. Ред.—Н. Чермакъ. О построеніи живого вещества. Спб. 1895. XXX, 612—615.
- Петруновичъ, М. И.**—Ред. Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie 1893. № 1—4 и 1894. № 1. XXIII. 450—452. 1894, № 2—3. XXVI, 79—82.
- Поварнинъ, С.**—Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1901 (1—3). Archiv für Geschichte der Philosophie 1901 (1—4). LXI, 616—624.
- Подъяпольскій, П.**—Къ вопросу о вліяніи воображенія на плодъ. LXXX, 768—773.
- Поливановъ, М.**—Памяти князя С. Н. Трубецкаго. LXXXI, 139—145.
- Половцова, В.**—По поводу автобіографіи Фр. Ницше. XCVIII, 501—520.
- Полынова, Н.** Revue de philosophie. LIX, 425—429.
- Поповъ, И.**—Элементы греко-римской культуры въ исторіи древняго христіанства. XCVI, 55—92. Идея обоженія въ древне-восточной церкви. XCVII, 165—213.
- Поповъ, X.**—Ред.: Православное Обозрѣніе. 1889 г., т. I.—I, 61—66; т. II.—II, 66—73. 1890 г. № 1, 2 и 3, III, 81—85; № 4, 5, 6, IV, 137—143; № 7, 8 и 9, V, 73—77; № 10, VI, 37—40; № 11—12 и 1891 г. № 1. VIII, 65—68.

Португаловъ, Ю.— По поводу полемики проф. В. Ф. Чижъ и д-ра Я. Ф. Каплана, LXVI, 146—155.

Постовскій, Н. П.— С. С. Корсаковъ, какъ клиницистъ-преподаватель. LX, LXXIX—XСII.

Преображенскій, В. П.— Фридрихъ Ницше. Критика морали альтруизма. XV, 115—160.

Рец.: Cohen. Kants Begründung der Aesthetik. Berlin. 1889.—Lose Blätter aus Kants Nachlass, mitgetheilt von R. Reicke I. Heft. Königsbergs. 1889. I, 95—98.—E. W. Simson. Der Begriff der Seele bei Plato. Lpz. 1889. II, 108—111.—John Venn. The principles of empirical or inductive Logic. London. 1889. IV, 101—106.—Периодика Бенеликта де-Спинозы съ прилож. жизнеописанія Спинозы. I. Колеруса. Пер. съ лат. Л. Я. Гуревичъ, подъ ред. и съ примѣч. А. Л. Волынского. Спб. 1891. VII, 76—83.—Prof. Dr Ludwig Stein. Leibniz und Spinoza. Berlin. 1890. IX, 93—104.—М. Гюйо. Искусство съ точки зрѣнія социологии. Съ предисл. А. Фулье. Пер. подъ ред. А. Н. Пыпина. Спб. 1891. X, 67—71.—Фр. Ницше. Такъ говорилъ Заратустра. Девять отрывковъ въ переводѣ С. П. Нани. Спб. 1899. XLVI, 41—48.

Протоколы засѣданій Русскаго Общества экспериментальной психологии въ 1891—92 г. (первый годъ существованія, въ особомъ приложеніи). XII, 1—32; XIII, 33—48.—Протоколы за 1892—93 г. XXII, листы 1 и 2; XXIII, листъ 3; XXIV, листъ 4.

П. Р.—Рец. Naturwissenschaft und Weltanschauung. Eine Rede von Max Vogerson. Zweite Auflage. Leipzig. 1904. LXXXVI, 125—126.

Психологическое Общество.—Рефераты, читанные въ Москов. Психолог. Обществѣ со времени его основанія (за 1885—89 гг.). I, 99—101.—Списокъ членовъ Псих. Общ. по 1-е ноября 1889 г. I, 102—106.—Рефераты, читанные съ 1-го ноября 1889 г. по 1-е мая 1890 г. III, 139—140.—Списокъ членовъ, вошедшихъ въ составъ Общ. съ 1 ноября 1889 г. по 20 апрѣля 1890 г. III, 141—142.—Отчетъ о состояніи суммъ Псих. Общ. III, 143—144.—Условія для соисканія преміи за сочиненіе на тему по философіи наукъ. III, 145—146.—Тезисы къ рефератамъ В. Р. Будке: „Опытъ физіо-

логической теоріи памяти“; Н. И. Карѣва: „Къ вопросу о свободѣ воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса“; Л. М. Лопатина: „По поводу современнаго философскаго міросозерцанія“ и протоколы преній по поводу двухъ послѣднихъ рефератовъ. IV, 33—46 (III отдѣлъ).—Тезисы къ рефератамъ Л. М. Лопатина: „По поводу гипотезы объ индуктивномъ происхожденіи математическихъ понятій“ и „Теорія математическихъ познаній Канта“. V, 61—65 (III отд.).—Тезисы къ реферату Н. Я. Грота: „Самонаблюденіе — единственный источникъ познанія душевной жизни“ и возраженія на этотъ рефератъ С. С. Корсакова и В. А. Гольцева. VI, 89—95 (III отд.).—Тезисы къ реферату Г. И. Челпанова: „Теорія инперцепціи и психической активности въ современной психологии“. VI, 95—96 (III отд.).—Отчетъ о дѣятельности Псих. Общ. въ 1890 г. и списокъ членовъ, вошедшихъ въ составъ его съ 20 апрѣля по 20 декабря 1890 г. VI, 97—99 (III отд.).—Протоколы двухъ (70 и 71) засѣданій Психологич. Общ. въ январѣ 1891 г. VII, 141—148 (III отд.).—Протоколы четырехъ (72—75) засѣданій. VIII, 161—173 (III отд.).—Протоколы трехъ (76—78) засѣданій. IX, 17—23 (III отд.).—Протоколы трехъ (79—81) засѣданій. X, 87—92.—Протоколы трехъ засѣданій (82—84). XI, 101—110.—Постановленіе о присужденіи преміи Д. А. Столыпина и условія для соисканія второй преміи Д. А. Столыпина за сочиненіе на тему по философіи наукъ. XII, 75—76.—Протоколы шести (86—91) засѣданій. XIII, 76—96.—Протоколъ 92-го засѣданія. XV, 107—112.—Протоколы пяти (93—97) засѣданій, положенія А. И. Введенскаго къ его сочиненію „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія“ и направленные противъ нихъ положенія Н. Я. Грота. XVI, 110—118.—Дополнительный протоколъ преній по поводу реферата Н. В. Бугаева „Основныя начала эволюціонной монадологіи“ (въ 95-мъ засѣд. 7 ноября 1892 г.). Протоколы трехъ (98—100) засѣданій Общества и списокъ членовъ Психол. Общ. къ 24 января 1893 г. XVII, 105—129.—Протоколы пяти (101—105) засѣданій. XVIII, 154—172.—Протоколъ 106 засѣданія. XIX, 117—126.—Отчеты о 107 и 108

засѣданійхъ. XX, 144—176 —Извлечение изъ протоколовъ засѣданій 109—111; извлеч. изъ доклада комисси по передачѣ журн. „Вопросы философіи и психологии“ въ собств. Психол. Общ. Тезисы Н. Я. Грота по вопросу о „Значеніи идеи параллелизма въ психологии“. XXI, 160—168. —Извлечение изъ протоколовъ засѣд. 112 и 113 и изложение преній по рефер. П. Д. Боборыкина „Формулы и термины въ области прекраснаго“; В. Р. Будке: „Анализъ условій мѣста и времени при ассоціаціяхъ идей“, Н. Я. Грота: „О значеніи идеи параллелизма въ психологии“. XXII, 287—315. —Отчеты о засѣданіяхъ 113—115; тезисы къ реферат. П. А. Каленова: „Споръ рассудка съ вѣрой“ и спискомъ членовъ. XXIII, 455—474. —Условия для соисканія второй преміи Д. А. Столыпина. XXIV, 617—618. —Отчеты о засѣданіяхъ 116—121 и пренія по рефер. кн. Д. Н. Цертелова: „Пространство и время, какъ формы явленій“; А. А. Токарскаго: „Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей“ и „Роль воли въ психическомъ процессѣ“. XXV, 731—761. —Отчеты о засѣдан. 122—126 и изложение преній по двумъ рефер. Н. Я. Грота: „О времени“. XXVI, 89—109. —Изложение преній по рефератамъ: В. Р. Будке: „Анализъ основныхъ условій при ассоціаціяхъ идей“ и П. Д. Боборыкина: „Природа красоты“. —Отчетъ о засѣдан. 127—130 и краткій отчетъ о дѣятельности Моск. Псих. Общ. за 1894 г. XXVII, 220—250. —Обзоръ дѣятельности Моск. Псих. Общ. за первое десятилетіе (1885—1895). XXVII, 251—258. —Отчеты о засѣд. 131—132 и условия для соисканія второй преміи Д. А. Столыпина. XXVIII, 382—385. —Отчеты о 133—136 засѣд., условия для соисканія второй преміи Д. А. Столыпина и пренія по реф. П. А. Каленова: „Жизнь какъ нравственная борьба“ и Н. Я. Грота: „Устой нравственной жизни и дѣятельности“. XXX, 633—655. —Отчеты о 137—139 засѣданіяхъ. XXXI, 68—70. —Отчеты о 140—144 засѣд.; годовые отчеты секретаря и казначея Общества за 1895 г.; списокъ членовъ по 1-е марта 1896 г.; пренія по реферату Ц. П. Балталопа: „Чувство сходства, какъ источникъ эстетической эмоціи и красоты“ и реферату С. А. Суханова

„Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій“. XXXII, 174—211. —Отчетъ о 145-мъ засѣд. и условия для соисканія преміи Д. А. Столыпина. XXXIII, 358—360. —Пренія по реферату Л. М. Лопатина: „Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта“ и условия для соисканія преміи Д. А. Столыпина. XXXIV, 514—521. —Отчеты о 146—150 засѣд. и условия для соисканія второй преміи Д. А. Столыпина. XXXV, 686—691. —Отчетъ о 151 засѣданіи, пренія по реферату В. Н. Ивановскаго: „Къ исторіи ученія объ апперцепціи“. XXXVI, 206—217. —Отчеты о 152—155 засѣданіяхъ Общества (представленіи объ избраніи въ почетные члены Общества), пренія по реферату А. Н. Бернштейна: „О воспріятіи постоянныхъ и переменныхъ раздраженій“, тезисы къ сообщенію Н. Я. Грота: „О значеніи понятія психической энергіи“, краткій отчетъ о дѣятельности Психологическаго Общества за 1896 г., списокъ членовъ Общества къ 15 марта 1897 г. XXXVII, 361—388. —Отчетъ о 156 и 157 засѣданіяхъ. XXXVIII, 565—566. —Условия для соисканія преміи Д. А. Столыпина. XXXIX, 715—716. —Отчеты о 158—160 засѣданіяхъ. XL, 813—815. —Отчеты о 161 и 162 засѣданіяхъ, отчеты секретаря и казначея Общества за 1897 г., списокъ членовъ по 1 февраля 1898 г., пренія по реферату д-ра Воробьева: „Опытъ классификаціи выразительныхъ движеній по ихъ генезу“, пренія по реферату кн. С. Н. Трубецкого: „Значеніе философіи Гегеля“. XLI, 79—98. —Отчетъ о 163 и 164 засѣданіяхъ и условия для соисканія преміи Д. А. Столыпина. XLII, 164—167. —Условия для соисканія преміи Д. А. Столыпина. XLIII, 282—283. —Отчетъ о 166 засѣданіи и условия для соисканія преміи. XLIV, 362—364. —Отчетъ о 167 и 168 засѣданіяхъ, отчетъ о преніяхъ по реферату Н. В. Бугаева: „Математика и научно-философское міросозерзаніе“ и П. А. Каленова: „О красотѣ и искусствѣ“. XLV, 450—453. —Отчеты о 169—171 засѣданіяхъ, отчетъ секретаря и казначея о дѣятельности Общества въ 1898 г., предложенія объ избраніи въ почетные члены, списокъ членовъ Общества по 1 февраля 1899. XLVI,

66—86.—Отчеты о 172 и 173 засѣданіяхъ. XLVIII, 355—357.—Условія для соисканія преміи Д. А. Столыпина. XLIX, 441—442.—Отчеты о 174—177 засѣданіяхъ. L, 471—476. Отчетъ о 178—179 засѣданіяхъ, отчетъ секретаря и казначея о дѣятельности Общества въ 1899, предложенія объ избраніи въ почетные члены Общества, списокъ членовъ О-ва по 1-е февраля 1900 г. LI, 55—73. Отчетъ о 180 засѣданіи; отчетъ о преніяхъ по реферату Ц. П. Балталона „Опыты по эстетикѣ зрительныхъ воспріятій“. LI, 190—196. Отчетъ о 181 засѣданіи LV, 551—553. Отчетъ о 182—190 засѣданіяхъ. LVI, 1—7. Отчеты о 191—192 засѣданіяхъ. Отчеты секретаря и казначея О-ва за 1900 г., списокъ членовъ Псих. О-ва, условія для соисканія 2-й преміи Д. А. Столыпина. LVII, 169—182. Отчетъ о 193—196 засѣданіяхъ. LX, 527—529. Отчетъ о 197—198 засѣданіяхъ. LXI, 233—234. Отчетъ о 199—200 засѣданіяхъ. Отчетъ секретаря и казначея О-ва за 1901 г., списокъ членовъ Псих. О-ва, условія для соисканія второй преміи Д. А. Столыпина. LXIII, 862—872. Отчеты о 201—203 засѣданіяхъ. LXVI, 156—158. Отчеты о 204—205 засѣданіяхъ. Философскія и логическія основанія социальной физики. Тезисы къ сочиненію П. А. Некрасова. Рѣчь П. А. Некрасова о тезисахъ и о задачѣ своего сочиненія. Возраженія на тезисы П. А. Некрасова: кн. Д. П. Цертелена, П. В. Преображенскаго, В. А. Гольцева, П. П. Соколова, В. К. Младзѣвскаго. Отчетъ о 206 годичномъ распорядительномъ засѣданіи. Отчетъ секретаря и казначея О-ва за 1902 г. Списокъ членовъ Псих. О-ва. LXVIII, 530—572. Отчеты о 207—208 засѣданіяхъ. LXIX, 752—753. Отчеты о 209—210 засѣданіяхъ. Вступительное слово Л. М. Лопатина. LXX, 898—901. Отчеты о 211—212 засѣданіяхъ. LXXI, 140—141. Отчетъ о 213 засѣданіи. Отчетъ о 214 годичномъ распорядительномъ засѣданіи. Отчетъ секретаря и казначея О-ва за 1903 г. Списокъ членовъ Псих. О-ва. Условія для соисканія 2-й преміи Д. А. Столыпина. LXXII, 267—280. Отчетъ о 215—216 соединенномъ засѣданіи Псих. О-ва и О-ва Невропатологовъ и Психіатровъ. Докладъ соединенной Комиссіи Псих.

О-ва и О-ва Невропатологовъ и Психіатровъ по вопросамъ, представленнымъ на ихъ разрѣшеніе постояннымъ бюро съѣздовъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній, принятый въ соединенномъ засѣданіи обоихъ О-въ 28 февраля 1904 г. LXXIII, 434—445. Отчеты о 217—219 засѣданіяхъ. Отчетъ о 220 торжественномъ засѣданіи, посвященномъ памяти Канта. LXXVI, 144—147. Отчетъ о 221 годичномъ распорядительномъ засѣданіи. Отчетъ секретаря и казначея О-ва за 1905 г. Списокъ членовъ Псих. О-ва. LXXIX, 620—631. Отчетъ о 222 экстренномъ распорядительномъ засѣданіи. Отчетъ о 223 экстренномъ закрытомъ засѣданіи по случаю кончины товарища предсѣдателя кн. С. Н. Трубецкаго. LXXXII, 136—138. Отчетъ о 224 годичномъ распорядительномъ засѣданіи. Отчетъ секретаря и казначея О-ва за 1906 г. Списокъ членовъ О-ва. Отчетъ о 225 засѣданіи. LXXXV, 506—512. Отчетъ о 226 годичномъ распорядительномъ засѣданіи. Отчетъ секретаря и казначея О-ва за 1907 г. Списокъ членовъ О-ва. LXXXVII, 210—220. Отчетъ о 227—231 засѣданіяхъ. XC, 731—734. Отчетъ о 232—233 засѣданіяхъ. Отчетъ о 234 годичномъ распорядительномъ засѣданіи. Отчетъ секретаря и казначея О-ва. Отчетъ о 235 засѣданіи. Списокъ членовъ О-ва. Условія для соисканія преміи Д. А. Столыпина. Отчеты о 236—238 засѣданіяхъ. XCV, 641—643. Отчеты о 239—241 засѣданіяхъ. Отчетъ о 242 годичномъ распорядительномъ засѣданіи. Отчетъ секретаря и казначея О-ва за 1908 г. Списокъ членовъ О-ва. Отчеты о 243—244 засѣданіяхъ. XCVII, 324—339. Отчеты о 245—247 засѣданіяхъ, С, 801—804.

Писновскій, Н. Я.—Пироговъ какъ психологъ, философъ и богословъ. XVI, 1—24. — Философскіе принципы въ современной физиологіи и отношеніе философіи къ естественнаго и медицинѣ. XXI, 59—66. Письмо къ редактору. XXII, 322—325.

Радловъ, Э. Л.—Вольтеръ и Руссо. II, 1—22; IV, 37—64. Конгрессъ по библиографіи. II, 46—48. — Обь этическихъ отрывкахъ Демокрита. XII, 1—19. — Очерки изъ исторіи скептицизма. Иеронимъ Гирингаймъ. XVIII, 69—90. — Натуралистическая теорія

познания. (По поводу статей проф. П. М. Свѣчнова). XXV, 682—693.—Очеркъ историографіи исторіи философіи. XLIX, 359—378.

Рец.: Н. А. Любимовъ. Исторія фижки. Часть первая. Періодъ греческой науки. Спб. 1891. XV, 76—83.—Gnostische Schriften in Koptischer Sprache aus dem Codex Brucianus herausg. v. C. Schmidt. Lpz. 1890. XVII, 86—87.—Отвѣтъ проф. А. И. Введенскому. XIX, 105—110.

Рачинскій, Г. А. Памяти В. П. Преображенскаго. LII, X—XI. Трагедія Ницше. Опытъ психологіи личности. Часть I. Діонисъ и Аполлонъ. LV, 963—1010. Взглядъ В. С. Соловьева на красоту. LVI, 130—137. Памяти А. А. Токарскаго. LIX, XIV—XVII.

Рожновъ, Н. Значеніе и судьбы новѣйшаго идеализма въ Россіи. (По поводу книги „Проблемы идеализма“). LXVII, 314—332.

Розановъ, В. В.—Замѣтки о важнѣйшихъ теченіяхъ русской философской мысли въ связи съ нашей переводной литературой по философіи. III, 1—36.—О борьбѣ съ Западомъ въ связи съ литературной дѣятельностью одного изъ славянофиловъ. IV, 27—64.—Цѣль человѣческой жизни. XIV, 185—164; XV, 1—31.

Россолимо, Г. И.—Къ физиологіи музыкальнаго таланта. XIX, 35—59.

Ротъ, В. К.—Нейрастенія и лѣнство. XXXV, 555—574. Памяти С. С. Корсакова. LIII, VIII—X. С. С. Корсаковъ, какъ человѣкъ и общественный дѣятель. LX, I—XII.

Рубинштейнъ, М. Логическія основы системы Гегеля и конецъ исторіи, LXXX, 695—764. Генрихъ Риккертъ. LXXXVI, 1—61. Къ вопросу о методологіи и гносеологіи Декарта. XCVII, 143—169.

Рышковъ, Н.—Рец.: Новѣйшія работы объ Эпиктетѣ (Ed. M. Schranka. Der Stoiker Epictet und seine Philosophie. Frankfurt. 1885.—Ad. Bonhöffer. Epictet und Stoa. Stuttgart. 1890.—W. Luthе. Die Erkenntniss der Stoiker. Lpz. 1890). XVIII, 98—102.

C.—Рец.: Beauais. Les sensations internes. Paris. 1889. I, 88—89.—Walter. Die Geschichte der Aesthetik im Altertum. Leipzig. XXXI, 30—32.

С. Т.—Рец. Фридрихъ Юдль. Исторія этики въ новой философіи. Т. I. Пер.

съ нѣм. подъ ред. В. С. Соловьева. М. 1896. XXXV, 656—657.

Саводникъ, В. Ницшеанецъ сороковыхъ годовъ. Максъ Штирнеръ и его философія агонизма. LIX, 560—614. LX, 748—782. Рец.: Къ исторіи греческой философіи (Alessandro Chiarelli. Per la storia della Sofistica Greca. Arch. f. Gesch. d. Philos. B. III. H. 1—2). XXVII, 212—219.—A. Döring. Die Lehre des Sokrates als sociales Reformsystem. München. 1895. XXX, 610—612.—Th. Gomperz. Griechische Denker. Leipzig. 1896. XXXI, 20—28—F. A. Lange. Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. Leipzig. 1896. XXXIII, 331—332.—Archiv für systematische Philosophie. B. I, Heft 1—4. Berlin. 1895. XXXIII, 346—351.—Нѣсколько замѣчаній по поводу книги г. Челпанова „Проблема воспріятія пространства“. XXXV, 641—650.—Д. Н. Овсяннико-Куликовскій.—Этюды о творчествѣ Тургенева. Харьковъ. 1896. XXXVII, 349—354.—Archiv für systematische Philosophie. II Band, 1896. XL, 802—808.—Karl Bücher. Arbeit und Rhythmus. Leipzig. 1897. XLV, 423—428.—Эрнстъ Гроссе. Происхожденіе искусства. Перев. А. Е. Грузинскаго. XLIX, 409—414. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Вопросы психологіи творчества. Спб. 1902. LXV, 1024—1031.

Саминскій, Л. Къ вопросу объ основаніяхъ ариеметики. LXXXII, 60—85. Критика метагеометрическихъ обобщеній. LXXXVII, 135—167.

Свѣчинъ, Ѡ. А.—Исповѣдь бывшей душевнобольной. XIX, 94—121.

Селитренниковъ, А.—О кажущемся увеличеніи свѣтила у горизонта. LXXVII, 75—134.

Семантовскій, Р. И.—Модная теорія. XVII, 81—112.—Письмо къ редактору. XIX, 110—113.

Сербскій, В. П.—Психологическія воззрѣнія Теодора Мейнерта. XIX, 122—140; XX, 68—93.—Четвертый международный конгрессъ криминальной антропологіи въ Женевѣ. XXXIV, 429—459; XXXV, 529—554.—Преступные и честные люди. XXXV, 660—678. Къ характеристикѣ научнаго значенія С. С. Корсакова. LX, XIII—XXXVIII.

Серафимовъ, В. С.—Рец.: Новая книга о философіи Канта (М. И. Каринскій.

- Объ истинахъ самоочевидныхъ. Спб. 1893). XXIII, 409—423.—В. Вундтъ. Лекція о душѣ человѣка и животныхъ, Перев. со 2-го изд. П. Я. Розенбаха. Спб. 1894. XXVIII, 372—375.
- Слободскій, И.**—Рец.: Вѣра и разумъ, 1889 г.: январь—июнь. I, 66—73; июль—ноябрь. II, 76—84; 1890 г. январь—май. III, 74—81; июнь—августъ. V, 78—83.
- Смирновъ, Н.**—Рец.: Христіанское чтеніе. 1889 г. январь—августъ. I, 73—74.—Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. Ноябрь и декабрь 1889 г. III, 86—87.
- Смирновъ-Платоновъ, Г. П.**—Памяти протоіерея А. М. Иванцова-Платонова. XXV, 784—787.
- Сободлевскій, С.**—Рец.: С. А. Ананьевъ. Софистъ. Діалогъ Платона. Перев. съ греч. съ историко-литературнымъ введеніемъ и замѣчаніями къ діалогу. Киевъ. 1907. XCII, 263—269.
- Соколовъ, П. П.**—Къ вопросу о задачахъ и методахъ психологіи. (По поводу книги Мюнстерберга: Ueber Aufgaben und Methoden der Psychologie. Leipzig. 1891). XVI, 39—55.—Факты и теорія „двѣтвого слуха“. XXXVII, 252—275; XXXVIII, 359—412. Н. Я. Гротъ, какъ мыслитель. LI, 74—100. Вѣра. Психологическій этюдъ. LXII, 909—933. LXIII, 1158—1194, LXIV, 1305—1362.
- Рец.: К. Kroman. Kurzgefasste Logik u. Psychologie, übers. von Bendixen. Koropngagen-Leipzig. 1890. VII, 62—68.—Paul Carus. The soul of man. Chicago. 1891. XV, 89—92.—Wilhelm Jerusalem. Laura Bridgman. Erziehung einer Taub-stumm-blinden. Wien 1891. XV, 93—96.—Franz Brentano. Das Genie. Lpz. 1892. XVI, 89—90.
- Соллертинскій, С. А.**—О происхожденія воспитательскаго дѣла и объ основныхъ опорахъ его существованія въ человѣческой исторіи. XLIX, 379—397.
- Соловьевъ, Вл. С.**—Красота въ природѣ. I, 1—50.—Общій смыслъ искусства. V, 84—102.—О поддѣлкахъ. VIII, 149—163. Изъ философіи исторіи. IX, 133—157.—Смыслъ любви. XIV, 97—107; XV, 161—172; XVI, 115—128; XVII, 130—147; XXI, 81—96.—Первичныя данныя нравственности. XXIV, 361—380.—Аскетическое начало въ нравственности. XXVI, 68—88.—О добродѣтеляхъ. XXVIII, 331—357.—Мнимыя начала правильнаго поведенія (критика различныхъ видовъ эвдемонизма). XXIX, 461—483.—Письмо къ редактору. О заслугѣ В. В. Лесевича для философскаго образованія въ Россіи. V, 116—123.—Руководящія мысли „Историческаго Обзорнія“. X, 75—86.—Замѣчанія на лекцію П. Н. Милокова. XVIII, 149—154.—Современное состояніе вопроса о медиумизмѣ (А. Н. Аксаковъ. Анимизмъ и спиритизмъ. Спб. 1893). XXIII, 424—437.—Безусловное начало нравственности. XXX, 653—675.—Дѣйствительность нравственнаго порядка. XXXI, 107—130.—Предисловіе къ статьѣ барона Д. Г. Гиндбурга: „Каббала, мистическая философія евреевъ“. XXXIII, 277—300.—Нравственная организація человѣчества. XXXIV, 579—608; XXXV, 699—732.—Понятіе о Богѣ. (Въ защиту философіи Спинозы). XXXVIII, 383—414.—Замѣчанія на статью проф. Г. Ф. Шершеневича (полемика). XXXVIII, 475—484.—Мнимая критика (отвѣтъ В. Н. Чачерину). XXXIX, 645—694.—Первое начало теоретической философіи. XL, 867—915.—Необходимыя замѣчанія на нѣсколько словъ Б. Н. Чичерина. XL, 779—783.—Достовѣрность разума. XLIII, 385—405.—Изъ замѣтокъ о діалогахъ Платона. XLVII, 146—159. Форма разумности и разумъ истины. L, 881—903. Объ авторѣ діалога Протагоръ. LIII, 357—380. Послѣдняя лекція въ Спб. университетѣ. LIV, 621—639. Рефератъ, читанный въ засѣданіи Московскаго Психологическаго О-ва 19 октября 1891 г. LVI, 138—152. Содержаніе рѣчи, произнесенной на Спб. Высшихъ Женскихъ курсахъ 13 марта 1881 г. LVI, 153—158. Изъ письма В. С. Соловьева къ графу Л. Н. Толстому. LXXIX, 241—246. Русская идея. C, 323—356.
- Соловьевъ, Вс. С.**—Что такое доктрина Теософическаго Общ.? XVIII, 41—68.
- Соловьевъ, Н.**—Вѣра и мысль. (По поводу статьи А. И. Бачинскаго „Что такое натуралистическій идеализмъ.“) LXXII, 281—287.
- Софроновъ, Ф. В.**—Соотношеніе общественныхъ силъ. XXXIX, 569—608.—Отвѣтъ проф. Карѣву. XLII, 133—137.—Теорія познанія на основѣ критическаго эмпиризма. XLVIII, 242—268.—Теорія познанія на основѣ кри-

- тического эмпиризма. LVII, 34—66. Механика общественных идеаловъ. LIX, 301—341. LX, 433—473. Генрихъ Риккертъ и его книга „Границы естественно-научнаго образования понятій“. LXXVIII, 429—456.
- Спенсорскій, Е.**—О задачахъ обществовѣдѣнія. LXXII, 143—161. Извѣ оласти чистой этики. LXXVIII, 384—411.
- Списокъ книгъ, приславшихся въ редакцію.** (Новыя книги и брошюры, присланныя въ редакцію). IV, 144; VI, 60; XIX, 131—132; XX, 141—143; XXI, 158—159; XXII, 275—276; XXIII, 447—448; XXIV, 533—554; XXV, 709—710; XXVI, 71—74; XXVII, 202—203; XXVIII, 379—381; XXIX, 510—513; XXX, 628—629; XXXI, 51—53; XXXII, 149—150; XXXIII, 344—345; XXXIV, 493—495; XXXV, 675—676; XXXVI, 175—177; XXXVII, 358—360; XXXVIII, 526—528; XXXIX, 701—703; XL, 799—801; XLI, 65—66; XLII, 150—151; XLIII, 235—237; XLIV, 326—328; XLV, 436—438; XLVI, 55—57; XLVII, 190—191; XLVIII, 335—338; XLIX, 426—429; L, 463. LI, 52—53. LII, 186—187. LIII, 364. LV, 547—549. LVII, 160—162. LVIII, 289. LIX, 421—422. LX, 496. LXI, 613—615. LXII, 32—33. LXIII, 845—846. LXIV, 857—859. LXV, 1043—1044. LXVI, 103—104. LXVII, 361—362. LXVIII, 520—521. LXIX, 740—741. LXX, 889—890. LXXI, 138—139. LXXII, 265—266. LXXIII, 418—419. LXXIV, 566—568. LXXV, 741—742. LXXVI, 129—131. LXXVII, 332. LXXVIII, 482—483. LXXIX, 596—597. LXXX, 768. LXXXII, 127—129. LXXXIII, 260. LXXXIV, 339—340. LXXXV, 488—489. LXXXVI, 67—68. LXXXVII, 206. LXXXVIII, 357. LXXXIX, 551—554. XC, 725—727. XCI, 139. XCII, 287—288. XCIII, 448. XCIV, 557—560. XCV, 538—540. XCVI, 92—95. XCVII, 322—323. XCVIII, 520—522. XCIX, 682—684. C, 800.
- Столица, З.**—Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1901 г. LXII, 744—750.
- Страховъ, Н. Н.**—О законѣ сохраненія энергии. VI, 97—131.—Тогда о Л. Н. Толстомъ. IX, 98—132.—Отвѣтъ на письмо неизвѣстнаго. XI, 94—100.—О задачахъ исторіи философіи. XXI, 1—34.—Письма о философіи. LXI, 783—793.
- Струве, Г. Е.**—Способности и развитіе философствующаго ума. XXXVIII, 415—444; XXXIX, 559—585.—О логикѣ Платона въ связи съ хронологіей и стилометрией его сочиненій. (По поводу книги В. Лютославскаго. The Origin and Growth of Plato's Logic.) XLIII, 187—205.
- Струве, П. Б.**—Свобода и историческая необходимость. XXXVI, 120—139.
- Сухановъ, С. А.**—Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій (съ рисунками). XXXIV, 365—395.—Отвѣтъ О. В. Леоновой (на ея критическія замѣчанія по поводу статьи г. Суханова о теоріи нейроновъ). XXXV, 636—641.—О тревожно-мыслительномъ характерѣ. XC, 679—689.—Навязчивыя психическія состоянія и психомоторная сфера. XCI, 79—92.—Психастенія и навязчивыя психическія состоянія. XCIII, 347—378.—Патологическое резонерство. XCVII, 261—308.
- Тепловъ, Н. В.**—Схоластика какъ культурно-психологическое явленіе. LVIII, 229—251.
- Тимковскій, Н. И.**—Рец.: Fr. Brentano, Vom Ursprung sittlicher Erkenntniss. Leipzig. 1889. II, 92—94.—H. Münsterberg. Der Ursprung der Sittlichkeit. Freiburg. 1889. II, 94—95.—Paul Hensel. Ethisches Wissen und ethisches Handeln. Freiburg. 1889. II, 95—97.—Arthur Seidl. Zur Geschichte des Erhabenheitsbegriffes seit Kant. Leip. 1899. II, 99—100.—В. А. Гольцевъ. Объ искусствѣ. М. 1889. II, 100—101.—Блезъ Паскаль. Мысли. Спб. 1889. II, 119—120.—(Н. Т.) Кн. Д. П. Львовъ. Принципы этики. М. 1890. III, 111—112.—(Н. Т.—скій.) Н. М. Мишкѣй. При свѣтъ совѣсти. Мысли и мечты о пѣли жизни. Спб. 1890. III, 112—113.—Wilhelm Nicolai. Ist der Begriff des Schönen bei Kant consequent entwickelt? Lpz. 1889. III, 114—115.—Христіанское ученіе о нравственности въ изложеніи г. Мартеуса. Въ двухъ томахъ. Переводъ А. П. Ломухина. Спб. 1890. V, 120—128.—Ch. Benard. L'esthétique d'Aristote et de ses successeurs. Paris. 1889. IV, 128—131.—Stanton Coit. Die ethische Bewegung in der Religion, übers. von Georg von Gizycki. Lpz. 1890. V, 104—106.
- Тихомировъ, П. В.**—Логическій харак-

- теръ экзистенціальныхъ суждений. XLII, 109—132. — Гносеология Рила: LVIII, 433—491. — Эдуардъ фонъ-Гартманъ († 25 мая 1906 г.). LXXXIII, 251—261; LXXXIV, 327—352. — Рец.: W. Kniht. Aspects of Theism. Lond. 1893. XXVII, 199—201. — W. Davidson. Theism as grounded in Human Nature. Lond. 1893. XXVII, 201—202. — G. K. Uphues. Psychologie des Erkennens. I B. Leipz. 1893. XXVIII, 366—368. — Eisler, R. Einführung in die Erkenntnisstheorie. Darstellung und Kritik der erkenntnistheoretischen Richtungen. Leipzig. 1907. LXXXVIII, 340—344.
- Тонарснй, А. А.** — Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму въ Парижѣ. II, 1—16. — Гипнотизмъ въ педагогii. IV, 88—112. — Психическія эпидеміи. XX, 203—223. — „Заклинаніе со стрѣлой“ тибетскихъ ламъ. XXII, 182—195. — Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей. XXIII, 331—362. — Сознаніе и воля. XXIV, 491—522. — Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. XXVI, 115—144. — О темпераментѣ. XXXI, 1—19. — О глухота. XXXV, 679—698. — Третій международный психологическій конгрессъ въ Мюнхенѣ. XXXV, 612—628. — Приложеніе къ журналу — „Записки психологической лабораторii психиатрической клиники Императорскаго Московскаго университета“. 1896. XXXI, 1—60; XXXII, 61—124; XXXIII, 125—204; XXXIV, 205—276; XXXV, 277—352. — Страхъ смерти. XL, 931—978. — Памяти С. С. Корсакова. LIII, X—XIX.
- Рец.: Гиляровъ. Гипнотизмъ по учению школы Шарко и психологической школы. Кіевъ. 1894. XX, 121—123.
- Толстой, гр. Д. Н.** — Первая ступень. XII, 109—144. — Къ вопросу о свободѣ воли. XXI, 1—7. — Что такое искусство? XL, 979—1027; XLI, 1—137.
- Толорновъ, А.** Рец.: — Гаральдъ Геффдингъ. Философія проблемы. Перев. съ пѣм. Г. Я. Котляра. М. 1904. LXXVI, 127—131.
- Тронинъ, В.** — Рец.: Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1897. №№ 1—4. XLIII, 238—244.
- Трошинъ, Г.** — Гений и здоровье Н. В. Гоголя. LXXVI, 37—85; LXXVII, 187—249; LXXVIII, 211—383.
- Трубецкой, кн., Е. Н.** — Политическіе идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи. IV, 1—36. — Философія христіанской теократii въ V вѣкѣ. IX, 25—68; X, 109—150; XII, 87—108; XIV, 1—36. — Философія права профессора Л. I. Петражицкаго. LVII, 9—33. — Новое изслѣдованіе о философіи права Канта и Гегеля. LXI, 581—605. — Философія Ницше. LXVI, 1—35; LXVII, 190—230; LXVIII, 256—290; LXIX, 329—378. — Ученіе В. Н. Чичерина о сущности и смыслѣ права. LXXX, 353—381. — Свобода и бессмертіе. Къ годовщинѣ смерти кн. С. Н. Трубецкого. LXXXIV, 368—377. — Соціальная утопія Платона. XCI, 1—44; XCII, 119—185. — Панметодизмъ въ этикѣ. (Къ характеристикѣ ученія Когена.) XCVII, 121—164.
- Трубецкой, кн., С. Н.** — О природѣ чловѣческаго сознанія. I, 83—126; III, 159—192; VI, 132—156; VII, 21—56. — Психологическій детерминизмъ и нравственная свобода. XXV, 494—521. — Научная дѣятельность А. М. Иванцова-Платонова. XXVII, 193—220. — Этика и догматика. XXIX, 484—517. — Къ вопросу о признакахъ сознанія. (Александръ Введенскій. О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. Новый психофизиологическій законъ въ связи съ вопросомъ о возможности метафизики. Спб. 1892.) XVI, 97—109. — Новая книга Б. Н. Чичерина „Основанія логики и метафизики“. М. 1894. XXI, 171—182. — Новая книга по исторіи греческой религіи (Erwin Rohde. Psyche. Seelencult u. Unsterblichkeitsglaube d. Griechen. Freib. 1894). XXVI, 47—54. — Основанія идеализма. XXXI, 73—106; XXXII, 226—263; XXXIII, 405—430; XXXIV, 552—578; XXXV, 733—765. — Ученіе о Логосѣ въ древней философіи въ связи съ развитіемъ идеализма. XXXVI, 82—136. — Къ библиографіи исторіи религii. XXXVI, 55—69. — Въ защиту идеализма. Отвѣтъ Б. Н. Чичерину. XXXVII, 288—327. — Нѣсколько словъ въ отвѣтъ Б. Н. Чичерину. XXXVIII, 504—512. — Филонъ и его предшественники. XL, 813—866; XLI, 138—183. — Мессіанскій идеалъ евреевъ въ связи съ ученіемъ о Логосѣ. XLIII, 462—494. — Религіозный идеалъ евреевъ. XLIV, 659—695. — Памяти В. П. Преображенскаго. LIV, 481—500. — Основное начало

- учения В. Соловьева. LVI, 92—111.— Протагоръ Платона въ связи съ развитіемъ его нравственной мысли. LVIII, 207—228.— Вѣра въ безсмертіе. LXIII, 1195—1220; LXX, 497—515; LXXI, 62—83; LXXV, 539—561.— Пизагоръ и пизагорейцы. LXXVII, 303—325.
- Рец.: E. v. Hartmann. Das Grundproblem der Erkenntnisstheorie. Leipzig. 1889. II, 85—87.—Chanterpe de la Saussaye. Lehrbuch der Religionsgeschichte. I и II. Freiburg. 1887—9. II, 116—117.—Вл. Соловьевъ. Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи, со включеніемъ краткой повѣсти объ Антихристѣ и съ приложениями. Спб. 1900. LIII, 358—363.
- Умовъ, Н. А.—Вопросы познанія въ области физическихъ наукъ. XXII, 214—229.—Значеніе Декарта въ исторіи физическихъ наукъ. XXXIV, 489—520.
- Уманецъ, С.—Религіозная метафизика мусульманскаго Востока. VII, 103—121; VIII, 57—76.
- Философское Общество, состоящее при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Протоколы 1—12 собраній Общества.—Протоколы общихъ собраний. LI, 74—123.
- ✓ Флѣровъ, А. П.—Русскій психіатръ о Тургеневѣ. LIII, 339—352.
- Фохтъ, Б.—Памяти князя С. Н. Трубецкаго. LXXXI, 130—138.
- ✓ Фотъ, М.—Къ вопросу о природѣ драмы. XCVII, 170—191.
- Франкъ, С.—Новыя данныя къ характеристикѣ культурно-историческихъ, социологическихъ и философскихъ взглядовъ Лассалля. LXV, 951—976.—Рец.: П. Струве. На разные темы (1893—1901). Сборникъ статей. Спб. 1902. LXVI, 96—102.
- Харитоновъ, Ф.—Къ вопросу о сознаніи. Нѣкоторыя наблюденія и выводы изъ нихъ. XIV, 108—134; XV, 32—52.
- Хвалынский, Н.—Процессъ образованія права. LXVIII, 469—507.
- Хвостовъ, В.—Памяти дорогого товарища кн. С. Н. Трубецкаго. LXXXI, 9—15.—Къ вопросу о свободѣ воли. XCVI, 31—54.—Предметъ и методъ социологіи. XCIX, 619—635.—Социальный организмъ. С, 357—394.
- Хлопина, Е. А.—Рец.—Fr. Paulhan. Les caractères. Paris. 1894. XXIII, 440—445.
- Холодный, Н.—А. К. Шиманскій. (Некрологъ.) XC, 728—730.
- ✓ Холчевъ, И. Н.—Объ индивидуальных колебаніяхъ вниманія. LVII, 135—148.—Мечтательная ложь. LXVII, 234—261.
- Цертелевъ, кн., Д. Н.—Пространство и время, какъ формы явленій. XXIII, 235—247.—Памяти В. С. Соловьева, LVI, 1.
- Цингеръ, В. Я.—Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи. XXII, 199—213.
- Челпановъ, Г. И.—Измѣреніе простѣйшихъ умственныхъ актовъ. IX, 19—52.—Гельмгольцъ, какъ философъ и психологъ. X, 41—51.—Глазодѣръ и иллюзіи зрѣнія. XVII, 45—54; XVIII, 1—13.—О природѣ времени. XIX, 36—54.—Очеркъ современныхъ учений о душѣ. LI, 287—333.—Объ априорныхъ элементахъ познанія. (Понятіе числа.) LIX, 529—559; LX, 699—747.—Неогеометрія и ея значеніе для теоріи познанія. LXII, 934—953; LXIII, 1137—1157; LXIV, 1221—1247.—Психологія и теорія познанія. LXVI, 97—124; LXVII, 167—189; LXVIII, 231—255.—II-й международный философскій конгрессъ въ Женевѣ. LXXIV, 579—599.—О постановкѣ преподаванія психологіи въ средней школѣ. LXXXIII, 311—325.—Объ отношеніи психологіи къ философіи. LXXXIX, 309—323.—Объ умѣ животныхъ. XCI, 45—79.—О предметѣ психологіи. XCIII, 228—256.—Объ экспериментальному изслѣдованію высшихъ умственныхъ процессовъ. XCVI, 1—31.—Задачи современной психологіи. XCIX, 285—308.
- Рец.: The American Journal of Psychology. Vol. II, № 4. III, 72—74.—Zeitschrift für Psychologie und Psychologie der Sinnesorgane. 1890. IV, 132—134; 1891. XI, 60—64. 1893г. XXI, 153—158; XXVI, 75—79.—Philosophische Studien т. V, тетр. 4. I, 90—92; т. VI, тетр. 3. VIII, 58—61; т. VII, тетр. 3. XIII, 41—43; т. X, тетр. 1. XXV, 711—719.—G. Th. Fechner. Elemente der Psychophysik. II Aufl. Leipzig. 1889. I, 90—91.—Harald Höffling. Einleitung in die englische Philosophie unserer Zeit. Leipzig. 1889. I, 98.—Fr. Paulhan. L'activité mentale et les éléments de l'esprit. Paris. 1889. II, 102—104.—А. Герценъ. Общая фи-

зіологія души. Переводъ Г. Паперны. Спб. 1890. IV, 106—109.—П. Каптеревъ. Изъ исторіи души. Очерки по исторіи ума. Спб. 1890. V, 84—87.—К. Ланге. Аффекты (душевные движенія). Психофизиолог. этюдъ. Пер. подъ ред. А. Вирениуса. Спб. 1890. V, 87—89.—Congrès international de psychologie physiologique. Première session. Paris. 1890. V, 91—92.—О возможности чисто-физиологической объясненія душевной жизни человека. Апологет. изслѣд. ректора Кіев. духовн. семина., арх. Бориса. Харьков. 1890. VIII, 68—69.—(Полемика.) По поводу статей Н. Н. Ланге. VII, 92—98.—Preyer. Die Seele des Kindes. Dritte vermehrte Auflage. Lpz. 1890. VII, 73—76.—Э. Л. Радловъ. „Объ истолкованіи“ Аристотеля. Спб. 1891. VIII, 77—79.—Foveau de Courmelles. Les facultés mentales des animaux. Paris. 1890. VIII, 86—87.—(Полемика.) Возраженіе на замѣтку Н. Н. Ланге. VIII, 93—95.—Higier. Experimentelle Prüfung der psychophysischen Methoden im Bereiche des Raumsinnes der Netzhaut. Dorpat. 1890. IX, 112.—В. Х. Кандинскій. О псевдогаллюцинаціяхъ. Спб. 1890. X, 66—67.—James. The principles of Psychology. New York. 1890. XI, 69—76.—Ladd. Outlines of physiological Psychology. London. 1891. XI, 76—78.—А. Казанскій. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса. 1891. XII, 55—62.—Baldwin. Handbook of Psychology. New-York. Ч. I, 2-е изд. 1890. ч. II, 1891. XII, 72—74.—Lloyd Morgan. Animal Life and Intelligence. London. 1890—91. XIII, 59—62.—Lorenz Fischer. Theorie der Gesichtswahrnehmung. Mainz. 1891. XV, 86—89.—Sully. The human mind. 2 vol. London. 1892. XVI, 88—89.—Stumpf. Psychologie und Erkenntnisstheorie. München. 1891. XVI, 92—96.—L'année psychologique (1894), publiée par H. Beaunis et A. Binet. Paris. 1895. XXIII, 375—377.—Wundt. Vorlesungen über die Menschen-und Tierseele. 2. Auflage. Leipzig. 1892. XXI, 144—146.—Цигенъ. Физиологическая психологія. Переводъ съ нѣмец. М. Милославскаго, подъ ред. В. Θ. Чижо. Спб. 1893. XXI, 146—149.—Рибо. Современная германская психологія, пер. Ройзмана. Спб. 1895. XXVIII, 377—379.—Письмо въ редакцію.

XXIX, 521—530.—Къ вопросу о воспріятіи пространства (Полемика). XXXVII, 276—287.—„Нужны ли психологическія лабораторіи для самостоятельныхъ изслѣдованій при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ?“ Отвѣтъ А. Ц. Нечаеву. С, 811—814.

Черновъ, В. М.—Экономическій материализмъ и критическая философія. XXXIX, 609—644.

Чиниъ, В. Ф.—Правденность душевнобольныхъ. VII, 122—148.—Второй международный конгрессъ экспериментальной психологіи въ Лондонѣ. XV, 18—38.—Третій международный конгрессъ по криминальной антропологіи въ Брюсселѣ. XVI, 1—24.—Почему возрѣнія пространства и времени постоянны и непремѣнны? XXXIII, 229—264.—Болъ. XLVIII, 269—303.—Тургеневъ, какъ психопатолог. XLIX, 624—648; L, 714—793.—Четвертый международный психологическій конгрессъ въ Парижѣ (1900 г.). LV, 493—521.—Пятый международный конгрессъ криминальной антропологіи въ Амстердамѣ (1901 г.). LIX, 376—403.—Значеніе болѣзни Плюшкина. (По поводу статьи д-ра Я. Каплана „Плюшкинъ—психологическій разборъ его.“) LXIV, 872—888.—Болѣзнь Н. В. Гоголя. LXVII, 262—313; LXVIII, 418—468; LXIX, 647—681.—Отвѣтъ г. Каплану. (По поводу статьи „Плюшкинъ и старосвѣтскіе помѣшкы.“) LXIX, 755—759.—Болѣзнь Н. В. Гоголя. LXX, 761—805; LXXI, 34—70.—Психологія фанатизма. (Фотій Спасскій.) LXXVI, 1—36; LXXVII, 149—186.—Психологія злодѣя. (Графъ Алексій Андреевичъ Аракчеевъ.) LXXXII, 1—59; LXXXIII, 139—172.—Психологія нашихъ праведниковъ. LXXXIV, 281—335; LXXXV, 369—442.—Императоръ Павелъ I-й. LXXXVIII, 221—290; LXXXIX, 391—468; XC, 585—678.—Нище, какъ моральистъ. XCV, 335—376; XCV, 480—512.

Чичеринъ, Б. Н.—Положительная философія и единство науки. IX, 1—24; X, 31—82; XI, 1—43; XII, 1—63; XIII, 1—29.—Пространство и время. XXVI, 1—56.—Нѣсколько словъ о философско-историческихъ возрѣніяхъ Грановскаго. XXXVI, 1—13.—Существо и методы идеализма. (По поводу статей кн. С. Н. Трубецкаго „Основанія идеализма.“) XXXVII,

- 185—238. — Еще об идеализмъ (полемика). XXXVIII, 485—503. — О началахъ этики. (По поводу кн. Вл. С. Соловьева „Оправданіе добра“.) XXXIX, 586—701. — Нѣсколько словъ по поводу отвѣта г. Соловьева. XL, 772—779. — Реальность и самосознаніе. XLIV, 495—562. — Философія права. XLV, 697—717; XLVI, 46—104; XLVII, 214—249; XLVIII, 383—425; XLIX, 479—539; L, 649—713; LI, 101—149. — Метафизика есть ли наука? LIV, 640—657. — Очерки философіи права Л. I. Петражицкаго. Спб. 1900. LV, 365—384. — Сень-Симонъ и его школа. LX, 615—690.
- Чайко, В. В.** — Эрнестъ Ренанъ. XVII, 1—29.
- Ред.: Paul Janet. La philosophie de Lamennais. Paris. 1890. VI, 50—53. — René Worms. La morale de Spinoza. Paris. 1892. XIV, 81—86. — De Roberty. E. La recherche de l'unité. Paris. 1893. XIX, 94—97. — A. Fouillée. Descartes. XX, 123—127.
- Шайневичъ, М.** — Психопатологическій методъ въ русской литературной критикѣ. Посвящается памяти Н. К. Михайловскаго. LXXIII, 309—334; LXXIV, 465—484. — Нѣкоторыя уклоны въ психологію освободительнаго движенія. LXXXIV, 378—389.
- Шопиръ, Н.** — Чеховъ, какъ реальность-новаторъ. (Опытъ научно-психологической критики.) LXXIX, 487—553; LXXX, 633—682. — Скандинавскій геній. XCI, 1—78; XCII, 205—262.
- Шаталовъ, Н. Ѳ.** — Безсознательная психическая дѣятельность и ея роль въ жизни человѣка. XLIII, 169—186.
- Щварцъ, М. Н.** — Идея эволюціи въ современной философіи. LVII, 67—80. — Культурно-этические идеалы Гюйо и Ницше. LXV, 977—1015 — Ред.: Эдуардъ фонъ-Гартманнъ. Современная психологія. Критическая исторія нѣмецкой психологіи за вторую половину XIX в. Перев. съ нѣм. Г. А. Котляра. LXVIII, 508—521. — Освальдъ Кюльпе. Современная философія въ Германіи. Характеристика ея главнѣйшихъ направленій. Перев. съ нѣм. М. Лемберка, подъ ред. и съ предисл. Н. Н. Ланге. LXXI, 134—139. — Алоизъ Риль. Введеніе въ современную философію. Перев. съ нѣм. С. Штейнберга. LXXII, 246—249. — Эрнестъ Махъ. Познаніе и заблужденіе. Очерки по психологіи изслѣдова-
- нія. Перев. Г. Котляра, подъ ред. проф. Н. Ланге. XCVI, 83—95.
- Щершеневичъ, Г. Ф.** — По поводу книги Вл. С. Соловьева „Оправданіе добра“. XXXVIII, 456—474.
- Шинкинъ, Н. И.** — О психологическихъ явленіяхъ съ точки зрѣнія механической теоріи. I, 127—146; II, 129—158; III, 139—158. („Дополнительныя соображенія“ къ этой статьѣ. III, 147—156.) — О детерминизмъ въ связи съ математической психологіей. VII, 110—128. — Пространство Лобачевскаго. XXI, 115—135.
- Щеркъ, Ѳ. Эд.** — Ред.: Н. Г. Дебольскій. Философія феноменальнаго формализма. I. Метафизика. Вып. первый. Спб. 1892. XVIII, 95—98. — Schopenhauer-Briefe. Lpz. 1893. XIX, 100—102. — Т. Соловьевъ. Теорія волевыихъ представленій. Спб. 1892. XXII, 274.
- Щеттъ, Г.** — Ред.: А. Роджерсъ. „Краткое введеніе въ исторію новой философіи“. Перев. С. С. Зелинскаго, подъ ред. Ю. Айхенвальда. М. 1903. — „Образовательная бібліотека“. Г. Ф. Липсъ. Основы психофизики. Перев. Г. Котляра. Спб. 1903. LXIX, 728—732. — Проф. Г. Челпановъ. Мозгъ и душа. 2 изд. ред. журн. „Миръ Божій“. Спб. 1903. LXX, 877—881. — Zu Kants Gedächtniss. Zwölf Festgaben zu seinem 100-jährigen Todestage von O. Liebmann, W. Windelband, F. Paulsen, A. Riehl, E. Kühnemann, E. Troltsch, F. Neman, F. Staudinger, G. Runze, B. Bauch, F. A. Schmid, E. v. Aster, herausgegeben von H. Vaihinger und B. Bauch. Mit vier Beilagen. Berlin. 1904. LXXIII, 406—419. — Иммануилъ Кантъ. Критика чистаго разума. Перев. Н. М. Соколова. 2-е изд. Спб. 1902. — Кантъ. Грезы духовидца, поясненныя грезами метафизики. Перев. съ нѣм. В. П. Бурдесъ. Подъ ред. А. А. Волынскаго. Спб. 1904. LXXIV, 550—566.
- Штейнъ, В. И.** — Графъ Дж. Лепарди и его пессимизмъ. X, 83—108; XI, 49—76.
- Щербина, А.** — Возможна ли психологія безъ самоаблюденія. XCIV, 535—548.
- Щунаревъ, А. Н.** — Очерки по философіи естествознанія. LII, 152—168; LVII, 81—98; LXII, 710—731; LXVI, 43—58; LXIX, 709—727; LXXVIII, 412—428.
- Янованко, Б.** — Къ критикѣ теоріи позна-

- ня Риккерта. ХСІІ, 379—412.—
 Рец.: Hugo Münsterberg. Philosophie
 der Werthe. Grundzüge einer Weltan-
 schauung Lpz. 1908. ХСVІІ, 309—322.
- Ирмерштедтъ, В.**—Міросозерцаніе кружка
 Станковича и поэзія Кольцова.
 ХХ, 94—124; ХХІІ, 162—181.
 Рец.—(В. Я.) Книговѣдніе. еже-
 мѣсячный библиографическій журналъ.
 1894. № 1—2. ХХІІІ, 452—454.
- Ироцнѣй, А.**—Объективная необходимость
 прогресса. LIX, 342—375; LX, 474—
 495.
- Исановъ, І. А.**—Рец.: Памяти отца со-
 временной педагогіи Я. А. Коменска.
 го. Слб. 1893. ХХІІ, 273—274.—
 К. Гальти. Счастье. Слб. 1894. ХХІІ,
 274—275.
- Ястребцовъ, В. А.**—Э. Б. Тичинеръ. Оче-
 рки психологіи. Перев. съ нѣм. Чепин-
 ской. XLIX, 415—418.—Г. Гефдингъ.
 Этика. Перев. подъ ред. Л. Е. Обо-
 ленскаго. I, 446—450.
- Ю. А.**—Рец.: В. А. Гольцевъ. Законо-
 дательство и нравы въ Россіи XVIII
 вѣка. Культурно-историческая библио-
 тека. Слб. 1896. ХХХІІІ, 343.
- Энгельмайеръ, П. К.**—Теорія познанія
 Эрнста Маха. XXXVIII, 443—455.
- Эринсонъ, Э.**—О психикѣ наукообраз-
 ныхъ животныхъ. LXXVIII, 173—150.
- Эрихсенъ, О.**—Рец.: Р. Фалькенбергъ.
 Исторія новой философіи. Перев. съ
 нѣмецк. Иноземцева. Слб. 1898, XL,
 792—796.

НОВАЯ КНИГА:

С. ТОРМАЗОВЪ.

**Счастье и прогрессъ съ точки зрѣнія
 естественнаго подбора.**

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и другихъ.

ЦѢНА 1 РУБ.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ ПРОДАЮТСЯ:

Проф. А. И. Введенскій. Философскіе очерки. *Вып. I.* О философіи въ Россіи, о мистицизмѣ и критицизмѣ В. С. Соловьева, о свободѣ воли, о смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ знанію. Цѣна 1 руб.

В. Виндельбандъ. Исторія древней философіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. 4-е изд. Цѣна 2 руб.

В. Виндельбандъ. Исторія новой философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками. 2-е изд., вновь редактированное проф. А. И. Введенскимъ по 4-му нѣмецк. 2 тома. Цѣна 4 руб.

Т Р У Д Ы

С.-Петербургскаго Философскаго Общества:

Выпускъ I. Декартъ. Метафизическія размышленія. Перев. подъ редакціей и со статьей проф. А. И. Введенскаго. Декартъ и рационализмъ. Цѣна 1 р.

Выпускъ II и III. Малекраншъ. Исканіе истины. Перев. подъ ред. и со статьей Э. Л. Радлова. Цѣна 5 руб.

Выпускъ IV. Беркли. Трактатъ о началахъ чело-вѣческаго знанія. Перев. подъ ред. и со статьей Н. Г. Дебольскаго. Цѣна 40 коп.

Выпускъ V. Аристотель. Этика. Перев. и вступительная статья Э. Л. Радлова. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ВѢСТНИКЪ ОПЫТНОЙ ФИЗИКИ И ЭЛЕМЕНТАРНОЙ МАТЕМАТИКИ.

Выходитъ 24 раза въ годъ отдѣльными выпусками, не менѣе 24 стр. каждый, подъ редакціей приватъ-доцента В. Ф. Кагана.

Программа журнала: оригинальныя и переводныя статьи изъ области физики и элементарной математики. Статьи, посвященныя вопросам преподаванія математики и физики. Опыты и приборы. Научная хроника. Темы для сотрудниковъ. Задачи для рѣшенія. Рѣшенія предложенныхъ задачъ съ фамиліями рѣшившихъ. Задачи на премію. Библиографическій отдѣлъ. Обзоръ спеціальныхъ журналовъ.

Статьи составляются настолько популярно, насколько это возможно безъ ущерба для научной стороны дѣла.

Предыдущіе семестры были рекомендованы: Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для гимн. муж. и жен., реальн. уч., прогимн., город. уч., учит. инст. и семинарій; Главн. Упр. Воен.-Учебн. Зав.—для воен.-уч. заведеній; Учен. Ком. при Св. Синодѣ—для дух. семинарій и училищъ.

Пробный номеръ высылается **бесплатно** по первому требованію.

Условія подписки Подписная цѣна съ пересылкой: за годъ **6 руб.**, за полгода—**3 руб.** Учителя и учительницы низшихъ училищъ и всѣ учащіеся, выписывающіе журналъ непосредственно изъ конторы редакціи, платятъ за годъ **4 руб.**, за полгода **2 руб.**

Адресъ для корреспонд.: Одесса. Въ редакцію „Вѣстника Опытной Физики“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 годъ
НА ЖУРНАЛЪ

Современная Психіатрія,

издаваемый при участіи Н. А. Вырубова, В. А. Гиляровскаго, В. И. Семиданова, С. С. Ступина, С. А. Суханова подъ редакціей А. Н. Бернштейна и Ц. Б. Ганнушкина.

Годъ изданія четвертый.

Журналъ будетъ попрежнему выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ около 3-хъ листовъ. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой **семь руб.**, за границу **9 руб.** Цѣна отдѣльной книжки **75 коп.** Подписка принимается въ конторѣ редакціи **Современной Психіатріи** (Москва, Б. Левшинскій пер., 14. Тел. 14-17) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Гг. иногородники подписчиковъ просятъ направлять подписныя деньги непосредственно въ контору редакціи; въ полученіи денегъ будетъ высылаема квитанція.

Допускается разсрочка подписной платы при условіи непосредственнаго обращенія въ контору журнала: при подпискѣ **4 руб.** и къ 1-му юнія—**3 руб.**

Статьи въ заказныхъ бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи. Редакція оставляетъ за собой право производить въ присланныхъ статьяхъ нѣкоторые сокращенія.

Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ **бесплатно 25 отисковъ.**

О всѣхъ книгахъ, присланныхъ въ редакцію, печатается извѣщеніе въ ближайшей книжкѣ журнала.

Плата за объявленія

Передъ текстомъ и на посл. стр. обложки: $\frac{1}{4}$ страницы—**25 р.**, $\frac{1}{2}$ страницы—**40 р.**, 1 страница—**60 р.** Послѣ текста: $\frac{1}{4}$ страницы—**15 р.**, $\frac{1}{2}$ страницы—**25 р.**, 1 страница—**40 р.** При повторныхъ объявленіяхъ соответствующая скидка. Разсылка приложенийъ въсомъ до 2-хъ листовъ—**25 руб.**

Открыта подписка на 1910 годъ на журналы:

1) „Юная Россія“ („ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“)

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.
СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскія, по Положенію 1872 г., училища и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

Въ годъ 4 р. 50 к. безъ пересылки, 5 р. съ пересылкой.

Въ 1910 г. журналъ „Юная Россія“ („Дѣтское чтеніе“) дастъ всѣмъ подписчикамъ: 12 ЕЖЕМѣсячныхъ книжекъ,

въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей, съ картинъ пзвѣстныхъ художниковъ и проч.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Избранныя сочиненія С. Т. Аксакова. II. Поэтъ любви и жалости Чарльзъ Дикенсъ и орелъ французской поэзіи Викторъ Гюго. Литературно-біографическіе очерки съ приложеніями портретовъ и избранныхъ сочиненій. Сост. *Н. Я. Абрамовичъ*. III. А. А. Плещеевъ. Сборникъ стихотвореній съ портретомъ и біографіей поэта, подъ редакціей *Д. И. Тихомирова*. IV. А. С. Хомяковъ, К. С. Аксаковъ и И. С. Аксаковъ. Сборникъ стихотвореній съ портретами поэтовъ, подъ редакціей *Д. И. Тихомирова*.

Оставшіеся комплекты журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ за прежніе годы 1897—1907 гг. по 4 р. съ пересылкой въ предѣлахъ Евр. Россіи.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для воспитателей и народныхъ учителей.

СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, для учительскихъ бібліотекъ и бесплатныхъ народныхъ читальнь.

1 р. 75 к. безъ пересылки, 2 р. съ пересылкой.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Б. Молчановка, д. № 24. Подписка принимается и во всѣхъ пзвѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Книгопродавцамъ уступка 50/0.

Плата за объявленія въ журналахъ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“: За стр. 40 р., за 1/2 стр. 20 р., за 1/4 страницы 10 р., за 1/8 стр. 5 р.

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

При журналѣ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ организованъ книжный складъ изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библіотека для семьи и школы. 2) Учительская бібліотека. 3) Учебники Д. И. Тихомирова.

Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Открыта подписка на 1910 годъ.

Вышла декабрьская (двѣнадцатая) книга.

Содержаніе: I. ОНА. Поэма въ стихахъ.—Бориса Садовскаго. II. МЕРТВАЯ ЗЫБЬ. Романъ.—О. Миртова. *Окончаніе*. III. VITA SOMNIUM BREVE. Ром. Рихарды Гухъ. Съ нѣмецкаго.—Перев. Е. С. Хохловой. *Окончаніе*. IV. ПИСЬМА ЧЕХОВА. V. СЧАСТЛИВЧИКЪ-ПЕРЪ. Романъ Хейриха Похтоппида. Съ датскаго. — Перев. М. П. Благовѣщенской. *Окончаніе*. VI. ГОГОЛЬ И ГОЙЯ. — С. К. Шамбинаго. VII. Ф. Ф. МАРТЕНСЪ. — Бар. Б. Э. Нольде. VIII. ИЛЛЮЗИИ СОЦІАЛИЗМА. („The Illusions of socialism“). Вернарда Шоу. Съ англійскаго.—Перев. С. И. Рапопорта. IX. НАШЪ ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ И ЕГО КОЛОНИЗАЦІЯ. — А. А. Кауфмана. X. ЛИТОВСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.—А. Л. Погодина. XI. ПИСЬМО ИЗЪ ГЕРМАНИИ. Новые имперскіе налоги.—Елизаветы Виленцъ-Горовицъ. XII. ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. „Анатема“ Л. Андреева.—Нѣсколько словъ о переживаемомъ литературномъ кризисѣ.—Л. Я. Гуревичъ. XIII. МІРЪ ИГРУШКИ. (По поводу московской выставки игрушекъ художника Бартрама).—В. Г. Малахѣевой-Мировичъ. XIV. О ВСЕВОЛОДѢ ГАРШИНѢ. (Введеніе въ характеристику).—Н. И. Чуковскаго. XV. НА ПЕРЕВАЛѢ. II. „Безвременье“.—А. С. Изгова. XVI. ТЕКУЩИЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. I. Судьбы русской конституціи.—К. Н. Соколова. II. Промышленные синдикаты въ Россіи и условія ихъ развитія. — В. О. Гефдинга. XVII. ДВА СЛОВА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А. А. КАУФМАНА. — Кн. Г. Е. Львова. XVIII. СВОБОДА ИСКАНИЙ И ПРИЗЫВЪ КЪ НЕТЕРПИМОСТИ. (Письмо въ редакцію).—П. И. Новгородцева. XIX. НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ. „Запросы Живни“. „Историческія записки“ М. О. Гершензона.—Петра Струве. XX. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—Л. И. Гальберштадта. XXI. БИБЛОГРАФИЧ. ОТДѢЛЪ. XXII. ОБЪЯВЛЕНИЯ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годъ. 9 мѣс. . 6 мѣс. 3 мѣс. 1 мѣс.

Съ дост. и перес.: 12 р. 9 р. 6 р. 3 р. 1 р.
За границу . . . 14 р. 10 р. 50 к. 7 р. 3 р. 50 к. 1 р. 25 к.

Принимается подписка въ Москвѣ—въ конторѣ журнала: Ваганьковский пер., д. Куманина. Въ Петербургѣ, Вильнѣ и въ Варшавѣ—въ книжн. магаз. Карбасникова и въ друг. лучш. магазин. Москвы, Петербурга, Одессы и Кіева.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА изд. ж. „Русская Мысль“—Многообразіе религіознаго опыта.—Вильяма Джемсъ.

Вопросы философіи, кн. 100.

10

29 годъ изданія ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 г. 29 годъ изданія

„РЕБУСЪ“ Единственный въ Россіи популярно-научный ЖУРНАЛЪ

по вопросамъ спиритуализма, психизма, медиумизма и мистики.

Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: *телепатіи, ясновидѣнія, передачи мыслей, раздвоенія личности, одержанія, сомнамбулизма, животнаго магнетизма, медиумизма, гипнотизма, явленій спиритуализма и другихъ оккультныхъ явленій и фантозовъ.*

Независимое слово внѣ школъ и партій о всѣхъ спорныхъ вопросахъ науки и жизни.

Выходить не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 3-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

Помѣщаются отзывы о новыхъ и старыхъ книгахъ; разъясненія и отвѣты редакціи на запросы и письма подписчиковъ. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, романы, стихотворенія и новеллы, соответствующіе направленію журнала.

Подписная цѣна: въ Россіи: на годъ 5 руб., на $\frac{1}{2}$ года 3 руб.
За границу на годъ 6 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р. 50 к.

Отдѣльный номеръ въ продажѣ 25 к. (можно высылать почтовыми марками).

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ редакціи журнала — Арбатъ, домъ Нейдгартъ кв. № 12, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

Годъ изданія сорокъ пятый.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

будетъ выходить въ 1910 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, но независимая отъ какихъ-либо партій и кружковъ. Дѣятельное представительство краевыхъ интересовъ. Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ. Полные обзоры областной промышленности и торговли.

Объявленія изъ губерній: Нижегород., Казанск., Симбирск., Самарск. и Саратов. и изъ Закаспійск. края и Кавказа, а также объявленія казенныя, банковск. конторъ, жел. дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи (Мало-Демид., соб. д.), всѣ же прочія исключительно центральной конторою Л. и Э. Метцль и К^о (Москва, Мясницк., д. Сытова). Плата за объявленія со строки петита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп.

Подписная цѣна съ пересылкою: 1 годъ—7 руб. 50 коп., $\frac{1}{2}$ года—3 руб. 75 коп., 3 мѣс.—2 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб.

Редакторъ-издатель В. И. Склабинскій.

Годъ изданія X-й.

Принимается подписка на 1910 годъ
на журналъ

Невропатологіи и Психіатріи

имени С. С. Корсакова,

издаваемый Обществомъ невропатологовъ и психіатровъ, состоя-
щимъ при Императ. Московскомъ Университетѣ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

проф. В. К. Рота и В. П. Сербскаго, приватъ-доцентовъ А. Н.
Бернштейна, Л. С. Минора, П. А. Преображенскаго, Г. И. Рос-
солимо и д-ра В. И. Яковенко.

Журналъ выходитъ 6 разъ въ годъ книгами въ 10 листовъ и содержитъ: 1) оригинальныя статьи по невропатологіи и психіатріи, криминальной антропологіи, судебной психопатологіи, психологіи, педагогическимъ вопросамъ. 2) Рефераты. 3) Корреспонденціи и отчеты съѣздовъ и засѣданій обществъ. 4) Рецензіи книгъ. 5) Хроника и смѣсь. 6) Объявленія.—Приложенія: а) Библиографическій указатель статей и книгъ по невропатологіи и психіатріи; в) Протоколы Общества невропатологовъ и психіатровъ при Московскомъ Университетѣ.

Подписная цѣна въ годъ съ пересылкой и доставкой—10 руб.;
за границу—12 руб.

Цѣна за объявленія въ 1 стр.—15 руб., за 1/2 стр.—10 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Дѣвичье поле, Клиника нервн. болѣзн.

Въ 1910 году будетъ продолжаться (34-й годъ) изданіе

Ж У Р Н А Л А

„ИЗВѢСТІЯ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ“.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ и раздѣляется на два отдѣла, по 12 номеровъ въ каждомъ: **общій отдѣлъ**, посвященный разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей, и отдѣлъ **официально-справочный**. Цѣна журнала съ пересылкой во всѣ города Россіи:

	Отдѣлъ общій.	Отдѣлъ оф.-справ.	Оба отдѣла.
За 12 мѣсяцевъ	4 руб. 40 коп.	4 руб. 40 коп.	8 руб. — к.
„ 6 „	2 „ 20 „	2 „ 20 „	4 „ — „
„ 3 „	1 „ 20 „	1 „ 20 „	2 „ — „
„ 1 „	— „ 40 „	— „ 40 „	— „ 80 „

Цѣна журнала 3 р. за годъ и 2 р. за 6 мѣсяцевъ, съ перес. и доставкой.
Подписка принимается: Москва, Городская Управа, Воскресенск. площ., здан. Думы.

Открыта подписка на 1910 годъ

XXI г.
изданія.

на журналъ

XXI г.
изданія.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духъ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ и систематическіе отзывы о вновь выходящихъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ и друг., о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и проч.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 руб., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ дост. — 5 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Копышенный пер., д. № 32) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обихихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

Принимается подписка на 1910 годъ

на ежемѣсячный литературный и общественно-политическій журналъ

НОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

При программѣ большихъ ежемѣсячниковъ „Новое Образование“ будетъ держаться того направленія и характера, какихъ держался нѣкогда журналъ „Образованіе“ при покойномъ А. Я. Осетрогеромѣ.

Въ журналѣ примутъ участіе **извѣстные** литературныя и научныя силы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На 1/2 года.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ дост. и перес. въ Россіи	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 75 к.	— 60 к.
За границей	10 р.	5 „ — „	2 „ 50 „	1 р. 25 „

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, Забалканскій пр., д. 30, въ конторѣ журнала „Новое Образование“, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ имперіи, которые удерживаютъ изъ подписной цѣны 5% въ свою пользу.

Открыта подписка на 1910 годъ

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ „СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

Журналъ предназначенъ преимущественно для дѣтей средняго возраста (10—12 лѣтъ), которымъ еще мало доступны существующіе у насъ журналы болѣе старшаго возраста. При этомъ „Семья и Школа“ ставитъ своей задачей одинаково примѣняться какъ къ интересамъ дѣтей, учащихъ въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и къ пониманію учениковъ начальной народной школы.

„Семья и Школа“ состоитъ изъ 12-ти ежемѣсячныхъ книжекъ журнала и 6 отдѣльныхъ книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“.

Не привлекая своихъ подписчиковъ никакими преміями, ни такъ называемыми бесплатными приложеніями, редакція „Семьи и Школы“ обращаетъ исключительное вниманіе на внутреннее достоинство самаго журнала, на тщательный подборъ матеріала, доступнаго и занимательнаго для дѣтей и выдержаннаго въ педагогическомъ отношеніи, а также и на его изящную виѣшность. Для послѣдней цѣли текстъ журнала тщательно иллюстрируется художественно-исполненными рисунками, и, кромѣ того, въ каждой книжкѣ помѣщаются отдѣльныя картинки.

Имѣя въ виду распространеніе журнала въ школахъ, каждая книжка „Семьи и Школы“ составляется такимъ образомъ, чтобы ее легко было, при желаніи, раздѣлить на части, и большія произведенія, печатавшіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, можно было бы въ концѣ года переплести въ одну книгу.

Въ „Семьѣ и Школѣ“ принимаютъ участіе: Е. А. Бакунина, И. А. Блюсовъ, Е. Волкова, Н. А. Гольцева, С. Г. Григорьевъ, С. Д. Дрожжичъ, П. Засодимскій, П. П. Инфантьевъ, В. В. Капелькичъ, О. Карышева, А. А. Кизаветтеръ, С. А. Князьковъ, Н. К. Кольцовъ, М. А. Круковский, Т. Н. Львовъ, Вл. Львовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. И. Митропольскій, Н. Новичъ, Юр. Новоселовъ, К. Д. Носиловъ, Сергій Орловскій, О. П. Рунова, С. И. Рербергъ, А. Н. Рождественская, Р. Рубинова, В. Г. Рудневъ, П. Н. Сакулякъ, А. Серафимовичъ, В. Д. Соколовъ, П. П. Сужкивъ, Н. Д. Телешевъ, М. В. Тиличева, В. Н. Харузина и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за 12 книжекъ „Семьи и Школы“ и за 6 книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“: съ доставкой и пересылкой 3 р. въ годъ. Безъ доставки въ Москвѣ 2 р. 50 к. За границу 5 р. Подписка на полгода 1 р. 50 к. (принимается исключительно въ редакціи). Подписка безъ доставки принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и книжныхъ магазинахъ „Трудъ“ и Н. Карбасникова. Пробный номеръ журнала высылается изъ редакціи за три семикопеечныя марки. Гг. учителямъ, желающимъ ознакомиться съ журналомъ, пробный номеръ высылается бесплатно. Оставшіеся комплекты журнала за прежніе годы продаются въ редакціи и конторѣ Н. Печковской по 3 руб. кромѣ 1908 г., который за израсходованіемъ почти всѣхъ экземпляровъ продается по повышенной цѣнѣ за пять рублей. Иногородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа“: Москва, Гончарная ул., д. № 17.

Редакторъ-Издатель Вл. Львовъ.

IV-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 г.

IV-й годъ изданія.

на большую политическую, экономическую общественную и литературную газету

„ГОЛОСЪ МОСКВЫ“.

Подписная цѣна:

			Льготная подпис. для лицъ духовн. зван., военныхъ, учителей и студ.					Льготная подпис. для лицъ духовн. зван., военныхъ, учителей и студ.	
на 12 мѣс.	9 р.	— к.	6 р.	— к.	на 6 мѣс.	4 р.	75 к.	3 р.	— к.
„ 11 „	8 „	50 „	5 „	50 „	„ 5 „	4 „	— „	2 „	50 „
„ 10 „	7 „	75 „	5 „	— „	„ 4 „	3 „	25 „	2 „	— „
„ 9 „	7 „	— „	4 „	50 „	„ 3 „	2 „	50 „	1 „	50 „
„ 8 „	6 „	25 „	4 „	— „	„ 2 „	1 „	80 „	1 „	10 „
„ 7 „	5 „	50 „	3 „	50 „	„ 1 „	— „	90 „	— „	60 „

Выписывающіе за границу платять вдвое.

Отвѣтств. редакторъ П. И. Смирновъ.

Издатель: „Московское Товарищество для изданія книгъ и газетъ“.

XVI годъ

въ 1910 году

годъ XVI

„ЖУРНАЛЬ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будетъ выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1910 года.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкой и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣднія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платять, при подпискѣ въ Главной Конторѣ, по 5 рублей въ годъ.

Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю, съ приложениями—по 2 рубля.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки и объявленій уступкою 10%, за продажу отдѣльныхъ книгъ—25%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для печатанія въ „Журналъ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 к. за строчку, 8 руб. за страницу и 4 руб. за полстраницы.

Редакція „Журнала Министерства Юстиціи“ находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ **В. В. Дерюжинскій.**

Открыта подписка на 1910 г.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Запросы Жизни“,

вѣстникъ культуры и политики, издаваемый съ октября т. г. въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи М. М. Ковалевскаго и Р. М. Бланка.

и сотрудничествѣ: К. К. Арсеньева, Ѳ. Д. Бажушкова, А. Н. Бенуа, проф. М. В. Бернадкаго, проф. В. М. Бехтерева, П. Д. Воборыкина, проф. А. К. Бороздина, В. Я. Богучарскаго, А. И. Браудо, И. К. Брусиловскаго, А. М. Бѣлова, проф. А. Н. Веселовскаго, В. В. Водовозова, В. П. Воронцова, проф. Ю. С. Гамбарова, М. Б. Ганнушкина, А. Г. Горьфельда, проф. Н. А. Гредескуда, А. Г. Гросмана, Л. Я. Гуревичъ, Эдуарда Давида, И. Л. Давидсона, проф. В. Э. Дена, Д. А. Дриля, И. В. Жилкина, П. И. Звѣздича, проф. И. И. Ивановкова, проф. Н. И. Карѣева, Д. М. Койгена, А. Н. Котельникова, В. Кричевскаго, проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, М. И. Кулишера, прив.-доц. І. М. Кулишера, Г. А. Ландау, Д. А. Левина, проф. П. Ф. Лесгафта, С. И. Лисенко, А. В. Луначарскаго, проф. И. В. Лучицкаго, проф. А. А. Мануйлова, проф. И. И. Мечникова, Л. Е. Моцкина, Н. К. Муравьева, проф. Д. Н. Овсяннико-Кудиковскаго, проф. И. X. Озерова, Л. Ф. Пантелѣева, проф. Л. І. Петражицкаго, проф. А. С. Посникова; М. Б. Ратнера, проф. Н. М. Рейхесберга, Е. К. де-Роберти, Н. С. Русанова, Я. Л. Сакера, Д. В. Сатурина, проф. В. В. Святловскаго, М. А. Славинскаго, Л. З. Слономскаго, Н. Д. Соколова, проф. Е. В. Тарле, проф. К. А. Тимирязева, В. Ѳ. Тотаміанца, М. Л. Тривуса, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго, Г. А. Фальборка, проф. М. И. Фридмана, Н. В. Чехова, М. А. Чеховой, проф. М. П. Чубинскаго, проф. А. А. Чупрова, Л. И. Шейниса, И. И. Шрейдера, Л. Я. Штернберга и др.

Программа „ЗАПРОСОВЪ ЖИЗНИ“:

I. Статьи по очереднымъ вопросамъ политической, экономической, социальной, литературной и научной жизни Россіи и Запада. II. Обзоръ послѣдней недѣли (внутренней и иностранной); дѣятельность парламентовъ, дѣйствія правительства, жизнь партій, социальное движеніе, мѣстное самоуправленіе, общественная самодѣятельность и пр. III. Документы прогресса. Статьи и сообщ. о ходѣ культуры и социальн. прогресса во всѣхъ странахъ. IV. Корреспонденціи изъ Россіи и изъ-за границы.	V. Журналъ журналовъ: обзоръ русскіхъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ. VI. Рабочее движеніе. VII. Кооперативное движеніе. VIII. Народное образованіе. IX. Обзоръ экономической жизни (внутренней и иностранной). X. Литературный обзоръ. XI. Научный обзоръ. XII. Завоеванія техники. XIII. Русская и иностранная библиографія. XIV. Театръ. XV. Искусство. XVI. Фельетонъ.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкой: въ Россіи на 1 годъ—5 р., на $\frac{1}{2}$ г.—2 р. 75 к., на $\frac{1}{4}$ г.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—50 к. За границу: на 1 г.—7 р., на $\frac{1}{2}$ г. 4 р., на $\frac{1}{4}$ г.—2 р., на 1 мѣс.—80 к.

Цѣна отдѣльнаго номера съ пересылкой 15 к.

Продолжается подписка на ноябрь и декабрь т. г. Цѣна за 2 мѣсяца—1 р., за 1 м.—50 коп.

Адресъ редакціи и главной конторы: Спб., Б. Московская ул., д. 7.
Телефонъ № 121-29.

Открыта подписка на 1910 годъ

(XV-й годъ изданія)

на иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ
для семьи и школы

„В С Х О Д Ы“.

Въ 1910 году „ВСХОДЫ“ будутъ издаваться при участіи тѣхъ же сотрудниковъ и въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ предыдущіе годы.

Журналъ выходитъ въ концѣ наждаго мѣсяца.

Въ 1910 г. подписчики на „ВСХОДЫ“ получаютъ:

12 №№ большого формата разнообразнаго содержанія. Въ составъ ихъ входятъ: повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные, стихотворенія, историческія повѣсти, сказки, легенды, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и пр. Постоянные отдѣлы: Изъ науки и жизни.—Критическій указатель дѣтской и народной литературы.

Въ виду растространенія журнала въ школахъ, каждая книжка „Всходовъ“ составляется такимъ образомъ, чтобы ее легко было дѣлать на части и произведенія, печатавшіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, можно было соединять въ одну книжку.

12 №№ „Библиотеки Всходовъ“—книжки малаго формата, заключающія въ себѣ каждая цѣлое произведеніе, беллетристическое или научно-популярное.

12 отдѣльныхъ картинокъ на лучшей альбомной бумагѣ.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой: На годъ въ Россіи 5 р., на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ года 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 42 к. За границу 8 р.

Плата за объявл.: 1 стр.—40 р., $\frac{1}{2}$ стр.—20 р., $\frac{1}{4}$ стр.—10 р.

Пробный номеръ высылается за 6 семикопеечныхъ марокъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, 4-я Рождественская, № 8; въ конт. Печковской: Москва, Петровскія линіи, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-изд. Э. Монвижъ-Монтвидъ.

Открыта подписка на 1910 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ

(4-й годъ изданія).

ОРГАНЪ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЬСТВА.

Выходитъ 20 разъ въ годъ книжками отъ 2—4 листовъ.

Подписная цѣна на журналъ 2 р. 50 к. въ годъ, на полгода—1 р. 50 к.

Цѣна отдѣльной книжки 15 коп.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Полянка, Успенскій переулокъ, домъ 8, кв. 2.

Редакторы-издатели: Н. В. Тулуповъ и П. М. Шестаковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1910-й годъ.

(Девятнадцатый годъ изданія.)

Въ 1910 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе „Богословскаго Вѣстника“ на прежнихъ основаніяхъ.

Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совмѣстно съ приложеніемъ книги преп. Исаака Сиріна

Восемь рублей съ пересылкой.

Прим. Безъ пересылки **семь** рублей, за границу—**десять**.

Допускается подписка на журналъ безъ приложенія (цѣна 7 руб.). Допускается разсрочка на два срока (при подпискѣ 4 руб. и къ 1 іюля 4 руб.).

Подписавшіеся на журналъ безъ приложенія пользуются такой разсрочкой ва два срока—при подпискѣ 4 руб. и къ 1 іюля 3 руб.

За перемѣну адреса 20 коп.

Прим. Подписчики „Богословскаго Вѣстника“ со всѣхъ изданій редакціи пользуются скидкой отъ 20—30%, въ зависимости отъ размѣровъ заказа.

Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакціи „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ орд. проф. Н. Заозерскій.

Открыта подписка на 1910 годъ

НА ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“,

и

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

издаваемый при С.-Петербургской Духовной Академіи.

Условія подписки на 1910 годъ.

Въ Россіи: а) за оба журнала—**8** (восемь) руб. б) Отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ **5** руб. (пять), за „Христіанское Чтеніе“ **5** руб.

За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **10** (десять) руб., за каждый журналъ отдѣльно—**7** (семь) руб.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ.

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій пр., д. № 166, кз. 27), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при „Церковномъ Вѣстникѣ“.

Допускается подписка на журналы съ разсрочкою платежа подписныхъ денегъ: при подпискѣ на оба журнала—3 р., къ 1 мая—3 р., къ 1 октября—2 р., при подпискѣ на одинъ журналъ—3 р. и къ 1 іюля—2 р.

Комиссіонерамъ по доставкѣ подписки на журналъ предоставляется 30%.

ОБЪ ИЗДАНИИ
ЗАПИСОКЪ

МОСКОВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

(десять выпусковъ въ годъ.)

Программа журнала: Оригинальныя изслѣдованія и работы по вопросамъ техническимъ и социальнo-экономическимъ; обзоры и библиографія; переводныя статьи. Отчеты изъ жизни Общества; отдѣльныя приложенія изъ законченныхъ трудовъ отдѣловъ Общества или отдѣльныхъ членовъ.

Подписная цѣна „Записокъ“: за годъ съ пересылкой и доставкой 5 руб., за полгода 3 руб., безъ пересылки и доставки за годъ 4 руб. 50 коп., за полгода 2 руб. 50 коп.

Подписка принимается: 1) въ книжномъ магазинѣ Н. Лидертъ, Москва, Петровскія линіи, и 2) въ редакціи „Записокъ“, Мясницкая, М. Харитоньевскій пер., д. № 4.

5-й годъ изданія.

Открыта подписка на 1910 годъ
на журналъ

МОСКОВСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Редакторъ журнала **Кн. Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ.**

Ближайшіе сотрудники: Н. В. Давыдовъ, С. А. Котляревскій, Н. Н. Львовъ, В. А. Маклаковъ, А. Л. Погодинъ, П. Б. Струве и кн. Г. Н. Трубецкой.

Условія подписки: за годъ—5 руб., за 6 мѣс.—3 руб., за 3 мѣс.—1 руб. 50 коп. За границу вдвое.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и въ конторѣ редакціи.

Адресъ конторы: Москва, Пречистенскій бул., д. Кальмееръ. Тел. 127—18.

Открыта подписка на 1910 годъ на журналъ

ПСИХОТЕРАПІЯ.

Обозрѣніе вопросовъ психическаго лѣченія и прикладной психологій,

издаваемый при участіи А. Н. Бернштейна, Ю. В. Каннабиха, Н. Е. Осипова, подъ редакціей Н. А. Вырубова.

Журналъ будетъ выходить каждыя два мѣсяца книжками не менѣе трехъ листовъ. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой четыре рубля, за границу—пять рублей. Цѣна отдѣльной книжки 75 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „ПСИХОТЕРАПИИ“ Москва, Плющиха, М. Трубною пер., 5. Телеф. 103—41, и во всѣхъ книжн. магазин.

Статьи въ заказн. бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи.

Авторы помѣщаемыхъ въ журналъ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ. О каждой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ заявлено въ ближайшей книгѣ журнала.

Открыта подписка на 1910 годъ

(14-й годъ издавiя)

на единственное въ Россiи литературное художественное иллюстрированное издание

Новый журналъ Литературы, Искусства и Науки

(бывш. В. И. Булгакова, редактора газ. „Новое Время“).

Новый журналъ печатаетъ все выдающееся, оригинальное и характерное, почерпая свое содержанiе изъ этого фонда мировой культуры, ея идей и стремленiй, который долженъ быть предметомъ любознательности для всѣхъ мыслящихъ и интеллигентныхъ людей.

ПОДПИСЧИКИ НОВАГО ЖУРНАЛА ПОЛУЧАЮТЪ ВЪ ТЕЧЕНIЕ ГОДА:

12 книгъ ежемѣсячнаго литературнаго, художественнаго журнала, со множествомъ рисунковъ, большого формата in 8°, отпечатаннаго въ художественной типографiи на плотной глазированной бумагѣ, четкими шрифтомъ.

12 книгъ новѣйшихъ произведенiй слѣд. авторовъ: Поль Бурже, Жюль Кларети, Октавъ Мирбо, Анатоль Франсъ, Жоржъ Оне, Артуръ Шницлеръ, Шоломъ Ашъ, Г. Уэльсъ, Оскаръ Уэльдъ, Гемфри Уордъ, П. Бенсонъ, Перси Уайтъ.

Подписавшiеся и уплатившiе сполна годовую цѣну журнала до 30 декабря 1910 г. получаютъ бесплатно новое художественное издание.

Открыта подписка на 1909—1910 годъ

на ежемѣсячный, иллюстрированный, научный, литературн. журналъ

II годъ
съ окт. 1909 г.
по окт. 1910 г.

„МІРЪ“

II годъ
съ окт. 1909 г.
по окт. 1910 г.

Въ журн. „МІРЪ“ прим. участiе выдающ. литераторы, учеп. и публицисты. Въ 1909—1910 гг. всѣ годовые подписчики журнала „МІРЪ“, внесшiе полную годовую плату, получаютъ:

12 №№ журнала большого формата, каждый объемомъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ (40.000 буквъ).

Альбомъ изъ 24 картинъ знам. художн. въ краскахъ, на мѣловой бумагѣ, въ роскошн. пакѣтѣ. Альбомъ картинъ будетъ высланъ годовымъ подписчикамъ журнала „МІРЪ“ тотчасъ по ихъ подп. скѣ.

Живыя рѣчи Л. Н. ТОЛСТОГО.

Подписная цѣна на журналъ „МІРЪ“ со всѣми приложенiями съ доставкой и пересылкой:

Во всѣ мѣстности Россiи: на годъ 5 р., на полгода 3 р. За границу: на годъ 8 р., на полгода 5 р.

Для сельск. священниковъ, учителей, фельдшеровъ и земск. служащ. допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ 2 р., каждыя три мѣсяца по 1 р.

При коллентивной подпискѣ служащихъ въ различныхъ учрежденiяхъ, допускается скидка въ размѣрѣ 10% или на каждыя 10 экз. высылается 1 экз. бесплатно.

Адресъ редакцiи: С.-Петербургъ, Лиговская, № 47.

Подробн. проспектъ о журналѣ и катал. книгоиздательства высылаются бесплатно.

Редакторъ Л. Л. Богумескiй.

Издатель В. Л. Богумескiй.

Объ изданіи журнала

Вѣра и Разумъ

въ 1910 году.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **два раза** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т.-е. годичное изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ конторахъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ „Новаго Времени“.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ **семь рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Преосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вѣпомоществованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Открывается подписка на 1910 годъ
на журналъ

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

(45-й годъ изданія).

издаваемый **М. М. Ковалевскимъ**, подъ редакціей **К. К. Арсеньева**, при ближайшемъ участіи: И. В. Жилкина, М. М. Ковалевскаго, Н. А. Котляревскаго, В. Д. Кузьмина-Караваева, А. С. Посникова, Л. З. Слонимскаго и К. А. Тимирязева.

Кромѣ снимковъ и портретовъ историческихъ дѣятелей, исполненныхъ английской гелиографіею REMBRANDT ITAGLIO, въ 1910 году въ журналѣ будутъ помещаемы художественныя приложенія по отдѣлу искусства: такъ, въ первыхъ книжкахъ будутъ даны главные типы „Горе отъ ума“ въ постановкѣ Московскаго Художественнаго театра (исполненные въ краснахъ фирмой MEISENBACH, RIFFARTH & CO въ БЕРЛИНѢ по рисункамъ художника В. И. РОССИНСКАГО).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На ¼ года.
Безъ доставки въ СПБ. и Москвѣ	15 р. 50 к.	3 р. 90 к.
Съ доставкой въ СПБ. и Москвѣ	16 „ —	4 „ —
Съ пересылкой	17 „ —	4 „ 25 „
За границу	19 „ —	5 „ —

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала: СПБ., Загородный пр., 14 (Тел. 74-51); и въ московск. конторѣ журн.: Б. Никитская, 5 (Телеф. 57-86). Подписка принимается также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ и провинціи. Подробн. проспектъ высылается по требованію бесплатно.

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

продаются «Труды Московскаго Психологическаго Общества»:

Выпускъ II. Иммануиль Кантъ. Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ. Пер. Влад. Соловьева. Изд. третье. Цѣна 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 р. 40 к.

Выпускъ III. О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ Психологическаго Общества. Цѣна 2 руб. съ перес. 2 р. 25 к.

Выпускъ IV. Г. В. Лейбницъ. Избранныя философскія сочиненія съ портретомъ Лейбница, подъ ред. В. П. Преображенскаго. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. За пересылку 25 к.

Выпускъ VI. Э. Кердъ. Гегель. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ кн. С. Н. Трубецкаго. Съ приложеніемъ статьи о Гегелѣ Вл. С. Соловьева. Цѣна 1 р. 50 к.

Изданія Московскаго Психологическаго Общества:

К. Фишеръ. Артуръ Шопенгауэръ. Перев. съ нѣмец. подъ ред. В. П. Преображенскаго. М. 1895. XVI + 521 стр. Ц. 3 р.

Г. А. Гирнъ. Анализъ вселенной въ ея элементахъ. Переводъ съ французскаго. Съ предисловіемъ С. И. Старынкевича. Цѣна 2 руб.

Фр. Паульсенъ. Введеніе въ философію. 3-е изд. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 3 руб.

И. А. Вальтеръ. Основной двигатель наследственности. Ц. 40 к.

Средина и постоянство. Переводъ съ китайскаго Д. П. Ко-нисси. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

М. С. Корелинъ. Ранній италіанскій гуманизмъ и его историографія. Критическое изслѣдованіе. Т. I. Ц. 3 р.

Его же. Очерки италіанскаго возрожденія. Изд. 2-ое. Ц. 1 р.

Его же. Очерки изъ исторіи философской мысли въ эпоху возрожденія. Міросозерпаніе Франческо Петрарки. Ц. 40 к.

В. Н. Ивановскій. Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота. Ц. 30 к.

Его же. Предметная система въ нашихъ университетехъ и ея примѣненіе къ философскимъ наукамъ. Ц. 40 к.

А. Бэнъ. Психологія т. II. Переводъ и предисловіе Вл. Н. Ивановскаго. М. 1906 г. Ц. 2 р. 50 к., студентамъ 1 р. 75 к.

Фр. Паульсенъ. Основы этики. Перев. съ (разрѣш. автора) 6-го нѣмецк. изд. подъ редакц. Вл. Н. Ивановскаго. М. 1907. Ц. 2 р. 40 к.

Н. Я. Гротъ. О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Опытъ философскаго построенія. Ц. 70 к.

Л. Лопатинъ. Князь С. Н. Трубецкой и его общее философское міросозерпаніе. Ц. 40 к.

Кн. С. Н. Трубецкой. Полное собраніе сочиненій въ 6 томахъ. Ц. по подпискѣ 12 руб. Вышли: I, II, III, IV томы. I и IV т.т. по 2 р. 50 к., II и III т.т. по 3 р.

Н. Д. Виноградовъ. Философія Давида Юма Часть I. Теоретическая философія. Ц. 1 р. 25 к.